МИХАИЛ ОРЛОВ

Александр Бондаренко

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

МИХАИЛ ОРЛОВ А. Бондаренко

ЖЗЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Михаил Фёдорович Орлов (1788-1842) — один из самых романтических, ярких и загадочных персонажей российской истории первой половины XIX столетия. Племянник екатерининских фаворитов братьев Орловых — князя Григория и графа Алексея Чесменского, — он получил боевое крещение при Аустерлице, в рядах Кавалергардского полка. В 1812 году был поручиком, но выполнял личные задания Александра I и встречался с Наполеоном; разведчик, партизан, боевой командир — 19 апреля 1814 года он подписал капитуляцию Парижа и получил чин генерал-майора. В том же году ему пришлось решать судьбу Норвегии…

Член литературного общества «Арзамас», Орлов дружил с А. С. Пушкиным, П.А. Вяземским, Д.В. Давыдовым, другими известными литераторами; он стоял у истоков первых тайных организаций в России и был готов самовольно двинуть свою 16-ю пехотную дивизию на помощь восставшим против турецкого владычества грекам, а потом прийти в Петербург… Флигель-адъютант императора, М.Ф. Орлов мог сделать карьеру не менее блистательную, чем его родной брат Алексей — председатель Государственного совета и Комитета министров, возведённый в княжеское достоинство, — но не сбылось…

- Александр Бондаренко
  -
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - Глава первая.
  - Глава вторая.
  - Глава третья.
  - Глава четвёртая.
  - Глава пятая.
  - Глава шестая.

- Глава седьмая.
- Глава восьмая.
- Глава девятая.
- Глава десятая.
- Глава одиннадцатая.
- Глава двенадцатая.
- Глава тринадцатая.
- Глава четырнадцатая.
- Глава пятнадцатая.
- Глава шестнадцатая.
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ МИХАИЛА ФЁДОРОВИЧА ОРЛОВА
- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73

- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117

- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161

- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205

- 206
- 207
- 208
- 209
- 210
- 211
- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223
- 224
- 225
- 226
- 227
- 228
- 229
- 230
- 231
- 232
- 233
- 234
- 235
- 236
- 237
- 238
- 239
- 240
- 241
- 242

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94

- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138

- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182

- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226

- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270

- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314

- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358

- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390

Александр Бондаренко
МИХАИЛ ОРЛОВ

Жизнь ®
замечательных
людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
76

Светлой памяти моей мамы — Тамары Александровны Бондаренко (Смирновой-Несвицкой), научившей меня видеть, понимать и ценить красоту этого мира, — посвящается

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

28 июня 1762 года в истории государства Российского случился очередной внезапный поворот. Всё началось в Петергофе, летней резиденции российских императоров.

Было раннее утро, только-только завершившее короткую белую ночь, но с разных концов прекрасного Петергофского парка уже доносились громкие птичьи голоса, а яркое и пока ещё холодное солнце просвечивало сквозь чуть качающуюся резную листву клёнов, вспыхивало на каплях покрывающей траву росы, обещая день тихий, погожий и безоблачный… В идиллическую картину эту никак не вписывался рослый сержант лейб-гвардии Преображенского полка, спешивший по пустынной боковой аллее к небольшому павильону, расположенному близ Монплезира, бывшего некогда любимым дворцом Петра Великого. Сержант этот казался единственной живой душой во всём огромном парке — не только по причине столь раннего часа, но и потому, что двор императора Петра III тогда пребывал в Ораниенбауме, в восьми верстах от Петергофа.

На обезображенном шрамом лице преображенца читались тревога и решительность, мундир его был запылён, но вряд ли кто мог себе представить, что этот человек является предвестником той грозы, что в ближайшие несколько часов разразится в Санкт-Петербурге и его пригородах, прокатится по всей России, а затем отзовётся в Европе. Уверенно сержант прошёл в одну из комнат павильона и, без стука открыв дверь, остановился на пороге: «Государыня! Пассек[1] арестован! Не теряйте ни минуты, спешите!»

Молча выслушав принесённое им опасное известие, молодая женщина, лежавшая на кровати под балдахином, приподнялась на подушке и прямо взглянула на вошедшего — в глазах её было больше злой решимости и даже азарта, нежели испуга. Не дожидаясь ответа, сержант по-военному резко наклонил голову, прищёлкнув каблуками, чётко повернулся налево кругом (так именовался тогда этот строевой приём) и стремительно вышел из комнаты.

Через несколько минут жена императора Петра Фёдоровича императрица Екатерина Алексеевна, сопровождаемая одной лишь своей горничной, спустилась по крыльцу в пустоту парка. Ей не пришлось ждать — почти сразу к дверям павильона с грохотом подкатил экипаж, запряжённый цугом, четырьмя парами лошадей.

«Вот ваша карета!» — крикнул тот же Преображенский

сержант, спрыгивая с козел и открывая дверцу. Буквально через минуту Екатерина Алексеевна, заняв место в экипаже, мчалась по направлению к Санкт-Петербургу. Сержант стоял на запятках, пряча лицо от ударов встречного ветра, и истово молился: «Господи, пронеси! Не дай погибнуть…» Если его спутнице давно уже грозило заточение в монастырь или позорное изгнание из страны, то ему в случае неудачи путь был только один — на плаху.

Открытую коляску, стремительно приближавшуюся со стороны столицы, императрица и сержант заметили одновременно. Испуг и волнение, с которыми каждый из них вглядывался в правившего этой коляской человека, сменились радостью, когда удалось разглядеть его зелёный артиллерийский кафтан. Тем временем мчавшийся им навстречу офицер натянул вожжи, останавливая и поворачивая лошадей, крикнул: «Всё готово!», после чего сразу же пустил свою тройку в обратную сторону. Карета поспешала за ним, и бешеная эта гонка продолжалась до самой слободы лейб-гвардии Измайловского полка…

Так начинался дворцовый переворот 28 июня 1762 года.

Сержанта лейб-гвардии Преображенского полка звали Алексеем Григорьевичем Орловым. Вечером того же дня он станет генерал-майором, а через несколько дней, вместе со всеми своими братьями, будет возведён в графское достоинство. Именно этот человек являлся истинной душой заговора. Капитан артиллерии был его братом — Григорием Григорьевичем Орловым, любовником императрицы, также сразу произведённым в генерал-майоры и действительные камергеры и назначенным генерал-адъютантом. Но всё это было только началом возвышения!

«Попали в честь тогда Орловы…» — напишет почти 60 лет спустя после изложенных нами событий Александр Сергеевич Пушкин. К тому времени так называемый «золотой век Екатерины» давно уже закончится и все его герои, все активные действующие лица той эпохи, уйдут в прошлое.

Герои ушли, но остались их потомки, и наш рассказ будет об одном из них. Предшествующие же события и людей той эпохи мы должны вспомнить лишь постольку, поскольку без них ничего последующего не было бы…

Глава первая. «ПОПАЛИ В ЧЕСТЬ ТОГДА ОРЛОВЫ»

А.С. Пушкин писал:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних[2], верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин[3].
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин{1}.

Не будем касаться фельдмаршала Миниха, который, убедившись в том, что дело Петра III безнадёжно проиграно, присягнул-таки Екатерине; нас мало волнует и пушкинский дед, двухлетнее заточение которого в крепости представляется семейной легендой, ибо всего через год после переворота он вышел в отставку с повышением в чине. Но вот Орловы… Разве представители этой звучной фамилии лишь тогда оказались «в чести»?

Впрочем, откроем Русский биографический словарь:

«Орловы — дворяне, графы и князья. Орловы — одна из самых распространённых фамилий в России среди всех классов общества…

Как это часто бывает, фамилии очень распространённые не всегда являются синонимом древности. Среди русского дворянства фамилия Орловых одна из многочисленных, но, тем не менее, к древнему дворянству принадлежит только один род Орловых, ведущий… своё происхождение от “мужа честна Льва”, выехавшего из “немецъ” в Россию к великому князю Василию Дмитриевичу в 1393 году; к старому дворянству, т. е. восходящему не далее конца XVI или начала XVII века, можно отнести также один род, представители которого долгое время спустя были при императрице Екатерине II возведены в графское и княжеское достоинство и сделались первыми людьми в государстве; затем следует упомянуть один род, хотя и восходящий к XVII веку, но совершенно ничтожный по общественному положению своих представителей, не поднимавшихся выше подьячих[4]; и, наконец, четвёртый,

ведущий своё начало со времён Петра и происходящий от Ивана Трофимовича Орлова… видимо попал в дворянство по “Табели о рангах”[5]. Вот и все более-менее достойные упоминания роды Орловых, если не считать графов Орловых-Денисовых, принадлежащих к казацкому дворянству, которое в генеалогическом отношении не представляет ничего выдающегося, так как не восходит далее XVIII столетия; все остальные многочисленные дворянские роды Орловых нового происхождения и восходят в громадном большинстве случаев к XIX веку»{2}.

Казалось бы, всё ясно. Но как обидно для самих носителей фамилии! Тут ведь и Пушкин, представитель пусть и, как сказано в том же словаре, «второразрядной аристократии», но род которого восходил к XIII столетию, мог иронизировать в своих стихах, и в биографических справочниках писали весьма туманно: «Род Орловых, два раза возвышавшийся в княжеское достоинство, представляется всё же до того необследованным, что происхождение его является для самих представителей фамилии загадочным до XVIII века. Так что первым хорошо известным лицом был новгородский губернатор Григорий Иванович Орлов, а отчества деда своего сыновья этого губернатора не помнили или, по крайней мере, не высказывали»{3}. Вот почему и в грамоте императора Франца — до воцарения императора Павла I российские подданные жаловались княжескими титулами Священной Римской империи, — «возведшего Григория Григорьевича Орлова в князья есть намёк о пяти поколениях благородных предков»{4}. Откуда пошёл намёк — от самого ли будущего князя или от его царственной подруги, можно только гадать. Просто родовитость тогда была в почёте.

Нам же упражняться в догадках не имеет смысла, а потому расскажем лишь о тех предках нашего героя, о которых известно доподлинно. Или — более-менее точно. Времена-то были «не письменные», да и архивных документов, по различным причинам, впоследствии сохранилось не так уж много.

Итак, его родной дед — действительный статский советник Григорий Иванович Орлов, никогда им не виденный. Сын стряпчего[6] по имени (предположительно) Иван Иванович[7], он родился в Тверской губернии в 1685 году, то есть в период совместного царствования юных Иоанна и Петра при реальном управлении державой их старшей сестрой царевной Софьей. Однако скоро всё переменилось: четыре года спустя «правительница», как официально именовалась Софья, была заточена в Новодевичий монастырь; Иоанн, всё ещё называемый царём, оказался фактически отодвинут от государственных дел[8],

а Пётр теперь властвовал единолично и, по выражению Пушкина, «Россию поднял на дыбы». Поэтому в достаточно ещё нежном возрасте Григорию Орлову пришлось надевать солдатский мундир и отправляться в военный поход, продолжавшийся, можно сказать, всё петровское царствование. Орлов участвовал в кампаниях против шведов и турок — дрался, очевидно, отважно, потому как был замечен и отмечен государем: наградой ему стал царский портрет на золотой цепи, — и уже в 1722 году был произведён в чин полковника Ингерманландского полка, считавшегося чуть ли не личной гвардией всесильного князя Меншикова[9]. Затем Григорий Иванович служил Екатерине I и Петру II, а ушёл с ратного поприща в конце правления Анны Иоанновны, в 1738 году, будучи отставлен с производством в чин генерал-майора. В то же царствование он женился, взяв себе в супруги шестнадцатилетнюю Лукерью Ивановну Зиновьеву. В браке Григорий Иванович проявил известную орловскую «любовную пылкость» (впоследствии чудесным образом определившую судьбу его сына Григория), так что в семье его в непродолжительное время появилось девять сыновей, четверо из которых умерли в младенчестве. Другой вариант, что детей было шестеро и умер из них только один — Михаил (род. 1741). Вскоре Елизавета Петровна вновь призвала Орлова на службу, теперь уже по партикулярной линии, так что он был переименован в действительные статские советники и назначен новгородским губернатором (или вице-губернатором, данные опять-таки разнятся), каковую должность исправлял не более года. В 1746 году Григорий Иванович скончался, оставив молодую вдову с пятью детьми и двумя тысячами крепостных душ.

Как же сложилась судьба этого орловского «выводка»? Вопрос, имеющий значение не только для нашего повествования, но и для российской истории, ибо все они в той или иной степени способствовали восшествию на престол императрицы Екатерины, за что, повторим, все были возведены в графское достоинство.

Старшим из братьев был Иван Григорьевич, год рождения которого нам неизвестен. В знаменитом «Сборнике биографий кавалергардов» (в статье, посвященной Григорию Григорьевичу) написано так: «По смерти отца его место занял старший из братьев Иван: к нему перешли обязанности старшего в роде, на него было перенесено уважение младших, которые, по преданию, в присутствии “старинушки”, “папеньки-сударушки” не садились без позволения»{5}. По окончании Сухопутного шляхетского кадетского корпуса Иван служил лейб-гвардии в Преображенском полку, а после переворота отказался от всех предложенных должностей и вышел в отставку в чине гвардейского капитана (по

другим сведениям — фурьера[10]). Жил в Москве и в пожалованных императрицей поволжских поместьях, управлял неразделёнными имениями Орловых, получая огромную ежегодную пенсию в 20 тысяч рублей; он был женат, но остался бездетным. Скончался Иван Григорьевич в 1791 году.

Вторым из пяти легендарных братьев был Григорий Григорьевич — фаворит Екатерины Алексеевны, по таковой причине возведённый в княжеское достоинство Священной Римской империи с титулом светлости[11]. Родился он в 1734 году, а далее…

«Детство его протекло в доме родителей, в дворянской семье среднего круга, мало образованной, — написано в Русском биографическом словаре. — Военные традиции, заслуженный воин-отец, его рассказы о сражениях, в которых ему пришлось принимать участие, с ранних лет приучали сыновей Орловых смотреть на военную службу как на занятие самое почётное и более всего к ним подходящее. В 1749 году Гр. Гр. Орлова отвезли в Петербург и определили в Сухопутный Кадетский Корпус, где он скоро обнаружил большие способности к языкам и в короткое время выучился говорить по-французски и по-немецки; впрочем, впоследствии Орлов часто жаловался на скудость полученного им в корпусе образования…»{6}

«Сборник биографий кавалергардов» предлагает совершенно иной вариант развития событий — но при тех же датах:

«Неизвестно где и как провёл он детство; в 1749 году он был привезён вместе с братьями Михаилом (вскоре умершим) и Фёдором в Петербург, и в то же время как Иван поступил в Преображенский полк солдатом, Григорий поступил в Семёновский.

По свидетельству Екатерины II, склонной скорее преувеличить, чем умалить достоинства своего любимца, Григорий Орлов не получил никакого воспитания, ничему не учился и настолько плохо знал французский язык, что не мог читать и не понимал французских стихов»{7}.

Каждый читатель может выбрать понравившийся ему вариант, хотя уточним, что документов о поступлении Григория в кадетский корпус не сохранилось — не в пример документам его вышеназванных братьев, действительно в корпусе обучавшихся. Однако отсутствие образования не помешало Орлову не только стать отличным офицером — в частности, он отличился в сражении при Цорндорфе 14 августа 1758 года, где получил три боевые раны, — но и продолжить службу в артиллерии, самом «высокотехничном» тогда роде войск. В 1760 году он был назначен адъютантом к генерал-фельдцейхмейстеру графу Петру

Ивановичу Шувалову, а после кончины оного произведён в капитанский чин и назначен цалмейстером, то есть счетоводом или казначеем канцелярии артиллерийского ведомства.

И опять-таки разночтения… «Сытинская» «Военная энциклопедия», которую редактировали замечательный военный инженер «заслуженный профессор Николаевской Инженерной Академии»[12], генерал-лейтенант К.И. Величко[13] и ряд других известных военных деятелей — то есть издание в достаточной степени официальное, — предлагает несколько иной вариант:

«Раненный трижды под Цорндорфом, Орлов обратил на себя внимание генерал-фельддейхмейстера графа Шувалова, который взял его к себе адъютантом. Рослый, статный и красивый, склонный кутежам и смелым, рискованным похождениям, Орлов скоро составил себе в Санкт-Петербурге репутацию “дон-жуана”. Роман его с княгиней Куракиной, возлюбленной графа Шувалова, повлёк за собою его отчисление от должности адъютанта и перевод в фузилёры гренадерского полка[14], но увеличил популярность Орлова в петербургском обществе. Им заинтересовалась Цесаревна Екатерина Алексеевна (будущая Императрица Екатерина II) и пожелала с ним познакомиться. Смелый, решительный характер Орлова привлёк к нему симпатии Цесаревны, которая и доверила ему свою судьбу»[{8}].

Что ж, вряд ли честолюбивая Екатерина просто искала себе любовника, и её, в порыве легкомыслия, заинтересовал некий «скандальный тип». Не то было время: императрица Елизавета Петровна дышала на ладан, готовясь передать трон племяннику, и великой княгине требовались сторонники, чтобы перехватить престол! Купить надёжного человека нельзя — всегда есть опасность, что кто-нибудь предложит ему больше. Зато у женщины, как известно, есть достаточно безотказный способ, чтоб превратить мужчину в действительно верного единомышленника. Ангальт-Цербстская интриганка была умна и хитра: сделав Григория Орлова своим союзником, именно она помогла ему — кто бы иной хотел и смог это сделать? — стать казначеем канцелярии артиллерийского ведомства. В те времена воровали не намного меньше, нежели сейчас, так что, думается, средств из «оборонного бюджета» хватало и «на революцию» — то есть для привлечения будущей императрице сторонников, и на обеспечение вполне «светской жизни» братьев Орловых. Хотя можно считать, что это были «представительские расходы». Цесаревна, вскоре превратившаяся в жену императора, успешно совмещала приятное с полезным, тем более что будущность её представлялась весьма туманной. Так хотя бы сейчас успеть… Правда, вскоре оказалось, что «приятным» цесаревна слишком уж

увлеклась: 11 апреля 1762 года в Зимнем дворце родился младенец, которого Екатерина Алексеевна тут же отдала на воспитание своему гардеробмейстеру. Известно было, что отцом ребёнка, наречённого Алексеем Григорьевичем Бобринским[15], является Григорий Григорьевич Орлов. Говорить о его матери было не принято. Интересно, что император Павел I, искренне ненавидевший всё, что было связано с фаворитами своей матушки — равно как и саму матушку, сразу же возвёл Бобринского в графское достоинство и произвёл в чин генерал-майора…

По воспоминаниям современников, Орловым вполне можно было увлечься — почему даже расчётливая Екатерина и та потеряла голову и известную осторожность.

«Природа щедро одарила Орлова. Это было, по выражению Императрицы, изумительное существо, у которого всё хорошо: наружность, ум, сердце и душа… Высокий, стройный, он, по отзыву Екатерины, был самым красивейшим человеком своего времени. Превосходя красотой, смелостью и решительностью всех своих братьев, Григорий не уступал никому из них ни в атлетическом сложении, ни в геркулесовской силе. При этом Григорий был несомненно добрый человек, с мягким и отзывчивым сердцем, готовый помочь и оказать покровительство, доверчивый до неосторожности, щедрый до расточительности, не способен затаивать злобу, мстить…»{9}

Эти характерные орловские качества — красоту, удаль и силу, а также щедрость и доброту — мы особенно отмечаем потому, что они перешли и к нисходящему потомству рода, включая, разумеется, и нашего героя.

«Роль Григория Григорьевича в событиях 28 июня 1762 года была одной из первых, — он принимал активное участие во всех главных событиях этого дня; конечно, инициатором и самым энергичным распорядителем этого дела был его брат Алексей, а другие, в том числе и Григорий Орлов, являлись только исполнителями хорошо задуманного плана; Григорию Орлову выпала в эти дни более почётная роль — находиться всюду при Императрице и быть ею при всех отличаемым»{10}.

Отличий было немало, и продолжались они… ну, ещё некоторое время.

«В день восшествия Екатерины II на престол он был пожалован в звание действительного камергера, в день коронации произведён в генерал-поручики, назначен генерал-адъютантом, возведён в графское достоинство, пожалован кавалером орденов святого Александра Невского и святого Андрея Первозванного, сделан шефом кавалергардского корпуса и подполковником лейб-

гвардии Конного полка, награждён деньгами, крестьянами и мызами Ропша и Гатчина. В 1764 году Орлов был произведён в генерал-аншефы, а в 1765 году занял пост генерал-фельдцейхмейстера»[11].

Изумительно! Пять лет тому назад он состоял при генерал-фельдцейхмейстере адъютантом… Ко всему прочему следует ещё добавить возведение в княжеское достоинство Священной Римской империи в 1772 году — и это были лишь основные полученные им награды.

Между тем бесхитростный Орлов желал гораздо большего: возведя Екатерину на престол, он вскоре предложил ей обвенчаться. Ответ императрицы был прост: «Россия не допустит, чтобы ею управляла госпожа Орлова». Про «общего» ребёнка она, разумеется, при этом и не вспомнила…

А в 1772 году Григорий Григорьевич не был допущен в Петербург — его фавор окончательно завершился. В 1777 году он женился на своей двоюродной сестре, Екатерине Николаевне Зиновьевой, чем вызвал гнев императрицы; после того Орлов жил за границей, в 1782 году овдовел и через год скончался, так же, как и Иван, официально оставшись бездетным.

Третьим и самым известным из братьев был Алексей Григорьевич Орлов, родившийся не то в 1735-м, не то в 1737 году.

«Мы не знаем ничего о его воспитании, не знаем, какое получил он образование. Современники говорили, будто он воспитывался в Сухопутном кадетском корпусе, будто участвовал в Семилетней войне и получил несколько ран; но эти сведения, хотя и вполне вероятные, ничем не подтверждаются. В формулярном списке Орлова не упомянуто о ранах, полученных в Семилетнюю войну, и несомненна одна только рана, нанесённая ему лейб-компанцем Шванвичем после трактирной ссоры — шрам на левой щеке…»[12]

В 1749 году он поступил в Преображенский полк, где вскоре прославился буйным образом жизни. Потом, вслед за своим братом, он оказался в рядах и даже во главе партии, которую смогла собрать в свою поддержку честолюбивая великая княгиня Екатерина Алексеевна. «Алексей Григорьевич был душой этой партии. Его энергии, хладнокровию и распорядительности Екатерина была обязана успешным выполнением своих замыслов; он сумел сохранить тайну готовившегося переворота до последних дней, а когда явилось подозрение и был арестован Пассек, Алексей Григорьевич смело, ранее назначенного времени, привёл в исполнение задуманный переворот»[13].

О том, как это происходило, мы знаем приблизительно, ибо

об одном и том же событии разные люди рассказывают совершенно по-разному: мол, всё было организовано княгиней Дашковой[16], но Алексей Орлов это утаил, чтобы «присвоить в пользу своей фамилии честь революции»{14}; и что в карете с императрицей были не только горничная, но и парикмахер, а в коляске с Григорием Орловым — князь Барятинский[17]; и что Екатерина при встрече с Орловым пересела к нему… Однако нам до этих подробностей нет никакого дела, ибо сути произошедшего они не меняют.

Гораздо более важны подробности смерти — или гибели? — низложенного императора Петра III в Ропше, при которой присутствовал Алексей Григорьевич и о которой он затем самолично доложил Екатерине. Но тайна эта так и останется тайной. Гадать, кем был в данном случае Алексей Орлов — очевидцем, соучастником или убийцей, — бесполезно, а потому и бессмысленно. Аминь!

Зато точно известно, что он был единственным из братьев, кто сыграл по-настоящему заметную роль в наступившем царствовании.

«Когда с началом 1-й войны с Турцией (1769–1774. — *А. Б.)* было решено нанести ей удар на море, и для этой цели в Средиземное море были посланы эскадры Спиридова и Эльфинстона, Орлов был поставлен во главе их. В июне 1770 года он истребил турецкий флот при Чесме и занял все крупные острова Адриатического архипелага, в 1771 году взял крепость Митилену, затем руководил действиями нашего флота, разбившего турок при Каире и Бейруте и истребившего турецкую флотилию при Патрасе. Наградами ему за эти подвиги были орден Святого Георгия 1-го класса, наименование “Чесменский”, осыпанная алмазами шпага, серебряный сервиз и 60 тысяч рублей. В честь его побед была выбита особая медаль, в Царском Селе воздвигнут мраморный обелиск, а в Санкт-Петербурге — императорский замок, названный Чесменским»{15}.

Можно добавить, что это было второе награждение 1-м классом только что учреждённого ордена Святого Георгия — после генерал-аншефа графа Петра Александровича Румянцева. Хотя, конечно, вопрос о том, какую реальную роль сыграл во всех вышеперечисленных победах человек сугубо сухопутный и не имевший опыта командования не то что войсковыми соединениями, но даже и воинскими частями, зато — один из фаворитов императрицы, остаётся открытым.

По окончании турецкой войны, в 1775 году, Алексею Григорьевичу пришлось выполнять личный приказ императрицы по поимке и доставке в Россию так называемой «княжны

Таракановой» — история эта таинственная и достаточно грязная. Быть может, именно поэтому Орлов в том же году вышел в отставку, «уехал в Москву и зажил там жизнью опального вельможи. Удалившись от службы, Алексей Григорьевич предался хозяйственным занятиям, сосредоточив главное своё внимание на ставший вскоре известным конный завод. В Петербург гр. Орлов приезжал редко, так как появление его там было неприятно лицам, окружавшим императрицу, и порождало нежелательные для него толки. С братьями своими граф Орлов поддерживал самые дружеские отношения и вёл с ними обширную переписку»[16].

В 1782 году Алексей Григорьевич женился на Авдотье (Евдокии) Николаевне Лопухиной, однако семейное счастье его оказалось недолгим: в 1786 году его 25-летняя супруга скончалась, оставив ему малолетнюю дочь Анну[18].

С того и пошла чреда больших неприятностей. Перед началом 2-й турецкой войны (1787–1791. — *А. Б.)* императрица предложила Орлову-Чесменскому принять под команду посылаемый в Средиземное море флот, но он отказался, объяснив это болезнью, и вызвал недовольство государыни. В 1796 году Алексей Григорьевич, собираясь отправиться за границу, приехал в Петербург, и здесь его застигло известие о смерти Екатерины II…

Вот тогда-то государь Павел Петрович и посчитался с предполагаемым цареубийцей! Как известно, одновременно с похоронами своей матери Павел I решил перезахоронить в соборе Петропавловской крепости останки своего отца, ранее торопливо и почти что тайно погребённые в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Для этого был тщательно, в мельчайших подробностях, разработан церемониал — новый государь отличался пунктуальностью, — и в нём Алексей Григорьевич занял, пожалуй, ключевое место:

«При перевозке тела Петра III из Александро-Невской лавры в Зимний дворец нёс Императорскую корону, а во время церемонии совместного погребения Екатерины II и Петра III он был дежурным при гробах»[17].

Какие чувства обуревали на этих двойных похоронах «Алихана», как называли Орлова-Чесменского в молодости, сказать невозможно, зато известно, что было очень холодно, что путь от лавры до Зимнего составляет более чем четыре версты, что императорская корона весила несколько килограммов и что Алексею Григорьевичу было уже за шестьдесят… То есть нравственное испытание сопровождалось ещё и физическим.

Потом он уехал за границу и, лишённый императорским

указом пенсии, жил в Лейпциге до 1801 года, когда, получив известие о смерти Павла, немедленно выехал в Россию и возвратился в Москву. В 1806 году, во время очередной войны с Наполеоном, он был избран и утверждён начальником земского ополчения Харьковской, Орловской, Курской и Воронежской губерний — это называлось «командующий милицией V области». Активно занявшись формированием ополчения, граф Орлов-Чесменский проявил немало энергии и практической сметки, щедро жертвовал свои личные средства, удостоился благодарственного рескрипта государя и ордена Святого Владимира 1-й степени.

Эти награды были для него последними — 24 декабря 1807 года граф Алексей Григорьевич скончался в Москве.

Четвёртым и наиболее интересующим нас из братьев Орловых был Фёдор Григорьевич, родившийся в 1741 году. С восьми лет он воспитывался в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, по окончании которого офицером участвовал в Семилетней войне и отличился в ряде сражений. После переворота Екатерина привлекла 22-летнего молодого человека, который был произведён ею в чин капитана лейб-гвардии Семёновского полка, к государственной деятельности:

«В 1763 году Орлову было высочайше поведено находиться в Правительствующем Сенате за генерал-прокурорским столом, а затем он был назначен обер-прокурором Сената и, оставаясь капитаном гвардии, пожалован орденом Св. Александра Невского. В 1767 году Орлов, в качестве депутата Орловской губернии, принимал деятельное участие в трудах Комиссии по составлению нового уложения»{18}.

Граф Фёдор Григорьевич был обер-прокурором — то есть начальником — IV департамента Сената, «ведавшего делами военными и морскими».

Понятно, что все эти высокие назначения были совсем не по его уровню, а потому с началом турецкой войны Орлов с удовольствием оставил партикулярную службу и поступил на эскадру адмирала Спиридова[19], бывшую, как мы помним, под началом его брата Алексея Григорьевича. Естественно, поступил он туда на командные должности.

«Прибывши в Архипелаг, он успел произвести восстание греков, но затем, занявшись осадой мелких прибрежных крепостей, упустил момент, дал туркам возможность укрепиться на суше, и вынужден был оставить греков на произвол судьбы. Взяв крепость Корону, Орлов участвовал в морском сражении близ Чесмы на корабле св. “Евстафий”[20], с которого спас часть экипажа до взрыва; затем принимал участие в сражении при

острове Гидре с восемнадцатью турецкими кораблями, которые он частью разбил, частью обратил в бегство и, наконец, получил назначение командовать частью флота, отряжённою для разорения турецких поселений и крепостей, начиная с Родоса и вдоль кормановского побережья»[19].

После того граф Фёдор Орлов возвратился в Петербург — по состоянию здоровья, не позволившего ему продолжать морские кампании. Императрица произвела его в генерал-поручики, наградила орденом Святого Георгия 2-го класса и шпагой, осыпанной бриллиантами, а в честь него в Царском Селе была поставлена колонна, украшенная ростралами — корабельными носами. Когда же 10 июля 1774 года был заключён Кючук-Кайнарджийский мир, завершивший турецкую войну, Фёдор Григорьевич получил чин генерал-аншефа и, по собственному прошению, был отставлен от службы. Вскоре он уехал в Москву и жил там, лишь изредка наведываясь в столицу. Как сказано в «Биографическом словаре»: «В Москве он занялся воспитанием своих детей (женат он не был, но имел от г-жи Поповой и г-жи Гусятниковой пять сыновей и двух дочерей), литературой и наукой»[20].

Как представляется, список «госпож», от которых имел детей граф Фёдор Орлов, неполон. Ведь в том же издании, но уже в биографии князя Алексея Фёдоровича Орлова, указано: «… родился в Москве 8 октября 1786 года и был сыном генерал-поручика[21] графа Фёдора Григорьевича Орлова и Ярославовой»[21]. Та же фамилия названа и в книге Лии Яковлевны Павловой, биографа М.Ф. Орлова: Татьяна Фёдоровна Ярославова.

Такое вот легкомыслие «большого барина» (считается, что он владел тридцатью тысячами крепостных душ): семеро детей от трёх мам (хотя есть версия, что Гусятникова — девичья фамилия Поповой), и все они дружно живут в его доме под названием «воспитанников». Лишь перед самым концом своей жизни граф Фёдор Григорьевич не то сумел упросить, не то решился попросить императрицу «узаконить» его детей, и указом от 27 апреля 1796 года за всеми «воспитанниками» были признаны дворянские права, фамилия и герб Орловых, но… без графского титула.

Фёдор Григорьевич завещал своим теперь уже законным детям: «Живите дружно, мы дружно жили с братьями, и нас сам Потёмкин не сломал»[22], — и скончался 17 мая 1796 года.

И, наконец, пятый из братьев — Владимир Григорьевич, судьба которого была весьма отличной от всех других Орловых. Он родился в июле 1743 года, детские годы свои провёл в

деревне, на момент переворота ему не было ещё и девятнадцати лет, никакого деятельного участия в подготовке «революции» он принимать не мог. Но всё равно, так же как и четверо его старших братьев, он был возведён в графское достоинство.

Вообще, с братьями Владимиру повезло во всех отношениях: «на 20-м году жизни, по совету братьев, он отправился в Лейпциг, где провёл три года в усердных занятиях в тамошнем университете, в особенности интересуясь науками естественными и астрономией. По возвращении в России гр. Орлов был пожалован в камер-юнкеры и вскоре, рескриптом от 6-го октября 1766 года, был назначен директором Академии наук… Назначая 24-летнего гр. Орлова на пост директора Академии, императрица признавала в нём “довольное в науках сведение, охоту и наклонность к оным”, чтобы с успехом осуществлять её предначертания, касающиеся Академии, которую сама императрица решила взять “в собственное своё ведомство для учинения в ней реформы к лучшему и полезнейшему её поправлению”; императрица убедилась, что академия “в великом нестроении и почти в совершенном упадке”, и в целях исследования вкравшихся беспорядков и устранения их избрала гр. Вл. Гр. Орлова, который по своему времени считался “учёным” и которого сама императрица называла “философом”»[{23}].

Извечная беда российских правителей состоит в их твёрдой уверенности в том, что они во всём разбираются лучше всех, а потому ничтоже сумняшеся стремятся всё реформировать по собственному разумению — порой весьма скудному. Причём в реформах этих они опираются не на профессионалов, а на людей, душевно им преданных и всецело обязанных. Стоит ли удивляться, что у 24-летнего «философа» директорство академии не задалось? Не его это была роль, и даже не его уровень! В очередной раз стало ясно, что личная преданность профессионализма не заменит. К тому же государыня то брала его с собой в путешествие по Волге, то он болел и на два года отправлялся лечиться за границу… Потом Екатерина Алексеевна к Орловым охладела, так что на исходе 1774 года Владимир Григорьевич был как бы по собственному прошению уволен от тяготившей его директорской должности, получив при этом чин генерал-поручика. (Отметим для сравнения, что Александр Васильевич Суворов в том возрасте — 31 год — не дослужился даже ещё и до полковника.) Как видим, «к своим» Екатерина II благодарной быть умела.

Получив «свободу», Владимир Григорьевич навсегда уехал в Первопрестольную. «Остаток своих дней гр. Орлов провёл без службы, живя в Москве и главным образом в своей подмосковной

“Отраде”, окружив себя всеми удобствами городской жизни, каких требовали привычки просвещённого вельможи того времени. В “Отраде” гр. Орлов занимался воспитанием своих детей, племянников и внуков, ведал своим обширным хозяйством и многочисленными крестьянами, к которым относился весьма гуманно; много читал и внимательно следил за политическими и общественными событиями сменявшихся при его жизни царствований»[{24}].

Граф был женат на Елизавете Ивановне Штакельберг; старший его сын Александр умер в молодых годах, а Григорий[22] не только дослужился до чина тайного советника, был сенатором и камергером, но был также и известным в своё время литератором. Владимир Григорьевич имел трёх дочерей, все они впоследствии успешно вышли замуж.

Последний из легендарных графов Орловых — бывших первыми из славной плеяды «Екатерининских орлов» — скончался в 1831 году, надолго пережив не только всех своих братьев, но и вообще подавляющее большинство людей того самого «золотого века Екатерины».

* * *

Ну что ж, можно считать, что теперь мы наконец вплотную подошли к теме нашего повествования, а хронологически — где-то к началу XIX века. В то время из пятерых братьев Орловых в живых оставались лишь двое: графы Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский и Владимир Григорьевич Орлов.

Княжеская линия Орловых угасла; графскую мог продолжить один только Григорий Владимирович, а дворянскую фамилию Орловых — пятеро сводных братьев молодцов-Фёдоровичей: Алексей, Михаил, Григорий, Фёдор и Владимир, получившие в наследство от своего непутёвого отца по немалому состоянию, а теперь взятые под крыло собственным дядей.

Казалось бы, можно жить спокойно… Но была же генетическая память Орловых, были, безусловно, семейные предания, известные каждому из них!

Ведь в 1762 году братья Орловы не только возвели на трон Екатерину II, но и фактически сохранили саму царствующую династию, традиционно именуемую «Романовыми». Хотя, как известно, мужская романовская линия пресеклась со смертью Петра II в 1730 году, после чего российский престол занимали всякие случайные «дальние родственники», точнее — родственницы. Даже Елизавета, «дщерь Петрова», законных прав

на трон не имела, так как была рождена до брака, а власть захватила в результате переворота… Ну да ладно, при ней всё как-то успокоилось, и даже престол был наконец-то передан по наследству, в соответствии с петровским законом, — её родному племяннику, Голштинскому принцу Карлу Петеру Ульриху, ставшему Петром III. Да только не сложились взаимоотношения тогда ещё великого князя со своей женой, принцессой Софьей Фредерикой Августой Ангальт-Цербстской, перекрещённой в Екатерину Алексеевну. Кто в этом виноват, мы знаем только со слов последней… Зато о том, кто был действительным отцом великого князя Павла Петровича, официального сына этой пары, мы не знаем вообще — уж слишком много предлагается вариантов.

Вот и государь Пётр Фёдорович имел в отношении своей жены немалые сомнения и подозрения, а потому постепенно утвердился в желании дать ей возможность отдохнуть от собственных её интриг и похождений в монастыре, а самому обвенчаться с графиней Елизаветой Романовной Воронцовой, дочерью сенатора и племянницей канцлера. Тогда б на российском престоле утвердилась фактически новая династия, гораздо более русская по крови… Однако не сбылось, потому как «мятеж поднялся средь Петергофского двора».

Не будем обсуждать, что было бы для России лучше, что — хуже, это очень серьёзные и до сих пор не слишком исследованные темы, а нас сейчас интересует совсем иное. А именно тот факт, что Орловы понимали: и Павел I, и последующие Александр I и Николай I находятся на троне исключительно благодаря их фамилии. Какое уж тут «Божественное происхождение» власти?!

Понятно им было и ещё большее: если граф Алексей Григорьевич Бобринский реально приходился им *cousin*[23], то таковым можно было считать и государя Павла Петровича, матушка которого являлась фактической супругой их дядюшки князя Григория Григорьевича (недаром то, что по понятиям тех времён считалось «блудным сожительством», сегодня именуют «гражданским браком»), — вот и Павел отнёсся к Бобринскому, как к брату! А в этом случае все Павловичи вообще приходились племянниками потомкам братьев Орловых. Конечно, не родными, но тогда даже и с дальним родством считались гораздо больше, нежели сейчас…

С таким опасным пониманием входил в жизнь наш герой.

Глава вторая. «МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ»

Михаил Фёдорович Орлов, сын четвёртого, как мы понимаем, из легендарных братьев, родился в Москве 25 марта 1788 года. В ту пору на границах империи изрядно пахло жжёным порохом: второй год продолжалась очередная война с Турцией, и менее трёх месяцев оставалось до начала новой войны со Швецией. В этих кампаниях получат боевое крещение будущие прославленные военачальники 1812 года — Михаил Богданович Барклай де Толли, Михаил Андреевич Милорадович и Николай Николаевич Раевский, между тем как будущий фельдмаршал Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, пребывая в чине генерал-майора, уже «ломал», как тогда говорилось, свою третью войну…

Поучаствовать в Турецкой кампании вознамерился было и 19-летний лейтенант французской артиллерии Наполеон Бонапарт. Как раз в 1788 году он подал прошение о зачислении его в русскую армию, но так как подобных желающих было много, то императрица Екатерина II распорядилась принимать «кондотьеров» с понижением в чине на один ранг — и честолюбивый Бонапарт от такой возможности отказался. Он продолжал службу в гарнизоне заштатного городка Оксонн, спасая себя от скуки написанием трактата «О метании бомб».

К слову, со всеми вышеназванными военачальниками нашему герою впоследствии придётся общаться лично. Но пока что русская армия имела иных вождей, славных «Екатерининских орлов» — светлейшего князя Григория Александровича Потёмкина, графа Петра Александровича Румянцева и ещё не титулованного Александра Васильевича Суворова, а Францией правил король Людовик XVI, никак не ожидавший своего столь скорого и столь ужасного конца.

Несколько последующих лет жизни Михаила мы просто пропускаем, потому как не знаем о них совершенно ничего.

Ну а 17 мая 1796 года скончался граф Фёдор Григорьевич, отец Михаила, завещавший своим детям жить дружно и поставивший им в пример то, как жили они с братьями… Пример был действительно достоин подражания, потому как после кончины брата Владимир Григорьевич, самый младший из графов Орловых, по-настоящему заменил своим племянникам отца.

Впрочем, тут опять начинаются загадки — теперь уже касательно самого Михаила. Авторы абсолютно всех его

биографий ничтоже сумняшеся утверждают, что вскоре затем он поступил в знаменитый Петербургский пансион аббата Николя, который закончил в 1801 году, после чего 27 августа того же года был зачислен юнкером в Коллегию иностранных дел. Вот как пишется в авторитетнейшем Русском биографическом словаре:

«Михаил Фёдорович был отдан в пансион аббата Николя… По выходе из пансиона Орлов в 1801 году был причислен к Коллегии иностранных дел, но уже в 1805 году оставил Коллегию и поступил юнкером лейб-гвардии в Кавалергардский полк[24] …»{25}

Факт этот чётко документирован — в «Формулярном списке о службе и достоинстве состоящего по армии генерал-майора Орлова 1-го» указано: «В службу вступил юнкером [1J801 Ав[густа] 27 В коллегию Иностранных дел»{26}.

Однако рискнём не поверить документам и вообще пойдём «против течения», для начала задав два наивных вопроса. Первый — что мог делать в Коллегии иностранных дел тринадцатилетний юнкер? Второй — кто из Орловых в годы павловского правления дерзнул бы повезти своих племянников в Санкт-Петербург, да ещё там его и оставить? Так сказать, сунуться самому и сунуть ребятишек прямо в «пасть к зверю»? Разве не памятен был пример Алихана, который через весь Невский проспект нёс корону впереди гроба убиенного Петра III? Весьма ведь сомнительно, чтобы дядька поспешил сразу же после кончины брата сбагрить, как говорится, племянников в пансион — а там вскоре как раз уже и павловское время подоспело…

Как оно было на самом деле, пыталась понять Л.Я. Павлова и даже вплотную подошла к разгадке:

«Весной 1801 г. М.Ф. Орлов окончил пансион Николя. 27 августа 1801 г. его определили юнкером по коллегии иностранных дел, в которой он числился до 1805 г. О жизни Михаила Орлова в этот период совсем нет сведений; можно только предполагать, что в 1801–1803 гг., будучи ещё очень юным, он только числился по коллегии»{27}.

К сожалению, уважаемая Лия Яковлевна не подумала о том, что же мешало нашему герою числиться в Коллегии и одновременно обучаться в заведении у аббата?! То есть приехать на берега Невы не при Павле, а при Александре — в те самые годы, о которых «совсем нет сведений»? Она сама же говорит, что Михаил не служил, а просто числился! И ведь «ключик» к решению этой несложной в общем-то задачи прямо-таки лежит на предыдущей странице её книги:

«В 1796 г. Михаила Орлова отвезли в Петербург и поместили в модный среди высшей петербургской аристократии пансион

французского эмигранта аббата Николя. Однокашниками и товарищами Орлова здесь были будущие декабристы — С.Г. Волконский, А.П. Барятинский, В.Л. Давыдов. Дружба, начавшаяся в детские годы, сохранилась на всю жизнь»[28].

По этой подсказке берём знаменитый «Алфавит декабристов» и смотрим.

Князь Сергей Григорьевич Волконский, ровесник Михаила Орлова, пребывал в пансионе аббата Николя с 1802 по 1805 год. При этом, кстати, он числился… ротмистром Екатеринославского кирасирского полка! Офицером — так сказать, «кавалерийским капитаном». Это вам не юнкер Коллегии иностранных дел, не «архивный юноша», как их тогда иронично называли!

С князем Александром Петровичем Барятинским тут очевидная ошибка: будучи младше Орлова на целых 11 лет, он «воспитывался в иезуитском пансионе в Петербурге до конца 1814 или начала 1815 [года]»[29]. Михаил Фёдорович тогда уже надел генеральские эполеты…

Зато Василий Львович Давыдов — *cousin* поэта-партизана Дениса Васильевича Давыдова, 1793 года рождения, «воспитывался с 10 до 12 лет в пансионе аббата Николя»[30]. То есть — с 1803 по 1805 год.

В общем, теперь мы можем с достаточной уверенностью утверждать, что в пансионе Михаил Орлов обучался в первые годы XIX столетия, в самом начале александровского царствования, тогда как всё павловское царствование — почти пять лет — он, как его братья и сестры, беззаботно жил в доме дяди, графа Владимира Григорьевича. Хотя времена в России наступили отнюдь не беззаботные: взойдя на престол 6 ноября 1796 года, новый император стал решительно и торопливо наводить порядок в основательно развалённой стране.

Не будем давать больших и серьёзных экономических оценок происходившему в империи в последние годы предшествующего павловскому времени «золотого века», а просто сошлёмся на историка: «Екатерина оставила более 200 млн. долга, что почти равнялось доходу последних 3,5 лет царствования»[31]. При этом третью часть всех поступлений составлял «питейный доход». Так что порядок наводить было нужно, но уж слишком долго ожидал Павел Петрович своего прихода на царство, слишком много унижений перенёс он от матери и её фаворитов — и это испортило его характер: к тому же он очень болел душой за всё происходящее, а потому «наломал дров», нажил себе массу врагов — и погиб оклеветанным…

Но, как мы уже поняли, павловское царствование юных Орловых никак не коснулось, а потому и сами не станем касаться

этого непростого времени. Если же у кого из наших читателей есть таковое желание, то можно полистать мемуары, повествующие о жизни богатых московских семейств конца «осьмнадцатого столетия» — всё будет то же самое.

Итак, вскоре после вступления на престол нового императора Михаил был отвезён в Петербург. Точнее, не один только он, но и его братья — Алексей, 1786 года рождения, и Григорий, 1790-го. Можно смело утверждать, что произошло это не ранее начала сентября 1801 года, потому как в августе все трое одновременно были записаны юнкерами в Коллегию иностранных дел. Хотя многие источники упорно и нелепо утверждают обратное: мол, они одновременно закончили обучение в пансионе и поступили в Коллегию. Но так, в силу разницы их возрастов, быть совершенно не могло — вот вам ещё одно доказательство справедливости нашей версии!

Обратившись же к послужным спискам, можно понять: получив в зачёт службы широко известное «числюсь по архивам»[25], но не пробыв там ни дня, юные Орловы, каждый в свой соответствующий срок, поступили юнкерами в избранные ими (или их дядьями?) самые блистательные полки Российской императорской гвардии. Алексей, в 1804 году, лейб-гвардии в Гусарский; Михаил, в 1805-м, и Григорий, в 1806 году, — в Кавалергардский.

Безусловное подтверждение нашей версии нам вскоре удалось найти в малоизвестных «Записках Аркадия Васильевича Кочубея[26]». В числе своих одноклассников Кочубей называет Григория Орлова и пишет, что в старшем классе тогда учились Алексей Орлов, Михаил Орлов и князь Сергей Волконский.

Более того, Аркадий Васильевич вспоминает следующую подробность из своей биографии:

«Будучи ещё в пансионе, мы с братом Александром Васильевичем[27] были записаны юнкерами в Иностранную коллегию; в пансионе же нас произвели в следующий чин, в переводчики, и возили присягать в коллегию на чин»{32}.

Вот так же, только без «производства в переводчики», было, значит, и у братьев Орловых. Они как бы служили в Коллегии, получая соответствующий стаж, а сами тем временем получали образование…

Ну а теперь, когда всё поставлено на свои места, мы можем сказать несколько слов о пансионе аббата Шарля Доминика Николя[28], эмигранта, не без немалой выгоды для себя пережидавшего в России события Великой французской революции и наполеоновской диктатуры.

«Тайный иезуит, аббат Николь, завёл в Петербурге

аристократический пансион. Он объявил, что сыновья вельмож одни только в нём будут воспитываться; и не столько с намерением затруднить вступление в него детям небогатых состояний, сколько из видов корысти положил неимоверную плату: ежегодно по 1500 рублей[29]… Обстоятельства способствовали успехам сего заведения, которое находилось у Обухова моста на Фонтанке, рядом с великолепным домом князя Юсупова»{33}.

Пансионский дом был, конечно, несколько скромнее соседнего дворца, но в два этажа, причём каждый воспитанник здесь имел свою отдельную комнату. (Для сравнения можно сказать, что царскосельские лицеисты имели по полукомнате, ибо каждая комната была разделена временной стенкой, проходившей точно посередине окна.) К пансиону относился большой сад, где росли вековые липы — по преданию, они были посажены ещё при Петре I, и государь нередко приезжал сюда пить пунш в их в то время ещё относительной тени…

Признаем, однако, что уровень содержания воспитанников немало превосходил уровень получаемого ими образования.

Князь Сергей Григорьевич Волконский, человек, жизнь которого с тех самых пор оказалась очень тесно связана с судьбой Михаила Орлова, вспоминал:

«Я 14 лет возраста моего поступил в общественное частного лица заведение — в институт аббата Николя — заведение, славившееся тогда как лучшее. Но по совести должен высказать, хоть и уважаю память моего наставника, что преподаваемая нам учебная система была весьма поверхностна и вовсе не энциклопедическая»{34}.

Согласен с ним и Аркадий Кочубей:

«Все предметы преподавались у нас на французском языке; аббат читал историю, математику проходили до дифференциалов и интегралов; учили латинский язык и немецкий — этот последний весьма плохо.

…Воспитатель наш вообще не имел постоянной системы воспитания и к тому же весьма часто менял её. Главной задачей его было образовать из воспитанников так сказать светских людей, “hommes du monde”. Во время обеда, подававшегося обыкновенно в два часа, один из воспитанников читал описание какого-нибудь путешествия или вообще что-нибудь в описательном роде; число воспитанников редко превышало тридцать три»”.

Со стороны, правда, всё представлялось более благополучным. Вот что в 1818 году, когда аббат Николь уже руководил Одесским лицеем, сообщал о нём в письмах друзьям

поэт Константин Батюшков, знакомец Михаила Орлова:

«…его собственная метода преподавания латинского языка удивительна. В шесть месяцев дети сделали успехи невероятные! дети, до сего едва умеющие читать по-русски…

Не стану хвалить Николя: вы его знаете; я его видел мало, но смотрел на него с тем почтением, которое невольно вселяет человек, поседевший в добре и трудах. Он беспрестанно на страже; живёт с детьми, обедает с ними; больница их возле его спальни. Я говорил с родственниками детей; все просвещённые и добрые люди относятся к нему с благодарностью»{35}.

«Лицей в цветущем состоянии и дети здесь счастливы: они в хороших руках. Дай Бог здоровья аббату, который изготовит полезных людей для государства: он неусыпен и метода его прекрасная»{36}.

Князь Волконский свидетельствует — и это для нас очень важно, — что Михаил Орлов «был первым учеником в отношении учебном и нравственном и уважаем и наставниками, и товарищами»{37}.

Всё так, но, к сожалению, можно понять ещё и то, что образование и воспитание в иезуитском пансионе осуществлялось отнюдь не в православных традициях и что культура роялистской Франции, навсегда ушедшей в никуда, казалась юным российским аристократам гораздо ближе и понятнее собственной национальной. Но именно с такой подготовкой они выходили в самостоятельную жизнь, при этом нередко достигая высших государственных постов в Российской империи, чему наглядным примером служит старший брат нашего героя — Алексей Фёдорович.

Пребывание Алексея Орлова в пансионе близ Обуховского моста было, по сравнению с его братьями, наименее продолжительным: уже в 1804 году он поступил портупей-юнкером лейб-гвардии в Гусарский полк[30], квартировавший в Царском Селе. Прошло немного времени, и старший брат стал навешать младших, будучи уже облачённым в строевой офицерский мундир — синий доломан и алый ментик, расшитые золотыми шнурами. Правда, орловская стать не очень соответствовала этой форме: гусары считались лёгкой кавалерией, поэтому туда отбирали невысоких рекрутов, да и среди офицеров, разумеется, великанов не было. Вот почему через год, когда Михаил должен был поступать на службу, он не соблазнился нарядным гусарским мундиром, остановив свой выбор на белом с серебром, гораздо более скромном, колете Кавалергардского полка.

А может, причина была в том, что кавалергарды считались

первым кавалерийским полком Российской императорской гвардии, хотя по старшинству уступали не только старейшему лейб-гвардии Конному полку, но и лейб-гусарам, и лейб-казакам. В общем, всем существовавшим на тот период полкам гвардейской кавалерии…

Хотя Кавалергардский полк имел две даты собственного формирования — 1724 и 1799 годы.

В первый раз это была рота кавалергардов или драбантов, созданная по распоряжению Петра Великого в качестве почётной конной стражи в день коронации его супруги, Екатерины, 7 мая 1724 года. В это почётное подразделение было отобрано 60 обер-офицеров, «все из людей большого роста», как из армейских полков, так и «заполошных», то есть «не у дел состоящих». Чин капитана этой роты возложил на себя сам император, капитан-поручиком он назначил генерал-прокурора Сената генерал-лейтенанта графа Ягужинского; поручиком был генерал-майор, подпоручиком — бригадир, а прапорщиком — полковник; обер-офицеры считались рядовыми. Первая полурота кавалергардов открывала, а вторая — замыкала коронационное шествие из Кремлёвского дворца в Успенский собор, а во время самой коронации офицеры-кавалергарды стояли по сторонам и ступенькам трона. После окончания торжеств все чины роты возвратились к своим полкам, с сожалением сдав роскошное кавалергардское обмундирование в Московскую мундирную контору.

Пётр Великий был известен своим небрежением к роскоши, а вот новоявленной императрице кавалергарды пришлись весьма по душе. Поэтому вскоре после своего вступления на престол, 3 декабря 1725 года, Екатерина I не только воссоздала Кавалергардию — так теперь именовалась эта рота, но и присвоила ей постоянный штат. Тут уже капитаном кавалергардов стала сама императрица, а капитан-поручиком — светлейший князь Меншиков. И так же унтерами назначили генералов и штаб-офицеров, рядовые числились в обер-офицерских чинах. Кавалергардия несла почётную стражу на всех придворных празднествах, своим присутствием придавая им дополнительную пышность… При Петре II штат кавалергардов был немножко увеличен, однако взошедшая после него на престол императрица Анна Иоанновна роту расформировала — несмотря на то, что, «разодрав кондиции», приняла на себя не только чин полковника Преображенского полка, но и капитана Кавалергардии.

Императрица Елизавета Петровна восстановила кавалергардов, но в составе Лейб-кампании, в каковую после

дворцового переворота 1741 года была преобразована гренадерская рота лейб-гвардии Преображенского полка, возведшая «дщерь Петрову» на царство. 20 лет спустя Пётр III разогнал Лейб-кампанию, известную порочностью своих чинов, но собственных кавалергардов не завёл — возможно, потому, что не успел короноваться. Зато его мятежная вдова, стремившаяся представить себя преемницей великого преобразователя России (недаром на постаменте возведённого по её указу Медного всадника значится по-латыни: «Petro Primo Catharina Secunda», «Петру Первому — Екатерина Вторая»!), Кавалергардию тут же восстановила. При этом Северная Минерва отдала дань уважения памяти «тётушки» Елизаветы Петровны: первые екатерининские кавалергарды были набраны исключительно из лейб-кампанцев, от которых потом, правда, очень быстро избавились, переведя кого-то в другие подразделения, а кого-то отправив в отставку. В кавалергардах Екатерине нужны были свои надёжные люди: в течение всего её долгого царствования они несли внутренний караул в Зимнем дворце вблизи покоев императрицы. Вскорости, 24 марта 1764 года, рота, оставаясь в том же штате, получила наименование Кавалергардского корпуса и должность шефа — в ранге полного генерала. Первым её принял генерал-аншеф граф Иван Симонович Гендриков, племянник императрицы Екатерины I и, соответственно, *cousin* Елизаветы Петровны, который фактически заведовал Лейб-кампанией с 1748 года до её расформирования.

«Политес» был соблюдён, и в 1765 году граф Гендриков уступил место шефа полка графу Григорию Орлову, фавориту императрицы. Потом фаворитом стал Потёмкин, но только в 1784 году светлейший князь Григорий Александрович стал шефом Кавалергардского корпуса. Причём стоит заметить, что если Орлов ушёл с должности шефа в апреле 1783 года, а Потёмкин занял её лишь в феврале следующего года, то юный фаворит императрицы князь Платон Александрович Зубов стал шефом буквально сразу же после смерти светлейшего — князя Потёмкина даже и похоронить не успели…

Из сказанного несложно понять, сколь важной и почётной была должность шефа корпуса, не превышавшего по своей численности семидесяти палашей.

А потому уже на пятый день после смерти Екатерины II, 11 ноября 1796 года, Павел I отрешил от этой должности князя Зубова. Шесть недель спустя екатерининский Кавалергардский корпус вообще был расформирован, причём государь, с присущим ему благородством, повысил всех кавалергардов в чинах и распорядился, чтобы все они были «определены в службу по

своему желанию».

Он стал создавать свой Кавалергардский корпус, численность которого составила уже целый эскадрон — порядка полутора сотен палашей. Во главе корпуса был поставлен генерал-аншеф граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин — бездарный военачальник, но ловкий царедворец и лично весьма храбрый человек. С поставленной задачей он справился настолько успешно, что восхищённый император распорядился сформировать ещё два эскадрона, составив их из гвардейских офицеров. Кавалергарды и конногвардейцы — то есть чины единственного в то время гвардейского кавалерийского полка, именуемого лейб-гвардии Конным или Конной гвардией — присутствовали на всех коронационных торжествах, проходивших в Москве. При этом в день коронования, 5 апреля 1797 года, кавалергарды не только несли почётную службу у трона, но и содержали внутренние караулы в императорских дворцах.

Торжества миновали, граф Мусин-Пушкин стал фельдмаршалом, а 21 сентября 1797 года кавалергарды в очередной раз были распущены, получив приказ возвращаться к своим полкам или, по желанию, уходить в отставку.

Однако не прошло и полутора лет, как они были сформированы вновь — теперь уже в качестве личной гвардии императора Павла, точнее, «в виде стражи гроссмейстера державного ордена св. Иоанна Иерусалимского», каковым русский государь тогда являлся. Произошло это 11 января 1799 года, и эта дата считалась днём сформирования Кавалергардского полка, хотя на самом деле именно полк был сформирован несколько позже, а тогда вновь был создан Кавалергардский корпус. Шефом его был назначен вице-адмирал граф Юлий Помпеевич Литта[31], который самолично отобрал в гвардейских полках 75 унтер-офицеров дворянского звания, ставших рядовыми кавалергардами; над ними было 7 офицеров и 9 унтер-офицеров, выбранных уже самим императором; в состав корпуса также входило 5 музыкантов и 32 нестроевых нижних чина… Потом государь опять стал менять шефов, командиров, людей и саму организацию корпуса, о чём можно было бы говорить ещё довольно долго, но мы это пропустим и скажем лишь о самом главном. Во-первых, 9 августа 1799 года шефом кавалергардов был назначен генерал-адъютант Фёдор Петрович Уваров, после чего корпус был доведён до трехэскадронного состава; во-вторых, 11 января 1800 года Кавалергардский корпус был переформирован в Кавалергардский полк, на одинаковом положении с прочими полками гвардии, потеряв таким образом прежнюю привилегию состоять исключительно из дворян.

Единственное, что осталось полку «в наследство» от прежней Кавалергардии, — завидная для многих традиция иметь из своих офицеров стражу у императорского трона в священный день коронации…

При Александре I, 14 марта 1804 года, полк был переведён на пятиэскадронный состав, а 26 мая того же года был сформирован ещё и запасной эскадрон.

Как и лейб-гвардии Конный полк, Кавалергардский относился к тяжёлой, кирасирской кавалерии. Кирасир также называли «латниками», из-за их воистину рыцарской экипировки — стальных кирас, походивших на рыцарские латы. Уходящие, казалось бы, в прошлое по мере усовершенствования огнестрельного оружия, кирасиры вдруг возродились в преддверии Наполеоновских войн: во всех европейских армиях численность их стремительно возросла, «и они, — как сказано в одном из старинных справочников, — образовали тяжёлую кавалерию для нанесения решительного удара». Вооружены кирасиры были длинными прямыми палашами, карабином и парой пистолетов, и лошади, соответственно, должны были выдерживать этих тяжеловооружённых всадников. По этой причине рост рядового кавалергарда был установлен «от двух аршин десяти вершков, но не менее восьми, а разве по самой нужде — семь»[32]; кирасирские лошади имели рост не выше двух аршин и четырёх вершков, но и не ниже двух аршин двух вершков.

Следует сказать, что 9 августа 1801 года Александр I распорядился упразднить кирасы во всех кирасирских полках — как в обоих гвардейских, так и в шести существовавших тогда армейских. Понять бы — для чего? Ведь, как известно, во времена Павловичей — и Александра I, и его брата Николая I, — солдат муштровали безжалостно, а потому вряд ли государя смущала 25-фунтовая[33] тяжесть кирас. Как бы там ни было, это решение государя явилось роковой ошибкой, что станет ясно весьма скоро…

Михаил Орлов поступил эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк 15 июля 1805 года.

Звание эстандарт-юнкера у кирасир, фанен-юнкера у драгун и портупей-юнкера у гусар и в пехоте давалось кандидату на скорое, при открытии очередной вакансии, получение офицерского чина. При этом официально было установлено, что поступивший в полк дворянин должен три года отслужить юнкером, затем сдать экзамен и лишь тогда получить звание эстандарт-юнкера. Но в юнкера — правда, по Коллегии иностранных дел — Михаил был произведён ещё в августе 1801

года, так что формальности были соблюдены.

Признаем, что «верхние слои» российского общества весьма талантливо обходят законы! Так, когда император Пётр I постановил, чтобы юные дворяне получали офицерский чин только после прохождения солдатской службы, их стали записывать в полк с рождения, а то ещё и до появления на свет. Пребывая посреди невинных забав в отцовском поместье, такой солдат даже получал очередные чины — вплоть до офицерских, и мог прибыть в полк прапорщиком, а то и поручиком. Известный нам князь Сергей Волконский был ротмистром и флигель-адъютантом уже восьми лет от роду. По счастью, не у всех дворянских недорослей дедушки служили фельдмаршалами[34]…

Когда император Павел попытался бороться с подобной практикой и приказал всем числившимся в полках явиться к местам службы, то из списков одной только Конной гвардии был исключён 1541 «фиктивный офицер». Десять эскадронов одних только офицеров — в пятиэскадронном полку! Но даже суровый Павел эту систему не сломал, и она существовала до тех пор, пока образование, полученное в военно-учебном заведении, не стало обязательным для офицера.

Российская гвардия в начале века была ещё сравнительно небольшая, но уже, скажем так, начинала разрастаться. Если при Петре Великом она состояла лишь из двух пеших полков — Преображенского и Семёновского, при Анне Иоанновне приросла пешим лейб-гвардии Измайловским полком и Конной гвардией, то при Павле I добавились лейб-гвардии Артиллерийский и лейб-гвардии Егерский батальоны, гвардейские Гусарский и Казачий и Кавалергардский полки. При Александре I количественный состав гвардии как минимум утроится. Казалось бы, что с того? А то, что гвардия постепенно становилась неоднородна по своему составу.

Фаддей Венедиктович Булгарин, журналист и издатель газеты «Северная пчела», ровесник Орлова, в начале XIX столетия служивший в Уланском цесаревича Константина полку, писал об этом «расслоении гвардии». Он отмечал, что «в Кавалергардском, Преображенском и Семёновском полках был особый тон и дух. Этот корпус офицеров составлял, так сказать, постоянную фалангу высшего общества, непременных танцоров, между тем как офицеры других полков навещали общество только по временам, наездами. В этих трёх полках господствовали придворные обычаи, и общий язык был французский…»{38}, — тогда как в остальных гвардейских частях всё было несколько проще.

Но, несмотря на вышесказанное, Кавалергардский полк в ту пору квартировал на глухой петербургской окраине, которая

звалась Коломной, по берегам Крюкова канала, соединявшего реки Фонтанку и Мойку, в так называемом «Боурском доме» или «Литовском замке», где потом была тюрьма, а также ещё в нескольких иных зданиях. Хотя в 1802 году было начато строительство полковых казарм на Шпалерной улице, но никто не мог сказать, когда же оно завершится…

Военная, а тем более солдатская служба в мирное время — занятие весьма скучное. Однако читатель будет избавлен от подробного (в соответствии с Кавалерийским уставом, которым всё было определено) описания мирного бытия гвардейских кирасир, как оказался избавлен от такой жизни эстандарт-юнкер Михаил Орлов. Ведь в то самое время, когда он поступил в полк, Российская императорская гвардия уже готовилась к так называемому «Цесарскому походу», план которого был выработан австрийскими союзниками в Вене весной 1805 года, а затем утверждён императором Александром.

О поводе и причинах этого похода написано немало, поэтому напомним обо всём в нескольких словах. В ночь с 14 на 15 марта 1804 года отряд французских конных жандармов вторгся на территорию Баденского курфюршества, где в городке Эттенхейм мирно проживал себе 32-летний принц Луи Антуан Анри де Бурбон, герцог Энгиенский, имевший несчастье оставаться последним представителем рода Конце, следовательно — потенциальным наследником французского престола, на который нацелился Наполеон. «Добрые люди» — прежде всего министр иностранных дел Шарль Морис де Талейран-Перигор (вскорости — князь Беневентский) — закрутили интригу, в результате которой злосчастный герцог был захвачен, вывезен во Францию, спешно судим неправым судом и расстрелян во рву парижского Венсеннского замка в ночь на 21 марта. Можно сказать, что Наполеона «повязали кровью», тем самым открыв ему дорогу к престолу: 18 мая того же года он был провозглашён императором французов.

Расстрел невинного Бурбона вызвал возмущение европейских монархов, которое, разумеется, постепенно и неизбежно сошло бы на нет, если бы всё тот же Талейран, по своей должности министра, не подготовил ответное письмо Александру I, являвшееся откровенной провокацией. В нём говорилось:

«Жалоба, предъявляемая ныне Россией, побуждает задать вопрос: если бы стало известным, что люди, подстрекаемые Англией, подготавливают убийство Павла и находятся на расстоянии одной мили от русской границы, разве не поспешили бы ими овладеть?»{39}

Общеизвестно, что Павел I был убит, да ещё и с молчаливого

(в лучшем случае!) согласия своего сына, однако говорить об этом в России было не принято. Человек глубоко религиозный, Александр Павлович тяжело переживал своё участие в отцеубийстве — но это была его личная драма. И тут вдруг такая откровенная, публичная оплеуха, да ещё с конкретизацией сил, стоявших за этим преступлением…

«За короткий срок многое изменилось в Европе, — резюмировал историк Альберт Захарович Манфред. — О непобедимом союзе Франции, России, Пруссии не приходилось больше думать. Скорее наоборот, надо было считаться с реальной возможностью образования новой, третьей коалиции против Франции»{40}.

В Первую коалицию, ещё в 1793 году, вошли Англия, Голландия, Австрия, Пруссия, Испания, Португалия, Пьемонт, Неаполитанское королевство, Тоскана, Парма, Модена и даже сам римский папа — то есть почти вся Европа. Вторая коалиция, созванная в конце 1798 года, была не столь многочисленна, но гораздо серьёзнее: под флагом всё той же Англии объединились Австрия, Россия, Неаполитанское королевство и Турция. Если бы тогда союзники не предали Россию, то Париж вполне мог капитулировать в конце 1799 года… Так что нельзя не согласиться: союз Франции, России и Пруссии действительно был бы непобедимым. Кому ж он был невыгоден? Тому, кто создавал и Первую, и Вторую коалиции — Англии.

Всего лишь один провокационный, оскорбительный выпад в письме — и болезненно самолюбивый Александр I считает Наполеона своим заклятым врагом, а Великобритания вновь «правит бал» на континенте. Хотя именно тогда старушка Англия навсегда могла превратиться в полузабытую «европейскую провинцию», типа Швеции или Испании, недавно ещё доминировавших в Европе, точно так же, как она сейчас…

Сколь же прав был Михаил Лермонтов, записавший в «Дневнике Печорина»: «О самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар!..»{41} Разумеется, в данном случае приподнять земной шар не удалось, но со своей оси он оказался сдвинут основательно…

Заметим: дипломатические отношения России с французским правительством были разорваны 17 мая 1804 года, а 18-го Наполеон стал императором.

«Превращение Французской республики в Империю являлось угрозой для Европы. Говорили, что Наполеон выбрал титул императора, не желая встревожить Францию именем короля… Европа справедливо опасалась честолюбия нового императора. Россия и Швеция отказались признать его»{42}.

Однако в то время наш юный герой был далёк от политики и лично ещё не знаком ни с Александром I, ни с Наполеоном. Поэтому обратимся к военным планам ожидавшейся кампании, ведь мало кому известно, что союзники намеревались развернуть боевые действия сразу на четырёх направлениях, в разных концах Европы.

В частности, на побережье морей Балтийского и Немецкого, как тогда называлось Северное море, должны были действовать шведские, русские и английские войска; в долине Дуная — австрийцы и русские; в Ломбардии, области в Северной Италии, — исключительно австрийцы; в Южной Италии — русские, неаполитанские и английские войска. Австрийский император выставлял четверть миллиона человек, российский — 180 тысяч… Русские войска состояли из Северной, Волынской, Литовской и Подольской армий, двух отдельных корпусов, резервного корпуса, стоявшего на границе, формировалась ещё и резервная армия.

Планы были, как говорится, наполеоновские, а вера в собственную победу, соответственно, непоколебимая…

* * *

Хотя Россия готовилась к войне с Францией более года, но непосредственная подготовка гвардии к походу началась только в июле 1805-го. В этой связи 17 июля нижних чинов обрадовали государевым повелением во время похода пудры не носить и усов не фабрить, а потому было приказано «перед выступлением в поход вымыть себе головы и чесаться просто до самого прибытия в назначенное место»{43}. К эстандарт-юнкеру Михаилу Орлову этот приказ имел самое непосредственное отношение, и он радовался вместе со всеми: пудрение головы — вместо пудры употреблялась мука — солдаты ненавидели.

Зато у офицеров были совершенно иные заботы: они весьма основательно собирались в поход, который большинству представлялся чем-то средним между загородной прогулкой и заграничным путешествием. Состоятельные гвардейцы закупали ящиками вина и заготовляли впрок разнообразную провизию — вплоть до десятков живых индеек, пулярок и гусей. Некоторые офицеры не хотели оставлять в Петербурге любимых попугаев и везли их с собой в клетках… Если обозы во все времена считались бичом армии, то фурштат[35] воинства крепостнической России являлся воистину божьим наказанием: у многих в обозе было по несколько повозок, сопровождаемых лакеями и крепостными

слугами… К тому же кое-кто из числа женатых гвардейцев (по счастью, таковых было немного) не пожелали надолго расставаться с жёнами и везли их с собой в военный поход — разумеется, в дорожных каретах, существенно удливших протяжённость

казённых обозов. Хорошо хоть нижним чинам брать с собой жён запретили…

Наконец 5 августа гвардия получила приказание через пять дней быть готовой к выходу. И тут вдруг сказал своё веское слово командир гвардейского отряда великий князь и цесаревич Константин Павлович. Имевший, в отличие от своего старшего брата-императора, боевой опыт — он принимал участие в Альпийском походе Суворова, за что и получил от отца титул цесаревича, — Константин решил использовать свой опыт на практике.

В письме, которое он прислал генерал-лейтенанту Уварову, указывалось:

«Для отвращения препятствия, могущего произойти от большого и совершенно излишнего обоза в Кавалергардском полку, который должен сколько возможно быть облегчён во время движения, я сделал *примерное* положение об экипажах шефа полка, штаб- и обер-офицеров, которые они в походе иметь должны…»

Из этого приказа следовало, что если штаб-офицеру был положен пароконный экипаж, то обер-офицерам эскадрона, а таковых было порядка шести, — одна четырехконная повозка на всех. Весьма сомнительно, чтобы кто-либо рванулся исполнять подобное приказание…

К письму также прилагалась *«примерная* записка» об «экипаже офицерском, вьючном седле, чемодане, денщичьем ранце» и прочей амуниции, а сверх того — письмо от адъютанта цесаревича, в котором доверительно сообщалось, что хотя великий князь и обещает послать в Кавалергардский полк образцы седла, ранца и всего прочего, но на самом деле этих образцов нет, и за получением таковых нужно обратиться лейб-гвардии в Конный полк…

И это — за пять дней до выступления в поход!

Осуждение подобного решения — а ведь легко догадаться, что оно было далеко не единственным в числе бестолковых распоряжений, поступавших свыше, — можно найти даже в верноподданной «Истории кавалергардов», выпускавшейся обществом офицеров полка «по Высочайшему соизволению» (так указано в книге) к вековому юбилею Кавалергардии:

«Такого рода экстренное требование, когда к войне

готовились более года, едва ли не способно было внести путаницу, некоторое раздражение, а главное, могло уронить ту самую власть, на обязанности которой лежало приведение подчинённых ей войск с мирного на военное положение»{44}.

Так что путь гвардии к Аустерлицу начинался с откровенного, говорим по-военному, бардака. Следует ли удивляться тому, что вскорости произойдёт? Хотя видимо[36] всё шло по плану.

Ну что ж, пока полк ещё готовится к походу, мы имеем время познакомиться с некоторыми из сослуживцев Михаила Орлова.

Как мы уже говорили, шефом полка[37] был 36-летний генерал-лейтенант Фёдор Петрович Уваров[38]. Происходил он из древнего, но обедневшего рода, образование получил весьма недостаточное и до восемнадцати лет вообще не выезжал из отцовской деревеньки. Хотя отец был всего лишь отставной бригадир, да ещё и находившийся под судом, он имел хороших друзей, а потому так успешно записал сына в гвардию, что тот начал действительную службу сразу же капитаном пехотного полка. Через полтора года он был переведён в кавалерию с повышением в чине, отличился во время наведения порядка в Польше в 1792–1794 годах, а в 1798 году стал полковником кирасирского полка… В том же году Уваров нашёл себе хорошую любовницу, и по протекции её влиятельного мужа к исходу всё того же года стал генерал-адъютантом и генерал-майором Конной гвардии; 9 августа следующего, 1799 года он был назначен шефом Кавалергардского корпуса, а в ноябре 1880-го получил следующий чин. Хотя император Павел весьма благоволил к Уварову, однако в решительный момент тот «поставил» на цесаревича Александра.

«В роковой день 11 марта Фёдор Петрович был дежурным генерал-адъютантом. Ночью он расположился с несколькими офицерами своего полка близ комнаты Наследника с целью охранять его, а по воцарении Александра I сопровождал его при объявлении войскам о кончине Павла I и при переезде из Михайловского замка в Зимний дворец. И при новом императоре Уваров оставался одним из самых приближённых к нему лиц и почти всегда сопровождал его во время прогулок, и пешком, и верхом. 19 марта ему поведено было быть по-прежнему генерал-адъютантом»{45}.

Ко всем этим биографическим данным можно добавить, что подчинённые и сослуживцы считали Фёдора Петровича человеком честным и добрым, старавшимся никому не делать зла — хорошим начальником и отличным кавалерийским офицером…

Командиром полка был генерал-майор Николай Иванович Депрерадович (в то время писалось «Де-Прерадович», потому как император австрийский, возведя в дворянское достоинство старинный сербский род Прерадовичей, добавил к фамилии, на французский манер, частицу «Де»), предок которого со своей сербской дружиной переселился из Австрии в Россию в середине XVIII столетия. Ему ещё не было сорока, но он имел орден Святого Георгия 4-го класса за 25-летнюю службу и был по-настоящему старый вояка, совершивший свой первый поход пятнадцати лет от роду и немало повоевавший с поляками и турками. При Павле Депрерадович стал полковником лейб-гвардии в Гусарском полку, при Александре I некоторое время числился по армии, но в мае 1803 года, для всех неожиданно, принял Кавалергардский полк.

«Де-Прерадович был очень заботливым и снисходительным командиром по отношению к нижним чинам, сберечь которых он старался, насколько было возможно: принимал меры к уменьшению заболеваний и лечению больных; чтобы не изнурять людей конными и пешими учениями, производил их не раньше 8–9 часов, а летом — до наступления жары или после неё. Наказания, налагавшиеся им на нижних чинов, были умеренны. Особенно гуманно относился он к молодым солдатам, совершившим по незнанию проступки, за которые полагалось суровое наказание… *Безукоризненно честный, не допускавший не только “грешных”, но и “безгрешных” доходов*[39]…»{46} Как и полковой шеф, он не отличался широкой образованностью, да и большими умственными способностями не блистал — но был добр и честен, за что его ценили и любили подчинённые, многие из которых в последующие годы вышли на первые роли в Российском государстве. Про «первые роли» — отнюдь не преувеличение.

Достаточно сказать, что именно в это время в кавалергардах служили поручик Александр Иванович Чернышев, который станет светлейшим князем, 20 лет будет возглавлять Военное министерство, будет ещё и председателем Государственного совета и Комитета министров; и штабс-ротмистр Василий Васильевич Левашов — в будущем граф, генерал-губернатор ряда губерний, член Государственного совета и председатель Департамента государственной экономии. Заметим, что это было оригинально — поручить заниматься экономией гусару; ведь, как известно, после Заграничного похода Левашов семь лет начальствовал над лейб-гусарами.

Когда в полк поступил Михаил Орлов, эскадронами здесь командовали полковники: 1-м, так называемым «лейб-

эскадроном», — Алексей Авдулин, ставший в Отечественную войну генерал-майором; 2-м эскадроном — Николай Васильевич Титов, умерший в 1809 году; 3-м — Сергей Николаевич Ушаков — один из лучших русских кавалерийских генералов, убитый в 1814 году при Краоне; 4-м — князь Николай Григорьевич Репнин — будущий малороссийский военный губернатор, член Государственного совета, генерал от кавалерии; 5-м — Александр Львович Давыдов — впоследствии генерал-майор, хозяин знаменитого имения Каменка, которое ещё появится в нашем повествовании. Ну что ж, из пяти одновременно служивших эскадронных командиров в генералы, по причине своей преждевременной смерти, не вышел только один… Впечатляет!

А вообще в Военной галерее Зимнего дворца можно увидеть не менее двух десятков портретов непосредственных сослуживцев Михаила Орлова по Кавалергардскому полку, бывших генералами в Отечественную войну 1812 года и во время Заграничного похода 1813–1814 годов. Между тем по штату в полку числилось всего-то порядка сорока офицеров…

Однако в тот момент, когда Михаил стал кавалергардом, ему ближе были такие же, как он, юнкера и эстандарт-юнкера. Пожалуй, особое среди них место занимали братья Михаил и Никита Лунины. Судьба младшего из братьев решится уже в следующей главе, а про старшего, Михаила, так напишет его однополчанин князь Волконский:

«Был ещё среди нас *Михаил Сергеевич Лунин,* весьма бойкого ума при большой образованности, но бойкой молодеческой жизни, к которой в то время общая была наклонность. Это лицо впоследствии выказало, во время ссылки в Сибирь, замечательную последовательность в мыслях и энергию в действиях. Он умер в Сибири — память его для меня священна, тем более что я пользовался его дружбой и доверием, а могила его должна быть близка к сердцу каждому доброму русскому»{47}.

Знакомясь со списком тогдашних однополчан юного Михаила Орлова, понимаешь, что многие из них не просто вошли в историю Российской империи, но и сами эту историю творили. Герой нашей книги — из их числа. Не пройдёт и девяти лет, как он получит генеральские эполеты. Однако портрет генерал-майора Михаила Фёдоровича Орлова в Военной галерее отсутствует — не то потому, что «превосходительный чин» он получил через день по окончании кампании, не то по тем причинам, которые раскроем позже…

Однако всё это впереди. Мы же возвращаемся в достопамятное лето 1805 года…

Глава третья. «ПОМЕРКНИ, СОЛНЦЕ АВСТЕРЛИЦА!»

«10 августа все части войск нашей гвардии, назначенные в поход… выстроились на Измайловском плацу. Общее начальство над ними принял великий князь, цесаревич Константин Павлович. В назначенный час на Измайловский плац прибыл император и произвёл смотр находившимся в строю войскам, которые затем и двинулись в поход.

Гвардейский отряд разделён был на шесть эшелонов, двигавшихся на близком друг от друга расстоянии и получивших приказание соединиться в городе Брест-Литовске»{48}.

Эшелоны были названы «сводными бригадами»; Кавалергардский полк следовал вместе с лейб-гвардии Казачьим и лейб-гвардии Гусарским полками, а также — с пешими лейб-гвардии Измайловским и Лейб-гренадерским, тогда ещё к гвардии не причисленным. Маршрут следования гвардии проходил через Лугу, Порхов, Великие Луки, Витебск, Минск и Несвиж…

Действительно, поначалу всё весьма напоминало загородную прогулку — в особенности для кавалерии. По той причине, что время выступления полка было «отдано на произвол полкового командира», кавалергарды поднимались не рано (обычно же в конных полках в летнее время побудку играли в 5 часов) и начинали движение во временной промежуток от 7 до 9 утра. Довольно скоро всадники догоняли стройные пехотные колонны, выходившие в путь с рассветом…

По требованию цесаревича пешая гвардия шла, как на параде, «в замечательном порядке», в ногу, соблюдая равнение и установленные дистанции между взводами, полувзводами и отделениями, причём — во всегдашней готовности развернуться в боевой порядок. Офицеры находились на своих местах и строго следили за соблюдением того, что у военных именуется «дисциплиной марша». Всё это было совершенно бессмысленно и только усложняло длительные переходы, а потому кавалеристы прониклись к пехоте сочувствием. Они спешно, на рысях, обходили марширующие колонны — без обычных шуток и подковырок, основанных на старинном убеждении, что «пеший конному не товарищ», и шли далее, к своим «назначенным квартирам». Если привал приходился на город или большое село,

это действительно были квартиры, если же останавливались в поле, то разбивали бивак — становились лагерем. К вечеру, когда подходили пехотные батальоны, у кавалеристов давно уже стояли палатки, курился дым костров, варилась каша… Кормили нижних чинов, к которым относились и юнкера, весьма неплохо: одной говядины на день отпускалось полфунта.

Офицерам, как и нижним чинам, было разрешено не пудрить волос — за исключением тех дней, когда проходили через большие города. Единственным в отряде, кто не пожелал воспользоваться монаршей милостью, был его командир — государев братец Константин Павлович, ни на шаг не отступавший от установленной формы одежды. Каждое утро он, облачённый в конногвардейский колет, появлялся перед полками аккуратно и красиво причёсанным, с белоснежными от пудры волосами. Человек не только деятельный, но и взбалмошный, он не мог просто возглавлять одну из колонн или, паче того, ехать в коляске. Нет, изо дня в день великий князь буквально метался между колоннами гвардейского отряда, проверяя и контролируя одних, других, третьих… В результате к вечеру от пыли, пота, а то и дождевой воды пудра на его голове превращалась в твёрдую серую корку, которую потом приходилось долго размачивать. Но цесаревич, что было присуще всем Павловичам — от царствующего Александра до малолетнего Михаила, — обожал всяческую парадность и не мог себе позволить ни на шаг отойти от уставных требований.

Зато гвардейские офицеры смотрели на всё гораздо проще…

29 сентября цесаревич, неутомимо рыскавший вдоль гвардейских колонн, был поражён тем, что позади 1-го эскадрона Кавалергардского полка следовала изящная бричка с возницей-кирасиром (несмотря на отсутствие кирас, нижних чинов кирасирских полков именовали кирасирами) на козлах. На вопрос, кому принадлежит бричка, тот бодро ответил, что ротмистру барону Лёвенвольде 1-му.

В Кавалергардском полку служили тогда в чине ротмистров братья Карл и Казимир, которых, по традиции русской армии, именовали по номерам: Лёвенвольде 1-й и Лёвенвольде 2-й. Они принадлежали к древнему германскому дворянскому роду, представители которого в XIII веке переселились в Ливонию, а в начале XVIII столетия, после взятия Риги русскими войсками, присягнули на верность России и царю Петру. «Звёздным часом» этого семейства стали смутные времена Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны, когда Лёвенвольде получили графское достоинство… Но всё проходит. По вступлении на престол Елизаветы Петровны граф Рейнгольд Густав, кавалер высших

российских орденов, был приговорён к смертной казни, милостиво заменённой ссылкой в Соликамск; в опале оказались и его родственники… К началу XIX столетия от всего некогда блестящего и влиятельного рода остались лишь два брата, служившие в Кавалергардском полку, — бароны Карл и Казимир, истинные рыцари как по своему облику, так и по характеру, по манерам и душе…

Но к судьбам последних представителей рода Лёвенвольде мы вернёмся несколько позже, а пока продолжим рассказ… Константин Павлович выяснил имена «совладельцев» брички, коими оказались штабс-ротмистр Левашов и поручик Уваров 3-й, однофамилец полкового шефа.

На следующий день был отдан приказ по гвардейскому отряду:

«…Как сей поступок показывает явное непослушание начальнику, от коего по Высочайшей воле сделаны были строгие подтверждения о неимении кавалерийским офицерам повозок, то на сие, сделав оным офицерам строжайший выговор, предписываю их арестовать и вести пешком за последним взводом Кавалергардского полка во время похода, содержа на полковой гауптвахте. А генерал-майору Де-Прерадовичу 2-му, который о сей повозке не был сведущ и на вопрос мой ответствовал мне, что, может быть, сие от него скрытно сделано, за каковое слабое смотрение и незнание, что происходит в командуемом им полку, в коем от него не должно быть ничего скрытного, отказывается на 24 часа от команды полком…»{49}

Приказ этот Константин Павлович диктовал в более спокойном состоянии, нежели накануне, когда «взгрел» командовавшего гвардейской кавалерией генерал-лейтенанта Кологривова, а потому приказ последнего, отданный сразу после разговора с цесаревичем, оказался гораздо жёстче:

«…1) Командиру полка г. ген.-майору Де-Прерадовичу за слабое смотрение отказать от командования и *ехать назади онаго.* Старшему по нему *полк[овнику] кн[язю] Репнину* принять командование. 2) Ротмистра барона Левенвольда 1-го и участвующих с ним в той повозке офицеров, как не повинующихся повелениям начальника, арестовать и *вести* их в последнем взводе. Повозку же со всею имеющеюся в ней поклажею кроме вещей, принадлежащих к мундиру, сжечь, а лошадей отдать в полки»{50}.

Насколько известно, повозку никто не сжигал; провинившимся офицерам пришлось пройти некоторое расстояние пешком — как тогда говорилось, «пехотой», зато генерал Депрерадович тут же написал рапорт, что он «болен

простудою», и с комфортом поехал в обозе, ни о чём не заботясь и ни за что не отвечая. Конечно же, о происшествии незамедлительно сообщили полковому шефу, находившемуся при особе государя. Генерал-лейтенант Уваров подобрал соответствующий момент, чтобы в нужном свете рассказать Александру I о досадном недоразумении с цесаревичем. Известно, что отношения между августейшими братьями были весьма не простыми — недаром же впоследствии Константин Павлович променял столичный Санкт-Петербург на Варшаву, — так что 10 октября, после братского разговора *tet-a-tet,* великий князь прислал Депрерадовичу благодарственный рескрипт «за усердие к службе Его Императорского Величества». Государь патронировал кавалергардов, поэтому никому не следовало особенно их затрагивать.

Впрочем, не нужно представлять цесаревича Константина Павловича бесчувственным монстром. Да, он требовал порядка во всём, внешняя форма зачастую довлела у него над содержанием, но он был человеком добрым, великодушным, даже заботливым! Кто б знал, сколько раз на походе Константин распоряжался выдать нижним чинам по лишней чарке водки, сколько рублей раздал он им в награду за примерное поведение… Однако во имя требований службы, за ради «буквы устава», цесаревич не жалел людей — как не жалел он и самого себя, весь день мотаясь вдоль колонн с напудренной головой.

Зато когда полки подходили к какому-нибудь большому городу, то офицеры сами, без великокняжеских напоминаний, начинали приводить себя в порядок…

Как именно осуществлялся «процесс пудрения», впоследствии опишет князь Сергей Волконский. Хотя условия были другие (рассказанное им относилось к мирному времени, к тем блаженным ежегодным шести неделям, когда полк выходил «на траву», официально — «на травяное продовольствие лошадей»), но само действо было то же самое: «…въезжая в город, надо было пудриться. У четырёх из нас это происходило без больших сборов, часто и на чистом воздухе, кое-как, но у Чернышева это было государственное общественное дело, и как при пудрении его головы просто происходил туман пудренный, то для охранения нас от этого тумана и в угоду ему отведена была ему изба для этого великого для него занятия, высоко им ценимого. Чтоб — не в обиду ему быть сказано — на пустой его голове пудра на волосы легла ровными слоями»[51].

Признаем, что в данном случае декабрист несправедлив к своему полковому товарищу, достигшему огромных высот государственной службы, зато процесс описан весьма наглядно…

Провинциальное общество, воспитанное на громких победах Екатерининского «золотого века», с горячим патриотическим восторгом встречало петербургских гвардейцев, идущих громить «корсиканское чудовище», «кровавого узурпатора», чтобы возвратить Европе мир, спокойствие и порядок. Исход грядущей битвы сомнения не вызывал, а потому, — думали отцы семейств, — как знать, не решится ли кто из мужественных воинов осесть после ратных трудов на покое в каком-нибудь изрядном поместье в Псковской или Витебской губернии, где у хозяев есть дочери на выданье? Это было бы так романтично! Недаром нечто подобное, только с поправкой на последующие исторические реальности, описал в «Войне и мире» граф Лев Николаевич Толстой: знакомство гусарского офицера графа Николая Ростова и княжны Марьи Болконской.

Так что не из одних лишь патриотических побуждений встречало губернское и уездное дворянство проходивших гвардейцев и армейцев балами, щедро угощало офицеров и нижних чинов, а потом терпеливо ожидало возвращения победоносных полков… И нет сомнения, что не один Чернышев старательно ухаживал за своей причёской, понимая, что в провинциальных городах есть не только девицы на выданье, но и весьма аппетитные вдовушки, и молодые жёны престарелых мужей… (Недаром впоследствии лейб-гусар Лермонтов воспел в стихах «тамбовскую казначейшу»!)

В общем, гвардия на войну шла весело. А тут ещё 8 октября в полк пришёл государев приказ, которым четверо из юнкеров, прослуживших по несколько месяцев — Михаил и Никита Лунины, Сергей Ланской 1-й и Сергей Колычев, — были произведены в корнеты. Полковой праздник по этому поводу был проведён прямо в поле, на подходе к Брест-Литовску, перед тем, как соединились все колонны гвардейского отряда.

* * *

Можно сказать, что этим «пикником» завершилась казавшаяся столь беззаботной «загородная прогулка», ибо как раз в то самое время, когда отряд цесаревича Константина подходил к границе, перестала существовать союзная нам австрийская армия — четверть миллиона штыков и сабель.

Никогда ранее Австрийская монархия не имела столь многочисленного и отменно вооружённого воинства, как теперь, когда она вошла в состав Третьей коалиции. «Наступление австрийцев началось 9 сентября [28 августа, по русскому

«старому» стилю] 1805 года. Они вторглись в Баварию, принудили курфюрста бежать в Вюрцбург, завладели Ульмом и стали поджидать французскую армию в ущельях Шварцвальда»{52}. Цесарцы[40] стояли именно там, куда, по их расчётам, должны были подойти французские войска. Генерал Карл Макк, барон фон Либерих, командовавший девяностотысячной армией, готовился дать генеральное сражение. В ожидании подхода неприятеля он занялся излюбленным делом немецких полководцев — составлением планов грядущей баталии — и за две недели безделья составил не то семь, не то восемь прожектов.

«Австрийцы иногда делают хорошие решения, но не умеют дорожить временем», — сказал Наполеон. Сам же он прекрасно понимал истину, сформулированную великим Суворовым: «Деньги дороги, люди дороже денег, время дороже людей», и ею руководствовался.

Прежде всего Наполеон отрезал Макку возможность отступления и буквально изолировал его в злосчастном Ульме, обрушив на австрийского полководца лавину ложной информации о силах, действиях и намерениях своих войск — и эта информация сильно смутила барона. Тем временем французские войска беспрепятственно перешли Дунай и заняли Мюнхен, готовясь задержать там русских; затем провели несколько успешных сражений против австрийцев, разделив их армию на две неравные половины, после чего уничтожили и разогнали ту её часть, которая оставалась под командой эрцгерцога Фердинанда, а ту, что оставалась с генералом Макком, сжали в кольце блокады — без продовольствия и связи с остальными войсками…

Далее случилось то, что должно было произойти. Там, где русский солдат стоит насмерть, француз бежит, а австриец сдаётся. Видя, что всё вокруг рушится и ждать подхода союзников придётся ещё долго, генерал Макк совсем потерял голову и сдался с остатками своего войска. 33 тысячи австрийцев положили оружие, отдав неприятелю 60 пушек и 40 знамён. Произошло это 20 (8) октября — как раз тогда, когда русские войска переходили границу. Стотысячная австрийская армия оказалась уничтожена и рассеяна за каких-то три недели…

Разумеется, ни Александр I, ни его главнокомандующий генерал Голенищев-Кутузов ещё ничего не знали о крушении наиболее сильной и многочисленной из союзных армий. Александр Павлович, первым из русских царей после Петра Великого покинувший пределы Отечества, направлялся в Берлин, чтобы привлечь на свою сторону прусского короля Фридриха

Вильгельма III. Этот потенциальный союзник пребывал в положении легендарного буриданова осла: он панически боялся встречаться на поле боя с сильной наполеоновской армией, но и очень боялся опоздать к разделу лакомого «французского пирога» после неизбежного сокрушения Наполеона…

«13-го (25-го) октября Император Александр въехал в Берлин при пушечной пальбе. Весь гарнизон стоял под ружьём, население встретило русского Государя с восторгом. Ряды приверженцев Франции видимо редели, и Александр с полным успехом дал ход врождённой способности пленять людей. Сам король подчинился чарующему влиянию русского Императора, который с скромным и благоговейным вниманием ухаживал за королевой, сочувствуя её патриотическим мыслям и стремлениям…»{53}

Злоязыкие современники утверждали, что королева Луиза Прусская была готова на всё, но Александр не решился… Впрочем, и Фридрих Вильгельм III не решился открыто примкнуть к союзникам, так что подписанная 3 ноября 1805 года Потсдамская конвенция была не только тайной, но и не содержала обязательства Пруссии немедленно присоединить свою армию к союзным войскам. Не исключено, что слухи о поражении австрийцев уже достигли Берлина.

Несмотря на это, встреча теперь уже союзных монархов завершилась в духе приторного немецкого сентиментализма: Александр, Фридрих Вильгельм и королева Луиза спустились в мавзолей, где покоились останки Фридриха Великого[41], и царь в душевном порыве облобызал гроб прусского короля-полководца, разбитого русскими войсками в Семилетнюю войну, и над этим священным, как принято считать, гробом монархи поклялись в вечной дружбе.

К сожалению, данная клятва оказалась непрочной, на помощь союзникам Пруссия так и не пришла, ибо Фридрих Вильгельм рассчитывал вступить в войну после первой их победы — а таковой-то и не случилось… Когда через год Наполеон вошёл в Берлин, он также спускался в мавзолей венценосного полководца. При благоговейном молчании окружающих он взял с крышки гроба шпагу Фридриха II, а на её место положил свою, сказав с усмешкой, что такой обмен делает честь покойному. Пруссаки проглотили оскорбление!

* * *

В Брест-Литовске гвардейский отряд был переформирован — вернее будет сказать, перетасован, после чего кавалергарды с

лейб-гвардии Казачьим и Лейб-гренадерским полками и шестью пешими гвардейскими орудиями вошли в состав 3-го эшелона. (Как известно, полевая артиллерия делилась на пешую и конную, и во втором случае расчёты на поле боя передвигались верхом, что значительно повышало мобильность и манёвренность подразделений. Зато менее подвижные «пешие» орудия были крупнее калибром и, соответственно, мощнее «конных».)

Вскоре характер движения русского отряда изменился коренным образом.

«Пленение армии Макка вынудило гвардию ускорить движение: приказано было идти форсированными маршами до 40–50 вёрст в день. Для облегчения марша австрийское правительство выставляло подводы для возки амуниции и добавочных лошадей для впряжки в обоз; так, для Кавалергардского полка — 17 бричек и 114 лошадей»{54}.

Вот ведь какая трогательная забота о союзниках… после того как жареный петух клюнул!

Но русским уже и без того пришлось сражаться — и побеждать. Героическое, с боями, отступление Кутузовской армии принадлежит истории, на её скрижалях золотом выбиты названия Ламбах, Амштеттен, Креме, Шёнграбен…

А что же наш герой? Неизвестно. Михаил Орлов пребывал тогда в звании эстандарт-юнкера и ничем прославиться не мог, ибо таковых, ему подобных, в полках тогда были десятки. Доблесть солдата — в повиновении. Вот и тянул он свою «солдатскую лямку», как все, или почти как все, потому как всё-таки он не был рядовым, да и служил в Кавалергардском полку — первом полку Российской кавалерии, да и рождён он Орловым, представителем знаменитого клана. И всё же пока нижний чин, да ещё и не в бою, а на походе, так что рассказывать о нём абсолютно нечего…

Нельзя сказать, чтобы разгром Австрийской армии произвёл на русское офицерство особое впечатление: после Альпийского перехода, когда союзники-цесарцы просто предали Суворова, отношение к ним было весьма отрицательным и доверия — ни на грош. И вообще, русские, давно уже не знавшие военных неудач, думали справиться с Наполеоном собственными силами.

«Трудно представить, какой дух одушевлял тогда всех нас, русских воинов, и какая странная и смешная самонадеянность была спутницей такого благородного чувства. Нам казалось, что мы идём прямо в Париж!»{55} — вспоминал генерал-майор Иван Степанович Жиркевич, выпущенный из кадетского корпуса подпоручиком в гвардейскую артиллерию осенью 1805 года.

Что знали и думали о происходящем простые солдаты —

никого как-то не интересовало…

Местом сбора всех русских войск — уже побывавшей в боях армии генерала Голенищева-Кутузова и только что подошедшей из России Волынской армии графа Буксгевдена и гвардейского отряда цесаревича — назначен был моравский город Ольмюц. Здесь, на прекрасной во всех отношениях позиции, решено было дождаться неприятеля и разбить его наголову. План этот, весьма схожий с тем, что привёл Австрийскую армию к Ульмской катастрофе, был составлен в лучших австрийских традициях — из наивного расчёта, что воевать придётся с круглыми идиотами, которые с нетерпением ждут, когда же их разобьют. Но русский царь почему-то постоянно предпочитал своим полководцам союзников.

Вот что пишут о принятом плане французские историки:

«Оба императора (Александр I и Франц II, австрийский император. — *А. Б.)* снова начинали надеяться. Со своей соединённой австрийско-русской армией в 90 000 человек они рассчитывали отрезать Наполеона от Вены и, соединившись с эрцгерцогом Карлом, совершенно закрыть ему выход на юг; а эрцгерцог Фердинанд, подкреплённый 70 000 пруссаков, должен был отрезать ему отступление к северу. Таким образом, Наполеон должен был бы капитулировать подобно Макку»[56].

Планы были составлены, войска готовились к сражению.

«10/11 ноября армия Кутузова вступила в Ольмюц, где находились Императоры; здесь Кутузов получил звание главнокомандующего союзной армией. 12-го вступил в Ольмюц 1-й эшелон гвардии в полной парадной форме, так как на это число был назначен смотр войскам обоими Императорами. 2-й эшелон, в котором находились кавалергарды, подходил к Тешену. Смотр, произведённый Императорами, а в особенности чарующий вид Александра Павловича, сделал огромное впечатление на войска: “после смотра все были уверены в победе больше, чем бы могли быть после двух выигранных сражений”[42].

После смотра союзные армии, численностью до 86 т. человек, из коих на долю австрийцев приходилось около $15^1/_2$ т., расположились биваком на весьма сильной оборонительной позиции у д. Ольшан»[57].

Кстати, только теперь, когда русская армия изготовилась к сражению, генерал-майор Депрерадович соизволил почувствовать себя здоровым и вновь принял на себя командование Кавалергардским полком. Думается, что мало кто из генералов мог себе позволить подобные «шуточки» по отношению к Константину Павловичу…

Ожидаемого Ольмюцкого сражения не случилось.

Во-первых, в лагере очень скоро открылся недостаток продовольствия — австрийское командование не рассчитало, что война может перенестись на эти земли, и в Моравии не были созданы магазины — или «магазейны», как тогда назывались армейские склады. Обозы же к армии шли чрезвычайно медленно, а значит, позицию следовало менять, для чего необходимо было двигаться навстречу неприятелю.

Скорейшее генеральное сражение казалось весьма выгодно для Австрийской короны, война для которой уже была реально проиграна — армия разбита и разогнана, в рядах союзников оставалось лишь пятнадцать с половиной тысяч цесарских штыков. Так что исход баталии для императора Франца особого значения не имел: в любом случае пришлось бы идти на поклон к победителю — либо к Александру, либо к Наполеону. А так как продолжавшаяся война только разоряла земли империи, то лучше уж было поскорее определиться, кому кланяться…

Оно же было совершенно невыгодно для русских. «Старый лис» генерал от инфантерии Голенищев-Кутузов прозрел то, чего пока ещё не понимали другие полководцы: невозможно разбить Наполеона в решающей баталии в начале кампании. Следовало отходить, изматывать наступающего противника, уводить его от баз снабжения, разрывать коммуникации… Правильность этой тактики впоследствии подтвердится в Испании и в России. Но Александр I, оскорблённый Наполеоном до глубины души, хотел воевать и сокрушить своего обидчика.

Французский император также жаждал генеральной баталии, а потому не без успеха провоцировал противника.

«Он сделал всё, чтобы возбудить смелость своих врагов.

Наполеон двинулся вперёд к Вишау, принуждая русских отступить к Ольмюцу. После небольшого сражения на аванпостах он, притворившись побеждённым, очистил эту позицию, чтобы тем вернее заманить неприятеля в невыгодную для него местность. Действительно, австрийско-русские войска заняли Праценское плоскогорье между Гольдбахом и Литтавой; их главная квартира была перенесена в деревню Аустерлиц»{58}.

Вот оно, то самое роковое слово, вскорости громом прогремевшее над Россией!

Военная хитрость Наполеона удалась — союзники ему поверили.

«Французская армия подавала все признаки скорого отступления. Поэтому у нас решено было наступать, чтобы воспользоваться положением врага. Хотя и не ожидали встретить сопротивления, всё же на всякий случай решили определить движение каждого корпуса. Это было поручено полковнику

Вейротеру, так как он прекрасно знал местность, которую много раз объезжал»[59].

Во время памятного Альпийского похода полковник Франц Вейротер, известный доктринёр и формалист, немало попортил Суворову крови, прокладывая для великого русского полководца малоудачные маршруты. На его счету также были несчастливые для австрийской армии сражения под Риволи (1796) и при Гогенлиндене (1800); но так как 30 октября у Кремса был убит генерал-квартирмейстер Шмит, то Вейротер занял освободившееся место. Вскоре выяснилось, что хотя австрийцы не единожды проводили на этой местности свои военные учения, однако планов этого самого Аустерлицкого поля у них… не было.

…Избегнем соблазна подробно описывать трагическое Аустерлицкое сражение, о котором и без того написано немало. Ведь нас в данном случае интересует судьба одного-единственного кавалергардского эстандарт-юнкера — и, разумеется, его товарищей — для полноты картины… В канун сражения, в ночь на 20 ноября (2 декабря) гвардейский отряд был разделён: большая его часть была определена в резерв и приблизилась к полю грядущего сражения, а меньшая — кавалергарды, лейб-гвардии Казачий полк и лейб-гренадеры получили приказание готовиться к победному параду. Так что в то время, когда все прочие войска собирались на сражение, кавалергарды надевали новые мундиры, пудрились, приделывали недавно привезённые из Петербурга чепраки[43]…

Александр I, которому не давали покоя лавры венчанных полководцев Петра I, Фридриха II, а в особенности — Наполеона, стал руководить армией через голову генерала Голенищева-Кутузова, официально не принимая на себя командование. Между тем его боевой опыт к тому времени не простирался далее проведения вахтпарада на Гатчинском плацу. Потому и неудивительно, что русский царь сразу же приказал наступать… А что ещё нужно делать на поле боя, как не атаковать?! Тем более когда поступать именно так предписывала австрийская диспозиция.

Александр I, его свита и главнокомандующий генерал Голенищев-Кутузов стояли на господствующих над полем боя Праценских высотах, которые занимала сильная колонна под командой австрийского генерала Коловрата.

«Наступать!» — бодро приказал император. Главнокомандующий предпочёл его не услышать. «Наступать!!» — повторил Александр громче и строже. Кутузов продолжал оставаться в бездействии, и тогда русский император обратился непосредственно к австрийцу, тут же отдавшему

соответствующий приказ…

Союзники сошли с господствующих высот, бывших «ключом» к позиции, и вскоре Наполеон занял их, не потеряв ни единого человека. Русская армия оказалась рассечена надвое.

Есть и другой вариант развития событий, предшествовавших занятию французами Праценских высот. Мол, подъехав к Кутузову, Александр I спросил: «Что ж вы не начинаете, Михайло Ларионович?», на что полководец ответил, что собрались ещё не все войска колонны. «Так мы ведь не на Царицыном лугу[44], где не начинают парада, пока не придут все полки!» — остроумно заметил император. «Потому и не начинаю, государь, что мы не на Царицыном лугу, — отвечал Кутузов. — Впрочем, если прикажете…» Приказание было отдано — результат оказался тот же самый.

Кавалергардский полк не должен был участвовать в сражении, что очень расстроило его офицеров и, наверное, ещё больше юнкеров. В то время как другие полки дерутся, их офицеры зарабатывают себе ордена и чины — так считали они, — кавалергардам приходилось готовиться к параду, чтобы чествовать победителей. Однако…

«С рассветом на биваке услышали пушечный гул, и едва эшелон выступил, как получено было приказание Цесаревича поспешить на рысях. “Пройдя Аустерлиц, — говорит князь Репнин[45], — увидели мы весь горизонт, покрытый боем”{60}. Едва успел полк переправиться через Раузницкий ручей по плотине у Вальк-Мюле, как прискакал Цесаревич, обратившийся к полку со словами: “Выручайте пехоту!”

Поднявшись на берег, кавалергарды увидели перед собою семёновцев, окружённых кавалерией, отбивающих у неё свои знамёна. Кругом, ни вправо, ни влево, не видно было русских частей войск, видны были лишь кучки бегущих, а общим фоном этой картины служила почти сплошная стена французской пехоты.

Три первых эскадрона кавалергардов, пройдя Вальк-Мюльскую гать, развернулись вправо от неё и пошли в атаку на неприятельскую пехоту; командир 4-го эскадрона, князь Репнин, пошёл прямо перед собою против кавалерии Раппа; за Репниным последовал 5-й эскадрон и 1-й взвод шефского эскадрона, под командой корнета Альбрехта, отвозивший в Аустерлиц полковые штандарты и следовавший в хвосте полка. Французская пехота была опрокинута первыми 3-мя эскадронами кавалергардов, что дало возможность преображенцам и пешей артиллерии свободно перейти ручей. Репнин смял первую линию Раппа; она несётся назад под прикрытием своей артиллерии (3-х батарей). На

выручку ей маршал Бессьер ведёт 2-ю линию — знаменитых “chevauxnoirs”[46]; но к Репнину из-за ручья спешит Оленин[47] с первыми двумя эскадронами конногвардейцев. Два эскадрона Бессьера обрушиваются на правый фланг Репнина и Оленина, четыре — на левый фланг. Началась общая свалка, продолжавшаяся *несколько* минут… Наконец Репнин и Оленин опрокинуты. Конная батарея Костенецкого[48] окружена неприятелем. Всё смешалось: прислуга дерётся уже в рукопашную, её выручает 3-й эскадрон (С.Н. Ушакова) кавалергардов; наша пехота, опасаясь бить по своим, не могла открыть огня.

Из конной батареи на этом берегу ручья осталось одно только орудие с полковником Костенецким; отстреливаясь, отходил Костенецкий; под его прикрытием скакала наша кавалерия назад через плотину»{61}.

Вот как оно было — наиболее точное описание подвига Кавалергардского полка, спасшего на поле Аустерлицкого сражения боевые знамёна и людей двух старейших гвардейских полков — лейб-гвардии Преображенского и лейб-гвардии Семёновского.

Кстати, стоит обратить внимание на специально выделенное в «Истории кавалергардов» слово «несколько»: «свалка, продолжавшаяся несколько минут». Далеко не всем из современных читателей ведомо, сколь быстротечны были кавалерийские схватки: обычно на поле боя противники сталкивались друг с другом, обменивались парой ударов — и разлетались в разные стороны… Никакого фехтования не было! А тут — рубились по несколько минут.

«Подвиг кавалергардов» — это, пожалуй, единственное, что мы помним сегодня из Аустерлицкого сражения. Между тем никоим образом не принижая героической самоотверженности этого полка, скажем, что его подвиг был одним из чреды не менее ярких боевых эпизодов.

К примеру, мы только что назвали имя артиллериста полковника Костенецкого, который обеспечил обратную переправу кавалергардов через Раузницкий ручей:

«На фоне общего поражения войск Костенецкий, подобно другим участникам битвы, явился бесстрашным и держался со своими орудиями до последней крайности. Обойдённый французами, он должен был поспешно отступать, понёсся впереди роты на неприятеля и, ростом исполин, одарённый силой Самсона, очистил себе путь, поражая неприятеля своей огромной саблей. Французы валились вокруг него, как колосья вокруг мощного жнеца. Достопамятная, необыкновенной длины и

тяжести старинная сабля Костенецкого была выписана из Оружейной палаты Московского Кремля и подарена ему цесаревичем Константином Павловичем»[{62}].

Или подвиг лейб-гвардии Казачьего полка, сражавшегося плечом к плечу с кавалергардами. Вот строки из полковой истории:

«Вдруг скачет к резерву нашему адъютант цесаревича и передаёт приказание его высочества — спешить на помощь гвардии… Настала для отступающей гвардии нашей решительная минута… Наполеон видел, как ускользает от него добыча, которую он считал уже своею, и вот вся масса французской кавалерии устремляется на наше левое крыло, расстраивает несколько батальонов и теснит лейб-гусар… Ещё мгновение, и вся гвардия наша обойдена, путь к переправе отрезан…

В этот момент являются лейб-казачьи эскадроны, проскакавшие 10 вёрст до места битвы… Увидя неприятельскую конницу, врезавшуюся в наши пехотные батальоны, лейб-казаки стремительно бросаются ей во фланг, и ряды её мгновенно смешиваются, расстраиваются… Не останавливаясь на этом успехе, лейб-казаки кидаются на вновь подошедшие французские колонны, и тут завязывается ожесточённейший бой… Штабс-ротмистр Филиппов, одушевлявший казаков своим примером, падает в голове эскадрона мёртвый, валятся с лошадей лейб-казаки один за другим, но вид смерти не уменьшает их мужества; напротив, они проникаются местью за своих собратов и ещё сильнее теснят врага. На помощь лейб-казакам подоспевают кавалергарды… Страшна была сеча тех и других с многочисленным неприятелем; она задержала ожесточённое наступление его масс, пока гвардейские полки успели перейти через ручей, и через лежащий по той стороне его широчайший овраг, и, поднявшись на возвышение, построиться в боевой порядок. Тотчас же выдвинуты орудия, загремели выстрелы… Тогда только отступили кавалергарды и лейб-казаки на левый берег ручья… Неприятельская кавалерия пыталась прорваться вслед за ними за мост, но, остановленная атакой лейб-казаков, принуждена была отступить на правый берег, с уроном»[{63}].

Так почему же именно кавалергарды? Вопрос почти риторический для тех, кто знаком с классической русской литературой. Атаку кавалергардов описал в романе «Война и мир» граф Лев Николаевич Толстой.

Вспомним, как скачет по полю сражения гусар Николай Ростов и видит, «…как влево от него, наперерез ему, показалась на всём протяжении поля огромная масса кавалеристов на вороных лошадях, в белых блестящих мундирах, которые рысью

шли прямо на него… Это были наши кавалергарды, шедшие в атаку на французскую кавалерию, подвигавшуюся им навстречу.

Кавалергарды скакали, но ещё удерживая лошадей. Ростов уже видел их лица и услышал команду: “Марш, марш!”, произнесённую офицером, выпустившим во весь мах свою кровную лошадь…

Это была та блестящая атака кавалергардов, которой удивлялись сами французы. Ростову страшно было слышать потом, что из всей этой массы огромных красавцев людей, из всех этих блестящих, на тысячных лошадях, богачей, юношей, офицеров и юнкеров, проскакавших мимо его, после атаки осталось только осьмнадцать человек»{64}.

Это прозвучало настолько красиво и убедительно, что поверил даже такой известный впоследствии военный историк, как Антон Антонович Керсновский. «От Кавалергардского полка осталось всего 18 человек», — написал он в «Истории Русской армии», в главе «Наполеоновские грозы. Император Александр I».

Возникает вопрос: как появилось это число — «восемнадцать»?!

Известно, что в 1804 году в пятиэскадронном Кавалергардском полку числилось по штату: шеф командир полка, оба в генеральских чинах; пять полковников, эскадронных командиров, а в каждом эскадроне было по одному ротмистру, штабс-ротмистру, поручику и корнету — то есть всего 25 офицеров в строю; плюс — полковой казначей, полковой адъютант — ещё четверо. Таков был офицерский состав по штату. Если же говорить о нижних чинах, то на каждый эскадрон приходилось 132 рядовых, 12 унтер-офицеров, 2 эстандарт-юнкера и один эскадронный вахмистр; в полку были также ещё трубачи и литаврщики… Не будем заниматься долгими математическими расчётами (всё равно мы, кавалеристы, в этой науке ничего не понимаем!) и, сославшись на документы, скажем, что в день 20 ноября 1805 года в рядах Кавалергардского полка было порядка 800 палашей.

Как известно, в том бою были убиты два кавалергардских офицера, четверо ранены, а семеро, также раненых, взяты в плен. Безвозвратные потери среди нижних чинов — убитых, умерших от ран и пропавших без вести — 154, ранено — 72.

Откуда же граф Толстой *(a propos*[49]*,* в прошлом — артиллерийский офицер, сиречь — математик) взял эти «осьмнадцать человек»?

И тут мы дерзнём предположить, что великий русский писатель ничегошеньки не знал о кавалергардах — хотя его отец и числился в этом полку[50]. Чтобы это понять, следует

внимательно прочитать «классические» строки, и тут же приходят соответствующие выводы…

Во-первых, Льву Николаевичу кажется, что и в то время полк продолжал комплектоваться исключительно дворянами, хотя некоторая неуверенность по этому поводу у него есть. Недаром же он пишет про массу «огромных красавцев людей», «блестящих, на тысячных лошадях, богачей, юношей, офицеров и юнкеров» — но мы-то ведь знаем, что из восьмисот человек могли иметь «тысячных лошадей» только офицеры, которых было, повторим, порядка тридцати, да и то далеко не все из них были богачами…

А вот как проявляется неуверенность автора: «Крайний кавалергард, огромный ростом рябой мужчина…» Да кто же в то время мог именовать рядового солдата «из сдаточных» мужчиной?! Солдат, нижний чин, мужик — в конце концов! Если мужчина — значит, из благородных. Но на всякий случай автор сделал его рябым, так сказать, снизил образ…

Зато граф Толстой без всякого сомнения усаживает всех кавалергардов на вороных коней, тогда как, по приказу Александра I, кони одинаковой масти были заведены в полках только в 1823 году. При этом Кавалергардскому полку были определены гнедые кони, а вороные — лейб-гвардии Конному. Хотя «тяготение» к такой масти наблюдалось в этих полках и ранее…

И уж совсем непростительная ошибка появляется в описании цесаревича — по воле писателя Константин оказывается на поле Аустерлицкого сражения «в каске и в кавалергардском колете». Только подумать, что Константин Павлович, при его педантическом отношении к соблюдению всех установленных правил, появился бы на сражении в чужом мундире, носить который он, шеф лейб-гвардии Конного полка, не имел никакого права!

Тем более что, как свидетельствует современник, «Кавалергардские офицеры не любят Константина Павловича, и наоборот, он их также не жалует, тогда как он в Конной гвардии души не знает. Причиной сему то, что общество офицеров Кавалергардского полка, по образованию своему и приличию, было выше офицеров Конной гвардии, среди коих постоянно находился шеф их Константин Павлович, тогда как кавалергардские всегда обегали его»[{65}].

Не стоит изучать историю по художественным произведениям — даже по классическим! Поэтому мы возвращаемся к нашей документалистике…

«Полк был расстроен, почти на половину уничтожен, большинство офицеров перебито и взято в плен, но он не был

разбит: он ещё *слушался* своего командира; по переходе через плотину остаток полка быстро *собрался по “аппелю”*[51] и построился на левом берегу Раузницкого ручья. Гвардия Наполеона не решилась преследовать… Подоспела пехота Бернадотта[52] и тоже остановилась… Знамёна нашей гвардии не были поруганы…

Полк, впервые увидавший огонь, кровью своей запечатлел Царское слово — быть ему первому в списках нашей кавалерии»{66}.

…Интересно, подъезжал ли маршал Бернадот к своим передовым порядкам (французские маршалы нередко так делали, равно как и командиры наших русских корпусов), и видел ли его тогда издалека эстандарт-юнкер Орлов? Ведь не пройдёт и десяти лет, как они встретятся в совершенно иных условиях…

В этом бою, в знаменитой кавалергардской атаке, по какому-то нелепому капризу судьбы, были убиты два офицера, имевшие в полку старших братьев — ротмистр барон Казимир Лёвенвольде 2-й и только что произведённый в чин корнета Никита Лунин 2-й.

Впоследствии, в сибирской ссылке, Михаил Лунин напишет:

«Мой брат и я были воспитаны в римско-католической вере. У него была мысль уйти в монастырь, и это желание чудесно исполнилось, ибо он был унесён с поля битвы, истекающий кровью, прямо в монастырь братьев-миноритов, где и умер, словно младенец, засыпающий на груди матери»{67}.

Карл Лёвенвольде не напишет ничего, ибо ему была уготована судьба не менее славная, нежели его брату — только несколько лет спустя… Пока же, в финале сражения, именно он командовал кавалергардскими пикетами, прикрывавшими отступление союзной армии с Аустерлицкого поля. Получив известие о смерти брата, ротмистр отвечал с ледяным спокойствием: «Ничто не препятствует и мне положить свою жизнь на алтарь Отечества», и продолжал стоять под неприятельской картечью, пока последний русский солдат не перешёл через плотину…

«На левом берегу Раузницкого ручья стоят остатки Кавалергардского полка. На противоположном берегу, на холме, стоит Наполеон, окружённый многочисленной свитой. У подножия холма — его гвардия с мамелюками, только что вернувшимися из своей последней атаки. Рапп приказывает подвести пленных офицеров к Наполеону. На вопрос Наполеона: “Кто старший?” — ему назвали князя Репнина. “Ваше имя?” — спросил Наполеон. — “Князь Репнин”. — “Вы командир Кавалергардского полка императора Александра?” — “Я командовал эскадроном Кавалергардского полка”. — “Ваш полк

честно исполнил долг свой”. — “Похвала великого полководца есть лучшая награда солдату”. — “С удовольствием отдаю её вам. А что это за молодой человек с вами?” — “Это сын генерала Сухтелена[53]. Он служит корнетом у меня в эскадроне”. — “Он слишком молодым вздумал тягаться с нами”. — “Молодость не мешает быть храбрым!” — смело ответил Сухтелен. — “Хороший ответ, молодой человек! Вы далеко пойдёте”.

Кавалергардские офицеры нашли в шалашах французской главной квартиры самый радушный приём и попечение о своих ранах»{68}.

Император Наполеон оказался прав: в 1813 году, всего 25 лет от роду, Павел Сухтелен[54] принял Волынский уланский полк и через несколько месяцев был произведён в генерал-майоры за взятие французского города Суассона…

* * *

Мы помним, как из-за неосторожных… так скажем… слов в письме Наполеона Александру I развалился, ещё не создавшись, несокрушимый союз Франция — Пруссия — Россия.

«Это хуже, чем преступление. Это ошибка», — сказал один позабытый ныне французский юрист, и вскоре его слова приписали Талейрану. Что ж, если преступления искупаются понесённым наказанием, то ошибки следует пытаться исправить. Именно поэтому император Наполеон поспешил проявить великодушие по отношению к русским пленным.

«Раненого князя Репнина перевезли в аббатство Мельк, где ему отвели удобное помещение и обеспечили хороший уход. Княгиня Варвара Алексеевна[55], следовавшая за мужем и бывшая в это время в Тешене, получила доступ к больному. В Брюне[56] Репнин снова был представлен Наполеону, который даровал свободу ему и его товарищам, сказав, что возвращает их императору Александру. Комендант Брюна *(Pannetier),* однако, отказывался отпустить пленных, прежде, чем они дадут честное слово не воевать против Франции. Военный министр Бертье, к которому была препровождена жалоба князя Репнина на коменданта, держался такого же толкования слов Наполеона. Тогда Репнин заявил, что “он присягнул служить своему Государю до последней капли крови, и потому предложения принять не может”. Всё это замедлило освобождение пленника»{69}.

Легко ли проигравшему оценить благородство победителя, даже просто поверить в наличие такового? Благородный жест

сильного подчас представляется слабому как ещё большее его унижение. Вряд ли освобождение пленных прибавило русскому царю симпатий к французскому императору — скорее наоборот…

* * *

Александр I, как умный человек, прекрасно осознавал степень своей вины в происшедшей Аустерлицкой трагедии, а потому старался проявить максимально возможную заботу о собственном воинстве — так, чтобы это увидели и оценили все. Участники сражения были осыпаны наградами — даже после победы поощрения вряд ли бывают столь щедрыми. В Кавалергардском полку генерал Уваров был удостоен орденов Святого Александра Невского и Святого Георгия 3-го класса; генерал Депрерадович и полковник князь Репнин — ордена Святого Георгия 3-го класса; все прочие эскадронные командиры, а также адъютанты Уварова — ротмистр Балабин и поручик Чернышёв — ордена Святого Владимира 4-й степени; все раненые офицеры — золотых шпаг «За храбрость», все прочие офицеры — Аннинских крестов на шпаги. Все юнкера и один унтер-офицер были произведены в офицеры. К тому же, что было очень важно, все участники похода не в зачёт получили жалованье за треть года…

Итак, Михаил Орлов возвращался в Петербург корнетом гвардии — этот чин был им получен 9 января 1806 года. Ничего более об участии нашего героя в Австрийском походе и сражении при Аустерлице мы сказать не можем, хотя, по утверждению князя Волконского, Орлов «в этом сражении замечательной храбрости был по отличной его храбрости произведён в корнеты»{70}. Но в том «сражении замечательной храбрости» все кавалергарды, вся Российская императорская гвардия, были героями…

«Гвардия вступила в Петербург 7 апреля в 12 часов дня. Встреченная у Средней Рогатки[57] Государем, она прошла церемониальным маршем до Зимнего дворца. Во главе войск шли кавалергарды. После парада полк занял новые казармы, построенные у Таврического дворца. Государь пожаловал нижним чинам по фунту говядины, по чарке вина и по 1 рублю»{71}.

Глава четвёртая. «ТИЛЬЗИТ!.. (ПРИ ЗВУКЕ СЕМ ОБИДНОМ…)»

Однако, несмотря на щедрые государевы милости, Аустерлицкое поражение очень больно ранило сердца русских офицеров. Подобного разгрома наша армия не знала со времён «Нарвской конфузии», произошедшей — так уж исторически совпало — ровно за 105 лет до того, 19 ноября 1700 года. Но если тогда, во времена Петра I, Россия ещё только «прорубала окно в Европу», то ко времени Александра I «ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела»[58]; в памяти русских жили блистательные победы при Кунерсдорфе и Измаиле, Варшавской Праге, Треббии и Нови…

И тут вдруг вся «слава, купленная кровью» — как впоследствии напишет поэт, — оказалась в прошлом. Пережить это было очень нелегко… Из Кавалергардского полка тогда, под тем или иным предлогом, ушли в отставку или в длительные отпуска многие офицеры.

Через несколько дней по возвращении в Петербург князь Репнин, один из знаменитых героев Аустерлица, испросил отпуск для лечения — с 16 апреля по 1 сентября 1806 года, но по окончании отпуска подал новый рапорт и 11 сентября был уволен от службы генерал-майором «за болезнию от ран».

Тогда же, в сентябре, также с повышением в чине, то есть полковником, ушёл в отставку отважный Карл Лёвенвольде.

В том же году уволились из полка штабс-ротмистры граф Васильев и Плохово, поручик Прокудин… Пожалуй, ни в один год Кавалергардский полк не терял столько народу по собственной их доброй воле.

Конечно, в то же самое время пришли в полк и новые люди: в частности, князь Сергей Григорьевич Волконский, ставший, можно так сказать, «полковым летописцем»: именно он сохранил в своих «Записках» многие подробности жизни Кавалергардского полка в начале XIX столетия, что очень важно для нашей книги.

«Натянув на себя мундир, я вообразил себе, что я уже человек, и по общим тогдашним понятиям весь погрузился в фрунтовое дело… — вспоминал декабрист на старости лет. — Круги товарищей и начальников моих в полку, за исключением весьма немногих, состояли из лиц, выражающих современные понятия тогдашней молодёжи. Моральности никакой не было в

них, весьма ложными понятия о чести, весьма мало дельной образованности и почти во всех преобладание глупого молодечества, которое теперь я назову порочным. В одном одобряю их — это тесная дружба товарищеская и хранение приличий общественных того времени»{72}.

Конечно, мемуары — не документ, они могут быть субъективны, и даже весьма, а потому утверждение об отсутствии моральности и «ложных понятиях о чести» вполне можно списать на стремление автора соответствовать «духу времени», в котором писались эти «Записки», и тому самому «позднему уму», о котором говорил поэт[59]… Но вспомним «Двух гусаров», графа Толстого — кто из персонажей кажется нам более симпатичным? Турбин-отец, ровесник героев Аустерлица, со своими «ложными понятиями о чести», или его сын, человек «прогрессивный» и подобных «понятий» не приемлющий? Ну да не о том речь…

К сожалению, никто из сослуживцев Волконского воспоминаний о полку не оставил, а потому мы не имеем возможности узнать, как самого его встретили кавалергарды. Ведь он, записанный в гвардию с пелёнок, не прослужив ни дня, успел стать армейским ротмистром, а потому, в соответствии с Табелью о рангах, пришёл в Кавалергардский полк сразу же поручиком[60]. Новые его товарищи и одногодки Михаил Орлов, Сергей Воейков, князь Фёдор Гагарин, переведённый в кавалергарды из лейб-гвардии Семёновского полка, дрались при Аустерлице юнкерами, заслужив в бою свои офицерские… (так и хочется красиво сказать — «эполеты», но эполетов в Русской императорской армии тогда ещё не было!) чины — и тут вдруг появляется не нюхавший пороху поручик, который становится над ними старшим. А к «старшинству» в те времена в армии относились весьма щепетильно. Так что вряд ли молодые офицеры полка обрадовались приходу нового сослуживца… Однако позже князь Волконский достойно впишется в полковую семью.

И, повторим, именно Сергею Григорьевичу обязаны мы знанием подробностей о жизни нашего героя и его полковых товарищей. В частности, про Орлова он писал так: «Лицо замечательное по уму, образованности и сердцу, преисполненному чувством полезного, бывшему впоследствии светилом среди молодёжи…»{73}

* * *

Казалось бы, после Аустерлицкого сражения можно было

надеяться, что на землю Европы возвратятся мир и покой — ведь, как говорят в народе, «худой мир лучше доброй ссоры». Уже до исхода 1805 года Австрия заключила с Францией Пресбургский мир, а Пруссия поспешила подписать с ней же договор о наступательно-оборонительном союзе. Возможно, всё и сложилось бы более или менее хорошо, если б у новоявленного французского императора не появились вдруг мечты о мировом — или пока что о европейском — господстве. Как важно вовремя остановиться! Однако далеко не всем дано понять, когда наступает это самое «вовремя»…

Территориальные потери, понесённые Австрией по Пресбургскому договору, были огромны: империя лишалась Пьемонта, Генуи, Венецианской области, Далмации, Баварии, Тироля, Швабии — далее, как говорится, по списку, весьма объёмистому… Император Франц II униженно признавал Наполеона королём Италии. А ведь министр Талейран, политик хитрый, умный и изворотливый, предлагал своему императору не унижать австрийцев до предела и, отнимая одно, дарить другое! То есть в качестве компенсации за утраченное «…дать Австрии солидное территориальное вознаграждение в долине нижнего Дуная — Валахию, Молдавию и Бессарабию, чтобы навсегда поссорить Австрию с Россией и отдалить её от Англии. Наполеон остался непреклонным к своему разгромленному противнику. Фактически Австрия была вытеснена из Италии и Германии. Это было смертным приговором для так называемой древней “Римской империи германской нации”»{74}.

Есть у людей такой талант — к сожалению, совсем не редкий — наживать себе врагов. Наполеон со своими «наполеоновскими» замашками обладал этим талантом в самой полной мере. К смертельному его врагу императору Александру I добавился не менее непримиримый враг император Франц I — так в порыве самоуничижения «переименовал» себя император Священной Римской империи Франц II, официально превратившийся в «наследственного императора австрийского» под «нумером первым».

Летом 1806 года Наполеон попытался подписать мирный договор с Россией, но из этого ничего не вышло… Провалом закончились и переговоры с англичанами.

Между тем, не удовольствовавшись титулами императора французов и короля Италии, Наполеон Бонапарт объявил себя ещё и председателем Рейнского союза, куда первоначально вошли 16 южногерманских и западногерманских княжеств, на престолы которых он тут же стал рассаживать своих родственников…

Унижение Австрии не могло не взволновать Пруссию,

официально пусть и союзную Франции: пруссаки не только увидели возможный вариант своей судьбы, но и реально ощутили первые «укусы» своего «союзника». А потому, писал историк А.А. Керсновский, «Страна и армия требовали войны — и нерешительный король Фридрих Вильгельм III вынужден был после долгих колебаний уступить общему желанию и объявить войну Франции, отправив Наполеону дерзкий ультиматум (очистить Германию, созвать конгресс для всеобщего примирения, признать Северо-Германский союз во главе с Пруссией, созданный в противовес Рейнскому Союзу Наполеона).

Император Французов предвидел такой оборот дел и потому не особенно торопился с выводом своей армии из немецких земель по окончании кампании 1805 года. В момент конфликта в августе 1806 года у него там было 6 корпусов»{75}.

Но старой славой жить невозможно — это было доказано поражением русской армии под Аустерлицем, это доказала и Прусская кампания.

«Подготовка к войне ограничилась мобилизацией армии, вооружением угрожаемых крепостей, сосредоточением армии и назначением командующих.

Прусское государство видело свою гордость именно в том, что оно не нуждается ни в какой подготовке к войне, что оно всегда вооружено и что достаточно одного приказа, чтобы через 4–6 недель быть совершенно готовым к войне. Эта организация была триумфом Фридриха Великого. Но она была рассчитана на его время, на его противников — австрийцев, на его театр — Силезию»{76}.

Как говорится, «в карете прошлого далеко не уедешь»: тут был совершенно иной противник, а на месте Фридриха Великого восседал Фридрих Вильгельм III. И вообще, по словам того же знаменитого военного теоретика Карла Клаузевица, «Французская революция придала европейской политике и войнам другой характер, не предусмотренный Фридрихом Великим».

А потому, совершенно закономерно, дальше были Йена и Ауэрштедт — полный разгром прусской армии. Не только полный, но и позорный.

«Сильнейшая крепость Германии — Магдебург с 23-тысячным гарнизоном и 450 орудиями сдалась без выстрела двум эскадронам французских гусар… Берлин поднёс ключи победителю, и Наполеон в три недели покорил всю Пруссию. Пруссаков охватил ужас и они не думали о продолжении борьбы: сильные крепости сдавались французским разъездам по первому их требованию. Из 186 000 прусских войск около 25 000 было убито и ранено, свыше 100 000 сдалось в плен, до 45 000

дезертировало и рассеялось, осталось лишь 14 000 генерала Лестока, искавших спасения в привислинских крепостях. Король бежал под защиту русских штыков»{77}. Можно уточнить, что в течение шести недель — с 3 октября по 20 ноября — сдалось восемь прусских крепостей, имевших суммарный гарнизон в 58 200 человек.

Господи боже ты мой! И у нас сегодня находятся такие многоумные авторы, которые старательно ругают русскую армию и русских полководцев 1812 года! Поймите, милостивые государи, вот что такое — Наполеон! Ведь только русские смогли по-настоящему устоять, пусть даже и проигрывая сражения, отступая, сдавая кампании — но не сдаваясь, не разбегаясь, не чувствуя себя проигравшими. К чему лицемерить? Воевать с гениальным Наполеоном было безумно трудно!

…Император Наполеон тогда много чего «накрутил» в Европе, но это не имело никакого отношения к нашему юному гвардейскому корнету до тех пор, пока русский царь не возмутился происходящим и не послал за пределы России свои войска. Официально они шли на помощь Пруссии — но, как было и в предыдущую Австрийскую кампанию, пока они дошли до места, союзная армия перестала существовать. Как мы понимаем, русские опоздали не потому, что шли медленно, а потому, что пруссаки — как ранее и австрийцы — поспешили быть битыми…

15 ноября 1806 года отряд пока ещё никому не известного генерал-майора Барклая де Толли не дал французским войскам переправиться через Вислу у Плоцка. 11 декабря тот же Барклай и также ещё совсем не знаменитый генерал-лейтенант граф Остерман-Толстой отбросили французские авангарды под Сохачевом и Чарновом. 14 декабря, в сражении при Пултуске, генерал от кавалерии Беннигсен разбил корпус маршала Ланна… В общем, кампания начиналась для нас очень даже неплохо.

Двухдневное сражение при Прейсиш-Эйлау 26–27 января 1807 года закончилось в пользу русских, однако граф Беннигсен почему-то не пожелал развить успех и вообще решился отступить, так что Наполеон преспокойно приписал победу себе, с чего, в общем-то, и начался перелом в войне, принявшей уже затяжной характер…

В начале февраля император Александр решил вновь отправить в поход гвардию, о чём генерал Кологривов уведомил генерала Депрерадовича 8-го числа.

«10 февраля Де-Прерадович донёс Кологривову, что “Кавалергардский полк к выступлению в поход находится в готовности”, в составе 41 офицера, 802 нижних чинов и 738 коней.

13 февраля, в 6 ч. утра кавалергарды первые выступили из Петербурга. Государь провожал полки и напутствовал их милостивыми словами»{78}.

Казалось, всё было замечательно, сердца русских воинов бились в едином желании отомстить французам! Однако «На другой день по выступлении кавалергардов Цесаревич приказал отдать в приказе по полку, что Государем было замечено, что: 1) “когда полк тронулся из Миллионной, то трубачи заиграли поход в то время, когда полк был не сформирован, ибо штандарты были на правом фланге полка; 2) гг. офицеры, идучи на поенъ-девю[61], лошадей своих горячили, прыгали и не равнялись; 3) при маршировании повзводно шеренги не равнялись, и в эскадроне полк[овника] Титова (2-го) унт[ер]-офицер на место чтобы быть в замке[62], ехал на правом фланге 2-й шеренги; 4) гг. офицеры дурно палаши держали; 5) вообще 2-я шеренга вовсе не равнялась и люди качали палашами; 6) стремена во всём фронте были весьма длинны, и саквы[63] не довольно круто и высоко застёгнуты, что всё Государь Император изволил приказал исправить, дабы впредь сего замечено не было”»{79}.

Можно только догадываться, как восприняли офицеры государев приказ и что они говорили в своём кругу об Александре Павловиче и его достопочтенном братце. Полк отправлялся на войну! Люди были готовы умирать за Отечество, а им — про саквы, про равнение второй шеренги и «качание палашами»… Неужели даже после Аустерлица российский государь ничего не понял?! Не хватит ли играть в солдатики?!

Кстати, в полк, с мечтою взять реванш за Аустерлицкое поражение, начали возвращаться офицеры, поспешившие выйти в отставку после 1805 года.

11 марта 1807 года Карл Лёвенвольде «…вновь поступил в полк ротмистром и 10 апреля прибыл на походе к полку; 27 сентября того же года произведён в полковники и назначен командиром 3-го эскадрона, которым блестяще командовал»{80}. Уточним, что чаще всего офицера увольняли в отставку со следующим чином, но если он решал возвратиться в строй, при том что положенный срок в предыдущем чине выслужил не до конца, то его могли принять обратно не в новом, а в прежнем его воинском звании…

Поход в Пруссию не особенно отличался от описанного ранее — тот же беспорядок, те же проблемы, к ним прибавилась и нехватка продовольствия.

25 марта Кавалергардский полк перешёл границу, и вскоре гвардейский отряд присоединился к главной армии.

Знаменитый генерал Ермолов так прокомментировал

произошедшее: «Государь император прибыл к армии, и пришла гвардия под начальством цесаревича. Главная квартира императора расположилась в Бартенштейне, великого князя в Шипенбейле. Начались разводы, щегольство, и мы в авангарде с тощими желудками принялись за перестройку амуниции»{81}.

Через два месяца русская армия дралась под Гутштадтом, изрядно потрепав корпуса маршалов Нея и Сульта; вскоре, 29–30 мая, произошёл безрезультатный бой при Гейльсберге; а затем, 2 июня, всё завершилось нашим поражением — но не разгромом! — при Фридланде.

«Кампания 1806–1807 годов, пожалуй, самая поучительная из всех ведённых нами против Франции. Победив под Пултуском и Гейльсбергом, оставшись “при своих” — и даже с трофеями при Эйлау, потерпев, наконец, почётное поражение под Фридландом, русская армия опровергла легенду о непобедимости Наполеона. Мы потеряли в боях 26 пушек и ни одного знамени, а захватили 6 знамён и орлов[64] и 16 пушек. Ничтожность трофеев и громадные в то же время кровавые потери — 60 000 с каждой стороны, в достаточной степени свидетельствуют о высоком качестве войск обоих противников»{82}.

В этой войне воевали в основном армейские части, а гвардия — в том числе и Кавалергардский полк — оставалась в резерве.

Князь Волконский так писал о своём друге: «…участвовал в походе с полком в Пруссии в 1807 году, но как полк не был в деле, то не было случая ему выказаться»{83}.

Думается, он не совсем точен — в формулярном списке Орлова значится: «1806-го и 1807-го [находился] в походе против французов и в действительных сражениях 24-го и 25-го числа майя [при] Гутштадте и на реке Посарже. 29-го при Геннесберге и 2-го июня при Фридлянде»{84}. Что ж, Михаил вполне мог выполнять какие-то поручения на поле боя, выступая в роли адъютанта или ординарца. Человек инициативный и деятельный, он вряд ли просто оставался в резерве… Вроде бы за отличие в одном из этих сражений он был даже награждён золотой шпагой «За храбрость».

* * *

4 июня шеф кавалергардов генерал-лейтенант Фёдор Петрович Уваров писал Александру I:

«Сражаясь семь дён сряду и хотя день и ночь беспрестанно, что токмо одни русские делать могут, и имев всегда над неприятелем некоторый авантаж, весьма больно и несчастливо

видеть армию Вашу порасстроенну; правда, что последнее под Фридландом сражение было кровопролитное и весьма дорого неприятелю стоит, но и армия Вашего Величества потерпела и много хороших генералов, штаб- и обер-офицеров лишилася. Вашему Величеству скажу, как чувствую, что весьма нужно, не теряя ни мало времени, взять меры решительныя на одно иль на другое. Ежели ещё воевать, то неприятелю штык[ом] границу свою заставя, а ежели нет, то нужно стараться кончить скорее, а иначе худо быть может»{85}.

Генерал предлагал Александру I альтернативу; ещё более близкие к государю люди — министр иностранных дел князь Адам Чарторыйский, президент Академии наук Новосильцев, цесаревич Константин Павлович — однозначно говорили о необходимости заключить с Наполеоном мир.

И действительно, 7 июля (27 июня) 1807 года был подписан Тильзитский мир между Россией и Францией. Французские историки трактуют произошедшее так:

«В основе всякого политического союза лежит общность вражды двух договаривающихся держав против третьей: Александр I не мог простить Англии, что она смотрела на коалицию лишь как на орудие для защиты своих собственных интересов; с другой стороны, Наполеон только что знаменитым своим берлинским декретом организовал против неё континентальную блокаду. И вот Александр и Наполеон соединяются в своей общей ненависти к Англии. Союз был быстро заключён»{86}.

Всё так просто? Неужто после очередного поражения ненависть нашего государя к Франции, а точнее — лично к Наполеону, сменилась ненавистью к Англии? Конечно же нет! Просто русский царь понимал, что его воинству следует прийти в себя и подготовиться к новым баталиям. Только потому и был заключён этот позорный для России мир, только поэтому император Наполеон и стал для императора Александра I другом, вследствие чего, пока шли переговоры, новоявленные «друзья», как потом скажет поэт о совершенно иных людях, «встречались каждый день верхом»[65]. Ну а так как в нашем случае речь идёт об императорах, то эти встречи не могли обойтись без лейб-гвардии — как с той, так и с другой стороны.

«Для охранения главной квартиры Государя Кавалергардскому полку приказано было расположиться по деревням близ Бенигкейтена. В тот же день в Бенигкейтен выслан полуэскадрон кавалергардов с приказанием “содержать там день и ночь патрули и всех, которые будут грабить, и праздношатающихся брать под арест и отсылать в главное

дежурство”. Кроме этого полуэскадрона, наряжаемого для содержания разъездов, 13 и 14 июня назначен был от полка 1-й полуэскадрон лейб-эскадрона в конвой Государю. Этому полуэскадрону, под командой В.В. Левашова (впоследствии графа), суждено было быть свидетелем Тильзитского свидания и составлять конвой Государя в первые дни его пребывания в Тильзите»{87}.

Честь высокая, но… сомнительная! Только что отгремел Фридланд, менее двух лет прошло с трагического дня Аустерлица, и мало кто из офицеров русской гвардии мог считать французов друзьями, а их самозваного императора «божьим помазанником». Так что те, кто могли избегнуть этой «чести» — её избегали…

Вот что писал уже известный нам генерал Жиркевич: «Мой генерал мне предлагал отправиться в Тильзит с полуротой при первом батальоне Преображенского полка, отряжённого в главную квартиру Наполеона, для содержания там караулов при государе; но я из патриотизма от сего отказался»{88}..

Подпоручик артиллерии имел такую счастливую возможность — отказаться «из патриотизма», ибо получил предложение, а не приказ. Кавалергарды лейб-эскадрона были обязаны отправиться на историческую «встречу двух императоров», потому как их желания на то никто не спрашивал. Да только гвардейские кавалеристы были не меньшими патриотами, нежели гвардейские артиллеристы, к тому же у кавалергардов к французам были свои счёты за предыдущую кампанию. А потому, когда ротмистр Левашов вывел два взвода на берег Немана, в виду стоявшего на фарватере плота с шалашом посредине — места будущей беседы Александра I и Наполеона, — офицеры спешились без всякой команды, бросив поводья коноводам, собрались в тесный кружок и повели между собой оживлённый разговор, выказывая полнейшее безразличие как ко всему, происходившему вокруг, так и к командам Васеньки, как обычно называли в полку 23-летнего ротмистра…

Демонстрация эта, разумеется, была замечена государем, и возмущённый Александр Павлович выразил затем ротмистру Левашову своё неудовольствие.

Известно, что корнет Михаил Орлов выполнял тогда более важную задачу, чем присутствие в рядах почётной свиты императоров. Отменно владеющий французским языком и вообще — весьма и весьма светский человек, он несколько раз был направлен с различными поручениями в Главную квартиру французов. Обычно, выполнив поручение, молодой офицер не спешил возвращаться, но охотно вступал в разговоры с

французами, присматривался к происходившему, важное запоминал и анализировал. В отличие от многих, даже и весьма высокопоставленных лиц, он считал, что худой Тильзитский мир долго не продлится и что, невзирая на все заверения императоров о вечной дружбе и союзе великих держав, русской и французской армиям ещё придётся скрестить штыки. Русские обид не прощали, а Наполеон не собирался отказываться от своих «наполеоновских» планов: быть самым первым, царить над всеми.

А ведь, пожалуй, для него тогда была последняя возможность остановиться. В Тильзите французский и русский императоры фактически поделили между собой Европу:

«Наполеон посулил царю территориальное обогащение в Финляндии за счёт Швеции и в румынских княжествах (Молдавии и Валахии) за счёт Турции; взамен царь согласился признать все завоевания Французской империи и все королевства, созданные Наполеоном. По тайному пункту он обязался соблюдать блокаду, т. е. строжайше закрыть свои порты англичанам. Итак, царь отрёкся от своей недавней союзницы, Англии, а Франция — от своих старых союзников, Швеции и Турции.

…Отныне Италия, Германия, Австрия, Пруссия и Польша всецело были подвластны Наполеону; он разделял с русским царём владычество над миром. Вскоре он пожелал уже один властвовать над Европой…»{89}

…Корнет Орлов понимал, что война неизбежна и, значит, к ней следует готовиться. В частности, необходимо как можно лучше узнать своего противника.

В начале июля гвардия двинулась в обратный путь.

«В общем полк совершил обратный поход благополучно, но должно отметить, что число бежавших даже в Кавалергардском полку было весьма значительное — 30 человек…

По мере приближения к Петербургу всё чаще и чаще появлялись напоминания и строгие требования приведения эскадронов в порядок; вместе с тем введены были некоторые изменения в уставе, заимствованные у французов, впрочем, почти исключительно — внешнего характера.

При вступлении в Красное Село предписано было офицерам быть “уже всегда под пудрою”, исправить у нижних чинов на касках козырьки и плюмажи, так как они “не прямы”, одеть рейткнехтов[66] “по форме”, офицерам непременно иметь в ольстредях[67] пистолеты. Вслед за этим на неисправных офицеров наложены были взыскания»{90}.

Было понятно, что гвардия вновь возвращается в душную атмосферу «фрунтовой эквилибристики» и мелочных придирок, что придётся думать о красоте строя, а не о победе в будущей

войне… Казалось, что Тильзитский мир поставил крест на патриотическом желании свести счёты с французами за Аустерлиц.

23 августа гвардия торжественно вступила в Петербург: первой шла пехота, за ней — артиллерия, потом — кавалерия, шествие которой открывал Кавалергардский полк.

Затем кавалергарды отправились на Шпалерную улицу, где находились полковые казармы и офицерские квартиры, а корнет Колычев, по приказанию цесаревича Константина, — прямиком на гауптвахту, под арест. Вина офицера заключалась в том, что он попробовал отпустить усы, которые в то время имели право носить лишь офицеры лёгкой кавалерии, гусарских и уланских полков. Вот такой ужасный проступок! Ну и что с того, что Колычев имел за Аустерлиц орден Святой Анны 4-й степени? Преступление против установленного порядка оказалось весомее боевых заслуг.

А ночью в казарме повесился рядовой солдат, очевидно, не ожидавший ничего хорошего от предстоящей мирной жизни… И это несмотря на то, что отношение к нижним чинам в Кавалергардском полку было, по определению современника, «патриархально-снисходительным», строгость наказаний — «весьма умеренная», а кулачная расправа офицеров с солдатами и унтерами вообще «считалась предосудительной»…

«Не успели войска вернуться из Пруссии, как требования маршировки “в каденс, тихим шагом”, “сохранения позитуры” и т. п. были усилены до последних пределов. Результатом таких требований было то, что на обучение существенному не оставалось времени, и под влиянием спроса стал всё более и более проявляться тип генерала, способного дать блистательный вахтпарад, но не способного маневрировать под огнём *на местности.* Неохотно и уступая только крайней необходимости, приняли глубокий строй и рассыпную стрельбу, но дух линейной тактики продолжал витать над русской армией»[{91}].

Удивительно, но из цитируемого нами третьего тома подробнейшей «Истории кавалергардов» этот период полковой жизни фактически выпадает. Глава V «Тильзит» заканчивается информацией о том, что 30 августа 1807 года все офицеры гвардии, бывшие в походе, были приглашены на высочайший обед в Таврический дворец, а в следующей, VI главе «Отечественная война» после краткого обзора европейских событий даётся письмо полкового адъютанта поручика Михаила Бутурлина от 19 февраля 1812 года с извещением о том, что через несколько дней кавалергарды выступят в поход. Таким образом, можно подумать, что почти пять лет прошли бесследно…

Но это, разумеется, было совсем не так!

На наше счастье, мы можем обратиться к запискам князя Волконского, служившего в полку как раз в то самое «безвременье». Полковые товарищи давно уже не смотрели на поручика, как на выскочку и «баловня фортуны» — в прошедшую кампанию князь показал, чего он на самом деле стоит. Перед началом Прусского похода Волконский был назначен адъютантом главнокомандующего генерал-фельдмаршала графа Каменского, а после его отъезда из армии в том же качестве перешёл к графу Остерману-Толстому, генералу, известному отвагой и самоотверженностью. Ревностно исполняя его поручения, князь заслужил в бою под Пултуском орден Святого Владимира 4-й степени с бантом, а в сражении под Прейсиш-Эйлау, где он был ранен пулей в бок, — золотой Прейсиш-Эйлауский крест. Потом он стал адъютантом барона Беннигсена и за Фридланд был награждён золотой шпагой «За храбрость».

Таким образом, князь превзошёл Орлова и прочих своих ровесников не только чином, но и наградами и, что ещё важнее, боевым опытом… Однако, как нам уже известно, гвардейцам теперь требовались совершенно иные навыки.

О том князь Сергей Григорьевич как раз и писал:

«Тут настаёт мне совершенно другая жизнь, уже не полная боевых впечатлений, а просто тяжкая фрунтовыми занятиями и пустая в общественном быте…

Хотя Кавалергардский полк, в котором я служил, славился составом корпуса офицеров, но в общем смысле моральной жизни не могу ничего сказать хорошего. Во всех моих товарищах, не исключая и эскадронных командиров, было много светской щекотливости, что французы *называют point d'honneur*[68], но вряд ли кто бы выдержал во многом разбор собственной своей совести. Вовсе не было ни в ком религиозности, скажу даже, во многих безбожничество. Общая склонность к пьянству, к разгульной жизни, к молодечеству…»{92}

Напомним, что всё это Волконский писал много-много лет спустя, когда многих друзей его юности уже не было в живых, а сам он стал совершенно иным человеком, нежели в годы своей лихой гвардейской юности. Именно этим, думается, и обусловлено его критическое отношение к прошлому.

Хотя, как мы уже сказали, времена настали отнюдь не радостные.

Позор Аустерлица и горечь Тильзита определили атмосферу в гвардейских казармах — при том что высшее руководство уже как бы и забыло обо всём произошедшем, заставляя полки готовиться не к сражениям, но к парадам и строго взыскивая с офицеров за

любые нарушения формы одежды и рутинных правил службы. Соответственно, офицеры становились раздражительны и резки, их речи — злы и задиристы, порой даже обидны для окружающих.

В Кавалергардском полку участились дуэли, причём насмерть дрались из-за пустяков, из-за сущей ерунды.

«Императрица Елисавета Алексеевна имела обыкновение гулять в Летнем саду по утрам, и однажды была испугана появившимся неожиданно в саду караулом кавалергардов, возвращавшихся после смены в свои казармы; она сказала об этом Государю, и он приказал впредь караулам не проходить через Летний сад. Шеншин[69] пошёл однажды посмотреть, исполняется ли в точности этот приказ, и, войдя в сад, увидел штабс-ротмистра Авдулина[70], ведущего свой караул по одной из аллей. Шеншин немедленно напомнил ему приказ, Авдулин возразил, и слово за слово один другому наговорили дерзостей. Они стрелялись, и Шеншин был убит. Несмотря на это, Авдулин даже не был судим и оставался в полку, как будто даже ничего не происходило»{93}.

Хотя командование полка и получило замечание от Константина Павловича — но только за некоторые нарушения, допущенные при организации похорон злосчастного ротмистра Шеншина…

Порой дрались просто от скуки, из желания пощекотать себе нервы. Подобных забияк, не без успеха искавших повода для дуэли, называли французским словом *bretteur,* вошедшим потом и в русский язык, как *бретёр*. Пожалуй, наиболее известным из таких личностей в Кавалергардском полку был поручик Михаил Лунин — брат погибшего при Аустерлице корнета. Быть может, именно это его и ожесточило?

Однажды — разумеется, из-за какого-то пустяка, тому есть как минимум две версии — Лунин вызвал на поединок Алексея Орлова. К тому времени старший брат Михаила, отличившийся при Аустерлице, где он получил золотую саблю «За храбрость», перешёл штабс-ротмистром лейб-гвардии в Конный полк, составлявший с Кавалергардским одну бригаду, а потому их офицеры общались между собой довольно часто.

«Первый выстрел был Орлова, который сорвал у Лунина левый эполет. Лунин сначала хотел было также целить не для шутки, но потом сказал: “Ведь Алексей Фёдорович такой добрый человек, что жаль его”, — и выстрелил на воздух. Орлов обиделся и снова стал целить; Лунин кричал ему: “Вы опять не попадёте в меня, если будете так целиться. Правее, немного пониже! Право, дадите промах! Не так! Не так!” Орлов выстрелил, пуля пробила шляпу Лунина. “Ведь я говорил вам, — воскликнул Лунин,

смеясь, — что вы промахнётесь! А я всё-таки не хочу стрелять в вас!” И он выстрелил на воздух. Орлов, рассерженный, хотел, чтобы снова заряжали, но их разняли. Позже Михаил Фёдорович Орлов часто говорил Лунину: “Я вам обязан жизнью брата…”»{94}.

Если бы выстрел Лунина оказался роковым и Алексей Орлов отправился к праотцам, то судьба нашего героя впоследствии оказалась бы совершенно иной… Но кто тогда мог об этом догадываться?

«Наша жизнь была более казарменного, нежели столично-светской… Ежедневно манежные учения, частые эскадронные, изредка полковые смотры, вахтпарады, маленький отдых бессемейной жизни; гулянье по набережной или бульвару от 3-х до 4-х часов; общей ватагой обед в трактире, всегда орошённый через край вином, не выходя, однако ж, из приличия; также ватагой или порознь по борделям, опять ватагой в театр, на вечер к Левенвольду или к Феденьке Уварову[71]… а тут спор о былом, спор о предстоящем, но спор без брани, а просто беседа. Едко разбирались вопросы, факты минувшие, предстоящие, жизнь наша дневная с впечатлениями каждого, общий приговор о лучшей красавице; а при этой дружеской беседе поливался пунш, немного загрузнели головою — и по домам…»{95} — так описывал князь Волконский бытие своих товарищей, кавалергардских офицеров.

Однако последующие исследователи трактовали происходившие события несколько по-иному — в соответствии с духом своего времени. Рассказывая об этом периоде, биограф Орлова Л.Я. Павлова пишет:

«Новое поражение заставило молодых офицеров Кавалергардского полка, которые и раньше живо интересовались политическими проблемами, серьёзно задуматься над будущим страны.

М.Ф. Орлов организовал кружок офицеров-патриотов, среди которых были С. Волконский, М. Лунин, П. Лопухин, П. Киселёв, Ф. Уваров, Д. Бутурлин, П. Билибин, А. Меншиков. Впоследствии Волконский, Лунин, Лопухин и Орлов стали декабристами, Киселёв, Меншиков и Бутурлин занимали высокие военные и гражданские посты»{96}.

Не совсем понятно, правда, при чём тут гвардейский артиллерист светлейший князь Меншиков, ставший впоследствии адмиралом, и кто такой Билибин? Но все остальные — кавалергардские офицеры, из которых один только Михаил Лунин не выслужил генеральских эполетов. Однако мы бы не рисковали называть их каким-то «кружком», да ещё и «организованным Орловым». Просто, как пишет князь

Волконский, Кавалергардский полк был как бы разделён на два «отдела»: «бонтонный» — то есть хорошего тона, и «мовежанрский» — то есть, так скажем, противоположного направления, где господа офицеры предпочитали разврат и умеренное пьянство вышеописанному времяпрепровождению — с театром и дружескими беседами. Про существование каких-либо «кружков» мемуарист не пишет ничего.

Ведь если бы нечто подобное было, то Сергей Григорьевич рассказал бы обязательно. А так, в очередной раз обращаясь к образу своего однополчанина, друга и родственника, к тому времени — давно уже ушедшего, он ограничивается многозначительной, но абсолютно неконкретной характеристикой: «Вместе с тем он в кругу петербургского общества приобрёл уважение, уже тогда стал во главе и мыслящей и светской молодёжи»{97}. Звучит, конечно, хорошо и красиво — вот только что это значит? Коим образом он мог «стать во главе»? В качестве кого?

Как вспоминал Волконский, в тесной офицерской компании обсуждались самые разные темы — а потому и не удивительно, что 25 августа 1808 года поручик Орлов (в чин этот Михаил был произведён недавней весной, 27 апреля) выступил перед сослуживцами с «Прожектом постановления» — трактатом о неустройствах в земле Русской, а также о том, что следовало бы сделать государю и его правительству, дабы, в конце концов, навести в империи порядок…

«Автор проекта… заклинает царя “предупредить страшную и неизбежную катастрофу, грозящую отечеству в лице как его вождя, так и последнего из подданных”. С восхищением автор вспоминает первое время царствования Александра, когда “блестящая будущность открывалась взорам всей нации”, и самыми чёрными красками рисует политическое положение, в котором оказалась Россия к 1808 году… нерешительные и несогласованные полумеры во внутреннем управлении, полный разброд в рядах министров: рядом с дельными людьми — “олицетворения глупости, неспособности, неопытности, стяжательства, честолюбия, безнравственности…”, засилие бюрократической касты, составленной из иностранцев и “людей самых подлых классов”, невежественные и корыстолюбивые губернаторы, расстроенные и неразумно растрачиваемые финансы, армия и флот, не имеющие признанных вождей и необходимого оснащения…»{98}

Признаем, что «картинка» нарисована достаточно типическая для России — на разные времена…

Однако Орлов хотел — ни больше ни меньше! — передать

свой меморандум Александру I. Что ж, если Орловы могли менять царей на российском престоле, то уж давать монархам советы — им сам Бог велел!

Полковые товарищи Михаила подобное намерение не одобрили и дружно отсоветовали поручику «высовываться» со своей инициативой. Хотя сам «Прожект» офицеры слушали с интересом и соглашались с его положениями, уверяя, что все они готовы подписаться под этими строками, но лишь при условии, если после того Орлов запрячет этот меморандум куда-нибудь подальше… Не то чтобы боялись, а просто сознавали, что это не их дело — мол, на то есть старшие, при больших чинах, которым и решать. Внутренние неустройства заботили гвардейское офицерство гораздо меньше, нежели дела «международного плана». Недаром писал тот же Волконский: «Одним я теперь горжусь былым временем — это общий порыв молодёжи всех слоев желать отомстить французам за стыдное поражение наше под Аустерлицем и Фридляндом»{99}.

Как свидетельствовал поэт-партизан Денис Давыдов, служивший в Кавалергардском полку до Орлова, а потом переведённый в армейские гусары за дерзкие стихи, «ненависть французов к русским и русских к французам началась именно с этой эпохи»{100} — то есть с Австрийской и Прусской кампаний…

Через несколько лет ненависть эта выплеснется на полях Отечественной войны. Пока же для гвардейских офицеров главным её объектом стал официальный представитель Франции в Петербурге дивизионный генерал маркиз Арман Огюстен Луи де Коленкур, герцог Виченский. Кстати, к России и русским он относился с большим уважением, но… Многие кавалергарды демонстративно перестали бывать в домах, куда был вхож французский посланник, и игнорировали приглашения на балы во французское посольство — несмотря на то, что Александр I требовал, чтобы русские гвардейцы там бывали. Государь требовал — а значит, составлялись списки тех, кто был обязан пойти на бал, чтобы обеспечить «представительство», однако офицеры это требование не выполняли — и кое-кто даже отсидел под арестом за подобную «демонстрацию».

Если для одних бал ассоциировался «с первым выходом в свет Наташи Ростовой», то для других являлся выполнением досадной служебной обязанности…

Переходили кавалергарды и к «активным действиям». Всем в столице было известно, что в недавно приобретённой резиденции французского посла — на Дворцовой набережной, на полпути от Зимнего до Мраморного дворца, — в угловой гостиной висел портрет Наполеона, а под ним стояло кресло наподобие трона.

Никакой иной обстановки в этой комнате не было. Кавалергардские офицеры сочли это «обидой народности». А потому выбрали зимнюю ночку потемнее и поненастнее и, промчавшись на санях мимо посольства, побили зеркальные стёкла этой комнаты припасёнными булыжниками… Скандал! Но кто знал его героев? За такое ведь можно было и «под красную шапку» угодить — то есть быть разжалованными в солдаты. Потому про то знали одни лишь участники, из которых нам известен только князь Волконский, но они, разумеется, молчали…

Хотя, бывало, офицеры действовали и с «открытым забралом» — причём задирая самого государя императора, авторитет которого в гвардии резко снизился после Аустерлица и Тильзита. Говоря откровенно, царь тогда очень боялся повторить судьбу своего злосчастного отца…

У Александра Павловича была привычка: в строго определённый час он выходил на прогулку по определённому маршруту, наречённому в Петербурге «царским кругом»: по набережной Невы до Летнего сада, по саду вдоль Фонтанки и по Невскому проспекту, представлявшему тогда собою бульвар, обсаженный берёзками. В это время, как бы случайно, на центральном проспекте города оказывался весь *beau monde*[72], всё столичное общество — от царедворцев до представителей наиболее состоятельного купечества. Все гуляющие были одеты весьма изысканно и двигались, соответственно, от Адмиралтейства к Фонтанке, то есть по направлению навстречу государю. Цель у них у всех была одна: оказаться замеченными, удостоиться ласкового слова, улыбки или хотя бы царственного взгляда. В боковых прилегающих к проспекту улицах — Итальянской, Караванной, Большой и Малой Конюшенных — теснились экипажи, в которых «любители пеших прогулок» возвращались домой, лишь только император проходил мимо них. Проспект за спиной Александра Павловича пустел буквально на глазах…

Кавалергардские офицеры обыкновенно выходили на Невский проспект шеренгой, почти что во всю его ширину, и никому не уступали дороги. Вели они себя довольно развязно, громко смеялись, разговаривали, не понижая голоса и выбирая для своего злословия весьма почтенных людей… Александр Павлович замечал эту бесцеремонную компанию издалека, и настроение его портилось. Когда кавалергардам оставалось до встречи с государем несколько шагов, они резко меняли свой стиль поведения, умолкали, подтягивались и, замерев во фрунт, вскидывали левые руки к полям форменных шляп[73]. Император,

делая вид, что не замечает офицеров, спешно проходил мимо…

В конце концов Александр не выдержал «…и поручил Уварову передать Де-Прерадовичу, что тот составил ему корпус не офицеров, а вольнодумцев. Замечание Государя огорчило Николая Ивановича. Собрав всех офицеров, он сообщил им слова Государя и объявил, что, несмотря на всю любовь и уважение к полку, вынужден подать в отставку. Офицеры, за исключением троих, просили его не покидать их и взять обратно прошение об отставке. Де-Прерадович, тронутый их просьбой, ответил, что не может лично от себя просить о возвращении прошения. Тогда офицеры послали к Уварову депутацию с просьбой не давать хода прошению их любимого начальника, и прошение было возвращено»{101}.

…Вообще, сие время было прославлено кавалергардскими «шалостями» — то офицеры перевешивали вывески магазинов на городских улицах; то, подъехав на лодках к Каменноостровскому дворцу, исполняли на музыкальных инструментах серенаду для императрицы Елизаветы Алексеевны, после чего уходили от полицейского катера; а то, выйдя на фарватер Невы на черном катере, везущем гроб, вдруг сбрасывали с себя траурные одежды, доставали из гроба шампанское и, к восторгу глазеющей публики, устраивали кутёж…

Есть у нас и другие, пусть и отрывочные, свидетельства о жизни Михаила Орлова в тот период. Вот что писал в своих «Записках» генерал-лейтенант и, в прошлом, декабрист Александр Муравьёв[74], бывший в те самые времена подпоручиком Свиты по квартирмейстерской части:

«Очень коротко познакомился я с живущим от меня недалеко в кавалергардских казармах поручиком того же полка Михаилом Фёдоровичем Орловым, человеком весьма ловким и достойнейшим, великолепной наружности и большого образования, начитанности и красноречия. Он был воспитанник известного *Abbe Nicole*. Часто ходил я к нему беседовать и фехтовать, и мы на эспадронах бились до синих пятен. Орлов был силы необыкновенной, не только физической, но и умственной. Мы часто встречались с ним в разных случаях нашей жизни, и он всегда оправдывал в глазах моих то высокое мнение, которое я о нём себе составил»{102}.

А в общем, энергия била через край, отношения с Францией, недавним другом и союзником, разлаживались, все ждали войну — и в шалостях, проказах и поединках был хоть какой-то выход.

* * *

В двух словах международную обстановку можно описать так:

«Эрфуртское свидание 1808 года явилось апогеем дружбы двух Императоров. Вскоре после него эта дружба стала идти на убыль, и с 1810 года от ношения между Александром и Наполеоном совершенно испортились.

Примкнув к “континентальной системе”, Император Александр наложил на Россию совершенно непосильные для неё и невыполнимые обязательства. Рубль обесценился на три четверти, и экономическую жизнь страны разбил бы полный паралич, если бы торговля с Англией, вопреки всем договорам с Наполеоном, не поддерживалась бы, правда, в минимальных размерах. А это обстоятельство давало Императору Французов повод жаловаться на неискренность и фальшь своего эрфуртского союзника»{103}.

К этому ещё можно добавить известное властолюбие императора Наполеона и его стремление к мировому господству.

Впрочем, не нужно считать, что Александр I изначально принял на себя роль жертвы, с фатальной неизбежностью ожидавшей наполеоновского нападения.

«Первоначальные планы войны Императора Александра были наступательные: Государь сначала предполагал двинуть в пределы герцогства Варшавского 200-тысячную армию и, провозгласив восстановление Польши, объявить себя королём Польским. При этом Государь отдавал Польше русские губернии по Двине, Березине и Днепру.

Для приобретения согласия Австрии на уступку Галиции восстановленной Польше Император Александр предлагал Австрии Молдавию (до р. Серет), Валахию и Сербию. Австрия отказалась.

Государь вступил в переписку с Чарторыйским; результатом этих переговоров было убеждение, что на поляков нельзя рассчитывать, что они предаются мечтаниям о восстановлении Польши Наполеоном, а потому при столкновении с последним встанут на его сторону. Затем Государь предложил союз Фридриху-Вильгельму, но последний упал духом до последней крайности и предпочитал обратиться в вассала Наполеона, чем рисковать чем-либо.

Наступательные планы были оставлены; решено было готовиться к войне, но выжидать события. Опыт наших войн с Наполеоном и характер действий Наполеона (выхватывание почина действий, быстрота маршей и стремление решительным боем окончить кампанию) приводили всех русских главнокомандующих (Кутузова, Каменского и Беннигсена) к одному и тому же выводу, выводу, как бы основанному на

афоризме самого же Наполеона: “На войне не делать того, чего желает противник, по той единственной причине, что он того желает”»{104}.

Забавно, но некоторые современные историки подают эту информацию как собственное сенсационное открытие и чуть ли не разоблачение «агрессивной сущности» политики императора Александра I. Но, как видим, всё это, во-первых, давно известно; а во-вторых, раз война была неизбежной — то к ней и готовились, рассматривая все возможные варианты её хода и развития.

Разумеется, подготовка осуществлялась не только на уровне планов.

«Император Александр I предпринимает целый ряд мер, обеспечивавших Россию от внезапного и безнаказанного вторжения неприятеля в русские пределы. Поэтому 1810-й и 1811-й года являются временем лихорадочной деятельности в сфере увеличения и преобразования Русских вооружённых сил. Реформы следуют за реформами: армейская пехота усилена 23 полками, причём совершенно вновь сформирована 27-я пехотная дивизия; 52 гарнизонных батальона преобразованы в 13 линейных полков; полевая артиллерия усилена значительным числом новых рот; к гвардейской кавалерии добавлена вновь сформированная лейб-гвардии Черноморская сотня и, наконец, гвардейская пехота усилена переформированием лейб-гвардии Финляндского батальона в трёхбатальонный полк и сформированием нового гвардейского полка, получившего права и преимущества старой гвардии и наименованного лейб-гвардии Литовским.

Увеличение численности гвардейских частей объясняется желанием императора Александра I довести свою гвардию до такого состояния, при котором она могла бы соперничать со знаменитой гвардией Наполеона»{105}.

Происходившие события напрямую коснулись и нашего героя: 1 июля 1810 года поручик Михаил Орлов был определён адъютантом к генерал-лейтенанту князю Петру Михайловичу Волконскому, только что назначенному управляющим квартирмейстерской частью, если говорить по-современному, то — Главным оперативным управлением.

В то же примерно время штабс-ротмистр князь Сергей Волконский был назначен адъютантом главнокомандующего Задунайской армией генерала от инфантерии графа Каменского и убыл в Молдавию, где с 1806 года шла очередная война с Турцией…

Глава пятая. «ГРОЗА ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»

1812 год начался для Михаила Орлова весьма неудачно. Вот что по этому поводу записал в дневнике его сослуживец Николай Дурново[75], прапорщик Свиты по квартирмейстерской части и, так же как и Орлов, адъютант князя Волконского:

«[1 *февраля.*] Я был вынужден отправиться на службу к князю, так как мой товарищ Михаил Орлов уехал ночью в Москву. Его брат Фёдор решил покончить с собой и с этой целью зарядил пистолет тремя пулями. К счастью, заряд был слишком сильным, пистолет разорвался и только слегка его ранил…»{106}

Подробности этой истории изложены в записках Александра Яковлевича Булгакова, московского почт-директора:

«Вчера, младший сын графа Фёдора Григорьевича Орлова, Фёдор, проиграв 190 тысяч в карты, застрелился; но как пистолет был очень набит и заряжён тремя пулями, то разорвало ствол, и заряд пошёл назад и вбок. Убийца спасся чудесным образом; однако ж лицо всё обезображено, и правое плечо очень ранено. Он останется жив однако. Странно будет, лет через 20, сказать: вот человек, который в 1812 году застрелился»{107}.

Знал бы достопочтенный Александр Яковлевич, писавший эти строки в январе 1812 года, насколько странно будет говорить про человека, стрелявшегося в Двенадцатом году!

…Фёдор Орлов с 1809 года служил корнетом лейб-гвардии в Конном полку, но в марте минувшего 1811 года ушёл в отставку тем же чином…

* * *

«Настал 1812 год, памятный каждому русскому, тяжкий потерями, знаменитый блистательною славою в роды родов! — писал в своих «Записках» генерал Алексей Петрович Ермолов, командовавший в то время гвардейской пехотной дивизией. — В начале марта месяца гвардия выступила из С.-Петербурга»{108}.

17 марта в поход к западным границам пошла гвардейская кирасирская бригада — полки Кавалергардский и лейб-гвардии Конный.

В истории кавалергардов говорится:

«Поход был тяжёлый как вследствие климатических, так и местных условий; особенно ощутительны были резкие переходы

от оттепели к морозам.

К счастью для кавалергардов, Цесаревич был при Конной гвардии, двигавшейся по другому тракту, а потому полк, при котором находился сам Де-Прерадович, а равно и бригадный командир Шевич[76], шёл в шинелях; у Цесаревича, по словам очевидца, “позволение надеть шинели” считалось “выражением особого благоволения”»{109}.

Все понимали, что идут на войну — однако ничего не изменилось: во главе угла всё так же стояли мелочные интересы службы…

9 апреля к армии отправился император Александр I.

А наш герой как раз в то время, 10 апреля, прибыл в Вильну, потому как был прикомандирован к штабу 1-й Западной армии. Армией командовал Михаил Богданович Барклай де Толли, теперь уже — генерал от инфантерии; 20 января 1810 года он был назначен военным министром и сохранял эту должность поныне, несмотря на своё назначение главнокомандующим армией. Однако единого главнокомандующего над всеми армиями не было, что вносило большой разлад в дело управления войсками. Хотя Барклай де Толли, как и главнокомандующий 2-й Западной армией князь Пётр Иванович Багратион были произведены в чин генерала от инфантерии одним высочайшим приказом, но князь (исключительно по алфавиту!) стоял в этом приказе раньше, поэтому официально являлся… старшим в чине. А к старшинству в армии, как мы говорили, отношение тогда было весьма щепетильное; поэтому Багратион не раз конфликтовал с «молодым» Барклаем и был вынужден считаться с ним только из-за его министерской должности. Стоит отметить, что по своей численности 1-я Западная армия превосходила 2-ю более чем в два с половиной раза: 120 тысяч штыков и сабель у Барклая де Толли, 45–48 — у князя Багратиона. К счастью, генерал Тормасов[77], главнокомандующий 3-й Обсервационной армией, действовавшей на левом фланге, на старшинство не претендовал, хотя по численности его армия не уступала 2-й Западной, а в чин генерала от кавалерии он был произведён ещё 15 сентября 1801 года…

Начальником Главного штаба 1-й Западной армии был генерал-лейтенант Лавров, генерал-квартирмейстером — генерал-майор Мухин, которые, очевидно, являлись для гвардии поручика Орлова непосредственными начальниками.

А теперь — два документа, хранящиеся в архивах:

«Ген. от кав.[78] Платов Военному министру, 1 июня 1812 г. из Белостока, № 1. Секретно.

…От посланных от меня для разведывания о заграничных

происшествиях верных людей, имею я удостоверительное сведение, что французское войско от города Торгау через Пруссию следует вперёд к стороне реки Неман, как о сём подтверждают по личному вопросу моему приехавшие на сих днях из Кенигсберга, находившиеся там по торговому промыслу, жители Белостока два еврея, что на прошедших днях во время приезда их из Кенигсберга, видели они следующие войска, в кавалерии, пехоте и артиллерии состоящие, по дороге от помянутого города Кенигсберга, и городах Прейсиш-Эйлау, Бартенштейн и Ростенбург.

А между тем имею я удостоверенно сведения, что дивизия генерала Домбровского потянулась из местечка Остроленки налево, на наш правый фланг, как понимаю к реке Неману…

…в городах Полоцке и Пултуске готовятся провиантские магазейны, кроме того, имеется таковой в местечке Высоко-Мозовецке.

Подпись: Ген. от кав. Платов».

«И. д.[79] директора Юрбургской таможни Военному министру,

1 июня 1812 г., № 42. Секретно.

Пропущенный прошлого мая 22 дня за границу в Пруссию еврей Меер Морковский, по предъявленному им купону, выданному от 19-го числа мая 1812 года по № 39, прибыл обратно того же месяца 31-го числа.

О таком возврате донося Вашему высокопр[евосходитель]ству, честь имею представить у сего обе половины означенного купона.

Подпись: За Директора Солонитский».

Это — совсем немногое из числа тех секретных писем и донесений, что приходили в адрес Барклая де Толли в те воистину предгрозовые дни. Казалось бы, какое дело военному министру до некоего Меера Морковского и почему на имя генерала от инфантерии приходили депеши за подписями незначительных таможенных и почтовых чиновников, армейских обер-офицеров?

Противостоящие силы по обе стороны границы ещё оставались недвижимыми, но тайная война давно уже началась. За реку Неман, туда, где на исходные рубежи выходила и разворачивалась наполеоновская армия, ежедневно и ежечасно отправлялись русские агенты — торговцы, поселяне, обыватели… Бесстрашные казачьи разъезды то появлялись перед корпусами

врага на расстоянии пистолетного выстрела, то маячили на горизонте, а потом исчезали бесследно, словно и не было их вовсе…

«С первого взгляда на карту наших западных границ видно, что предназначавшиеся против неприятеля войска наших трёх армий были растянуты на весьма большом пространстве. Причиною этого было размещение войск Наполеона, стоявших от Кенигсберга до Люблина, так, что нельзя было предугадать, в каком месте последует их вторжение в наши пределы. Поэтому не было возможности сосредоточить наши армии около одной какой-либо точки; однако, по предположению, впоследствии оправдавшемуся, что Наполеон устремится в Вильну, — в случае вторжения его назначено было корпусам 1-й армии сосредоточиться у Свенцян…»{110}

Правильности этого предположения русское командование было обязано своей разведке.

«…под руководством военного министра наряду со стратегической (внешней) разведкой уже в мирное время организуется и тактическая разведка. Так, штабы армий и корпусов, дислоцированных на западной границе, развернули сбор разведывательных сведений и материалов о сосредоточении французских войск на сопредельных территориях»{111}.

В штабе Барклая сообщения тайных агентов и их начальников (слово «резидент» в этом значении тогда не применялось) и все секретные документы, имевшие отношение к разведке, поступали в руки гвардии поручика Михаила Орлова. Он принимал и визировал бумаги, читал их, по крупицам выбирая необходимые сведения, сверял, обобщал, анализировал, чтобы доложить министру самую важную и точную информацию.

В результате большой и кропотливой тайной работы, в которой на заключительном её этапе принимал участие наш герой, русское командование было подробно информировано обо всех передвижениях неприятельских войск и готово к действиям. Именно благодаря налаженной разведывательной работе главнокомандующим русскими армиями удалось вывести свои войска из-под ударов и отступить, счастливо избегая того приграничного сражения, которым Наполеон стремительно решал судьбы своих кампаний.

«Мы пробыли таким образом почти 3 месяца в Вильне до открытия войны, жили весело, но скромно, посещали некоторых знакомых, из которых ближайший ко мне был Кавалергард[ского] полка поручик М.Ф. Орлов, приятный и добрый товарищ. Он скоро был сделан адъютантом кн. Щетра] Михайловича] Волконского и был им употребляем по труднейшим делам,

которые всегда исполнял с желаемым успехом»{112}, — писал известный нам квартирмейстерский подпоручик Александр Муравьёв. Вот только относительно «скорого назначения» Орлова он ошибался: адъютантом генерал-квартирмейстера Михаил стал ещё в 1810 году.

А вот что значит — «жили весело, но скромно»? Достаточно подробный рассказ об этом можно найти на страницах дневника Николая Дурново — имя Михаила Орлова здесь встречается постоянно:

«[12 апреля] Вечер у Михаила Орлова. Это человек высокого духа, и с ним всегда есть о чём поговорить»{113}.

«[*15 апреля]* Вечером, отправившись к Орлову, застал у него Селявина и Михаила Голицына. Мы проговорили до десяти часов».

«[16 апреля] Орлов и Голицын ужинали у нас. Сыграли партию в шахматы и только в полночь разошлись».

«[20 апреля] Пообедав дома, зашёл к Орлову, с которым мы отправились во дворец, к заутрене и к обедне».

Кстати, автор дневника отмечает особую религиозность Орлова — в одной из его более ранних записей говорится:

«Он разделяет убеждение Александра Муравьёва и даже превосходит его в вере в существование Троицы».

Муравьёв был знаменит своей набожностью, что в те времена среди «военной молодёжи» было достаточно редким явлением…

«[22 *апреля]* Орлов любезно согласился со мной посмотреть верховую лошадь. Все те, которые нам показали, меня не устраивали».

«[25 апреля] В 9 часов направил стопы к Орлову. Мы отправились вместе на бал, который польская знать даёт императору».

«[*9 мая]* Затем я провёл несколько часов у Орлова; приятно поговорить о разных вещах с умным человеком».

«[25 мая] Вечер вместе с полковником Толем у Орлова».

И ещё много чего подобного… Кажется, беззаботная светская жизнь и сплошное безделье! Но мы ведь уже знаем, что наша разведка французскую переиграла — то есть тот же самый Орлов, тот же самый Дурново и другие офицеры квартирмейстерской службы. Что лучше? Сидеть за работой, не поднимая головы, или же производить впечатление не обременённого службой человека — и при этом всё успевать? Думается, ответ здесь не нужен.

Кстати, упомянутый полковник Карл Фёдорович Толь[80], пользовавшийся репутацией «самого образованного офицера в Главном штабе», скоро займёт должность генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии. Думается, он совсем не зря

и отнюдь не от нечего делать заглянул на огонёк к гвардии поручику…

Между тем до войны уже оставались считаные дни…

* * *

«В тёмную ночь с 12 на 13 июня стоявший на берегу Немана близ Ковны лейб-казачий пикет заметил на противоположном берегу реки необычайное движение, услышал сильный топот копыт и скрип обозов. Встревоженный этим движением, лейб-казачий пикет удвоил бдительность и с напряжённым вниманием всматривался в неприятельский берег… Вскоре на этом берегу заблистали огни; движение и шум усилились, и по гладкой поверхности Немана тихо поплыли понтонные суда; тотчас же зазвучали топоры; суда начали выравниваться, и казаки поняли, в чём дело: враг России приступил к переправе свих полчищ на нашу родную землю… Настал, наконец, этот роковой для русского сердца час!.. Стремглав понёсся один из лейб-казаков известить начальство о происходящем на Немане; другие пикетные лейб-казаки неслышно приблизились к реке и зорко следили за производившейся на ней работой… И вот, несмотря на темноту ночи, они замечают, что от противоположного берега отделяются лодки, что они наполнены народом и плывут к нашему берегу… Первыми ступили на нашу землю несколько рот пехоты из корпуса Даву и эскадрон польских улан. Первые увидели неприятеля в славную для России Отечественную войну — лейб-казаки; их пикету принадлежат первые, огласившие песчаные берега Немана выстрелы, — сигнал самозащиты…

Поляки бросились вперёд на выстрелы лейб-казаков — но быстрые кони последних были уже далеко…»{114}

Так началась Отечественная война 1812 года.

В тот самый день 12 июня в загородном дворце генерала от кавалерии барона Беннигсена, что располагался неподалёку от Вильны, в живописном местечке под названием Закрет, генерал-адъютанты дали большой бал в честь императора Александра Павловича… *A propos,* напомним один забытый ныне эпизод, имевший касательство к тайной войне.

«За неимением в замке большой залы, решились для танцев выстроить в саду деревянную галерею, украшенную зеленью, что поручено было местному архитектору Шварцу (профессору Шульцу. — *А. Б.).* Накануне бала, назначенного на 12-е июня, Император Александр получил записку, в которой его предостерегали, что зала эта ненадёжна и должна рушиться во

время танцев. Государь поручил директору военной полиции де-Санглену осмотреть эту постройку во всей подробности. Едва де-Санглен успел прибыть в Закрет, как выстроенная галерея обрушилась; один пол уцелел. Архитектор скрылся. “Так это правда, — сказал император де-Санглену, выслушав его донесение. — Поезжайте и прикажите пол немедленно очистить; мы будем танцевать под открытым небом”»{115}.

Как потом стало известно, архитектор Шульц утопился. Может, конечно, и не сам, но несколько дней спустя его тело извлекли из реки Вилии, верстах в двадцати ниже города…

…Уже не первый час гремела музыка, ярко горели сотни свечей, сделав невидимыми звёзды на чёрном ночном небе, по навощённому паркету стремительно летали танцующие пары. Не имеет смысла уточнять, что почти все кавалеры были при эполетах… В торжественной этой суете никто и не заметил, как к генерал-адъютанту Александру Дмитриевичу Балашову[81], министру полиции, подошёл офицер в запылённом мундире с адъютантским аксельбантом… Через несколько минут генерал, не привлекая ничьего внимания, подошёл к императору с важным секретным донесением…

В отличие от известной сцены в любимом миллионами наших соотечественников кинофильме «Гусарская баллада», здесь бал прерывать не стали и патетических речей никто не говорил. Александр I пробыл в зале ещё около часу, «очаровывая всех своей изысканной любезностью», после чего незаметно исчез, подхватив под руку генерала Барклая де Толли. Потом, один за другим, стали уходить предупреждаемые генералы — впрочем, немногие… К императору был вызван государственный секретарь вице-адмирал Шишков[82], более прославившийся не как флотоводец, но как литератор. По этой причине ему и было поручено написать два документа о вторжении войск Наполеона: приказ по армиям и рескрипт санкт-петербургскому главнокомандующему фельдмаршалу графу Салтыкову.

Архаичный стиль, присущий Шишкову, был здесь вполне уместен:

«Провидение благословит праведное Наше дело. Оборона Отечества, сохранение независимости и чести народной принудили Нас препоясаться на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве Моём».

Около 10 часов утра в кабинет государя был вызван генерал Балашов. Разговор с ним Александр начал так:

«Ты, верно, не ожидаешь, зачем Я тебя призвал? Я намерен тебя отправить к Наполеону… Наполеон присылал ко Мне своего

генерал-адъютанта графа Нарбонна, бывшего когда-то военным министром: в соответственность этому решился Я отправить тебя. Хотя, впрочем, между нами сказать, Я не ожидаю от этой посылки прекращения войны; но пусть же будет известно Европе и послужит новым доказательством, что начинаем войну не Мы. Я дам тебе письмо к Наполеону. Будь готов к отъезду»{116}.

Эпизод этот общеизвестен, он подробно изложен графом Толстым в начале третьего тома «Войны и мира», однако реальный его смысл понятен очень и очень немногим…

В частности, в официальной версии разговора Александра I с его генерал-адъютантом (мы не думаем, что их общение ограничилось лишь несколькими красивыми фразами) упоминается генерал-адъютант императора Наполеона — дивизионный генерал граф Луи Мари Жак Альмарик Нарбонн-Лара. Наполеон прислал его к «брату своему» Александру с поздравлениями по поводу его благополучного прибытия в Вильну.

А вот что написал в мемуарах руководитель Высшей воинской полиции — российской военной контрразведки — Яков Иванович де Санглен, прекрасно знавший истинную цель поездки французского генерала:

«От поставленного мною полицмейстера в Ковне майора Бистрома получил я через эстафету уведомление о приезде Нарбонна просёлками, дабы он не видел наших артиллерийских парков и прочего, что и было исполнено.

По приезде Нарбонна в Вильну приказано было мне государем иметь за ним бдительный надзор.

Я поручил Вейсу[83] дать ему кучеров и лакеев из служащих в полиции офицеров. Когда Нарбонн по приглашению императора был в театре, в его ложе, перепоили приехавших с ним французов, увезли его шкатулку, открыли её в присутствии императора, списали инструкцию, данную самим Наполеоном, и представили её Государю. Инструкция содержала вкратце следующее: узнать число войск, артиллерии и пр., кто командующие генералы? Каковы они? Каков дух войск и каково расположение жителей? Кто при Государе пользуется большою доверенностью? В особенности узнать о расположении духа самого императора, и нельзя ли свести знакомство с окружающими его?»{117}

Как сказано, Нарбонн был приглашён в театр самим Александром — при том, понятно, что французскому бригадному генералу было «не по чину» сидеть в ложе с русским государем, поэтому там он пребывал в одиночестве, но уйти оттуда до конца спектакля было невозможно. Этакая изящная мышеловка!

Нет смысла объяснять, что русскому министру полиции была

уготована примерно та же участь в Главной квартире французского императора… Значит, никаких разведывательных заданий он выполнять не мог. Государь, как он сказал, и не ждал никакого реального результата от этой поездки. Тогда почему же он направил к Наполеону с пустым «визитом вежливости» именно Балашова, говоря современным языком, — опытного оперативника? К тому же очень близкого к себе человека, надёжного и преданного, которому перед отъездом из Петербурга он сказал так: «Я хотел бы разорвать тебя на две части, чтобы одну оставить тут, а вторую взять с собой!» Думать, что всё дело в «соответственности» — мол, они прислали к нам бывшего министра, а мы посылаем к ним действующего, — нелепо, не та ситуация была, чтобы углубляться в такие мелочи.

Неужели при Главной квартире императора было мало бездельников с «густыми» — то есть генеральскими — эполетами, весьма родовитых и чиновных? Но всё же выбор государя пал именно на Балашова…

«Ночью государь вторично потребовал Балашова, прочёл ему своё письмо к Наполеону и на словах добавил, что переговоры могут начаться тотчас, но при условии отступления французской армии за нашу границу, а “в противном случае даю Наполеону обещание: пока хоть один вооружённый француз будет в России, не говорить и не принимать ни одного слова о мире”»{118}.

В письме французскому императору говорилось:

«Ежели Ваше Величество не расположены проливать кровь наших подданных из-за подобного недоразумения и ежели Вы согласны вывести свои войска из русских владений, — то я оставляю без внимания всё происшедшее, и соглашение между нами будет возможно. В противном случае, я буду принуждён отражать нападение, которое не было ничем возбуждено с моей стороны. Ваше Величество ещё имеете возможность избавить человечество от бедствий новой войны.

Александр»{119}.

Трогательно до наивности! Можно подумать, что Наполеон Бонапарт спал и видел, как бы войти в историю в роли «миротворца»…

Итак, министр полиции был отправлен к французскому императору с совершенно пустым поручением — причём в то самое время, когда он был очень нужен императору, авторитет которого тогда был весьма невысок, и даже существовала реальная угроза его устранения с престола.

Ключ к пониманию, почему так произошло, возможно найти в двух строчках из дневника всё того же прапорщика Дурново — запись от 13 июня:

«Генерал-адъютант и министр полиции Балашов отправился на переговоры с Наполеоном. Михаил Орлов его сопровождает в качестве адъютанта»{120}.

В чём тут загадка? Пустимся в путь вместе с ними, и всё станет на свои места…

Итак, ранним утром 14 июня два всадника — генерал-лейтенант Балашов и гвардии поручик Орлов, сопровождаемые трубачом и двумя казаками, — покинули Вильну и двинулись в западном направлении, навстречу противнику. Ехали они молча, погружённые в невесёлые свои думы: после двух неудачных войн с Наполеоном начиналась третья, теперь уже на Русской земле. К тому же — без каких-либо союзников, тогда как французский император собрал под свои знамёна буквально всю Европу, хотя выражение про «нашествие двунадесяти языков» тогда ещё не вошло в повсеместный обиход…

Дорога до деревни Рыконты, где русские парламентёры были остановлены неприятельскими разъездами, заняла чуть более трёх часов. Французские офицеры встретили их с достаточно дружелюбным любопытством и без промедления препроводили к неаполитанскому королю — маршалу Мюрату, а затем — к маршалу Даву, герцогу Ауэрштедтскому, князю Экмюльскому.

«Первый из них обошёлся с Балашовым вежливо, но последний принял его гордо, и настоятельно требовал, чтобы письмо было отдано ему. На возражения Балашова, что он имеет поручение вручить письмо лично Наполеону, Даву отвечал: “Не забудьте, что не вы здесь распоряжаетесь; я также имею приказания”. Требование Даву было исполнено. Письмо тотчас отправили к Наполеону, а Балашова Даву оставил в своей корпусной квартире, окружив отведённый для него дом часовыми. Через два дня Балашов был приглашён к Наполеону в Вильну, и принят им в той самой комнате, из которой за несколько дней перед тем получил своё отправление. Выслушав предложения императора Александра, Наполеон сказал Балашову: “Не я подал повод к разрыву; не я первый стал вооружаться; не я, а ваш Государь первый приехал к армии… Знаю, что война с Россией не безделица; но у меня сделаны большие приготовления и у меня втрое более вашего войска и денег…”»{121}.

Речь французского императора была путана, противоречива и сбивчива. Бонапарту одновременно хотелось многого: показать Европе, что устрашённый русский царь шлёт к нему на поклон своих министров; убедить Балашова в том, что истинной причиной войны стало коварство Александра I, а он, Наполеон, при соблюдении соответствующих условий готов вывести свои

войска за Неман; к тому же ему очень хотелось выяснить намерения русских и их готовность уступить… Вот почему Наполеон клялся в миролюбии и тут же угрожал, хвалился неисчислимой силой своего воинства и одновременно расточал комплименты в адрес царя, грозился напрочь перекроить карту Европы, но уверял, что к этому вынуждают его провокационные действия европейских монархов…

Наполеон говорил с увлечением:

«И теперь есть ещё время примириться; начните переговоры с Лористоном[84]; пригласите его в вашу главную квартиру, или отправьте к нему в Петербург Канцлера. Между тем мы заключим перемирие, но ни в каком случае не отступлю я из Вильны. Не затем перешёл я Неман, чтобы возвратиться за него, не поставив на своём»{122}.

Император говорил и говорил, стараясь, кажется, убедить в справедливости своих слов не столько русского генерала, сколько самого себя, говорил много, не давая собеседнику возразить…

Потом последовало любезное приглашение на обед в тесном придворном кругу: маршал Бертье, начальник Генерального штаба «Великой армии», и маршал Бессьер, командовавший гвардейской кавалерией, обер-шталмейстер двора дивизионный генерал граф Арман де Коленкур, недавний посол Франции в России. Желая выказать себя любезным хозяином, император с подчёркнутым интересом выспрашивал своего нечаянного гостя о его Отечестве, словно бы не понимая, насколько двусмысленно звучат эти его кажущиеся простодушными вопросы.

«Между прочими разговорами, Наполеон расспрашивал Балашова о Москве, о её населении, о числе домов и церквей, и, узнав о множестве последних, выразил своё удивление, что их ещё может быть столько в такое время, когда так сильно поколебалось уважение к вере. “Не везде, — отвечал Балашов. — Может быть, оно ослабело во Франции и Германии; но в Испании и у нас, в России, оно ещё во всей силе”. После того, на вопрос Наполеона: которая из дорог на Москву есть удобнейшая, он отвечал: “Это зависит от выбора; Карл XII избрал для себя путь через Полтаву”. Эти два ответа, сказанные Наполеону, как говорится, в лицо, и напоминавшие ему собственные его неудачи в Испании и сокрушение Шведской армии под Полтавою, составляют, бесспорно, лучшие строки в жизнеописании Балашова»{123}.

С таким утверждением, однако, согласны не все. В частности, граф Толстой — так сказать, наша «энциклопедия 1812 года», — предлагает свою версию развития событий:

«— Впрочем, большое количество монастырей и церквей есть

всегда признак отсталости народа, — сказал Наполеон, оглядываясь на Коленкура за оценкой этого суждения.

Балашов почтительно позволил себе не согласиться с мнением французского императора.

— У каждой страны свои нравы, — сказал он.

— Но уже нигде в Европе нет ничего подобного, — сказал Наполеон.

— Прошу извинения у вашего величества, — сказал Балашов, — кроме России, есть ещё Испания, где также много церквей и монастырей.

Этот ответ Балашова, намекавший на недавнее поражение французов в Испании, был высоко оценён впоследствии, по рассказам Балашова, при дворе императора Александра и очень мало был оценён теперь, за обедом Наполеона, и прошёл незаметно»{124}.

Великий русский писатель имеет право на свою точку зрения — и данная оценка событий просто подходит под концепцию Льва Николаевича. Хотя сомнительно, чтоб французы не заметили балашовского «подкола» относительно Испании, да и про Полтаву они, видимо, тоже слыхали…

Но возвратимся от версий к реальным событиям… И тут читатель вправе спросить: «А что же наш Орлов? Он-то куда делся, чего поделывал?» Да никуда не делся и в принципе ничего не делал! Лично встречаться с Наполеоном ему пока ещё не довелось — хотя встреча эта была уже не за горами, и потому он оставался во французском авангарде, которым командовал маршал Даву.

Как мы сказали, генерал-лейтенант Балашов провёл здесь два дня, словно бы под арестом, сидя в окружённом часовыми доме. Но так как этим самым часовым был отдан строгий приказ: «Русского генерала никуда не выпускать!», — то они и выполняли его буквально, сосредоточив всё своё внимание на Балашове, потому как о такой «мелочи», как русский поручик, никто, разумеется, ничего говорить не стал — и никто не стеснял Орлова в его разумных передвижениях. Сказано «разумных» потому, что Михаил не лез на глаза начальству и не появлялся там, где было нельзя, — иначе и ему пришлось бы сидеть под замком, а так он имел полнейшую свободу наблюдать за всем происходящим вокруг.

Мы помним, что он не впервые оказался в расположении наполеоновских войск: во время переговоров в Тильзите Орлов не раз приезжал в Главную квартиру французов, где имел возможность основательно изучить их порядки и военные нравы. Разумеется, весьма интересно было сравнивать увиденное сейчас

и замеченное ранее… Так что когда Балашов убыл к Наполеону, Михаил, оставшись один, не слишком расстроился: к этому времени у него уже появилось немало знакомых среди французских и польских офицеров, с которыми он, любезный и остроумный собеседник, великолепно владевший несколькими иностранными языками, мог разговаривать часами…

К тому же маршал Даву проявил любезность, и поручик Орлов был приглашён отобедать за его большим столом. Разумеется, он сидел достаточно далеко от герцога и вёл разговор с ближайшими соседями. Так как отношения между русскими и французами давно уже были весьма натянутыми, то застольный разговор почти сразу превратился в откровенную пикировку, когда собеседники — или противники — старались как можно язвительнее задеть самолюбие друг друга. Разговор происходил примерно так:

— Вы же не можете отрицать, что *La Grande Armée*[85] — лучшая в Европе? — с горячностью говорил сидящий напротив Орлова адъютант.

— О нет! — с серьёзной миной отвечал тот. — Разбить её удалось одним только испанским крестьянам!

— Народы Европы охотно идут под знамёна французского императора! — уверенно заявлял гвардейский драгун.

— Не путайте народы с их отребьем, мой капитан! — рекомендовал Михаил.

«Орлов, сидя в некотором расстоянии от маршала, подшучивал над французскими офицерами, подпускал им разные колкости, что производило неудовольствие, действовало между ними, не могущими устоять против остроумия Орлова. Маршал, узнав это, рассвирепел и, ударив кулаком по столу, гневно и громко, обращаясь к Орлову, закричал: “Fi, monsieur Pofficier, que dites vous la?”[86] Орлов немедля громко отвечал ему, ударив так сильно кулаком по столу, что затрясся стол и застучали приборы: “Fi, m-r le marechal, je m'entretien avec ces messieurs!”[87] Такая нежданная и смелая выходка привлекла всех присутствующих и самого лютого маршала в удивление и молчание. Стали перешёптываться между собою и спокойно после обеда разошлись»{125}.

Ну и что? Да вроде и ничего особенного… Хотя, конечно, Орлов французам запомнился — но знали бы они, какую роль он уже вскоре сыграет в судьбе их страны! Впрочем, они даже не ведали того, зачем именно он сюда приезжал…

На следующий день, 20 июня, вторично за неделю, парламентёры выехали из Вильны. Теперь — на восток, догоняя отступавшие русские войска.

«Возвратясь от Наполеона, Балашов застал Государя, 22-го июня, в Видзах, на пути в укреплённый лагерь при Дриссе, и с его прибытием исчез последний, впрочем самый слабый, луч надежды отвратить войну и окончить дело мирным соглашением»{126}.

На этом, можно сказать, мы закрываем «Балашовскую тему»: съездил, доложился — всё! В экстренном совещании, которое в тот же день состоялось в Главной квартире в связи с возможным обходом французами нашего левого фланга, Александр Дмитриевич уже участия не принимал. Зато государь пригласил туда гвардии поручика Орлова…

Здесь, кроме самого императора, присутствовали генералы граф Аракчеев, князь Волконский и барон Фуль, а также полковник барон Толь и прусский подполковник фон Клаузевиц. Большая часть участников совещания прямого отношения к ведению боевых действий не имела. Волконский, Аракчеев и генерал-лейтенант Карл Фуль — автор нелепого проекта Дрисского укреплённого лагеря, грозившего стать ловушкой для русской армии, — на тот момент состояли при особе государя. Талантливый военный теоретик Клаузевиц выступал лишь в скромной роли консультанта. Пожалуй, единственным, кто мог оказать реальное влияние на ход боевых операций, являлся Карл Фёдорович Толь — любимый ученик генерала Голенищева-Кутузова ещё по 1-му кадетскому корпусу, а затем и один из ближайших его сподвижников. К этому времени он исполнял обязанности генерал-квартирмейстера 1-й Западной армии и вскоре уже официально занимал эту должность.

Михаил скромно сидел в углу, не привлекая к себе внимания — большинство присутствующих воспринимали его только как адъютанта высокопоставленного лица. Между тем именно доставленная Орловым информация сыграла чуть ли не решающую роль в принятии последующих решений… Понятно, что с началом войны в русской Главной квартире остро потребовались новые сведения о неприятельской армии: её боевых планах, маршрутах движения войск, состоянии корпусов, настроениях людей, кое-что прояснилось в ходе арьергардных боёв, в результате допроса пленных… Орлов же, проведя несколько дней в расположении войск *La Grande Armée,* помог составить целостную и довольно подробную картину.

Когда совещание закончилось, Александр I кивнул поручику, повелевая остаться. «Ты подготовил меморандум?» — спросил государь. «Так точно, ваше императорское величество!» — отвечал Орлов, подавая императору плотный конверт. «Бюллетень особых известий», — вслух прочитал Александр название,

написанное по-французски, и дальше уже читал про себя, лишь изредка, междометиями, выражая удивление или одобрение…

В документе было написано:

«Я пытался познать дух, который царит во французской армии… Можно смело сказать, что Наполеон один желает войны, что офицеры армии боятся её и что она сама повинуется общему побуждению, которое исходит от её главнокомандующего. Из всех генералов, может быть, наиболее привержен Наполеону маршал Даву. Более чем вероятно, что честолюбивые намерения внушают Даву, ослеплённому заманчивыми надеждами, полную преданность приказаниям его господина. Проявляемое им высокомерие является неизбежным следствием почестей, на которые он надеется…»{127}

Столь же ёмко и метко оценил Орлов и всех тех офицеров и генералов, с которыми довелось ему пообщаться, дал практические указания по возможности использования некоторых из них русской военной разведкой.

Например, поляк Задер, командир батальона. Уединяясь с Орловым, он, сдержанный и немногословный на людях, говорил горячо и откровенно: Бонапарт — не благодетель Польши, но её палач, его меньше всего интересуют объединение и независимость этой многострадальной страны… Несомненно, такой человек мог бы оказать существенную помощь русскому командованию. Таких офицеров — патриотов своей Родины, ориентирующихся на Россию, а не на Французскую империю с её амбициозным императором, — Орлов в своём меморандуме назвал ещё несколько. Немало ценной информации собрал поручик у местных жителей, возмущённых притеснениями и поборами со стороны французов, — представители всех сословий охотно беседовали с приветливым русским офицером. А он не только внимательно слушал и запоминал, но и создавал во французском тылу свою агентурную сеть. Так, Орловым были завербованы два курляндца, Лейминг и Мюллер, землемеры Лесного департамента, то есть люди, обязанные много ходить и много видеть, иметь широкий круг общения.

В том, что поляки, литовцы, курляндцы и прочие стали отворачиваться от Франции и поворачиваться к России, оказались виноваты сами французы. Ещё недавно местные жители возмущались «владычеством русских», но теперь, когда на них тяжким бременем легло неписаное наполеоновское правило «война сама себя кормит», население не то освобождённого французами, не то оккупированного ими же края резко переменило симпатии…

«Положение армии в обеспечении её продовольствием таково,

что сильно препятствует её операциям. Съестные припасы скопились в окрестностях Ковно, и все походные магазейны следуют вдоль дороги из Ковно в Вильно…»

Наполеон просчитался. Он слишком надеялся на поборы, а люди ушли, пожгли имущество. Французам досталось куда меньше фуража и провианта, чем требовалось… В результате от жары, маршевых нагрузок и бескормицы начался конский падёж.

Орлов насчитал вдоль дорог свыше восьмисот палых лошадей — целый кавалерийский полк, не каждое сражение выбивает столько…

Особый интерес разведчика вызывали намерения и планы вражеского командования. На его счастье, болтунов и хвастунов во французских штабах нашлось немало: им было лестно щегольнуть своей осведомлённостью перед русским аристократом, который казался абсолютным неучем в военном деле, задавал им такие наивные вопросы, что его не грех было и поучить, побольше рассказав о военном гении французского императора.

Подводя итоги этих откровенных бесед, Орлов писал в представленном государю «Бюллетене»:

«Наполеон, проходя Неман у Ковно, имел намерения обеспечить за собою поле битвы, опираясь правым флангом в Неман и левым в Вилию. Он ожидал быть атакованным. Как только он уверился в том, что мы не имеем намерения идти против него, он тотчас принял решение наступать на нас…

По некоторым разговорам маршала Даву можно предположить, что имели намерение дать битву под Вильно, где объединённые силы на левом берегу Вилии должны были сдерживать нас, в то время как войска на правом берегу той же реки предназначались для того, чтобы отрезать нам отступление. Армия имела продовольствия на 20 дней…»

Разведчик подробно расписывал, как и какими силами собирался враг реализовать своё решение, — указывал примерную численность корпусов, состав их вооружения, места дислокации.

«Обманутые в своих надеждах, они составили новый план, который, кажется, исходит из разделения их сил. Этот план состоит в сковывании нашего фланга — с тем, чтобы отрезать нас от центра нашей страны.

20 июня их силы были расположены следующим образом…»

Когда читаешь черновик этого донесения — единственное, что сохранилось от орловского «Бюллетеня» до наших дней, — не можешь не восхититься высоким профессионализмом работы русского военного разведчика, объёмом и ценностью добытой им

информации.

Через восемь лет Михаил Фёдорович напишет своему другу князю Петру Андреевичу Вяземскому: «В 1812 год[88], когда все отчаявались[89] в спасении Отечества, я и несколько других проповедовали, что всё будет спасено»{128}.

Он не просто надеялся на победу, но твёрдо знал, что именно так и будет.

И снова — дневниковые записи прапорщика Николая Дурново:

«[21 июня] …Орлов вернулся вместе с генералом Балашовым. Они были на переговорах с Наполеоном. Император провёл более часа в беседе с Орловым. Говорят, что он был очень доволен его поведением в неприятельской армии. Он смело ответил маршалу Даву, который пытался его задеть в разговоре…

[22 июня] …То, что мы предвидели, случилось: мой товарищ Орлов, адъютант князя Волконского и поручик кавалергардов, пожалован флигель-адъютантом. Он во всех отношениях достоин этой чести…»{129}

А далее — загадка. Некоторые мемуаристы утверждают, что Михаил тогда же получил чин штабс-ротмистра, однако в его формулярном списке указано, что 2 декабря 1812 года он «За точное и успешное исполнение данного ему поручения произведён из поручиков в ротмистры»{130}. Но по правилам вообще-то из поручиков производили в штабс-ротмистры, а ротмистр был следующим после того чином… Так что вполне возможно, что производство в чин штабс-ротмистра не то не было своевременно зафиксировано, почему и в официальных бумагах Михаил продолжал числиться поручиком, не то попросту его забыли произвести — а потому потом и записали его производство таким вот эффектным манером. Всё равно значения это уже никакого не имело, ибо составлялся данный «Формулярный список» тогда, когда Орлов был генералом…

…Вот так блистательно началась для Михаила Орлова Отечественная война. Но кто бы знал, что всего лишь десять лет спустя имя его фактически исчезнет со страниц её истории! Забудут даже о том, как и зачем поручик Орлов в первый раз ездил во французский тыл, как щедро он был награждён за это государем. Понятно, что сам Александр Дмитриевич Балашов в своих мемуарах, написанных в 1836 году, не стал упоминать опального генерала Орлова — даже, казалось бы, всезнающий по 1812 году граф Толстой и тот писал так: «Выехав в ночь с 13-го на 14-е июня, Балашов, сопутствуемый трубачом и двумя казаками, к рассвету приехал в деревню Рыконты, на французские аванпосты по сю сторону Немана»{131}.

А ведь министр полиции генерал Балашов всего-то и делал, что осуществлял, так скажем, «оперативное прикрытие» разведчика поручика Орлова. Но именно этой своей поездкой он и вошёл в историю — ведь кто, кроме узких специалистов, сегодня может рассказать об Александре Дмитриевиче Балашове хоть что-нибудь ещё?

Глава шестая. «ОГНИ ВРАГОВ, ИХ ЧУЖДОЕ ВЗЫВАНИЕ…»

И вновь — дневниковые записи прапорщика Дурново, картинки того самого времени:

«*[6 июля]* …Вечером мы получили известия, повергшие нас в уныние. Император, повидавшись с министром Барклаем, принял решение покинуть армию. Он отправился в путь ночью и увёз с собой князя Волконского. Мы получили приказ от его сиятельства отправиться в Великие Луки и ожидать новых распоряжений. Это поистине прискорбно. Что делать? Надо слушаться своего начальника…

[8 июля] Мы покинули армию. Прощайте, мои мечты о славе, о битвах, о чинах, орденах и т. д. — мы возвращаемся домой. Нас возглавляет полковник Селявин[90]. Мои товарищи по несчастью — Орлов, Сулима, Сазонов, Ватутин и Вешняков. По приказу князя мы отправились в Великие Луки…»{132}

Вот так вдруг Михаил Орлов оказался вне войны — причём в то самое время, когда на главном направлении начались бои. 9 июля, близ Могилёва, казаки полковника Сысоева вдребезги разбили французский 3-й конноегерский полк, взяв пленными 9 офицеров и 206 нижних чинов; 11 июля корпус генерала Раевского дрался у Салтановки и Дашковки; 12-го числа корпус генерала Остермана-Толстого опрокинул и погнал французский авангард у Островно; 13-го опять дрались у Островно, и в этом бою был убит первый в ту войну русский генерал — командир пехотной бригады генерал-майор Окулов. (Всего же в 1812 году будет убито или умрёт от ран 16 генералов, в 1813-м — 22, в 1814 году — 10.) Весь день 14 июля арьергард генерала Коновницына сдерживал авангард маршала Мюрата при селе Какувячине; 15-го арьергард 1-й Западной армии дрался при реке Лучессе; 16-го отряд генерал-майора графа Палена разбил при Агапоновщине авангард французской кавалерии…{133}

Ни дня не проходило спокойно. И в то же самое время Николай Дурново записывал в дневнике:

«*[17 июля]* Ничего не прояснилось в нашем положении. Мы остаёмся в Великих Луках в ожидании приказа князя Волконского, которого всё ещё нет. Мы предпочитаем, чтобы наша участь была бы решена побыстрее. Нет ничего более унылого, чем пребывать в неопределённости»{134}.

Однако на следующий день Михаил Орлов получил приказ возвращаться к армии. Притом почти все прочие офицеры, кроме остающихся с повозками, должны были следовать в Москву…

* * *

Русская армия отступала, отражая наседавших французов в ожесточённых ежедневных арьергардных боях, но избегая генерального сражения, гибельного для её разрозненных сил. Все попытки противника его навязать оказались бесплодными… Даже у Наполеона, всегда увлекавшегося своими прожектами, возникло ощущение, что почва начинает уходить из-под ног. Война, не похожая ни на одну из бывших ранее, грозила затянуться на неопределённый период. *La Grande Armée* всё дальше уходила от своих баз, от своей территории и, пропорционально увеличению этой дистанции, в ней падала дисциплина, происходило разложение сил, ещё недавно единой мощной волной вторгшихся на российские просторы.

Вот что написал в мемуарах один из ближайших к Наполеону людей — генерал граф Арман де Коленкур, в посольском особняке которого кавалергардские офицеры не так давно били зеркальные окна:

«Часть кавалерии уже изнемогала; артиллерия и пехота были очень истомлены; дороги были полны отставшими, которые разрушали и грабили всё. Было необходимо организовать наши тылы, выждать результата операций наших корпусов, оставшихся на Двине. Не сомневаясь более, что русская армия ускользнула от него и что в настоящий момент он не добьётся желанного сражения, император был чрезвычайно мрачен…

Как я уже сказал, наши кавалерия и артиллерия терпели большие лишения. Пало очень много лошадей. Многие лошади еле тащились, отстав от своих частей и блуждая в тылу, другие тащились за корпусами, для которых они были обузой, не приносящей никакой пользы. Пришлось побросать много артиллерийских зарядных ящиков и обозных телег. Не хватало трети лошадей; в строю оставалось никак не больше половины того числа лошадей, которые были налицо в начале кампании»[{135}].

Французская армия шла навстречу краху, это уже понимали многие в её рядах, однако Наполеон всё ещё свято верил в дарованную ему свыше счастливую полководческую звезду…

* * *

22 июля (3 августа) русские 1-я и 2-я Западные армии объединились близ Смоленска, после чего начали наступать совместными силами в направлении Рудни — как раз в то время, когда Наполеон остановил свои войска для отдыха. Это был план, предложенный князем Багратионом — ударить на центр неприятельской армии. Пожалуй, Барклай де Толли тогда в первый и единственный раз «дал слабину»: военный совет, на котором присутствовали цесаревич Константин Павлович, генерал Ермолов, назначенный к тому времени начальником Главного штаба 1-й армии, и ещё несколько военачальников, горячо поддержал наступательные амбиции Багратиона, и Михаил Богданович подчинился мнению большинства.

Однако наступления не получилось — разве что 27 июля казаки корпуса генерала от кавалерии Платова разгромили при Молевом Болоте французскую кавалерийскую дивизию.

«Из-за опасения обходного манёвра со стороны неприятеля и ввиду отсутствия точных сведений о состоянии его сил наступление российских армий в течение 29 июля (10 авг.) — 2 (14) августа превратилось в марши и контрмарши в треугольнике Смоленск — Рудня — Поречье, что пагубно сказалось на моральном состоянии войск…»{136}

А где же в это время был опытный разведчик поручик Михаил Орлов? Как мы уже сказали, в канун наступления он пребывал в прекрасном городе Великие Луки, главной достопримечательностью которого был и остаётся огромный вал старинной земляной крепости, стоящей над изгибом тихой реки Ловать… Потом на перекладных лошадях добирался из Лук до Смоленска, до которого было порядка трёхсот вёрст. А потому и отсутствовали «точные сведения», что в достаточно напряжённое время такие люди, как Михаил, могли пребывать в бездействии, в удалении от Главной квартиры…

К армии Орлов возвратился к исходу июля.

4 и 5 августа французы штурмовали Смоленск — город, окружённый старинными крепостными стенами, но взять его не смогли. Орлов, как следует из его формуляра, участвовал в этом сражении.

А вот как описывают дело при Смоленске историки:

«Несмотря на превосходство сил неприятеля, наши войска в первый день не дали шагу двинуться армии Наполеона, и только к вечеру уступили ей предместья Смоленска, укрывшись за городские стены. На следующий день битва возобновилась ещё с большим ожесточением… С раннего утра до поздней ночи рвались французы на городские стены; тысячи ядер летели в город со всех сторон… Гром канонады, взрывы бомб, перекаты

ружейного огня, треск разрушающихся домов, звуки барабанов, командные крики, вопли неповинных жителей, спасающихся бегством, зарево пожара, охватившего половину города, — вот та ужасная картина Смоленска в ночь на 6 августа!.. Потери войск, как наших, так и французских, были громадны. Город представлял уже одни развалины; но, несмотря на то, штурм его геройски отбит Дохтуровым, на которого выпала честь этой защиты… К ночи канонада затихла, и французские колонны отошли от стен Смоленска…»{137}

Русское командование понимало, что длительная оборона города чревата его окружением, вследствие чего обе наши армии могли оказаться отрезаны от Московской дороги. Поэтому после первого дня боёв войска 2-й Западной армии начали движение вверх по течению Днепра, чтобы не дать переправиться французам, а войска 1-й Западной армии — усиленный пехотный корпус генерала Дохтурова — продолжали оборонять город, который покинули в ночь на 6 августа, следуя приказу Барклая де Толли. Отступление было проведено столь чётко и организованно, что утром 6-го числа французы готовили новый штурм города, уже покинутого войсками и жителями…

Но далее случилось так, что войскам Барклая пришлось выбирать: либо двигаться непосредственно по правому берегу Днепра, в виду противника, который мог расстрелять наши колонны артиллерийским огнём, либо идти долгой Дорогобужской дорогой, рискуя быть перехваченными переправившимся через реку неприятелем. Отвергнув первый, самоубийственный вариант, главнокомандующий направил войска 1-й Западной армии по Дорогобужскому тракту, приказав генерал-майору Тучкову 3-му[91] с двумя егерскими, пехотным, гусарским и тремя казачьими полками при одной роте конной артиллерии выйти наперерез французам и остановить их…

«Значительно опередив прочие части наших колонн, двигавшихся в обход, Тучков 3-й вышел из лесов и болот на столбовую дорогу утром 7 августа, у деревни Тычининой. Здесь он узнал о появлении на Московской дороге неприятельских отрядов и о постройке ими моста через Днепр, у Прудищева. Сознавая, что спасение всей следовавшей за ним армии Барклая де Толли зависело от удержания за собой Московской дороги, пока не выйдут на неё главные силы нашей армии, Тучков 3-й, несмотря на полученное им приказание двигаться далее к селу Бредихину, несмотря на близость и громадность неприятельских сил, решил остановиться перед местом соединения просёлочных дорог с Московской дорогой — и защищать этот пункт до последней крайности. Вследствие такой решимости Тучков 3-й,

вместо того, чтобы идти налево к Бредихину, повернул вправо, назад к Смоленску, и, пройдя версты две по дороге к этому городу, остановил свой отряд на возвышенности у речки Страгони, между деревнями Топоровщиною и Латышиною.

Вскоре показались перед Тучковым войска корпуса Нея. Увидев русский отряд, Ней тотчас же открыл по нему пушечную пальбу и послал свою кавалерию взять поставленную на дороге нашу батарею. Французы несколько раз покушались овладеть ею, но безуспешно. Тогда Ней пустил колонны войск своих в обход наших. Они ожесточённо бросались вперёд, но были всякий раз опрокидываемы. Наконец, Тучков 3-й вынужден был отступить за Страгонь, разобрал на ней мост и остановился в позиции, которой нельзя уже было уступить, не отдав во власть французов того важного для нас пункта, где соединялся путь нашей армии с Московскою дорогою…»{138}

Остановим, однако, описание этого боя, продолжавшегося до самого вечера и вобравшего в себя большие силы с обеих сторон, — наш герой в нём не участвовал.

«Генерал Тучков был храбр; он не вернулся; его бригада погибла, а он сам был тяжело ранен. У французов был убит генерал Гюден[92]»{139} — эту своеобразную эпитафию написал потом квартирмейстерский офицер барон Владимир фон Левенштерн. Отряд Тучкова выполнил свою задачу, и русские войска, уходящие от Смоленска, смогли пройти по Дорогобужской дороге беспрепятственно.

То, что Павел Тучков был ранен — ещё полбеды… Уже смеркалось, когда, отражая очередной натиск французов, генерал сам возглавил контратаку Екатеринославского гренадерского полка — одного из тех, что позже пришёл на помощь сражавшемуся отряду. Генералы пешком не ходили, так что Тучков красовался на коне во главе колонны, ведя гренадеров под пули и картечь. Однако вскоре ружейный выстрел опрокинул его коня, и генерал упал на землю, но тут же вскочил на ноги и, встав на правый фланг первого взвода, повёл его в атаку…

«Таким образом, приближаясь к неприятелю, уже в нескольких шагах колонна, закричав “ура!”, кинулась в штыки на неприятеля… — писал потом Павел Алексеевич. — Неприятель, встретя нас штыками, опрокинул колонну нашу, и я, получив рану штыком в правый бок, упал на землю. В это время несколько неприятельских солдат подскакали ко мне, чтоб приколоть меня, но в самую ту минуту французский офицер, по имени Этьен, желая иметь сам сие удовольствие, закричал на них, чтоб они представили ему это сделать. “Laissez-moi faire, je m'en vais l'achever”[93], — были его слова, и с тем вместе ударил меня по

голове имевшеюся в руках его саблею. Кровь хлынула и наполнила вдруг и рот и горло, так что я ни одного слова не мог произнести, хотя был в совершенной памяти. Четыре раза наносил он гибельные удары по голове моей, повторяя при каждом: “Ah, je m'en vais l'achever”[94], но в темноте и запальчивости своей не видал того, что чем более силился нанести удар мне, тем менее успевал в том, ибо я, упав на землю, лежал головою плотно к оной, почему конец сабли его, при всяком ударе упираясь в землю, уничтожал почти оный…»{140}

Вот так! И это — галантные французы, потомки королевских мушкетёров! *Merde!*[95] Неужели только у русских есть правило: «Лежачего не бьют»?

Тучков был готов к смерти, но тут этот самый Этьен увидел при свете просиявшей из-за облаков луны блеснувшую на его груди Аннинскую звезду[96] и осознал всю выгоду своего положения. Торопливо убрав саблю в ножны, он стал поднимать генерала с земли, угодливо затараторил:

— Позвольте, ваше превосходительство, позвольте!..

Павел Алексеевич отказался от предложенной французом руки, с трудом встал сам. Офицер тем временем называл свою фамилию и просил запомнить, что это именно он спас жизнь его превосходительству.

— Уж вы меня назовите, ваше превосходительство! — лебезил он.

— Конечно! — отвечал Тучков, желая отвязаться. Однако слово своё русский генерал сдержал.

Когда через полчаса его, израненного, в рваном мундире, привели к французскому авангардному начальнику маршалу Мюрату и тот, распорядившись оказать пленнику медицинскую помощь, спросил, выказывая присущее ему великодушие:

— Есть ли у вас какие-то просьбы, генерал? Я их охотно исполню!

Тучков отвечал с усмешкой:

— Не забудьте, *Sir*[97], наградить офицера, к вам меня представившего! Он очень храбро против меня действовал.

На следующий день Этьен стал кавалером ордена Почётного легиона…

Тучков оказался первым из тех немногих русских генералов, что попали в плен к французам в 1812 году. Условия его содержания были довольно сносными, хотя, разумеется, плен есть плен: полнейшая неизвестность своей дальнейшей судьбы, ограничения, лишения, недостатки… Все дни своего пребывания в тылу действующей французской армии Павел Алексеевич был заключён в тесной комнате и вынужден был принимать всякого

рода навязчивых и любопытствующих посетителей из числа неприятельских генералов, офицеров и чиновников.

Читатель уже вправе спросить, при чём тут всё же наш герой, — и потому мы вновь обратимся к воспоминаниям генерала Тучкова 3-го:

«Под вечер того дня, когда я сидел в моей комнате один, размышляя о горестном положении моём, на дворе уже было довольно темно, дверь моя отворилась, и кто-то, вошед ко мне в военном офицерском мундире, спросил меня по-французски о здоровье моём. Я, не обращая большого внимания, полагая, что то был какой-нибудь французский офицер, отвечал ему на вопрос сей кое-как обыкновенной) учтивостью; но вдруг услышал от него по-русски: “Вы меня не узнали: я Орлов, адъютант генерала Уварова, прислан парламентёром от главнокомандующего с тем, чтобы узнать, живы ли вы и что с вами сделалось”. Сердце во мне затрепетало от радости, услышав неожиданно звук родного языка; я бросился обнимать его, как родного брата. Орлов рассказал мне беспокойство на мой счёт моих братьев и главнокомандующего, ибо никто в армии нашей не знал, жив ли я ещё и что со мною случилось. Предавшись полной радости и считая, что никто не будет понимать нас, если будем говорить по-русски, я стал было ему рассказывать разные обстоятельства, касавшиеся до военных наших действий, но вдруг отворилась дверь, и из-за оной показалась голова. Это был польский офицер, проведший ко мне Орлова, который напомнил ему, что на сей раз более он оставаться у меня не может, и я должен был с ним расстаться. При прощании нашем Орлов обещал мне, получив депеши, прийти ещё раз проститься со мною; но, как я уже после узнал, сделать ему сего не позволили, и я уже более не видал его»{141}.

Генерал Тучков напрасно ждал русского парламентёра — Орлову была уготована совсем иная встреча…

* * *

Смоленск, на отдых в котором рассчитывали французы, горел — вместо богатого города противнику достались одни лишь обожжённые стены старинной крепости. Пожар в городе был таков, что Наполеон сравнил его с извержением Везувия. Ещё не произошло ни одного по-настоящему большого сражения, а потери французов казались ужасными. С каждым своим шагом по русской земле войска *La Grande Armée* словно бы увязали в трясине… В конце концов это почувствовал и сам император.

«Отступление русских, не позволявшее предвидеть, где они

остановятся, уверенность в том, что они сами подожгли свои здания в Смоленске, и весь характер этой войны, в ходе которой обе стороны взаимно губили друг друга, и мы не достигали другого результата, кроме выигрыша территории, чего мы вовсе не хотели, — всё это заставляло императора сильно задумываться, и укрепляло его желание не идти дальше и попытаться завязать переговоры»{142}, — вспоминал Коленкур.

Об этом своём решении Наполеон заявил князю Невшательскому и князю Экмюльскому — маршалам Бертье и Даву. Император распорядился найти в Смоленске какого-нибудь «легко раненного офицера или какого-нибудь более или менее видного человека из русских», чтобы направить его к Александру I с предложениями о заключении мира или хотя бы о проведении переговоров.

Выяснилось, что таковых в расположении *La Grande Armée* нет. Конечно, был генерал-майор Тучков, но уж слишком дорогим казался французам этот «трофей». К тому же израненный штыками и саблями генерал вряд ли выглядел хорошей иллюстрацией миролюбивых намерений французского императора. Но тут, подумав о Тучкове, вспомнили и русского парламентёра, присланного узнать о его судьбе. В расположении неприятельских войск Орлов появился в разгар наступательных действий, оживлённого преследования русской армии. Французам казалось, что они вот-вот настигнут противника и тогда наконец-то произойдёт долгожданное генеральное сражение. Поэтому французское командование сначала вернуло поручика к аванпостам, затем передумало и, невзначай дав ему изрядно попутешествовать по правому крылу своей армии, разрешило ехать в Смоленск. Нет сомнения, что во время этих странствий Михаил сумел увидеть и узнать немало… И вот, в довершение ко всему, так сказать, для полноты картины, кавалергард был приглашён к Наполеону.

Император не любил ходить вокруг да около, а потому, после нескольких незначительных замечаний, прямо спросил Орлова:

— Думают ли ваши полководцы давать мне сражение?

Поручик развёл руками и простодушно ответил, что ему, по его малому чину, говорить о том затруднительно.

— Неужели вы можете сдавать свою страну без боя?! — наигранно удивился Наполеон. — Честь русских требует, чтобы ваша армия попыталась остановить мои силы — хотя бы один только раз!

Быть может, кто иной сказал бы в ответ, что все русские считают именно так, что отступление глубоко возмущает каждого честного офицера, что все в рядах Русской императорской армии

готовы сражаться и умереть… Это мог сказать кто угодно, но только не Михаил Орлов. Сейчас, в разговоре с Бонапартом, даже старые полковые друзья вряд ли бы признали в добросовестном солдафоне, что отвечал на все вопросы императора в таком духе, что, мол, начальству виднее, а нам — как прикажут, Орлова-умницу, великолепного и острого собеседника.

Наполеон уже сердился.

— Вы знаете, как это происходит на дуэли? — вдруг спросил он. — Двое дерущихся обмениваются обязательными выстрелами. Иногда они просто стреляют на воздух — но выстрелы произведены, честь отомщена. Тогда уже можно помириться — и никто не вправе никого упрекнуть… Не так ли?

Ну, Орлову-то про дуэли рассказывать было не нужно! Сдерживая усмешку, он по-солдатски покорно отвечал:

— Так точно, *Sirl*

Казалось, он во всём был согласен с повелителем французов.

— Я не хочу русской земли! Она мне не нужна! — Горячась всё более и более, Наполеон ходил из угла в угол комнаты. — Эта война носит чисто политический характер! Я не сержусь на императора Александра — но и он не должен сердиться! Неужели в сердце русского царя может гнездиться обида на меня?!

— Откуда ж мне знать, *Sir?* — отвечал Орлов с подкупающей простотой.

В заключение Наполеон обещал отправить поручика к русским аванпостам при условии подробной передачи Александру всего содержания разговора. А именно: император французов хочет мира, а в произошедшем виноват русский царь, который должен был объясниться с ним до того, пока не началась война.

— Вы поняли меня? — спросил Наполеон на прощание.

— Так точно, *Sir!* — бодро отвечал Орлов. Но потом он вдруг дерзко посмотрел на «маленького капрала» сверху вниз и сказал совершенно иным тоном: — Только, ваше величество, лично я не верю в возможность мира до тех пор, пока ваши солдаты будут оставаться в России!

Хотя Наполеон уже слышал подобное заявление от генерала Балашова, да и, скорее всего, получил один из экземпляров приказа Александра I по армиям, ему стало ясно: Орлов высказывал не официально утверждённую точку зрения, а своё личное мнение. Он также понял, что русский офицер знает и понимает гораздо больше, нежели говорит, однако вытянуть из него эти знания невозможно. И вообще, Наполеон почувствовал себя одураченным — слишком уж откровенно разговаривал он с этим простоватым на вид кавалеристом.

— Прощайте! — бросил император, поворачиваясь к Орлову спиной.

Вернувшись в Главную квартиру, поручик Орлов доложил о результатах своей поездки только что прибывшему к армии главнокомандующему светлейшему князю Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову.

Безусловно, трагическая судьба генерала Тучкова 3-го волновала командование русской армии, и доклад Орлова принёс некоторое успокоение. Однако в тот период на карту были поставлены исторические судьбы России и её народа, судьба всей Европы, а потому куда большее значение для командования имели результаты выполнения второй миссии Орлова: разведывательного задания в тылу французских войск. Недаром же сразу после разговора с Михаилом светлейший в самоличном рапорте государю доложил о результатах его поездки:

«1812 г. августа 19.

Главная квартира при Гжатске.

Кавалергардского полка порутчик[98] Орлов, посланный парламентёром до прибытия моего к армиям главнокомандующим 1-ю Западною армиею для узнания о взятом в плен генерал-майоре Тучкове, после девятидневного содержания его у неприятеля донёс мне при возвращении вчерашнего числа довольно подробные сведения. При встрече его неприятельских аванпостов по Смоленской дороге у деревни Коровино застал он короля неаполитанского со всею его кавалериею, которую полагает он около 20 000. В недальнем от него расстоянии фельдмаршала Давуста (маршал Даву Луи Никола. — *А. Б.),* состоящий из пяти дивизий, именно из дивизии Моран, дивизии Фриан, дивизии Гюден, который при сражении у Заболотье ранен и умер, дивизии Дессек и дивизии Компанс, силы которого корпуса полагает он около 50 000. Потом за оными в расстоянии 45 вёрст при деревне Заболотне корпус маршала Нея, составленный из трёх дивизий, из дивизии Людрю, дивизии Разу и дивизии виртембергских войск, состоящих под командою виртембергского принца наследного. Корпус сей полагает он около 20 000. Потом в Смоленске уже нашёл он императора Наполеона с его гвардиею, в силах около 30 000, и 5-й корпус, составленный из поляков, около 15 000, который корпус составлен из дивизий генерала Зайончека и генерала Князевича, следуемые по дороге, где отступала 2-я Западная армия, по которой он, Орлов, будучи возвращён, не нашёл более никого, а слышал только он от французских офицеров, что на левом неприятельском фланге по направлению к Сычёвке следуют корпусы фельдмаршалов Жюно и Мортье под командою вице-

короля италианского, не более оба как в 30 000, что и составило бы 165 000. Но по расспросам, деланным нашими офицерами по квартирмейстерской части от пленных, полагаю я донесение Орлова несколько увеличенным. Генерал от инфантерии князь Г-Кутузов»[{143}].

«Несколько увеличенным» — звучит неконкретно, но как-то не очень хорошо… Уточним, насколько ошибся разведчик.

Итак, резервная кавалерия маршала Мюрата, полагаемая им в 20 тысяч сабель, — это четыре кавалерийских корпуса, в действительности составивших на день Бородина порядка 16 тысяч.

Корпус маршала Даву — порядка 37 с половиной тысяч штыков и сабель.

Корпус маршала Нея — 11 с половиной тысяч.

Императорская гвардия — около 19 тысяч человек.

5-й корпус графа Понятовского — порядка 10 тысяч штыков и сабель.

Ну и корпус Евгения Богарне, вместе с корпусом дивизионного генерала Жюно, так и не успевшего стать маршалом империи, — 31 тысяча…

Что ж, погрешность есть, но не так чтобы уж очень значительная. Ведь Орлов не похищал документов из наполеоновских сейфов (точнее — шкатулок и сундуков), но собирал информацию визуально и по расспросам. И, как мы можем понять, это получилось у него достаточно успешно…

Неприятельская армия таяла буквально на глазах, и не только в авангардных боях. Из-за падежа лошадей сильно редела кавалерия, очень много солдат оказалось в числе больных, отставших, а то и просто среди дезертиров. К тому же мародёров, одиночных солдат, а порой и небольшие французские подразделения фуражиров уничтожали вооружённые крестьяне, первые начавшие стихийную партизанскую войну. Историки считают, что за первые два с половиной месяца ведения боевых действий французская армия сократилась чуть ли не вдвое, так что привезённая Орловым информация устаревала, в прямом смысле, ежечасно.

Помимо сообщения о численности и дислокации французских корпусов, Михаил также известил командование о внутреннем положении *La Grande Armée.* Для снабжения оккупантов к ним по Московской дороге, за многие десятки вёрст, приходили обозы с продовольствием; связь Наполеона с Парижем осуществлялась посредством эстафет. Корреспонденцию везли курьеры, охраняемые, за недостатком людей, не слишком сильно…

Разведчик делал вывод: при таких растянутых коммуникациях невозможно обеспечить их надёжную охрану. Для того чтобы перерезать неприятельские пути снабжения, достаточно было бы направить во французский тыл несколько «летучих» отрядов из гусар и казаков…

Генерал от инфантерии светлейший князь Кутузов с особенным интересом расспрашивал Михаила Орлова о его разговоре с Наполеоном.

— О мире заговорил? Рановато что-то! — усмехнулся российский главнокомандующий. — Для нас война только ещё начинается! А вы, Орлов, имеете ли ко мне какие-то просьбы?

— В строй хочу, ваша светлость!

— Ладно, голубчик, уважу! Скоро повоюешь… — отвечал князь Кутузов.

* * *

Кажется, тогда, впервые за всё время похода, Михаил оказался на бивуаке родного своего Кавалергардского полка, повстречался со старыми товарищами. Особых новостей в полку не было, так как кавалергарды в боях ещё не участвовали, однако из Сводного кирасирского полка — он был составлен из запасных эскадронов различных полков, в том числе и 2-го Кавалергардского, входил в корпус графа Витгенштейна и прикрывал Петербургское направление — пришло известие, что 6 августа в бою под Полоцком убит ядром поручик Сергей Воейков, ровесник Орлова. Это была первая потеря среди офицеров полка…

Рассказы Михаила — о миссии Балашова, о судьбе генерала Тучкова, о встрече с Наполеоном и состоянии неприятельской армии — кавалергарды слушали с большим вниманием. Особый интерес к ним проявил пребывавший на кавалергардском бивуаке подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов, служивший в кавалергардах в начале александровского царствования, но в 1804 году удалённый из полка за «возмутительные стихи». Впрочем, думается, Давыдов, ставший вскоре легендарным «поэтом-партизаном», в особых представлениях не нуждается. Он буквально засыпал Орлова вопросами: какие силы конвоируют неприятельские транспорты, сколько вёрст в день они проходят, где и когда останавливаются на ночлеги и днёвки… По тому, как Денис горячился, теребил свои «чернобурые» — это собственные его слова — усы, Орлов понимал, что интерес у гусара отнюдь не праздный.

«Подполковник Давыдов вызвался первый на партизанские действия в Главной армии, чему поводом было следующее обстоятельство: поручик Орлов, отправленный в Смоленск для получения сведений о пленном генерале Тучкове, возвратясь, рассказывал о беспорядках, совершавшихся в тылу французской армии. “Она походила на Ксерксовы толпы, — прибавил Орлов, — и с сотней казаков можно нанести неприятелю много бед”.

Услышав слова сии, Давыдов испросил у фельдмаршала отряд»{144}, — написал потом генерал-лейтенант Александр Иванович Михайловский-Данилевский, знаменитый военный историк, в начале Отечественной войны бывший прапорщиком Петербургского ополчения и адъютантом князя Кутузова.

Так, с лёгкой руки Орлова, его друг Денис Давыдов стал инициатором создания армейских партизанских отрядов в 1812 году…

А вот ещё один характеризующий нашего героя эпизод, зафиксированный современником. Вскоре после оставления Смоленска молодой офицер Пётр Колошин заболел жестокой горячкой. Его друг вспоминает:

«К счастью, ехал мимо нас Орлов (должно быть Михаил Фёдорович); я нагнал его, остановил и, объяснив обстоятельства, просил у него денег взаймы, и он дал мне 50 р. ассигнациями самым приветливым образом. Не помню, возвратил ли я ему эти деньги впоследствии. На этот раз они мне очень пригодились, ибо я купил у маркитанта несколько вина, белого хлеба, бульону, чаю, сахару и пр….

В Андреевском я отыскал избу для Колошина и, уложив его, пошёл к Орлову, который просил главного доктора Геслинга навестить больного…»{145}

…Русская армия приближалась к Бородинскому полю, где её главнокомандующий намеревался дать неприятелю генеральное сражение.

* * *

«Под Бородиным было четыре брата Орловых, все молодцы собой и силачи. Из них Алексей служил тогда ротмистром в Конной гвардии. Под ним была убита лошадь, и он остался пеший среди неприятельской конницы. Обступившие его четыре польских улана дали ему несколько ран пиками; но он храбро стоял и отбивал удары палашом; изнемогая от ран, он скоро бы упал, если б не освободили его товарищи, князья Голицыны, того же полка. Брат его Фёдор Орлов, служивший в одном из

гусарских полков, подскакав к французской коннице, убил из пистолета неприятельского офицера перед самым фронтом. Вскоре после того он лишился ноги от неприятельского ядра. Так, по крайней мере, рассказывали о сих подвигах, коих я не был очевидцем. Третий брат Орловых, Григорий, числившийся в Кавалергардском полку и находившийся при одном из генералов адъютантом, также лишился ноги от ядра. Я видел, когда его везли. Он сидел на лошади, поддерживаемый под мышки казаками, оторванная нога его ниже колена болталась; но нисколько не изменившееся лицо его не выражало даже страдания. Четвёртый брат Орловых, Михаила, состоявший тогда за адъютанта при Толе, также отличился бесстрашием своим, но не был ранен. Кавалергардского полка поручик Корсаков, исполинского роста и силы, врубился один в неприятельский эскадрон и более не возвращался: тела его не нашли»{146}, — вспоминал впоследствии генерал от инфантерии Николай Николаевич Муравьёв-Карский, бывший в 1812 году прапорщиком Свиты по квартирмейстерской части.

Наверное, всё было так — а может, и не совсем так… В мемуарах всегда возможны какие-то ошибки и временные смещения. Так, в биографии Григория Орлова, помещённой в третьем томе «Сборника биографий кавалергардов», указано: «В течение войн 1812–14 гг. он всё время служил в действующей армии, получил несколько ран и лишился ноги. В сентябре 1812 года, состоя при главнокомандующем Барклае де Толли, Орлов был награждён орденом Св. Владимира 4-й ст.; 20 февраля 1813 г. произведён в штабс-ротмистры, в 1815 г. состоял адъютантом генерал-лейтенанта графа Ливена…»{147}В 1819 году, уже полковником, Григорий Фёдорович уволился в заграничный отпуск, а в 1825-м вышел в отставку. Скончался он в 1853 году, во Флоренции… Так что когда именно он лишился ноги — не совсем ясно.

Вызывает некоторое сомнение и рассказ о Михаиле Орлове, ибо в его «Формулярном списке» значится:

«…находился в сражении августа 4-го и 5-го при г. Смоленске, того же августа 24-го и 26-го чисел при селе Бородине начальником штаба отдельного отряда генерал-лейтенанта Дорохова[99], при взятии города Вереи сентября 29-го…»{148}

Да какой там начальник штаба, какого отдельного отряда — при Бородине?!

Да и где в этот славный день был сам доблестный генерал Дорохов?!

Ответить на последний вопрос труда не составит:

«В день Бородинской битвы Дорохов был во 2-м

кавалерийском корпусе, барона Корфа, составлявшем резерв за 4-м пехотным корпусом, графа Остермана. Около 9 часов утра, когда усиленные атаки Даву, Нея, Мюрата и Жюно на Семёновское угрожали опасностью Русской армии, Дорохов послан был на помощь князю Багратиону с Курляндским и Оренбургским драгунскими и Сумским и Мариупольским гусарскими полками. Смелыми атаками удерживал он неприятелей, сбивая их в кусты перед Семёновским. В одной из атак, отбитых французскими кирасирами, под Дороховым убили лошадь, и толпа неприятельских всадников перенеслась через него. Трубач, возле бывший, отдал ему свою лошадь. Дорохов безмолвно пожал руку храброго трубача, промчался на лошади его стороною, оживил своим появлением гусаров, уже считавших его убитым, и немедленно повёл их расплатиться с французскими латниками. За Бородинское сражение получил Дорохов чин генерал-лейтенанта»[149].

А в запись в формуляре вкралась совсем небольшая ошибка: не на месте оказалась всего одна запятая. Но о том — позже… Пока же скажем, что доподлинно известно, что Михаил Орлов участвовал в сражении при Бородине — но в качестве кого, и что он там делал — остаётся только предполагать. Хотя, вполне возможно, что он и состоял при полковнике бароне Карле Фёдоровиче Толе, который с прибытием светлейшего князя Кутузова исполнял обязанности генерал-квартирмейстера всей действующей армии…

А может, он находился в строю своего родного полка — в рядах одного из эскадронов, в качестве субалтерна[100]?

Бородино было вторым после Аустерлица сражением в истории Кавалергардского полка… С самого раннего утра бой разгорелся по всему фронту. К небу, ставшему белым от разрывов картечных снарядов, поднимался чёрный дым пожаров. Тысяча двести орудий с обеих сторон палили непрестанно, гремели ружейные залпы, в разных местах поля разгорались ожесточённые рукопашные схватки и стремительные кавалерийские стычки, батальоны сходились в штыки, эскадроны пытались прорубиться через ощетинившиеся сталью и огрызавшиеся свинцом пехотные каре…

«Весь Бородинский бой — это лобовая атака французскими массами русского центра — батареи Раевского и флешей Багратиона… Жесточайшее побоище длилось шесть часов без всякого намёка на какой-либо манёвр, кроме бешеного натиска с обеих сторон»[150], — писал историк.

Около трёх часов пополудни — через шесть часов после начала боя за центр позиции — вражеская кавалерия сумела

потеснить поредевшие полки 7-й пехотной дивизии генерала Капцевича; вслед за конницей шла в штыки пехота… Русские батальоны стали медленно и в полном порядке пятиться, удерживая французов штыками. Однако казалось, что ещё чуть-чуть — и массы вражеской пехоты надвое рассекут русскую позицию…

Очевидно, подпоручик гвардейской артиллерии барон Корф понял это первым. Он «…с двумя взводами 2-й гв. конной батареи, находившимися при нашей бригаде, вынесся на позицию и, снявшись с передков в 100 саженях от неприятеля, открыл огонь картечью. После двух очередей пехота была опрокинута, “на месте её лежала груда трупов”, но кавалерия Груши[101], “несмотря на убийственный картечный огонь, с большою запальчивостью продолжала наступать”, и один эскадрон бросился врассыпную на наши орудия. Помня наставления графа Кутайсова[102]: “Держаться, пока неприятель не сядет верхом на орудия”, Корф стоял на позиции до последней крайности, а затем двинулся на отвозах прямо на кавалергардов, которые, стоя за возвышением, не были замечены неприятелем. Французские всадники уже были между нашими орудиями; Корф, въехав на возвышение, закричал командиру 1-го взвода лейб-эскадрона корнету Башмакову: “Башмаков, выручи орудия!” Башмаков, не выжидая приказания, бросился в атаку, причём “передовые неприятельские всадники, далеко занёсшиеся в наши ряды, были почти все истреблены”. В это время от Горок подъехал к бригаде Барклай. “Attaquiren Sie”[103], спокойно сказал он Левенвольду[104]. Громким “ура!” отвечал полк на это приказание. 1-й и 4-й эскадроны двинулись рысью, за ними “en echiquier”[105] пошли 3-й и 5-й эскадроны под командой полковника Левашова.

В небольшой и пологой лощине, прямо против полка строилась в полковые эскадронные колонны кавалерия Латур-Мобура[106]: впереди саксонские *Garde-du-corps*[107], за ними саксонские кирасиры Цастрова и польские уланы. Пройдя между каре нашей пехоты, Левенвольд повёл 1-й эскадрон прямо, а командиру 4-го эскадрона Е.В. Давыдову[108] приказал атаковать во фланг. Заметив движение кавалергардов, неприятельская кавалерия начала развёртывать фронт. Ясно слышались слова команды: “En avant!”[109], затем “Halte!”[110] и “Par quatre a droite…”[111]. Но было уже поздно. “Галопом! Марш!” — скомандовал Левенвольд и, повернув лошадь налево, только успел закричать Давыдову: “Командуйте, Евдоким Васильевич, левое плечо…”, как упал с коня, поражённый картечью в голову. Первая линия замялась, но, поддержанная второй, врубилась в

неприятельскую колонну.

Однако польским уланам удалось развернуться вправо и таким образом взять кавалергардов во фланг, но Конная гвардия выручила кавалергардов: она бросилась в атаку и опрокинула улан.

Началась свалка. “Рукопашный бой между массами смешавшихся наших и французских латников представлял необыкновенное зрелище, в своём роде великолепное, и напоминал битвы древних рыцарей или римлян, как мы привыкли их себе воображать. Всадники поражали друг друга холодным оружием среди груд убитых и раненых”…

Таков был “кирасирский подвиг” полка под Бородином»{151}.

Кавалергардский полк потерял в Бородинском сражении убитыми двух офицеров и восемь нижних чинов; восемь офицеров и 71 нижний чин были ранены, 17 человек пропали без вести. Перед началом сражения в строю находилось 30 офицеров и 549 нижних чинов. Потеря была весьма ощутимая!

Глава седьмая.
«ВОЙНА ПО ГРОБ — НАШ ДОГОВОР!»

«Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что после кровопролитнейшего и 15 часов продолжавшегося сражения наша и неприятельская армии не могли не расстроиться и за потерею, сей день сделанною, позиция, прежде занимаемая, естественно, стала обширнее и войскам невместною, а потому, когда дело идёт не о славах выигранных только баталий, но вся цель будучи устремлена на истребление французской армии, ночевав на месте сражения, я взял намерение отступить 6 вёрст, что будет за Можайском, и, собрав расстроенные баталиею войска, освежа мою артиллерию и укрепив себя ополчением Московским, в тёплом уповании на помощь Всевышнего и на оказанную неимоверную храбрость наших войск увижу я, что могу предпринять противу неприятеля…»{152} — писал светлейший князь Голенищев-Кутузов Александру I в ночь после сражения.

Но остановить неприятеля не удалось ни на Можайском рубеже, ни перед Москвой… Военный совет, проведённый в деревне Фили 1 сентября 1812 года, принял решение о сдаче Москвы. Блистательный генерал Милорадович, начальствовавший арьергардом, сумел обеспечить беспрепятственный проход русских войск через древнюю столицу. Этому же военачальнику армия была обязана безупречным выполнением дерзкого тарутинского марш-манёвра, в результате чего французы потеряли уходящего противника…

И вот, в конце концов, 21 сентября главные силы русской армии вступили в большое село Тарутино. Здесь, на крутом берегу реки Нары, Кутузов сказал генералам и офицерам штаба: «Теперь ни шагу назад! Приготовиться к делу, пересмотреть оружие, помнить, что вся Европа и любезное Отечество наше на нас взирают!»

«Поелику Тарутинская наша позиция имела перед собою значительную реку Нару, хотя вовсе неширокую, но довольно глубокую, быструю и в крутых берегах, то князь Смоленский, зная невозможность скорого и быстрого неприятельского нападения, велел, чтобы полковые командиры строили в обапольных[112] селениях и на берегах р. Нары и оврагов бани для освежения солдат, зануженных в долговременном тысячевёрстном боевом отступе нашем от Немана, и обучали новоприведённых из депо необученных рекрут цельной стрельбе глиняными пулями в

мишень…»{153} — вспоминает очевидец.

«Насыпаны редуты и батареи. Войска заняли укреплённый лагерь, можно было наконец не спеша и передохнуть. В лагере открылся настоящий рынок; маркитанты навезли все необходимые для жизни припасы…»{154} — пишет другой офицер.

Войска готовились к новым сражениям. На отдыхе солдаты выстроили добротные шалаши для офицеров и для себя, затем начали отрывать удобные и просторные землянки. Потом, по идее кого-то из любителей комфорта, в лагере стали появляться избы, материал для строительства которых заимствовался в селе, так что Тарутино исчезало на глазах, ибо то, что не годилось для строительства, попадало в костры… Лагерь постепенно превращался в настоящий город — сюда из Калуги начали приезжать сбитенщики, калачники и прочие торговцы, бойко продававшие свой товар по всей территории стоянки войск. Заметим, кстати, что наш торгаш своей выгоды никогда не упустит — цены были, что называется, «ломовые»: буханка белого хлеба, например, стоила два рубля ассигнациями. (Чтобы было понятно: в августе 1822 года, в столичном Петербурге, фунт первосортной говядины стоил $12^1/_4$ копейки!) Не каждый мог позволить себе такую роскошь! Зато на базаре, который возник прямо на большой дороге, постоянно собиралось до тысячи человек — там торговали сами солдаты, народ мастеровитый, среди которых кого только не было! На этом базаре возможно было за гроши приобрести любой потребный товар, сработанный умелыми солдатскими руками…

Лагерь был очень оживлён. По вечерам, до самой зари, повсюду слышалась нехитрая музыка, звенели песни — чаще всего радостные, победные. Чего ж не радоваться? Каждый солдат был теперь исправно одет и досыта накормлен; для пополнения убыли в полках из Калуги ежедневно приходило по пятьсот, тысяче, а то и по две тысячи рекрутов. Даже кавалерия — тот род войск, который у противника катастрофически уменьшался с каждым днём, — в русском лагере содержалась в образцовом порядке…

Тем временем во французской армии усиливался процесс деморализации.

По мнению захватчиков, в этом был виноват… дурной пример русских!

Вот, например, что рассказывал французский сержант Бургонь:

«В самый день нашего вступления [в Москву] император отдал маршалу Мортье распоряжение запретить разграбление города. Этот приказ был сообщён в каждом полку, но когда

узнали, что сами русские поджигают город, то уже не было возможности более удерживать нашего солдата, всякий тащил, что ему требовалось, и даже то, чего ему вовсе не было нужно»{155}.

С французским сержантом вполне солидарен офицер итальянской королевской гвардии Цезарь Ложье:

«Солдаты исполняли до сих пор приказы начальства, они заняты были тушением пожара и спасением кусков сукна, драгоценностей, тканей, самых дорогих европейских и азиатских материй и товаров. Но теперь, заражённые примером грабящего на их глазах народа, они сами с увлечением начинают всё расхищать. Мучные, водочные и винные магазины разграбляются прежде всего. Да и что, говоря откровенно, делать, когда городу непрестанно грозит пожар? Разве солдат в нём виноват?»{156}

Вот так! Будем считать французов и их союзников жертвами обстоятельств.

Пожар Москвы, диверсии партизан, отсутствие продовольствия и должной подготовки к затянувшимся военным действиям — всё это пагубно влияло на настроение и, соответственно, поведение не только солдат и офицеров, но и высших чинов армии, и даже самого её полководца. В конце концов Наполеон решил более не играть в победителя, а направить к русским парламентёра.

Выбор императора пал на графа Коленкура, который, являясь откровенным противником похода в Россию, пребывал у Наполеона в немилости. По воспоминаниям генерала, император пригласил его к себе 2 или 3 октября — то есть 20 или 21 сентября, когда русская армия только ещё пришла в Тарутино, — и предложил:

«— Хотите ехать в Петербург?.. Вы повидаете императора Александра. Я передам через вас письмо, и вы заключите мир.

Я ответил, что эта миссия совершенно бесполезна, так как меня не примут. Тогда император с шутливым и благосклонным видом сказал мне, что я “сам не знаю, что говорю; император Александр постарается воспользоваться представившимся случаем вступить в переговоры с тем большей готовностью, что его дворянство, разорённое этой войной и пожаром Москвы, желает мира…”»{157}.

Все мы в общем-то верим в то, во что хотим верить, и это наше личное дело, но вот когда руководитель государства излишне увлекается собственными фантазиями — добра не жди!

«Видя, что ему не удаётся меня уговорить, император прибавил, что все побывавшие в России, начиная с меня, рассказывали ему всяческие сказки о русском климате, и снова

стал настаивать на своём предложении. Быть может, он думал, что мне неловко явиться в Петербург, где ко мне так хорошо относились, как раз в тот момент, когда Россия подверглась такому разорению; основываясь на этом предположении, император сказал мне:

— Ладно. Отправляйтесь только в штаб фельдмаршала Кутузова.

Я ответил, что эта поездка увенчалась бы не большим успехом, чем другая…»{158}

Не сумев склонить графа Коленкура к выполнению посреднической миссии, Наполеон решил возложить её на маркиза Лористона, сменившего, как мы помним, Коленкура в Санкт-Петербурге. «Я пошлю Лористона, — сказал, завершая разговор, император. — Ему достанется честь заключить мир и спасти корону вашего друга Александра».

Самому Лористону император сказал гораздо честнее: «Я желаю мира, мне нужен мир; я непременно хочу его заключить, только бы честь была спасена!»

С этим напутствием маркиз и уехал — без всяких сомнений и колебаний в том, что всё у него получится…

Безусловно, в том не было никакой случайности, что на русских аванпостах его встречал гвардии поручик Михаил Орлов, на личном опыте познавший, какие попутные задачи решают в ходе боевых действий офицеры, оказавшиеся с различными поручениями в расположении неприятельских войск. Вот почему после взаимных приветствий и первых вежливых вопросов о здоровье императоров кавалергард осведомился с видом крайней заинтересованности: «Как вам нравится нынешняя осень, маркиз? Ведь не сравнить с петербургской, не правда ли?» Лористон согласился.

Пересказывать дальнейший разговор нет смысла: Орлов, подобно всем прочим — весьма немногим! — русским чинам, с которыми потом общался французский посланник, беседовал с ним исключительно о погоде, вежливо, но твёрдо переводя любой разговор именно на эту общую тему. Притом везли Лористона так, чтобы он мог видеть стоянку русских войск только издали.

Впрочем, в русском лагере основательно подготовились к прибытию гостя. Несколько пехотных полков были переведены на новые места и рассредоточены, создавая видимость бо́льшей численности войск и скрывая истинное расположение армии. Той же цели служили и многочисленные костры, разведённые прямо в чистом поле, на значительном удалении от лагеря. Солдатам выдали дополнительную «винную порцию», приказав «песни петь и веселиться» — пусть видит французский посланник, что

русским несть числа, они бодры и готовы к любым испытаниям.

Наверное, для того, чтобы держать парламентёра подальше от армии, «Главная квартира была переведена из Тарутино в Леташовку, расположенную позади позиции. Это местечко насчитывает не больше десятка домишек»{159}, — писал давно уже вернувшийся к армии Дурново и сетовал, что в Леташовке квартирмейстеров очень плохо разместили в курной избе.

Ради торжественного случая фельдмаршалу — этого чина он был удостоен после Бородина, но до сдачи Москвы — князю Кутузову пришлось впервые за всё время военных действий надевать парадный мундир и треугольную шляпу с плюмажем. Когда Михаила Ларивоныч с большим трудом сумел облачиться в парадное одеяние, то вдруг заволновался: эполеты на его мундире потускнели и казались недостаточно новыми. Тогда Кутузов обратился за помощью к генералу Коновницыну, который также щеголем не был… Главнокомандующий потом долго сетовал, что позабыл в суете про генерала Милорадовича — вот у того, действительно, эполеты всегда смотрелись чудо как хорошо…

Неудивительно, что такие мелочи беспокоили русского полководца перед встречей с французским посланником: он знал, что мира не будет и разговор с Лористоном абсолютно ничего не даст…

В сумерках к избе, избранной местом для ведения переговоров, подъехал крытый возок. Маркиз Лористон торопливо прошёл в сени. Князь Кутузов встретил его в просторной горнице, и минут 50 они беседовали *tet-a-tet*. Выслушав жалобы гостя на «варварский способ» ведения войны казаками, партизанами и мужиками, Михаил Илларионович сочувственно покачал головой, повздыхал, как-то даже по-стариковски охнул, но заявил, что он не в силах переменить сей образ мыслей в народе, почитающем вторжение французов равнозначным нашествию татар. Ничего Лористону не обещая и объяснив, что он не облечён правом заключать мир, ибо всё в воле императора, покорным слугой которого он является, Кутузов тем не менее сумел дать понять французскому посланнику, что сам он был бы не против такого предложения… Лористон попросил передать Александру письмо Наполеона и заключить перемирие до получения ответа. Кутузов письмо принял, но в перемирии отказал — мол, он на это не уполномочен.

Затухали костры на солдатских стоянках, высоко в небе, усыпанном алмазной крошкой звёзд, повис белый месяц, когда поручик Орлов провожал генерала Лористона к французским аванпостам. Невидимые в темноте, шелестели по сторонам

дороги деревья, усыпавшие путь всадников жёлтой, шуршащей под конскими копытами листвой… Ночь была уже по-осеннему зябкой.

— Князь склоняется принять мирные предложения нашего императора, — доверительно сказал кавалергарду Лористон.

— Зима в России замечательная! — отвечал Орлов, как бы невпопад и, кажется, улыбаясь в темноте. — Вы это знаете, маркиз, а вот компатриоты ваши скоро в том убедятся…

Но Лористон, как и его повелитель, старался верить в то, во что хотелось верить, — тем более что никто его не пытался разубеждать. О силе этой уверенности свидетельствует граф Коленкур:

«Хотя Кутузов отказался пропустить его в Петербург, но, по впечатлению Лористона, все желали положить конец этой борьбе, которая изнурила русских, по-видимому, ещё более, чем нас. Говорили, что вскоре получится ответ из Петербурга, и император был в восторге, так как он возлагал свои надежды на приостановку военных действий, во время которой можно было бы вести переговоры. Он считал, что остаётся лишь, как это бывало в подобных случаях, наметить демаркационную линию для противников на время переговоров»[160].

Англичане же, наши союзники, опубликовали свою версию произошедшего в своих «листках» — и этот интереснейший материал уже в декабре 1812 года перепечатал журнал «Вестник Европы»:

«Князь Кутузов принял Лористона в присутствии своих генералов…

Князь отвечал, что ему не дано полномочия слушать предложений ни о перемирии, ни о мире, что он не примет никакого письма к Его Императорскому Величеству, долгом своим почитая объявить, что Российская армия имеет на своей стороне многие важные выгоды, которых отнюдь не должно терять согласием на перемирие…

Разумеется, что Лористон не был доволен таким успехом в своём посольстве. Уже давно французы привыкли о подобных делах вести пере говор с глазу на глаз или при весьма немногих надёжных людях, а тут надлежало говорить при тридцати особах, как находившихся при знаменитом вожде российском, так и сопровождавших присланного с хищническим препоручением»[161].

Под сообщением подпись по-немецки: «Der Patriot».

Интересно, кто всё это придумал, про «тридцать особ» — наши или англичане?

Ну да бог с ними, с англичанами, — вернёмся к французам.

Александр Пушкин впоследствии напишет — совсем по-иному поводу, но очень подходяще для данного случая: «…недолго нежил нас обман». Для нас важно не то, что «недолго», а то, что «нежил» — ибо в то самое время, когда маркиз Лористон докладывал своему императору об успехе визита к русским, князь Кутузов писал своему императору совершенно обратное — на ту же самую тему:

«1812 г. сентября 23.

Село Тарутино.

Всемилостивейший Государь!

…ввечеру прибыл ко мне Лористон, бывший в С.-Петербурге посол, который, распространяясь о пожарах, бывших в Москве, не виня французов, но малого числа русских, оставшихся в Москве, предлагал размену пленных, в которой ему от меня отказано. А более всего распространился об образе варварской войны, которую мы с ним ведём; сие относительно не к армии, а к жителям нашим, которые нападают на французов, поодиночке или в малом числе ходящих, поджигают сами домы свои и хлеб, с полей собранный, с предложением неслыханные такие поступки унять. Я уверял его, что ежели бы я и желал переменить образ мыслей сей в народе…» — впрочем, сказанное далее мы знаем, а потому обращаемся к самой сути. Написанные в этом документе по-французски слова Наполеона, а также самые верноподданнические уверения князя Кутузова, на том же языке изложенные, сразу даём в русском переводе, выделяя курсивом: «Наконец, дошед до истинного предмета его послания, то есть говорить стал о мире, что дружба, существовавшая между Вашим Императорским Величеством и императором Наполеоном, разорвалась несчастливым образом по обстоятельствам совсем посторонним, и что теперь мог бы ещё быть удобный случай оную восстановить: *Неужели эта необычная, эта неслыханная война должна длиться вечно? Император, мой повелитель, имеет искреннее желание покончить этот раздор между двумя великими и великодушными народами и покончить его навсегда.* Я ответствовал ему, что я никакого наставления на сие не имею, что при отправлении меня к армии и название мира ни разу не упомянуто. Впрочем, все сии слова, от него мною слышанные, происходят ли они так, как его собственные рассуждения или имеют источник свыше, что я сего разговора ни в котором случае и передать государю своему не желаю; *что я буду проклят потомством, если во мне будут видеть первопричину какого бы то ни было соглашения; потому что таково теперешнее настроение моего народа.* При сём случае подал он мне письмо от императора Наполеона, с коего при сём список прилагается…»{162} *Etc.*

Честно говоря, в то, что полководец говорил именно так — мол, «проклятие потомства» и иже с ним, — не очень верится! Просто сначала Кутузов откровенно дурачил Лористона, а затем, зная мнительность и недоверчивость своего императора, — дурачил и самого Александра Павловича. И вот, даже не получив никакого утвердительного ответа на свои предложения, французы ждали начала мирных переговоров и не открывали активных боевых действий, пока 6 октября русские не дали им Тарутинского сражения — и в то же время французские войска стали покидать Москву…

Но всё равно «Император Александр I остался недоволен поступком князя Кутузова и выразил это в следующем рескрипте: “Из донесения вашего, с князем Волконским полученного, известился я о бывшем свидании вашем с французским генерал-адъютантом Лористоном. При самом отправлении вашем к вверенным вам армиям, из личных моих с вами объяснений известно вам было твёрдое и настоятельное желание моё устраниться от всяких переговоров и клонящихся к миру сношений с неприятелем. Ныне же, после сего происшествия, должен с тою же решимостью повторить вам: дабы сие принятое мною правило было во всём его пространстве строго и непоколебимо вами соблюдаемо…”»{163}.

Понять государя можно — он безукоризненно исполнял взятую на себя роль бескомпромиссного «спасителя Отечества»: никакого мира, «пока хоть один вооружённый француз…» *etc.* Но не понять фельдмаршала Кутузова также нельзя — он выиграл необходимую передышку путём военной хитрости. Признаем, что гораздо легче давать указания из Петербурга, нежели решать насущные вопросы, находясь на театре боевых действий.

* * *

Французы пока ещё верили русским, тогда как русские самим себе — не очень. Фельдмаршал Кутузов вынужден был лукавить перед Александром I, при том что самому русскому государю не слишком доверяли его подданные. Тильзит здорово подорвал авторитет императора; оставление без боя Российской земли и сдача Москвы возмущали буквально каждого. Слово «измена» порхало над радами отступавших войск; в придворных и в военных кругах откровенно опасались каких-нибудь новых унизительных договорённостей с Наполеоном…

Недаром в те же самые дни в офицерских палатках лейб-гвардии Семёновского полка — любимого воинского соединения

Александра I, стоявшего на бивуаке под Тарутином, каждый день происходили ожесточённые споры. Молодые офицеры — Иван Якушкин, братья Сергей и Матвей Муравьёвы-Апостолы, князь Сергей Трубецкой, Пётр Чаадаев и иные — кипели негодованием, обвиняя фельдмаршала чуть ли не в прямом предательстве Отечества. Императора не называли, но намёки на него были… Присутствие Лористона вблизи русской армии воспринималось офицерами как доказательство подготовки за спинами сражающихся позорного мирного договора — ибо какого ещё соглашения можно было ждать, когда враг находился в древней столице Российского государства?

Жаждой отмщения горело каждое сердце. Однажды молодые гвардейцы даже поклялись не прекращать борьбы с врагом несмотря ни на что и в случае заключения мира сформировать и возглавить партизанские отряды из собственных солдат, вооружить крестьян и этими силами преследовать французов до тех пор, пока все они не будут изгнаны из российских пределов.

Насколько мы помним, преображенцы, семёновцы и кавалергарды были элитой гвардии и достаточно часто общались между собой. Михаил Орлов бывал на семёновских стоянках и, слушая подобные разговоры, которых никто от него не таил, всей душой сочувствовал патриотическому порыву. Ему очень хотелось утешить и успокоить своих друзей — однако делать этого было нельзя. Он, посвященный во многие тайны Главной квартиры и сам принимающий участие в этой «игре», прекрасно знал, что ведение переговоров с французским посланником — тактический ход мудрого главнокомандующего, а потому французы питают на их счёт ничем не подкреплённые иллюзии… Вот только сказать об этом Михаил не мог: лишь намекни, что никакого мира не будет и быть не может, — и радостное это известие разлетелось бы по русскому лагерю.

Отечественная война 1812 года пробудила во всех слоях русского общества небывалый патриотический подъём, чувство национальной гордости, сознание личной причастности к судьбам России. Что бы там потом ни говорилось, но именно это сознание вывело офицеров гвардии на заснеженную Сенатскую площадь в Петербурге 14 декабря 1825 года…

* * *

Приказ сопровождать Лористона Михаил Орлов получил уже с нового места службы — незадолго до этого поручик был назначен в «летучий» кавалерийский отряд генерал-лейтенанта

Дорохова. Ранее мы уже сказали несколько слов об этом блестящем кавалерийском начальнике, отчаянном гусаре, замечательном патриоте — одной из звёзд первой величины в неповторимом созвездии русских генералов Двенадцатого года.

Надеемся, читатель помнит об ошибке, вкравшейся в формулярный список нашего героя. Ранее приведённый текст должен звучать так:

«…находился в сражении… августа 24-го и 26-го чисел при селе Бородине, начальником штаба отдельного отряда генерал-лейтенанта Дорохова при взятии города Вереи сентября 29-го…»{164}

То есть запятую следует перенести так, чтобы было понятно: Орлов был начальником штаба у Дорохова в день взятия Вереи, а отнюдь не — как это следует из текста оригинала — при Бородине.

Штурм Вереи, города, важного по своему географическому положению, — самый блистательный подвиг партизанского отряда генерала Дорохова.

Для выполнения этой задачи «Дорохову отделили по два батальона Полоцкого и Вильманстрандского пехотных полков, батальон 19-го егерского, по два эскадрона Мариупольского и Елисаветградского гусарских полков, два полка Донских казаков и 8 орудий. Кроме того, присоединили к нему партизанский отряд князя Вадбольского.

Сентября 27-го Дорохов пришёл в Боровск, оставил здесь охранительный отряд на сообщениях с армиею, другой послал в Купелицы на Московскую дорогу, идущую из Вереи в Можайск, а с остальными двинулся на Верею. В Волченке велел он сложить ранцы; налегке, ночью переправился через Протву и в 4 часа утра приблизился к Верее. Расположенная на горе, около 5-ти сажен[113] вышиною, Верея была обнесена неприятелями земляным валом и палисадом. Гарнизон Верейский состоял из батальона Вестфальских войск. Поднимаясь с места, Дорохов кратко, но в сильных выражениях приветствовал отряд свой, объясняя ему предписанный Кутузовым подвиг. “Товарищи! — сказал он им. — Главнокомандующий приказал нам взять Верею. Укрепления города построены на горе, в пять сажен высоты и обнесены палисадами. Завтра перед рассветом пойдём, а с рассветом возьмём”. Пятеро верейских жителей: отставной солдат и четверо мещан, Гречишкин, Прокудин, Жуков и Шушукин, вели русский отряд к городу, куда Дорохов велел идти тихо, не стреляя, и атаковать внезапно штыками. Беспечно спавший гарнизон был схвачен врасплох, когда войска сняли часовых и ворвались в город. Неприятель хотел защищаться, стрелял из

домов и из церкви, где заперлись многие, но по кратком сопротивлении сдался; полковник, 15 офицеров и 177 рядовых взято в плен, при чём отбито у неприятеля одно знамя. Отряд неприятельский показался по дороге из Борисова, но, видя Верею занятую русскими, отступил поспешно. Более тысячи вооружённых крестьян, предводимых священником Верейского собора Иоанном Скобеевым, явились к Дорохову, срыли Верейские укрепления и собрали остальных, спрятавшихся неприятелей. Запасы хлеба розданы были крестьянам, а военная добыча солдатам. Отставной солдат и четверо мещан, ведшие отряд, награждены Знаком отличия Военного ордена»{165}.

«Взятие Вереи открыло партизанам Московскую столбовую дорогу, по которой из Смоленска в Москву и обратно двигались неприятельские обозы, парки, больные и отсталые. Партизаны выступали обыкновенно до рассвета, налетали на фуражиров, команды и транспорты, истребляли запасы и зачастую отбивали наших пленных, после чего также быстро уходили и укрывались большею частью в лесах, отчего и делались неуловимы»{166}.

Наградой генералу Дорохову была золотая, алмазами украшенная, сабля с надписью «За освобождение Вереи».

Поручик Михаил Орлов был удостоен самой почётной в Русской императорской армии боевой награды — ордена Святого Георгия 4-го класса: «В воздаяние ревностной службы и отличия, оказанных в сражении против французских войск 1812 года 29 сентября при взятии Верейских укреплений и овладении городом Вереёю, где исправляя обязанности квартирмейстерского офицера, с отличной деятельностью и искусством, в день штурма употребляем был во все опаснейшие места и способствовал успеху дела».

К 16 ноября, тому дню, когда был подписан этот высочайший рескрипт, Михаил успел отличиться ещё несколько раз — вместе с кавалеристами «летучего» отряда он отправлялся в опаснейшие поиски и рейды по неприятельским тылам, участвовал в сражениях: при Малоярославце 11 октября и под Красным 4, 5 и 6 ноября… Партизанская жизнь, полная лишений и опасностей, необычайно деятельная и насыщенная, увлекла кавалергардского офицера. Правда, поначалу — после привычной гвардейской строгости и чопорности — ему всё казалось в диковинку, непривычным и даже странным…

«Станы наших летучих отрядов по наружному виду были похожи на притоны разбойников или цыганские таборы. Крестьяне с вилами, косами, топорами, французскими ружьями и пистолетами, гусары, казаки, ратники ополчений были перемешаны с неприятелями, одетыми во все европейские

мундиры, жёнами их и детьми. Иные из наших пленных, поступавших в партии после освобождения, за неимением русских мундиров одевались во французские. В лагери партизан свозились отбитые у французов захваченные ими в Москве экипажи, книги, картины, платья и всякие другие вещи» — так обрисовал прапорщик Михайловский-Данилевский типичную картину партизанского лагеря.

Интересно, окажись на таком бивуаке наш цесаревич Константин Павлович — большой педант в отношении формы одежды и воинской дисциплины, — попытался бы он заставить партизан жить по уставу?

Малоярославец, к сожалению, оказался последним сражением в биографии командира отряда — лихого генерала Ивана Дорохова. Вражеская пуля в полном смысле нашла его «ахиллесову пяту», раздробив ему левую пятку. Ранение казалось столь серьёзным, что не только заставило генерала покинуть поле боя, но и свело его в могилу полтора года спустя. Согласно его завещанию Дорохов был похоронен в Верее…

…Увлечённый партизанской жизнью, поручик Орлов уже и не желал для себя иной судьбы. Однако в штабе светлейшего и в квартирмейстерской службе не забывали о молодом флигель-адъютанте, выслужившем свои аксельбанты[114] отнюдь не на придворном паркете. Его боевой опыт разведчика и недюжинная отвага понадобились главнокомандующему весьма скоро.

Дело в том, что ещё в сентябре 1812 года русским командованием был составлен план: Главная армия фельдмаршала Кутузова и Молдавская армия адмирала Чичагова, ранее объединившаяся с 3-й Обсервационной армией, совместно с отдельным армейским корпусом генерала графа Витгенштейна, должны были соединиться на реке Березине, окружив там отступавшие из Москвы войска Наполеона. Это может показаться нереальным: враг находится в самом сердце России, Кремль горит в огне, а в русских штабах безапелляционно рассуждают о том, как Бонапартовы полчища будут окружены за сотни вёрст от древней нашей столицы… Но всё было именно так: император Александр I утвердил секретный план более чем за месяц до оставления французами Москвы.

И вот в ноябре, после ожесточённых боёв, после воистину гениальных манёвров, предпринятых русскими военачальниками для того, чтобы повернуть неприятеля вспять, заставив идти обратно по Старой Смоленской дороге, на многие вёрсты с обеих сторон от которой лежали сожжённые и разграбленные деревни, настала пора приводить этот план в действие. Для координации усилий к адмиралу Чичагову был послан гвардии поручик Орлов.

Ему, во главе небольшого казачьего отряда, предстояло пройти по занятой противником территории и в указанный срок прибыть к войскам Молдавской армии.

О том, как Михаил выполнил поставленную задачу, красноречиво свидетельствует рапорт фельдмаршала Кутузова императору Александру I. (Нет, кстати, никакого сомнения в том, что поручиков, о которых фельдмаршалы докладывали государю, в Русской императорской армии было совсем немного.)

«1812 года, ноября 19.

Приближаясь с армией к городу Борисову, я весьма затруднялся, не имея известий от адмирала Чичагова с 24 октября, почему решился послать из Копыса Вашего Императорского Величества флигель-адъютанта Кавалергардского полка поручика Орлова с отрядом казаков для открытия с ним сообщения. Поручик Орлов должен был перерезывать почти всю неприятельскую армию, следовавшую на небольшом расстоянии. Он принуждён был ночевать среди французских войск, но, невзирая на все сии затруднения и опасности, он выполнил своё поручение с весьма похвальным успехом. Быв свидетелем переправы неприятеля через Березину и зная обстоятельства происшествия в армии, я отправляю его к Вашему Императорскому Величеству со знаменем, доставленным мне от адмирала Чичагова.

Поручик Орлов обращал всегда на себя внимание как отличными познаниями, так же и особенными дарованиями к военному ремеслу. Повергая его к стопам Вашего Императорского Величества, осмеливаюсь всеподданнейше испрашивать для него производства в следующий чин.

Фельдмаршал князь Г.-Кутузов»[{167}].

В формулярном списке указано: «…был послан с лёгким отрядом для открытия сообщения с армией г. адмирала Чичагова, что исполнил, прошедши сквозь неприятеля, и соединился с Молдавскою армиею во время нападения французов на оную»[{168}].

Под «нападением», очевидно, имеются в виду боевые действия 16 ноября.

Вдаваться в подробности не будем: о Березинской переправе и неудаче выполнения того самого плана, о котором говорилось выше, написано очень и очень много. За то, что не удалось окончательно разгромить отступающие остатки *La Grande Armée,* историки ругают адмирала Чичагова, ругают генерала Витгенштейна, подозревают некий умысел фельдмаршала Кутузова… Однако не надо забывать, что противоположной

стороной руководил великий Наполеон, переиграть которого было не так легко, как считают сегодня некоторые.

Итак, после Березинской переправы Михаил Орлов отправился в Петербург, где, уже 2 декабря, государь наградил его внеочередным — как следует из формуляра — чином ротмистра и разрешил отдохнуть в столице. А сам Александр I через пять дней, 7 декабря, убыл к армии, победоносно заканчивавшей Отечественную войну…

Между тем Петербург уже праздновал изгнание неприятеля из России. Недавно ещё столичные жители пребывали в тревоге и ожидании, боялись возможного манёвра наполеоновской армии на север, рукоплескали победам графа Витгенштейна, наречённого «Спасителем Петербурга», скорбели о бородинских потерях, были потрясены московским пожаром… Теперь всё переменилось, и Михаил попал в атмосферу нескончаемого праздника: балы, званые вечера, театральные представления, дружеские встречи. Флигель-адъютант императора, кавалергард, георгиевский кавалер — он мгновенно стал в Петербурге знаменитостью. Когда он давал согласие куда-то прийти, то хозяева созывали гостей «на Орлова», и никто не спрашивал — «которого?».

— Вас хочет видеть *Princesse Nocturne*[115], — сообщил Орлову князь Пётр Вяземский. — Она просила передать вам своё приглашение.

Камер-юнкер и известный поэт, князь недавно вернулся из ополчения, в котором состоял в чине поручика. При Бородине он исправлял должность адъютанта бесстрашного генерала Милорадовича и за храбрость был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом.

— Когда она хочет меня видеть?

— Странный вопрос! Конечно же ночью!

Кто в Петербурге не знал княгини Голицыной[116], не пленялся дивной её красотой и не слыхал о пророчестве цыганки, что красавице суждено умереть ночью, во сне? Княгиня решила обмануть судьбу, обратив полночь в час полуденный, и в ту самую пору, когда Северная Пальмира погружалась в сон, принимала у себя гостей…

Чуть ли не в тот же вечер Орлов отправился к *Princesse Nocturne,* которая жила на Миллионной улице, неподалёку от Мраморного дворца, некогда подаренного императрицей Екатериной князю Григорию Орлову. Отыскать дом Голицыной было совсем не трудно: единственный по всей улице, он сиял огнями, у парадного подъезда стояли возки, сани…

Княгине, с которой Михаил повстречался впервые, было уже

немного за тридцать, но она — в особенности при свете свечей — казалась юной, словно и не было в её жизни многих тяжких испытаний… Совсем молодой девушкой, по воле императора Павла, пожелавшего её облагодетельствовать, она была выдана замуж за очень богатого, но совершенно не интересного ей князя Сергея Голицына. Брак этот оказался неудачным и скоро распался, однако развода муж не давал, а потому Евдокия не смогла соединить свою судьбу с любимым — флигель-адъютантом князем Михаилом Долгоруковым. Быть может, всё вскорости и сложилось бы — князь относился к кругу так называемых «молодых друзей» императора Александра I, генерал-адъютантом которого он стал, однако в 1808 году, в Шведскую кампанию, Долгоруков был убит в бою у Иденсальми. Через два дня после гибели князя к армии был привезён указ о присвоении ему чина генерал-лейтенанта, назначении командиром корпуса и награждении орденом Святого Александра Невского. Через месяц Долгорукову должно было исполниться 28 лет.

— Я рада вас видеть, Орлов! — просто сказала ему хозяйка. — И не потому, что ныне о вас твердит весь город — сейчас, когда общие помыслы устремлены к армии, хочется знать о происходящем как можно больше. Кто, как не вы — герой, один из храбрейших…

Михаил пытался возразить, но княгиня не дала ему этого сделать:

— Ах, молчите! Не нужно…

Это получилось так естественно, что ротмистр, не чувствуя и тени неловкости, покорился воле очаровательной женщины.

— Рассказывайте, прошу вас! — продолжала она. — Рассказывайте обо всём, что сочтёте нужным. Я буду вашей самой внимательной слушательницей!

В эти дни его постоянно просили рассказать о боях и партизанских диверсиях, о Смоленске и Бородине, о встрече с Наполеоном, о Кутузове и Барклае, о знаменитых партизанах Дорохове, Давыдове, Фигнере… Слушали внимательно, но потом начинали задавать нелепые и пустячные вопросы, высказывать собственные дилетантские суждения. Но здесь, в гостиной, обставленной по-русски, красиво и изящно, его не отвлекали банальностями. Правда, кто-то из гостей хотел что-то возразить — но княгиня тут же сказала ему:

— Оставьте! Что вам известно? — и просила Орлова продолжать.

Ротмистр говорил о том, о чём никогда не рассказывал в петербургских салонах: о трудностях отступления, о крестьянах, сжигавших свои избы и нивы, о клятве семёновских офицеров, о

вынужденной жестокости партизан, о французских солдатах, замерзавших у потухших костров, о русских воинах, порой отдававших последние свои ломти хлеба беспомощному неприятелю…

— Сколь же велик наш народ, ежели в самых низах его возможно подобное благородство! — воскликнула княгиня, коснувшись руки Орлова. — Вы возвращаетесь к армии?

— Разумеется, и весьма скоро.

— Я надеюсь, вы ещё навестите меня?

— Обещаю! — отвечал Михаил, поднося к губам тонкие пальцы Голицыной.

Лишь тут они заметили, что остались в гостиной одни. Гости потихоньку разъехались — возможно, прискучившись слушанием рассказов о «непарадной» стороне войны…

Орлов был влюблён. Разумеется, он не писал таких стихов, как через пять лет напишет о княгине Голицыной поэт Александр Пушкин:

> …Но вас я вижу, вам внимаю,
> И что же?.. слабый человек!..
> Свободу потеряв навек,
> Неволю сердцем обожаю{169}.

Но, очевидно, под этими стихами он охотно бы подписался… Кажется, Евдокия Голицына смогла бы примирить любое пылкое сердце с кем и с чем угодно. Вот ведь и Пушкин «смертельно влюбился» (это его собственные слова), едва выпорхнув за порог Лицея…

Более того, что мы рассказали о взаимоотношениях Михаила Орлова и княгини Голицыной, мы рассказать не можем…

…*Princesse Nocturne* переживёт и Пушкина, и Орлова… Она уйдёт из жизни в конце царствования императора Николая I, всеми покинутая и позабытая. А потому никто не знает, в какое время суток пришёл за ней Ангел Смерти и сбылось ли то самое предсказание цыганки, которое — как бы там ни было — прославило княгиню Евдокию Голицыну, фактически обессмертив её имя.

Глава восьмая. «В ДЫМУ, В КРОВИ, СКВОЗЬ ТУЧИ СТРЕЛ»

Ротмистр гвардии Михаил Орлов возвратился в действующую армию в первый день 1813 года. Сразу по прибытии он узнал, что его ожидает новое, особенное задание. Но, прежде чем рассказывать об этом, следует сделать целых два отступления.

Счастливо (или мастерски?) избежав окружения на Березине — правда, там, по разным оценкам, французы потеряли убитыми, ранеными и пленными от 25 до 40 тысяч человек, — наполеоновская армия, преследуемая по пятам русскими полками, постоянно тревожимая «летучими» отрядами и таявшая буквально на глазах, всё же продолжала своё отчаянное продвижение к границам земель, подвластных французскому императору. Русские кавалерийские отряды порой обгоняли отступающие корпуса неприятеля, перерезали коммуникации, захватывали курьеров и почту. Связь Главной квартиры Бонапарта с Парижем могла прерываться на недели…

Генерал Коленкур вспоминал по этому поводу:

«Мы приближались к Вильно, мы были уже в Польше, а эстафеты всё ещё не приходили… Отсутствие писем из Франции, а ещё больше мысль о том впечатлении, которое произведёт и во Франции, и в Европе отсутствие всяких сообщений из армии, волновали императора более чем что бы то ни было.

Он подготовлял бюллетень, в котором хотел изложить все события и наши последние бедствия. Он сказал мне по этому поводу:

— Я расскажу всё. Пусть лучше знают эти подробности от меня, чем из частных писем, и пусть эти подробности смягчат впечатление от наших бедствий, о которых надо сообщить нации»[{170}].

Бригадный генерал граф де Сегюр написал о том несколько жёстче и точнее: «Наполеон быстро вошёл в свою последнюю императорскую квартиру; он закончил здесь свои последние распоряжения и двадцать девятый и последний бюллетень своей умирающей армии»[{171}].

Конечно, Наполеон постарался эти самые «подробности» смягчить… А вообще, что это такое — «бюллетень», о котором говорил император французов? Откроем энциклопедию «Отечественная война 1812 года» и узнаем:

«Бюллетени Великой армии, принятое в исторической литературе название официальных печатных информационных сообщений о Великой армии императора Наполеона I. Специальные листки, посвященные новостям из армии, получили распространение во Франции во времена революционных войн… После провозглашения Наполеона императором (1804) бюллетени приобрели статус правительственных сообщений.

В 1805–1812 гг. вышло 6 серий бюллетеней, освещавших главные военные кампании императора Наполеона…

6-я серия — “Кампания в России” (1812; 29 бюллетеней)…

Первый бюллетень, относившийся к русской кампании, помечен 22.6.1812, Вилкавишки; последний (№ 29) — 3.12.1812, Молодечно. Император Наполеон принимал непосредственное участие в редактировании помещённых в бюллетенях сообщений, а иногда собственноручно писал их. Ввиду этого их содержание отличалось крайней тенденциозностью, так последний бюллетень 1812 года, ни словом не упоминая о трагедии Великой армии, заканчивается фразой: “Здоровье Его Величества никогда не было лучше…” Однако, благодаря огромному количеству приведённых в них фактов, бюллетени являются ценнейшим источником для изучения действий Великой армии в ходе русской кампании…»{172}

29-й «Бюллетень» занимает особое место. В нём впервые приподнимается завеса секретности: скрывать реальное положение дел уже не представляется возможным. Впрочем, причины поражения *La Grande Armée* в России и здесь объясняются крайне невнятно — во всех злоключениях французов объявлен виноватым «генерал Мороз», пришедший вдруг на помощь обречённому императору Александру I и его несчастному войску…

29-й «Бюллетень» начинался с утверждения:

«До 6-го ноября погода стояла великолепная, и движение армии совершалось как нельзя более успешно. 7-го начались морозы, и после этого мы каждую ночь теряли сотни лошадей, которые замерзали на бивуаках. Ко времени прибытия в Смоленск мы уже лишились значительной части кавалерийских и артиллерийских лошадей…

На дорогах образовалась гололедица. Кавалерийские, артиллерийские и обозные лошади гибли каждую ночь уже не сотнями, а тысячами, особенно же французские и немецкие; за несколько дней пало более 30 тысяч лошадей; наша конница спешилась, наша артиллерия и обозы остались без упряжек. Пришлось бросить и уничтожить значительную часть оружия, снаряжения и провианта.

Эта армия, такая прекрасная 6-го числа, оказалась совсем иной 14-го…»{173}

Известный нам второй лейтенант[117] итальянской гвардии Цезарь Ложье назвал 29-й «Бюллетень» «погребальным»…

Этот бюллетень, в котором причины краха наполеоновской армии в России трактовались исключительно как досадная и нелепая случайность, произошедшая в самом конце победоносного похода, разлетелся по Европе в десятках и сотнях тысяч типографских оттисков.

Таково наше первое отступление. А теперь — второе, гораздо короче.

Перед самой Отечественной войной был утверждён проект создания при Главной квартире 1-й Западной армии походной типографии. Возглавили её профессора Дерптского университета Андрей Кайсаров и Фёдор Рамбах. Типография печатала приказы главнокомандующего армией, воззвания и агитационные листовки. В сентябре 1812 года Рамбах возвратился в Дерпт[118], а майор Кайсаров, старший брат полковника Паисия Сергеевича Кайсарова, дежурного генерала при штабе фельдмаршала Голенищева-Кутузова, продолжал руководить типографией…

Как известно, слово можно победить только словом. Российский главнокомандующий вызвал к себе ротмистра Орлова сразу по его возвращении из Петербурга.

— Я хочу дать тебе весьма ответственное поручение, — по-свойски доверительно обратился князь Кутузов к кавалергарду.

— Когда прикажете отправляться, ваша светлость? — вытянулся флигель-адъютант, показывая готовность немедленно выполнить приказ.

— Никуда отправляться не надо, — отвечал фельдмаршал. — У нас и тут, братец, дел хватает… Тебе сие сочинение знакомо? — И он бросил на стол печатный экземпляр 29-го «Бюллетеня».

Орлову была поставлена задача: подготовить к этому сочинению такой комментарий, чтобы в Европе поняли — в боях на Русской земле *La Grande Armée* потерпела сокрушительное поражение.

Комментарий этот Михаил сделал достаточно быстро. Писал он по-французски, избегая многословия и непроверенных сведений. Уже через две недели, после того как светлейший утвердил текст, «летучая типография», как называли её в армии, отпечатала текст, непритязательно озаглавленный «Размышления русского военного о 29-м “Бюллетене”». Получилась листовка на восьми страницах, каждая из которых делилась на две половины: слева был помещён оригинальный текст наполеоновского «Бюллетеня», справа — уничижительный к нему комментарий.

Листовка была издана анонимно.

С первой же строчки своего комментария Орлов, что называется, «бил на поражение»:

«Репутация “Бюллетеней”, и прежде не блестящая, пошатнулась ещё более, когда закатилась слава французской армии. Привычка и любопытство ещё читать их, но благоразумный читатель, возмущённый неправдоподобием и противоречиями, с которыми сталкиваешься здесь в каждой строке, должен отбросить строгость судьи, влюблённого в истину. Надо быть снисходительным к тем, кто защищает неправое дело, и помнить, сколь затруднительно положение автора, когда факты говорят против него»{174}.

Весь текст далее выдержан в том же духе, но уже как полемический диалог, потому как автор буквально построчно комментирует французское писание.

Насколько мы помним, свой рассказ французский император начинает с анализа погодных условий: «До 6-го ноября погода стояла великолепная… 7-го начались морозы…»

Орлов комментирует это описание: «После весьма содержательных замечаний о погоде, после календарных наблюдений, столь поучительных для военных, 29-й “Бюллетень” пускается в длинное рассуждение, предназначенное для кавалерийских офицеров, об удивительном воздействии холода на французских и немецких лошадей. Воздействие это таково, что, проснувшись в одно прекрасное утро после суровой ночи, французская армия нашла всех своих лошадей замёрзшими на бивуаках. Можно себе представить, какое впечатление подобное несчастье должно было произвести на командиров и солдат. Командиры потеряли голову, а солдаты — мужество. Эта ужасная ночь явилась единственной и исключительной причиной всех бед французской армии. Изучая историю этой памятной войны, надо, стало быть, весьма остерегаться некоторых ложных представлений, которые историки непременно будут стремиться навязать потомству. Скажут, например, что Наполеон предпринял такой поход, который превышал его силы… Вздор. Поход этот превышал только силы его лошадей. Скажут, что в сражении при Бородине (у Можайска) Наполеон единственно из упрямства заставил свою конницу ударить по всем батареям нашего левого крыла, и что после многократных атак она почти вся была истреблена пушечным огнём… Вздор. Наши пушки не причинили ни малейшего вреда; только холод в начале лета истребил эту неисчислимую конницу».

Оборвём этот увлекательный текст и уточним, что Бородинское поле историки назвали «могилой французской

кавалерии».

Сколь тонка и убедительна ирония автора, сколь логичными кажутся все его утверждения! Буквально каждая фраза разит наповал, как картечь:

«…Французы вовсе не были ни окружены, ни разбиты. Холод погубил лошадей, а без лошадей погибли и люди; конница была спешена, пехота обессилена, пушки брошены, планы расстроены, началось замешательство — вот и выходит, что только холод погнал французов за Вислу, а Наполеона в Париж. Это превосходное объяснение бедствия, постигшего французскую армию, столь же примечательно, сколь и все подробные рассказы о сражениях, в которых французы беспрестанно побеждают русских, берут пленных и продвигаются вперёд… к Неману. Нетрудно заметить, что во всех этих размышлениях огромная роль отводится термометру, и количество градусов ниже нуля высчитывается с не меньшей тщательностью, нежели число побед, одержанных французами. Итак, от подробности к подробности, от расчёта к расчёту, покуда мороз крепчал, а французская армия слабела, нас подводят к конечному итогу, который автор “Бюллетеней” бесстыдно отрицает, но молва разглашает, вопреки “Бюллетеням”. А итог этот таков: гибель французской армии, повсеместное изгнание её из русских земель и бегство уцелевших победителей в Германию, где они будут почивать на лаврах, которые только от холода могли увянуть».

Как мы видим, версию «генерала Мороза» Орлов развенчивает со страстной убедительностью, и ясно, что строки эти написаны истинным военным, досконально знающим вопрос и имеющим что сказать. Написаны патриотом, который никому не позволит сомневаться в боевых качествах русской армии, славе отечественного оружия…

Михаил Орлов стал первым, кто аргументированно выступил против мифа о замёрзшем войске агрессора, как роковой случайности… Однако, к сожалению, за многими событиями той войны, вскоре вспыхнувшей с новой силой, памфлет, произведший впечатление разорвавшейся гранаты, вскоре оказался забыт, а потому легенда про «генерала Мороза» как главного и единственного сокрушителя наполеоновских полчищ вновь потребовала разоблачения.

Вот что гораздо позднее писал в своём очерке «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?» друг Орлова поэт-партизан Денис Васильевич Давыдов, успевший тогда дослужиться до чина генерал-лейтенанта:

«Однако ж все уста, все журналы, все исторические произведения эпохи нашей превознесли и не перестают

превозносить самоотвержение и великодушное усилие испанской нации, а о подобном самоотвержении, о подобном же усилии русского народа нисколько не упоминают и вдобавок поглощают их разглашением, будто все удачи произошли от одной суровости зимнего времени, неожиданного и наступившего в необыкновенный срок года.

Двадцать два года продолжается это разглашение между современниками, и двадцать два года готовится передача его потомству посредством книгопечатания…»{175}

По смыслу своему и духу очерк Давыдова во многом перекликается с памфлетом Орлова…

Но возвратимся к труду нашего героя.

Блестяще опровергнув главное утверждение противника, Михаил не оставляет камня на камне и от других его измышлений. В частности, рассказывает о том, как погибала на российских просторах *La Grande Armée,* «составленная из отборных храбрецов почти всех народов Европы», и как, постепенно, предавали этих храбрецов их командиры…

Тут в качестве примера Орлов приводит сражение под Красным с 3 по 6 ноября 1812 года, в котором он участвовал сам и куда неприятельская армия явилась «в виде испуганной толпы беглецов».

Маршал Даву, герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский, «оставленный за командующего, по-видимому, не нашёл почётным положение командира армии, обойдённой с фланга… Он скинул с себя генеральский мундир, снял ленту, бросил свои ордена и маршальский жезл, которые потом попали в руки казаков, и, положившись на свою лошадь, пустился что было мочи вдогонку за своим государем, без сомнения для того, чтобы согласовать с ним планы нового крупного похода…».

А что же Наполеон? «…окружённый гвардией, он позабыл об остатках своей армии, которая, будучи предоставлена самой себе, обратилась в бегство и, в свою очередь, позабыла о корпусе маршала Нея, который она должна была спасти…»

Абзац за абзацем препарировал Орлов наполеоновское писание. Так, французский император в сердцах назвал казаков «жалкими арабами, которые могут нападать только на обозы и не способны справиться даже с одной ротой вольтижёров». Михаил против такого утверждения вроде бы не очень-то и возражает, разве что уточняет: казаки одни, без посторонней помощи, истребили почти треть вражеской кавалерии. Ну а из этого может следовать только один вывод: «Да здравствует эта ничтожная конница!» Провозгласив его, ротмистр как бы вскользь замечает, что «Наполеон распорядился учредить войска польских казаков»

— к чему же ему-то была такая «ничтожная конница», эти «жалкие арабы»?! — да не сумел… «Критика легка, искусство трудно», — замечает Михаил.

И вновь о полководцах неприятельской армии. На очереди — маршал Ней, герцог Эльхингенский, князь Москворецкий. Он «… прибыл на следующий день после сражения под Красным прямо из Смоленска, где забавлялся тем, что взрывал древние стены и жёг дома. Он не поверил своим глазам. Перед ним была русская армия, построенная в боевом порядке и готовая ко встрече с ним! Какой сюрприз приберёг для него Наполеон! Однако решено наступать! Несколько колонн бросаются в атаку и все гибнут. Маршал, не растерявшись, тотчас принимает решение. Он бросает свой корпус, как Наполеон бросил армию, — каков хозяин, таков и слуга. Бежавший с поля Ней был с распростёртыми объятиями принят императором, который при виде его воскликнул: “Он сделал то, что и я сделал бы на его месте!”».

Убийственная характеристика! Недаром же власть имущие более всего боятся иронии и насмешки. В подобном стиле написаны все прочие комментарии и замечания «Размышлений». Досталось всем — и всё за дело. Даже заключительную фразу 29-го «Бюллетеня»: «Здоровье его величества было как никогда превосходным» — Орлов прокомментировал с жёсткой иронией: «Чего нельзя сказать об его армии». Памфлет с восторгом читали в Главной квартире и в полках, отсылали в тыл, оно в списках ходило по всей России. Листовка попала в армию противника и разлетелась по Европе. Успех и действенность «Размышлений русского военного о 29-м “Бюллетене”» оказались поразительными. Объяснялось это не только великолепным исполнением текста, но и тем, что перед народами Европы открылась столь долго скрываемая правда: армия императора Наполеона разбита, полководческая звезда Бонапарта закатилась, близок час освобождения… Истина превзошла самые смелые ожидания.

* * *

…«Размышления» только ещё вышли в свет, а ротмистр Орлов уже выполнял новое поручение. 28 января 1813 года он получил «особое задание от г. генерал-фельдмаршала, вследствие которого он должен отправиться в Главную квартиру французской армии». Однако цель этой поездки осталась неизвестной…

По возвращении Орлов был послан к авангарду русских

войск, действиями которого руководил генерал от инфантерии Милорадович — отважный ученик и сподвижник Суворова, обожаемый солдатами за мужество, щедрость и благородство. 17 февраля генерал получил письмо от главнокомандующего:

«По случаю кантонир-квартирного расположения войск Главной армии и её авангардов, полагаю я необходимым умножить число партизанов и для того, командировав к вашему высокопревосходительству флигель-адъютанта гвардии ротмистра Орлова, которого достоинства и предприимчивость мне известны, прошу благоволить дать ему отряд из лёгких войск, по вашему усмотрению, для действий за Одер…

Г.-Кутузов»[{176}].

* * *

В начале 1813 года события на театре военных действий чередовались столь же быстро, сколь и непредсказуемо. Генерал Давыдов вспоминал:

«Эта эпоха, — я говорю о времени шествия нашего от Вислы к Эльбе, — была краткою эпохою какого-то мишурного блеска оружия, впрочем необходимого для увлечения к общему усилию ещё колебавшихся умов в Германии. Французы продолжали бегство; мнение о их непобедимости постепенно исчезало; некоторые союзники их соединились с победителями; но другие, ошеломлённые неожиданностью события и ещё подвластные влиянию гения, столь плодовитого средствами, непостижимыми для самого высокого разума, — ожидали. Надлежало нам пользоваться успехами нашими и до прибытия новых сил из Франции затопить силами нашими и сколь можно более пространства, никем, или почти никем не защищенного…»[{177}]

Ранним утром 20 февраля (4 марта) «летучий» отряд генерал-майора Чернышева, в недавнем прошлом — кавалергарда, овладел Берлином. Событие беспрецедентное: партизаны входят в европейскую столицу. Хотя брать Берлин русским солдатам было не привыкать — впервые это произошло ещё в 1760 году.

Пала столица Пруссии, и стало очевидно, что на очереди Дрезден, столица Саксонии, по направлению к которой двигались главные силы русской армии. Однако впереди них зачастую шли «летучие» отряды, а потому и случилось, что на пути к Дрездену, в деревне Бернсдорф, Михаил Орлов, отряд которого шёл из Хойерсверды к Гроссенхейму, повстречался с Денисом Давыдовым. Давыдов только что узнал — с изрядным

опозданием, так как известия из столицы добирались до него свыше двух месяцев, — что он произведён в полковники и награждён орденами Святого Владимира 3-й степени и Святого Георгия 4-го класса.

Конечно, радостные эти события следовало обмыть, и за чаркой Давыдов предложил Орлову хоть и авантюрный, но вполне исполнимый план: первыми войти в Дрезден. Лихого гусара не слишком волновали противники — гораздо больше его заботили возможные «конкуренты» на пути к славе. На Дрезден тогда уже нацелили свои усилия генерал-лейтенант барон Винцингероде, командир 2-го пехотного корпуса, и командовавший пруссаками генерал от кавалерии фон Блюхер — Пруссия теперь воевала на стороне России, подписав в середине февраля Калишский союзный договор…

Денису было обидно вдвойне, и он объяснял Орлову: «Слава подвига ценится большим или меньшим количеством средств, употреблённых на предприятие! Взятие Берлина всею армиею или сильным корпусом войск нимало не обратило бы на них ничьего внимания, тогда как взятие того же Берлина лёгким отрядом Чернышева справедливо его прославило!»

Получалось, что если он, Давыдов, возьмёт Дрезден — то тем самым прославится. Если же это сделают Блюхер или Винцингероде, то они, реально не получив особой славы, здорово накажут «поэта-партизана». О том, что меньший отряд встретит гораздо большее сопротивление противника, Давыдову как-то не думалось…

Что ж делать, командиры на войне нередко преследуют свои личные интересы. Ну а на какой работе этого не бывает?

Орлов согласился с Давыдовым. Партизаны решили, что отряд Михаила переправится через Эльбу и будет угрожать городу с левого берега, тогда как отряд Дениса атакует Дрезден в лоб. На том они и разъехались…

Вскоре Денису стало известно, что неприятель уже почти очистил от своих войск Новый город — ту половину Дрездена, что лежит на правом берегу реки, и укрепился в Старом городе, на левом берегу. В этой ситуации, понял он, «можно с надеждою на успех постучаться в ворота». То есть захватить хотя бы часть города — и уже тогда имя его загремит… Памятуя договорённость, он сообщил о своём решении Орлову и устремился с отрядом к Дрездену. На своё счастье, Михаил был занят устройством переправы через Эльбу, так что во взятии города не участвовал, хотя и прислал в помощь своему другу сотню казаков.

Давыдов применил военную хитрость: представив себя

командиром какого-то громадного воинского формирования, он сумел заморочить противнику голову:

«8 (20) марта. Полковник Д.В. Давыдов заключил с дивизионным генералом П.Ф. Дюрютом договор, по которому российские войска 10 (22) марта 1813 г. должны были занять предместье города Дрездена Нейштадт, а французы без боя оставить Дрезден. До сдачи города под Дрезденом заключено перемирие»{178}.

Но, как мы помним, император Александр I был решительным противником каких-либо переговоров с французами, и к тому же Денис, как и ожидалось, «наступил на мозоль» нескольким старшим начальникам. В итоге для Давыдова всё закончилось весьма печально: за допущенное своевольство он был отстранён от командования отрядом.

Зато Михаил Орлов в очередной раз оказался в фаворе. Главнокомандующий докладывал императору:

«1813 года, марта 23.

Войски Вашего Императорского Величества очистили от неприятеля все земли между Неманом и Эльбою лежащие, вступили марта 15-го к неописанной радости жителей в Дрезден, столицу Саксонии. Быстрая переправа через Эльбу флигель-адъютанта Вашего Императорского Величества ротмистра Орлова, учинённая при Дебельсдорфе марта 13-го, а равно и другие переправы… и наконец, прибытие пехоты нашей в Нейштадт, или часть Дрездена, лежащую на правом берегу Эльбы, принудили неприятеля оставить Дрезден и всю линию по Эльбе от Торгау до Богемской границы. Переправа лёгких войск произведена была с такой быстротою, что неприятель счёл её за общую переправу армии через Эльбу, что свидетельствуют захваченные у него бумаги…»{179}

25 марта «за отличие, оказанное в действии против неприятеля», Михаил Орлов был произведён в полковники гвардии. В тот самый день ему исполнилось 25 лет. Свой предыдущий день рождения он отмечал в чине поручика.

Вскоре, 17 (29) марта, отряд Орлова разбил в местечке Кольдиц баварский арьергард… Полковник, ранее зарекомендовавший себя замечательным квартирмейстерским и штабным офицером, успешно выполнявший не только разведывательные, но и дипломатические задания, прославившийся как публицист, теперь выказывал себя отважным и опытным боевым командиром. Воистину несть числа талантам этого незаурядного человека!

* * *

Русская армия наступала, освобождая европейские города, громя бегущего неприятеля, отторгая от Франции её недавних союзников. Победы кружили головы. Всем верилось, что путь до Парижа будет недалёк и не слишком труден…

Всё переменилось после смерти светлейшего князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. Русский главнокомандующий скончался 16 (28) апреля 1813 года в Бунцлау (Болеславец, Польша).

На его место Александр I назначил генерала от инфантерии графа Петра Христиановича Витгенштейна, командира 1-го отдельного корпуса, «Спасителя Петербурга». Славу этому деятельному и отважному военачальнику принесли взятие Полоцка, сражения при Клястицах, Полоцке, Чашниках… Думалось, что лучшей замены Кутузову было не найти, однако вскоре стало ясно, что уровень командира корпуса оставался для Витгенштейна «потолком», руководить действующей армией он не смог. За те два неполных месяца, что граф командовал соединёнными русскими и прусскими войсками, они потерпели поражения при Люцене 20 апреля (2 мая) и при Бауцене 8–9 (20–21) мая… Хотя про Бауцен французские историки написали: «… победа была спорная и отнюдь не решающая».

Уточним, что на Бауценской позиции, левее левого фланга первой или авангардной линии войск, которым командовал генерал Милорадович, только что возведённый в графское достоинство, «летучие» отряды генералов Кайсарова, Эммануэля и полковника Орлова «наблюдали пространство» до Богемской границы на случай внезапного нападения неприятеля… Паисий Кайсаров в недавнем прошлом был дежурным генералом штаба Кутузова. Теперь он начальствовал авангардом казачьего корпуса, куда волонтёром вступил его брат Андрей… Через неделю после Бауцена Андрей Сергеевич Кайсаров, организатор и руководитель «летучей типографии», погибнет при взрыве зарядного ящика.

Потерпев два поражения, союзная армия повсеместно отступала… Ещё 26 апреля (8 мая) французы вернули себе Дрезден, взятие которого так дорого стоило Денису Давыдову.

17 (29) мая граф Витгенштейн уступил место главнокомандующего российско-прусскими войсками генералу от инфантерии Барклаю де Толли. Великое счастье, что к этому времени Михаил Богданович уже находился при армии: покинувший её «по состоянию здоровья» вскоре после сдачи Москвы, он сумел пережить все несправедливые обиды и вновь возвратился к войску по просьбе царя. В начале февраля 1813 года Барклай возглавил 3-ю Западную армию, добился нескольких побед, был отмечен высшей наградой империи —

орденом Святого Андрея Первозванного. Человек долга и чести, Михаил Богданович, следуя воле государя, принял на себя руководство всей армией — однако после произошедшего в апреле — начале мая даже он не смог сразу же повести войска к новым победам. Требовалась передышка…

Пожалуй, что ещё больше — после похода в Россию, первых проигранных боёв 1813 года, да и двух побед, давшихся весьма нелегко, — передышка была нужна французам. Более того, отдых был необходим и лично их предводителю!

«Наполеон за это время сильно постарел; им часто овладевала непреодолимая сонливость: он уснул под гром орудий в траншее при Бауцене и во время страшной битвы при Лейпциге (но это будет позже. — *А. Б.)*. Верховая езда утомляла его; болезнь желудка, ставшая впоследствии причиной его смерти, часто причиняла ему жестокие страдания…»{180}

В общем, неудивительно, что противостоящие стороны с готовностью согласились на предложение австрийцев (Александр I чётко заявлял, что никаких переговоров и соглашений с французами у него не будет; хотя Австрия пока ещё оставалась союзником Франции, но уже готовилась переметнуться на сторону России и Пруссии) о заключении перемирия для созыва большого европейского конгресса, должного решить вопрос подписания всеобщего мира.

23 мая (4 июня) в местечке Плейсвиц было заключено перемирие сроком до 16 (28) июля.

Поручик лейб-гвардии Семёновского полка Александр Чичерин — скорее всего, он был знаком с Михаилом Орловым — записал в своём походном дневнике общее впечатление:

«Вчера впервые по лагерю распространились слухи о мире: радость оживила все лица, надежда загорелась у всех в глазах; все бегали, поздравляли друг друга, наперебой перечисляли преимущества мирного соглашения. Короче говоря, нам опять приказано двинуться вперёд и стать на квартиры; заключено перемирие, идёт обсуждение предварительных условий, обстоятельств, спорных пунктов. Будет ли мир заключён или нет, мы, во всяком случае, получим неделю отдыха»{181}.

Что ж, на войне люди умеют радоваться мелочам. Хотя бы неделя отдыха!

Менее чем через три месяца двадцатилетний гвардии поручик Чичерин будет убит под Кульмом…

…С русской стороны наблюдение за точностью и неукоснительностью соблюдения условий Плейсвицкого перемирия было возложено на полковника Орлова. Как всегда горячо взявшись за выполнение задания, Михаил старался не

упускать случаев поближе знакомиться с французскими офицерами и генералами, общаться с ними, узнавая их настроения и боевой потенциал армии противника… Вскоре он понял: даже ближайшие сподвижники Бонапарта грезили миром и требовали его, и лишь немногие, в том числе сам император французов, стремились к обратному. Разглагольствуя о мире, Наполеон лихорадочно готовится к продолжению войны.

«Наполеону приходилось создавать новую армию. Нужно было найти деньги и людей, чтобы испытавшая поражение Франция могла снова внушить уважение к себе. Путём отчуждения общинных имуществ Наполеон добыл около 300 миллионов, не считая своей частной казны, в которой было около 160 миллионов.

Сенат без затруднений вотировал все предложенные наборы, 140 000 юношей, подлежащих призыву в 1813 году, были призваны досрочно и уже обучались в казармах военному делу; 100 батальонов национальной гвардии были мобилизованы и разбиты на полки… Не пощадили даже юношей, по закону освобождённых от службы в качестве единственных кормильцев семьи… Землю обрабатывать к концу 1813 года вынуждены были заступом женщины и дети: так постановил министр внутренних дел, ввиду повсеместной и непрерывной мобилизации мужчин и реквизиции лошадей»[{182}].

Наполеон ждал, когда вновь «засияет солнце Аустерлица».

Информация, получаемая Орловым, способствовала выводу, что ждать мира не приходится. Русская армия должна готовиться к новым сражениям.

Пражский конгресс, открывшийся 29 июля (10 августа), в тот же день и закрывшийся, не дал абсолютно ничего…

Противоборствующие силы вновь были готовы встретиться во всеоружии.

* * *

Первым крупным столкновением завершающего этапа войны стало несчастливое для союзников сражение у стен Дрездена. Уверенно можно сказать, что основной причиной неудачи стало то, что Александр I подчинил русские войска вновь обретённому союзнику — австрийскому фельдмаршалу князю Карлу фон Шварценбергу. После того как 29 июля (10 августа) Австрия объявила Наполеону войну, Шварценберг, в Двенадцатом году не раз битый войсками 3-й Обсервационной армии генерала от кавалерии Тормасова, стал командующим Богемской армией и

главнокомандующим всеми вооружёнными силами союзников. Есть ли смысл объяснять, как отнеслись к такому решению Александра I русские офицеры, те самые, которых впоследствии назовут «детьми 1812 года»? Это был откровенный плевок императора в русскую душу…

Штурм Дрездена 14–15 (26–27 августа) стал одной из наиболее трагических страниц в истории Заграничного похода. Время, потерянное Шварценбергом для окружения города (помните наполеоновское: «Австрийцы иногда делают хорошие решения, но не умеют дорожить временем»?), позволило французскому императору прийти на выручку маршалу Сен-Сиру…

Орлов присутствовал при этом штурме, но не в строю боевых подразделений. Сразу по прекращении перемирия он получил новое поручение дипломатического характера — был назначен состоять при французском дивизионном генерале Жане Викторе Моро (1763–1813), недавно прибывшем к войскам союзников аж из Северной Америки. Имя это стало известно в России в связи с итальянскими победами фельдмаршала Суворова: разгромом французской армии при Нови, когда Моро заменил убитого генерала Жубера и отступил к Генуе.

«Моро считался одним из лучших генералов Республики. В сравнении с Наполеоном ему недоставало блестящих и смелых комбинаций, решительности в ведении военных действий и искусства в сосредоточении превосходящих сил. Его осторожность и даже нерешительность в кампании 1796 года часто лишали его плодов победы. Даже лучшая из его кампаний, 1800 года, напоминающая хорошо продуманные ходы шахматного игрока, бледнеет перед разыгранной на соседнем театре Маренгской операцией Бонапарта»{183}, — пишут историки.

Жан Виктор сделал блистательную карьеру: в 30 лет стал бригадным генералом, через год — дивизионным. Однако он не сумел найти общего языка с откровенно рвавшимся к власти генералом Бонапартом. К тому же Наполеон увидел в Моро соперника и ничтоже сумняшеся обвинил его в причастности к роялистскому заговору… Проведя недолгое время в тюремной камере, опальный генерал в 1804 году уплыл в Америку, будучи в полной уверенности, что покидает бурлящую Европу навсегда.

Но тут вдруг ему пришло приглашение от русского царя. Призвать Моро в ряды своей армии Александр I намеревался ещё до начала войны, однако тогда ему что-то помешало. После смерти фельдмаршала Голенищева-Кутузова император возвратился к своей идее, причём решил предложить французскому генералу руководство всеми союзными армиями.

Это был весьма эффектный жест: союзники как бы помогают французам избавиться от наполеоновской тирании… Кроме того, русский император был убеждён, что знаменитый французский генерал окажется талантливее любого из его военачальников. Какое впечатление произведёт это на армию, он не задумывался.

Вот только Жан Виктор прекрасно понял всю двусмысленность этого предложения и отказался от сомнительной чести. «Я готов идти во Францию с французскими войсками, но не скрою моего отвращения вступить в моё отечество с чужестранной армией», — писал он одному из своих друзей. Всё же бывший революционный генерал оказался в рядах такой армии — пусть и не главнокомандующим и даже не комбатантом, но всё-таки в качестве советника. Что ж, ему очень хотелось возвратиться во Францию…

Интересно, что опекать генерала Моро было поручено полковнику Михаилу Орлову, ранее сопровождавшему генерала Лористона и выполнявшему ряд других поручений деликатного, скажем так, свойства. Определённо, что даже к человеку, приглашённому им на роль главнокомандующего, Александр I стопроцентного доверия не испытывал!

Как мы сказали, штурм Дрездена оказался для союзников очередной неудачей. Город оборонял небольшой отряд маршала Сен-Сира. 13 (24) августа четыре колонны русских, австрийцев и пруссаков подошли к городу с четырёх сторон, и французы отступили, спеша укрыться за надёжными крепостными стенами. Александр I предложил ворваться в город на плечах противника, Моро его поддержал, но Шварценберг воспротивился — потом уже стало известно, что в это время австрийцы на всякий случай вели тайные переговоры с французами.

Князь Шварценберг предложил свой план осады и взятия Дрездена. План был вполне добротный, однако имел один весьма уязвимый пункт: штурм был назначен на 16 часов следующего дня — расчётное время подхода австрийских обозов…

К утру 14-го город был обложен со всех сторон. На холмах, окружавших Дрезден, стояли готовые к штурму батальонные колонны. Впереди сквозь завесу дождя смутно виднелись шпили и горбатые черепичные крыши…

Удивительно, но союзники не заметили, как в 10 утра, в сопровождении немногочисленного конного эскорта, в город проскакал Наполеон. Зато через четыре часа все увидели, как с гор к Дрездену устремились многочисленные колонны пехоты в синих мундирах — Бонапарт срочно возвратил войска из Силезии, и они беспрепятственно прошли в город. Таким образом, в Дрездене оказался стотысячный гарнизон,

предводимый самим императором. Штурмовать город было безумием!

Но вместо того, чтобы немедленно отводить войска, австрийцы затеяли долгое совещание, в результате которого пришли именно к этому очевидному решению, но уже не успели его исполнить, так как наступил час наступления, никем не отменённого. По осаждённому городу, с полукружья протяжённостью в восемь вёрст, ударили артиллерийские орудия, затем в атаку пошла пехота… Идя на штурм крепости, батальоны не имели ни штурмовых лестниц, ни фашин, заготовить которые в таком лесном краю, как Саксония, не составило бы труда — однако австрийское командование о том не позаботилось. Промокшие от дождя ружья не стреляли, пехота шла, увязая в грязи и неся потери от огня противника… Атакующие смогли пробиться через предместья, но затем были остановлены свежими силами французов. Их натиск оказался столь сильным, что союзники были оттеснены почти что к самому исходному рубежу…

Унылый вечер после неудавшегося боя генерал Моро провёл в обществе Михаила Орлова и Александра Михайловского-Данилевского — теперь уже штабс-капитана Свиты по квартирмейстерской части. Орлову разговаривать не хотелось, но он внимательно слушал беседу, впоследствии сохранившуюся в записках генерал-лейтенанта Михайловского-Данилевского.

— Вам пришлось воевать в Италии против Суворова, — спрашивал штабс-капитан. — Какого вы мнения об этом полководце?

— Суворов — один из величайших генералов. Насколько я знаю, лучше него никто не умел одушевить войска, никто не соединял в себе в высшей степени все качества военачальника…

— Как сравниваете вы Суворова и Наполеона?

— Сих полководцев никто не сумел превзойти в военном отношении, — бесстрастно отвечал генерал Моро.

«Интересно, — думал Михаил. — Что же тогда произошло с *La Grande Armée* в России? Неужели и он думает, что во всём виноват “генерал Мороз”?»

* * *

На следующий день бессмысленное сражение возобновилось. Опять лил дождь, опять не стреляли ружья, поле боя вновь покрылось непроходимой грязью, но русские полки всё шли и шли в штыковые атаки. Зато кавалерия просто не могла

сдвинуться с места, и даже сменить осыпаемые вражеской картечью позиции артиллерии было невозможно…

На исходе первого часа баталии император Александр со свитой подъехал к одной из австрийских батарей. Моро находился рядом с государем. Глядя на пехотные колонны, выходящие из ворот крепости для контратаки, генерал в задумчивости произнёс:

— Вот солдаты, которых так часто водил я к победе!

Но тут неприятельские ядра стали ложиться возле батареи, рядом с которой стояла группа всадников.

— Ваше величество! — забеспокоился Моро. — Здесь оставаться небезопасно!

Александр молчал и не трогался с места.

— Поверьте моей опытности! — воскликнул генерал и, поворотив лошадь, встал между французами и русским императором.

Легенда гласит, что группа всадников привлекла внимание Наполеона. Он поднял подзорную трубу, и первым, кого увидел, был генерал Моро. Бонапарт вскочил в седло, поскакал к пушкам. Опытный артиллерист, он сам навёл орудие и поднёс пальник… Грянул выстрел, и ядро, прогудев в воздухе, опрокинуло Моро на землю.

Так это было или нет — не скажет никто. Ядро оторвало генералу обе ноги и прошило лошадь. Раненого уложили на скрещенные казачьи пики, укрыли плащом и понесли в ближайшую деревню. Опытнейший полевой хирург лейб-медик государя Яков Виллие ампутировал генералу ноги, однако спасти его было невозможно… Умирая, Жан Виктор Моро бормотал слабеющим голосом: «Мне, мне, Моро, умереть среди врагов Франции!.. От французского ядра!..»

Помолившись за упокой души усопшего — прах генерала Моро был отправлен для погребения в Санкт-Петербург, — Орлов вновь возвратился в строй.

* * *

Русские быстро пережили неудачу под Дрезденом — вскоре, 17–18 (29–30) августа, была блистательная победа в ожесточённом бою под Кульмом…

Теперь численность союзных войск возрастала буквально день ото дня за счёт подходящих резервов; в ряды войск антинаполеоновской коалиции вливались отряды недавних французских союзников — пруссаков, австрийцев, саксонцев…

Бонапарт не дерзал более противостоять этой силе, корпуса его отступали без боя, преследуемые по пятам «летучими» отрядами.

В числе таких формирований была и казачья бригада под командой гвардии полковника Орлова — сила весьма грозная. 1813 год был воистину временем торжества казачьего воинства, которое Александр I нарёк в одном из манифестов «недремлющим оком армии». Донцы, потомственные воины, известные отвагой, решительностью, быстротой передвижений, неприхотливостью, наводнили всю местность, по которой торопливо отходила неприятельская армия. Казаки рыскали мелкими отрядами, нападали на курьеров, мародёров, отставших, а порой отчаянно налетали и на значительные конвои.

Казачьи поиски и партизанские диверсии настолько затруднили переписку Главной квартиры Наполеона с Парижем, что император Франции, вновь старательно скрывая тяжёлое положение своей армии, приказал напечатать во всех изданиях следующее извещение: «Не надо беспокоиться, если из армии редко приходят известия: писать не о чем…»

Что ж, тому, кто привык к победным реляциям, было трудно находить темы для сообщений…

Зато наши известия с театра военных действий были куда как насыщенны и подробны. Нередко в них встречалось имя отважного партизанского начальника полковника Орлова. Он стремительно атаковывал силы неприятеля, быстро находил уязвимые места в его обороне, не давал опомниться — и тем достигал победы. В составе большого отряда под командованием генерал-лейтенанта барона Тилемана его бригада участвовала во взятии Мерзебурга 6 (18) сентября, в Битве народов под Лейпцигом 4–6(16–18) октября.

«Потом, поступивши в команду генерал-лейтенанта графа Орлова-Денисова, при Гелленгаузене взял две пушки и 800 человек в плен»{184}. Бой этот состоялся 19 (31) октября.

Михаил командовал казачьими формированиями до самого конца 1813 года. Затем император Александр I отозвал своего флигель-адъютанта в Свиту, но и в 1814 году Орлов периодически продолжал участвовать в боях. В это время союзные армии уже вступили на землю Франции.

Глава девятая. «ОН ВЗЯЛ ПАРИЖ»

Очень долог и неимоверно тяжёл был путь к Парижу. Многим не удалось дойти — они остались на поле Бородина, под Полоцком, Кульмом, Лейпцигом, Фер-Шампенуазом… Но, несмотря на потери, русские войска, преодолев немалые трудности, всё-таки достигли столицы Франции — сбылось то, о чём молодые генералы и полковники мечтали ещё в 1805 году, будучи обер-офицерами.

«Утром 30 [18] марта союзная армия в 110 000 человек двумя мощными колоннами, направившимися через Бонди и Бурже, подошла к Парижу. Небольшие отряды [маршалов] Мармона и Мортье, прибывшие накануне вечером, увеличили оборонительные силы города до 42 000 человек, включая сюда национальную гвардию, канониров-инвалидов и воспитанников Политехнической и Альфорской школ…»{185}

«Кругом гремела канонада, пороховой дым застилал даль, и только изредка, мельком, проглядывали вершины парижских зданий. То была славная эпоха для русского войска, отодвинувшего французов от стен своей Святой Москвы до стен их Парижа!»{186}

Поутру 18 марта 1814 года — в то самое время, когда Александр I намеревался «вступить в верховное распоряжение решительной Парижской битвой», в расположении российских войск объявился французский офицер, который сказался парламентёром и потребовал проводить его к русскому императору. Это было сделано незамедлительно. Все офицеры Свиты и Главной квартиры, верхами, давно уже собрались у ворот Бондийского замка — резиденции государя, в ожидании начала штурма. По прибытии парламентёра начались споры и догадки, возникали различные предположения…

Потом из ворот вышел шеф Кавалергардского полка генерал-адъютант Уваров. Увидев Орлова, он отвёл его в сторону и сказал, что тайный советник граф Нессельроде, статс-секретарь императора и начальник его походной дипломатической канцелярии, отправляется в Париж для проведения переговоров о капитуляции. От такого известия у полковника перехватило дух; человек опытный, он заметил, что вместе с дипломатом следовало бы послать кого-нибудь из военных — в обществе офицера русскому уполномоченному будет во всех отношениях легче находиться в лагере противника.

«Я передам ваши соображения государю!» — улыбнулся генерал и возвратился в замок. Уже через несколько минут он любезно пригласил Орлова проследовать в кабинет императора.

Предложение Михаила царь счёл счастливой идеей. Неудивительно, что сопровождать графа Нессельроде Александр I предложил именно ему — своему флигель-адъютанту и полковнику гвардии…

«Положение императора было необыкновенно достопримечательно, — писал впоследствии Орлов. — Величаво и важно говорил он всякий раз, когда приходилось защищать общие европейские выгоды, но он был снисходителен и кроток, как скоро дело шло о нём самом и его собственной славе. На деле участь мира зависела от него, а он называл себя только орудием провидения. Политический разговор его носил отпечаток этих двух положений: с уверенностью в победе он соединял заботливость почти отечественную о жребии побеждённого врага. С первых слов, сказанных им мне, я понял этот двойственный характер и увидел, что день заключится решительными усилиями, за которыми последует честная капитуляция. По приходе моём император высчитал ясно и быстро все сведения, полученные им о состоянии неприятеля, присоединил к тому собственные замечания и заключил следующими достопамятными словами: “Ступайте, — сказал он мне, — я даю вам право остановить огонь везде, где вы сочтёте это нужным. И для того, чтобы предупредить и отвратить все бедствия, облекаю вас властью, не подвергаясь никакой ответственности, прекращать самые решительные атаки, даже обещающие полную победу. Париж, лишённый своих рассеянных защитников и своего великого мужа, не будет в состоянии противиться. Я твёрдо убеждён в этом. Богу, который даровал мне могущество и победу, угодно, чтобы я воспользовался тем и другим только для дарования мира и спокойствия Европе. Если мы можем приобрести этот мир не сражаясь, тем лучше; если же нет, то уступим необходимости, станем сражаться, потому что волей или неволей, с бою или парадным маршем, на развалинах или во дворцах, но Европа должна ныне же ночевать в Париже”»{187}.

Решили, что вначале Михаил отправится к французам один — в сопровождении казачьего полковника Дьякова и двух трубачей. Дали лошадь и неприятельскому офицеру, который Орлову сразу не понравился — уж слишком он суетился и заискивал. Однако выбирать не приходилось, да и представителя проигравшей стороны в общем-то можно было понять… Всадники на рысях обошли колонны русских войск, двигавшихся к столице Франции, достигли передовых линий. Трубачи протрубили

протяжный сигнал отбоя. Стрельба с обеих сторон прекратилась…

Попросив Орлова подождать, парламентёр, насторожённо оглядываясь, подъехал к своим, о чём-то переговорил с ними, спешился — и исчез за спинами стоявших. Русские полковники недоумённо переглянулись и поехали вперёд, к французской линии. Но тут вдруг грянул нестройный ружейный залп, пули просвистели почти над самыми их головами, а к офицерам устремились десятка два французских конноегерей. Сильными ударами своего кирасирского палаша Михаил отбил вражеские клинки, а Дьяков полоснул нагайкой по физиономии солдата, ухватившего под уздцы его коня. Среди противников возникло минутное замешательство, воспользовавшись которым парламентёры развернули лошадей и поскакали обратно. Конноегеря бросились за ними в погоню, но оказались в кольце русских гусар, обнаруживших, что французы были изрядно пьяны…

Итак, неприятельский парламентёр был самозванцем — очевидно, одним из тех офицеров, что остались в тылу союзников и пробирались к своим.

Вновь загремела перестрелка, ударили пушки.

В три часа пополудни 12 орудий гвардейской батареи полковника Таубе, установленные на Шомонских высотах, открыли огонь непосредственно по Парижу. Их ядра, не наделав практически никакого вреда, существенно поколебали решимость парижан, готовившихся сражаться и умирать на улицах и бульварах столицы империи. В записках Орлова этот эпизод описан следующим красноречивым образом:

«Впоследствии я узнал, что одно такое ядро прикатилось, обессилев, к ногам одной из самых прелестных, самых щеголеватых женщин Парижа, потрясло благотворным ужасом слишком нежные нервы одного из высших чиновников города и имело решительное влияние на этот знаменательный день»{188}.

Тем временем русская пехота уже начала штурм…

«Когда, за исключением графа Ланжерона, ещё не прибывшего к Монмартру, правое и левое крыло союзных армий вступили в дело, настала пора решительной атаки в центре. Пробил час для нанесения последнего удара, долженствовавшего разразиться над французами и окончить девятилетнюю борьбу Александра с Наполеоном. В эту минуту главными помощниками графа Барклая де Толли (возведён в графское достоинство в конце 1813 года. — *А. Б.)* были генералы, которых имена никогда не умрут в Русской армии: граф Милорадович и Раевский. Первый командовал резервами, из коих в огне были гренадеры, часть второй гвардейской дивизии и бригада прусской и баденской

гвардии; другой двумя армейскими корпусами. Всем этим войскам назначено было взять Бельвиль, последнюю с восточной стороны оборону Парижа…

Гром битвы и общее “ура!” всех соединённых войск вскоре наполнили окрестности Парижа бранною грозою, которой они не слыхали с самых давних времён.

Выгодная позиция неприятелей и отчаянная защита не в силах были удержать стремления наступающих. Напрасно маршал Мармон и его генералы ободряли полки, становились впереди колонн и стрелков и покушались вводить их в бой. Они истощили все средства мужественной обороны и были побеждены. Освещаемые ярким весенним солнцем, русские знамёна переносились с одной высоты на другую, и с небольшим в час все препоны были преодолены. Государь едва успевал получать донесения об отбитых трофеях…»{189}

К четырём часам пополудни Александр I решил отправить в бой самую надёжную свою силу — лейб-гвардию. Батальоны и эскадроны гвардейских полков выстроились подле Бондийского замка, готовясь получить высочайшее напутствие. Тогда-то и прибыл к русскому царю истинный парламентёр — кавалерийский офицер в сопровождении трубача — с известием: «столица мира» сдаётся на милость победителя, командование гарнизона просит прекратить стрельбу. Короткий разговор парламентёра с союзными монархами — Александром I, Францем I и Фридрихом Вильгельмом III — проходил в виду Парижа, прямо на батарее гвардейской артиллерии. Затем император подозвал полковника Орлова и приказал ему переговорить с французом. Тот объяснил своему несколько удивлённому собеседнику, что маршал Мармон, герцог Рагузский, прислал его в расположение русских войск с просьбой… остановить штурм Парижа. Взамен этому со стороны неприятеля ничего предложено не было.

— Ваш государь сказал, чтобы я сопроводил вас к герцогу, — закончил француз свой недолгий рассказ.

Понятно, что обращаться за разъяснениями и дополнительными указаниями к Александру I, увлечённо разглядывавшему Париж через подзорную трубу, Михаил не стал.

— Поедемте! — сказал он французу.

Войска маршала Мармона находились прямо напротив русских позиций.

Между тем в бой за Париж вступали всё новые силы, огневое противодействие нарастало, так что всадникам пришлось скакать под градом ружейных пуль и картечи. Они пересекли русские линии, приблизились к неприятелю, и в первой же цепи

французских стрелков Михаил увидел герцога, стоявшего с обнажённой шпагой в руках — он отдавал распоряжения солдатам своих изрядно поредевших батальонов. Заметив русского офицера, Мармон подошёл к нему, сказал просто:

— Я — герцог Рагузский! Кто вы?

— Гвардии полковник Орлов, флигель-адъютант российского императора, желающего спасти Париж для Франции и для мира!

— Это также наше желание и единственная надежда; без того всем нам осталось бы только умереть здесь.

После этих красивых фраз маршал спросил о том, чего же хотят русские. Орлов отвечал, что следует прекратить огонь, отвести французские войска за городские заставы и назначить комиссию для переговоров о сдаче Парижа. Это были требования победителей, так что герцогу Рагузскому оставалось лишь назначить время и место встречи с русскими уполномоченными — была названа Пантенская застава. По приказу маршала барабаны ударили отбой.

Орлов повернул коня, чтоб возвратиться к государю вестником мира…

Кстати, для кого-то бывает очень тяжело внезапно прекратить военные действия.

«Наши стояли в двухстах шагах оттуда. Барабаны ударили сбор; офицеры разъезжали по рядам, и только небольшое количество самых отчаянных солдат упорно продолжали стрелять в неприятеля. Никогда не забуду комического неудовольствия одного русского гренадера, которого я не допустил выстрелить, приказав ему воротиться к его роте. Он взглянул на меня с видом упрёка и сказал умоляющим голосом, указывая рукой на французского стрелка, которого, вероятно, почитал личным врагом своим: “Ваше высокоблагородие, позвольте мне только этого подстрелить”. Разумеется, что я не дал свободы его мщению или гневу, и он, возвратясь в ряды, ворчал против того, что называл моей непонятной несправедливостью»{190}.

По прибытии Михаил доложил императору о разговоре с маршалом Мармоном. Государь подтвердил, что принять капитуляцию Парижа уполномочиваются тайный советник граф Нессельроде и полковник Орлов; сопровождать их должны были австрийский полковник Парр, адъютант князя Шварценберга, и штабс-ротмистр Кавалергардского полка Петерсон, в недавнем прошлом — дипломатический чиновник, состоявший в Берлинской миссии.

Право слово, об Александре Христофоровиче Петерсоне следует сказать несколько слов. В июне 1812 года ему уже было 53, однако он «…поступил на военную службу подпоручиком и за

отличия, оказанные в делах под Витебском и Смоленском, награждён орденом Св. Владимира [4 ст.] с бантом, а за Бородино, где он был ранен пулею в голову, — золотым оружием; 6 февраля 1813 года он был переведён за отличие в кавалергарды, с производством в поручики; 23 марта того же года произведён в штабс-ротмистры. В кампанию 1814 года состоял при отряде А. Х. Бенкендорфа[119], при чём особенно отличился в деле при Лувене, где взял 21 орудие, из коих 16 потопил, а 5 доставил к Бенкендорфу, за что награждён орденом Св. Георгия 4-й ст.»{191}.

Да это же просто созвездие наград для обер-офицера — все самые почётные боевые регалии, полный набор, так сказать! «Георгий», «Владимир с бантом», золотая шпага «За храбрость» и перевод в гвардию! Не хватало лишь звания флигель-адъютанта, но Петерсон и так был камер-юнкером. В общем, все те отличия, к каким беззаветно стремились самые отважные и дерзкие молодые офицеры. Под Парижем герою уже было 55 лет… Но в том же 1814 году Петерсон стал действительным статским советником, что соответствовало военному чину генерал-майора, и камергером Двора Его Императорского Величества, что вполне соответствовало его возрасту.

Ну да ладно — последнее ещё впереди, а пока он сопровождает графа Нессельроде и полковника Орлова на переговоры о сдаче Парижа…

* * *

Возле Пантенской заставы русских парламентёров встретил маршал Мармон и предложил переехать к Виллетской заставе, где должен был находиться маршал Мортье, герцог Тревизский. Время близилось к пяти часам, артиллерия обеих сторон молчала почти повсеместно, но отошедшие за линию городских застав французские войска занимали позиции, готовясь к обороне. Орлов обратил внимание на то, что защищать столицу Франции собираются лишь те, кому это было положено по долгу службы — офицеры и солдаты армии и национальной гвардии. Горожан на улицах почти не было, да и те, кто появлялся, явно спешили по своим делам…

Герцога они нашли у Виллетской заставы, он только собирался ехать на встречу; присмотрели подходящее место для переговоров — небольшой кабачок по соседству. В этом простом, но по-парижски уютном заведении и пошла речь о судьбе столицы Франции, самой империи и её воинства. Но если с русской

стороны в разговоре активно участвовали и граф Нессельроде, и Орлов, то у французов говорил один лишь маршал Мармон, тогда как Мортье принял на себя (так определил Михаил) роль «страдательную»: он внимательно слушал и парламентёров, и герцога Рагузского, выражая своё согласие или несогласие кивком или отрицательным покачиванием головы.

Требование русских сдать город со всем гарнизоном маршалы отмели сразу же, как в корне неприемлемое. Они «объявили единодушно, что лучше погребут себя под развалинами Парижа, чем подпишут такую капитуляцию». Затем начался долгий и достаточно бесполезный разговор с подсчётами, кто в каких сражениях побеждал, как складывался общий ход войны на различных её этапах — о том говорил в основном Мармон… Беседа грозила затянуться, но вдруг раздалась орудийная и ружейная пальба. Собеседники вскочили на ноги, с недоумением глядя друг на друга. Первой мыслью у каждого было, что русские нарушили перемирие и вновь идут на штурм города…

Тишина возвратилась столь же внезапно, как и разорвалась. Вскоре в трактир вошёл французский офицер, доложивший маршалам, что русский генерал Ланжерон[120], ещё не уведомленный о заключении перемирия по причине своей отдалённости от главных сил, взял с боем Монмартрские высоты.

«Рано поутру [18 (30) апреля] император Александр отправил к нему адъютанта, повелевая тотчас и не смотря ни на какие препятствия, идти на Монмартр. Ланжерон, ночевавший у Блан-Мениля, уже был на марше к Монмартру. Услышав на заре сильную пальбу у Лавилета и не получая никакого приказания от Блюхера, он, как опытный воин, сам собою решился идти туда, где слышалась пальба. После некоторой задержки от распоряжений Блюхера он одолел все затруднения и подошёл к Монмартру. Государь повторил ему повеление взять Монмартр. Ланжерон возложил исполнение дела на сподвижника своего Рудзевича[121], и в десять минут Рудзевич взял Монмартр приступом. Из 30-ти защищавших его орудий 29 досталось победителям. Тогда получил граф Ланжерон повеление Императора Александра прекратить военные действия, ибо переговоры о сдаче Парижа уже были в полном ходу. Граф Ланжерон поставил караулы у Парижских застав, расположил войска по уступам Монмартра и взвёз на него 84 орудия, обращенные против Парижа. Обняв Рудзевича и благодаря вверенные ему войска, граф Ланжерон, обыкновенно весёлый, сложил на груди руки свои и в каком-то грустном раздумье смотрел с Монмартра на Париж, где проводил он беззаботно молодость свою и куда судьба привела его опять, после

бесчисленных испытаний на полях битв. Весь тот вечер был он грустен. Понимаем грусть его. Сколько различных чувствований должны были исполнять сердце вождя русских на Монмартре, вождя — некогда Версальского царедворца!»{192}

Стало ясно, что положение осаждённого Парижа существенно осложняется… И вот как писал о произошедшем далее Орлов:

«Это обстоятельство, непредвиденное ни с той, ни с другой стороны, могло бы поколебать мужество менее испытанное, чем то, каким отличались оба маршала, и, доведя до отчаяния, принудить к принятию предложений наших. Но они продолжали упорствовать, и граф Нессельроде решился возвратиться к союзным государям за новыми полномочиями и перенести театр переговоров на Сен-Шомонский холм. Итак, мы отправились в сопровождении одного французского генерала, помнится, Лапуанта, которому маршалы вверили судьбу войск и города; он должен был привезти им ультиматум союзников»{193}.

К тому же, как потом стало известно, генерал вёз с собой личное послание императора Наполеона австрийскому фельдмаршалу князю Шварценбергу.

Тупость и двуличие австрийских политиков и военачальников вошли в те времена в поговорку. Нет смысла ворошить печальные события 1805–1807 и ряда последующих годов, когда союзники подставляли под удар русскую армию. Вот и теперь французский император построил расчёт на легковерии и корыстолюбии австрийцев. В письме своём он уверял князя, что между ним и его тестем, австрийским императором, начались секретные мирные переговоры, и уже почти подписан договор, так что Шварценбергу было бы лучше отвести свои войска от Парижа… Однако фельдмаршал, предвкушая скорую победу, усомнился в выгоде такого соглашения и передал письмо Александру и Фридриху Вильгельму. Нейтрализовать австрийцев Наполеону не удалось.

Совещание у русского императора было недолгим. Парламентёры, граф Нессельроде и Орлов, также присутствовали на нём. Хотя все понимали, что удержать французскую армию в Париже и заставить её положить оружие не удастся, было решено продолжать переговоры в том же направлении, чтобы добиться от неприятеля большего числа уступок и к тому же задерживать подход парижского гарнизона к Наполеону. С целью разобщить силы неприятеля предполагалось предложить французам выводить войска из города по частям и в различных направлениях…

Около 19 часов вечера парламентёры с русской стороны вновь прибыли к Виллетской заставе. Опять начались безрезультатные переговоры: маршалы решительно отказывались,

чтобы войска покидали Париж по частям, так же как и не соглашались уходить по Бретанской дороге — в сторону, противоположную от той, где пребывал Наполеон.

Уже через час стало ясно, что переговоры окончательно зашли в тупик, и Мортье заявил, что убывает к войскам, готовить город к обороне. Тогда граф Нессельроде, которому Орлов объяснил, что штурмовать Париж ночью не представляется возможным, решил возвратиться к аванпостам в сопровождении Парра и Петерсона. Михаил должен был остаться в городе — в качестве заложника от внезапного нападения союзных сил на столицу Франции. Карл Васильевич так и пообещал Мармону: «Нападение на Париж не будет возобновлено до тех пор, пока полковник Орлов не переступит через русские аванпосты».

Таким образом, Михаил оказался единственным представителем обещанной императором Александром I «Европы, ночующей в Париже».

«Наши поехали в лагерь, а я последовал за герцогом Рагузским в Париж, куда мы и въехали через несколько минут после того, — вспоминал Орлов. — Мы ехали верхом и медленно, в глубочайшей тишине и темноте. Слышен был только раздававшийся топот лошадей наших, и изредка несколько лиц, беспокойных, волнуемых тревожным любопытством, являлось в окнах, которые быстро открывались и опять закрывались. Улицы были пусты; казалось, бесчисленное народонаселение Парижа бежало из него; но оно находилось только в оцепенении. Сами мы, в руках у кого находилась участь такого множества людей, сами мы походили на тихую патруль, объезжавшую улицы оставленного города. Каждый из нас был погружён в мыслях, и мне не приходит на память, чтобы сказано было в продолжение этого переезда хоть одно слово, которое бы стоило быть сохранено. Однажды маршал Мармон подозвал к себе одного из адъютантов и тихим голосом отдал ему какой-то приказ. Адъютант отправился. И через несколько минут мы услышали в соседней улице шум, причиняемый отрядом, идущим с пушками. Этот шум не прекращался во всё продолжение переезда нашего; его направление совершенно утвердило меня в первой мысли моей, что оба маршала, не желая подвергнуть Париж бедствию, которое бы неминуемо навлекло на него сопротивление, несогласное с их силами; не желая также увидеть себя вынужденными к эксцентрической ретираде, которая могла бы их лишить возможности соединиться с Наполеоном, решились, с общего согласия, выйти из города на их естественную коммуникацию»{194}.

Это действительно было так — французские войска тайком

оставляли город… Но как же был не похож Париж конца марта 1814-го на сентябрьскую Москву 1812 года — того времени, когда к её стенам подошли алчные полчища Наполеона! А ведь в общем смысле обстановка была такая же…

Hotel[122] герцога Рагузского был ярко освещен — чуть ли не единственный во всём городе — и полон народу. Михаилу показалось, что все эти люди ждали только его, представителя русского командования. Все, кто был в доме, мгновенно окружили маршала и его спутника, но потом быстро разошлись в разные стороны, разбились на кружки и группы, что-то оживлённо между собой обсуждая. Мармон, препоручив Орлова адъютантам, удалился к себе в кабинет для решения неотложных дел.

Герой наш не раз бывал в расположении неприятельских войск и хорошо изучил военные нравы французов. Как характерное для них качество, он отмечал «счастливое смешение некоторого тщеславия с необыкновенной вежливостью». Правда, сейчас, в эти роковые для Франции и французов дни, указанные качества приняли некую болезненную остроту и раздражительность… Один в неприятельском стане, Михаил многим из них показался прекрасной мишенью для того, чтобы сорвать зло, наговорить ему обидных, пусть и не очень справедливых слов. Поэтому вскоре он вновь оказался в центре внимания.

— Много ли в вашем лагере казаков? — спрашивал один офицер. — Что касается до меня, то мне показалось ныне, что на нас нападает целая армия казаков, так войска ваши сражались врассыпную!

— Это было действие вашей прекрасной защиты, — польстил самолюбию собеседника Орлов, но тут же парировал удар: — А вы знаете, что русские равно не боятся битвы свалочной, как и стройного сражения.

— Знаете ли вы, где император Наполеон? — спрашивал другой. — Он ночует ныне в Мо.

— Как?! — изобразил удивление Михаил. — У генерала Сакена[123], который, насколько мне известно, и не думал выходить оттуда с тремя корпусами своими?

— А! У вас ещё три корпуса в Мо! — оживился француз. — Подлинно прекрасная победа — раздавить 30 тысяч храбрых силами целой Европы!

— Не сердитесь на нас слишком за нашу вежливость, — отвечал Орлов. — Мы хотели во что бы то ни стало отблагодарить вас за посещение, которым вы удостоили нас точно в таком же сопровождении.

Вспоминая своё пребывание «в гостях» у герцога Рагузского,

Орлов писал:

«Такая война слов и фраз продолжалась бы ещё и более, если б они не заметили, со свойственной французскому народу вообще сметливостью в разговоре, что существенно ни в мыслях моих, ни в чувствованиях не было ничего особенно враждебного для их самолюбия. Мало-помалу эпиграммы заменились разговором более дружелюбным, и не более как через час мы уже беседовали так откровенно и приятельски, что все были довольны друг другом. Военные и другие анекдоты лились рекой, и много раз с обеих сторон позабывали суровость обстоятельств и взаимных отношений»{195}.

Что интересно, отмечает Орлов, французы относились к русским с «гораздо большей благосклонностью», нежели к представителям других наций — носителям, не будем забывать, одной с ними «западной цивилизации». Однако на занятых землях русские вели себя гораздо порядочнее, нежели союзники, и отнюдь не стремились унижать побеждённых. По этому поводу Михаил Фёдорович писал так:

«Не должно было пытаться говорить им о других нациях, воевавших с ними; здесь их предубеждение превосходило все границы умеренности. В глазах их, австриец только нетерпеливо желал воспользоваться развалинами их военной фортуны; пруссак — только возмутившийся побеждённый, которого должно наказать; англичанин — существо вероломное и ненавистное по превосходству. Все эти восклицания оканчивались сожалением об отступлении от того, что французы называли Эрфуртской политикой. “Если бы, — говорили они, — оба императора остались друзьями, то они разделили бы между собою весь мир”. — “Но, — прибавили некоторые вполголоса, — и весь мир был тесен для Наполеона”. Это было самое смелое слово, какое только они произнесли передо мною»{196}.

Впрочем, даже за увлекательной беседой полковник Орлов успевал следить за происходившим вокруг. В *hotel,* к его хозяину, постоянно приезжали всё новые и новые люди — и зачастую весьма непростые…

Вот проследовал в покои маршала князь Беневентский — Шарль Морис Талейран, министр иностранных дел, — надменный и бесстрастный. Вот граф Гюлэн (в воспоминаниях Орлова он значится как«Гюллень, военный губернатор Парижа». — *А. Б.),* комендант Парижа, возмущался тем, что ему не разрешают без остатка вывести гарнизон столицы… Михаил ловил обрывки чужих разговоров, отдельные фразы, которые, подобно мазкам на холсте, составляли для него цельную картину происходящего.

Улучив удобный момент, к русскому посланнику подошёл

министр князь Талейран:

— Государь мой, возьмите на себя труд повергнуть к стопам государя вашего выражения глубочайшего почтения, которое питает к особе его величества князь Беневентский!

— Князь, будьте уверены, что я непременно повергну к стопам его величества этот бланк, — вполголоса отвечал Орлов.

Из сказанного можно понять, что Талейран просил Орлова передать русскому императору некий документ… Что ж, давно поняв пагубность для Франции политики Наполеона, опытный дипломат перешёл на сторону Бурбонов и союзников. Князь Беневентский с лёгкостью изменял правителям, но никогда не изменял Франции, действуя в высших её интересах — хотя и не забывая про свои.

Потом в гостиной появился бригадный генерал Жирарден д'Эрменонвиль, егермейстер императора (Орлов ошибочно называет его адъютантом Наполеона. — *А. Б.)*. Заметив и узнав Орлова, он подошёл к нему и начал разговор так, словно бы они виделись лишь вчера, а не почти два года тому назад, в Вильне, в штабе маршала Даву. Беседа, однако, не получилась — генерал изъяснялся намёками и угрозами, уверял собеседника в силе французской армии и говорил о неких тайных планах Наполеона. Как Михаил узнал гораздо позже, Жирарден имел словесный приказ взорвать Гренельский пороховой магазин (то есть склад), чтобы в результате чудовищного взрыва погрести под развалинами Парижа и войска союзников, и мирных жителей. Как видно, «лавры» московского генерал-губернатора графа Ростопчина, официального автора катастрофического пожара, не давали покоя французскому императору. Однако непосредственный исполнитель этого чудовищного плана потребовал у Жирардена представить ему письменный приказ Наполеона — а такового не было…

Примерно такой же бесплодный разговор — с подсчётом всех преимуществ и недостатков воюющих сторон, с анализом былых успехов и неудач, — продолжался и за долгим ночным обедом, во время которого Жирарден сидел рядом с Орловым. Михаил же, всей силой своего незаурядного красноречия, старался убедить и генерала, и всех окружающих в том, что русские пришли на французскую землю не в качестве завоевателей. «Россия не требует ничего для себя самой, но всего — для мира», — утверждал он. Ему, кажется, хоть в чём-то удалось переубедить собеседников…

Было уже очень поздно, прошедший день оказался весьма и весьма тяжёлым, а потому, выйдя из-за стола, полковник выбрал укромное место в углу зала, поудобнее устроился в кресле и

задремал, отрешившись от всего происходящего. Вот уж в полном смысле: «Европа, ночующая в Париже»!

— Вот сон победителя, — услышал вдруг Михаил чей-то негромкий голос.

— И честного человека! — добавил кто-то другой, отходя прочь.

От этих слов стало теплее на душе…

* * *

Около двух часов пополуночи парламентёра, превратившегося в заложника, разбудили стук каблуков и звон шпор. Вошедший в залу адъютант известил его о прибытии австрийского полковника графа Парра.

Граф подал пакет, запечатанный алой сургучной печатью, которую Михаил торопливо сломал — неизвестность тяготила. В послании было сказано:

«Господину полковнику Орлову.

Милостивый Государь!

Его Величество Государь Император по соглашению с г-м фельдмаршалом князем Шварценбергом находит более выгодным для союзных армий не настаивать на том условии, которое было прежде предлагаемо для очищения Парижа; но союзники предоставляют себе право преследовать французскую армию по дороге, которую она изберёт для отступления своего. Итак, вы уполномачиваетесь[124] вместе с г-м полковником графом Парром заключить конвенцию относительно сдачи и занятия Парижа на тех условиях, в которых мы согласились до отъезда моего с г-ми герцогами Тревизским и Рагузским.

Примите, Милостивый Государь, уверение в особенном моём к Вам уважении.

Граф Нессельроде.

Бонди. 18/30 марта 1814 года»{197}.

Можно было считать, что ночь закончилась… Михаил пересказал австрийцу содержание письма, после чего попросил адъютанта пригласить маршала Мармона, который прибыл незамедлительно. Все трое устроились вокруг стола в гостиной, заполненной французскими генералами и офицерами, и Орлов, на листе простой почтовой бумаги, принялся писать текст проекта капитуляции. Граф Парр стоял, опираясь на плечо Михаила, читал написанное и выражал своё согласие с каждым

абзацем. Герцог Рагузский молча и отрешённо сидел у стола, пока Орлов не передал ему готовый проект.

«Маршал Мармон взял бумагу, пробежал её с беспокойным видом; казалось, он думал найти в предложениях наших ещё причины к спорам; но вскоре лицо его прояснилось, он прочёл все статьи вслух ясным голосом, с таким видом, как бы требовал от многочисленных слушателей своих замечаний и советов…»{198}

Вот текст, написанный Михаилом:

«Капитуляция Парижа

Статья 1-я. Французские войска, состоящие под начальством маршалов герцогов Тревизского и Рагузского, очистят Париж 19/31 марта в 7 часов утра.

Статья 2-я. Они возьмут с собой всю артиллерию и тяжести, принадлежащие к этим двум корпусам.

Статья 3-я. Военные действия должны начаться вновь не прежде, как спустя два часа по очищении города, т. е. 19/31 марта в 9 часов утра.

Статья 4-я. Все военные арсеналы, заведения и магазины будут оставлены в том состоянии, в каком находились до заключения настоящей капитуляции.

Статья 5-я. Национальная гвардия, пешая и конная, совершенно отделяется от линейных войск; она будет сохранена, обезоружена или распущена по усмотрению союзников.

Статья 6-я. Городские жандармы разделят вполне участь национальной гвардии.

Статья 7-я. Раненые и мародёры, которые найдутся в городе после 9 часов, остаются военнопленными.

Статья 8-я. Город Париж предаётся на великодушие союзных государей»{199}.

«…Все молчали, никто не сказал ни слова. Тогда он отдал мне бумагу и объявил, что, не имея ничего сказать вопреки трактату, ни относительно формы, ни относительно содержания, он изъявляет полное своё на него согласие. В то же время он препоручил полковникам Фавье и Дюсису подписать его вместе с нами. Мы тотчас подписались на том же листе и списали с него копию, которую отдали маршалу Мармону»{200}.

Потом был ещё краткий разговор между герцогом и Орловым, и Михаил уточнил: «Я принял на себя составить осьмую часть капитуляции, в которой помещено повеление его величества избавить город Париж от унижения — передать ключи его в какой-нибудь иностранный музей».

Маршал с чувством пожал его руку…

Оставалось только выбрать депутатов, чтобы они поехали вместе с Орловым к русскому царю — не достатка в желающих

отправиться в таковую поездку не было. Ну как тут не вспомнить императора Наполеона, всего лишь полтора года тому назад ожидавшего на Поклонной горе «депутацию бояр» с ключами от Кремлёвских ворот? Не дождался… Охотников не нашлось.

Неудивительно. Москва была оставлена, но не сдана. А вот Париж — пал и капитулировал, причём покидали его только войска, но не жители.

* * *

Свет раннего утра уже смешался с заревом солдатских костров, когда гвардии полковник Орлов, как бы возглавляя депутацию жителей Парижа, проезжал верхом через полковые стоянки. Никто здесь не спал: русские солдаты готовились к штурму и вступлению в неприятельскую столицу.

Михаил, оставивший своих спутников у ворот Бондийского замка, был проведён в спальню императора. Александр I принял его, ещё лёжа в постели.

— Ну, что привезли вы нового? — приподнявшись на локте, с волнением спросил он.

— Вот капитуляция Парижа, ваше величество! — торжественно сказал Орлов, протягивая бумагу.

Император взял листок, прочитал его, близоруко щурясь, аккуратно сложил и спрятал под подушку, словно бы малый ребёнок — только что подаренную игрушку.

— Поцелуйте меня! — милостиво сказал он полковнику. — Поздравляю вас, что вы соединили имя ваше с этим великим происшествием!

Выйдя из царской опочивальни, Михаил зашёл в первую же комнату и, увидев, что там никого нет, рухнул на диван и заснул мёртвым сном…

«19 марта, в 8 часов прекрасного весеннего утра, государь сел на лошадь и, окружённый блестящей свитой, имея в конвое лейб-казаков, поехал к Парижу… Здесь, на дороге, была выстроена русская гвардия. При приближении к ней государя громкое, восторженное “ура!” огласило воздух, и вслед за нашим монархом войска двинулись в Париж… Торжественное вступление в столицу Франции открывали лейб-казаки; за ними следовала гвардейская лёгкая кавалерийская дивизия и, в некотором от неё расстоянии, ехал государь; за государем последовательно шли остальные части русской гвардии и, наконец, австрийцы, пруссаки и баденцы…

При вступлении союзных войск в Париж толпы его жителей

наполняли все улицы; балконы, окна и кровли домов покрыты были зрителями; энтузиазм их был общий, “Да здравствуют русские!”, “Да здравствует Александр!” раздавалось от одного конца Парижа до другого, всюду слышны были радостные восклицания и приветствия тому, кто совершил великий подвиг, и входил не как победитель в покорённый им Париж, а как освободитель…»{201}

Действительно, русские войска принесли на землю Франции «не меч, но мир». Верные православной традиции, они не стали мстить Парижу за поруганную и сожжённую Москву — и тем успокоили Францию.

2 апреля 1814 года Михаил Орлов, как значится в его формулярном списке, был «За отличие против неприятеля произведён в генерал-майоры»{202}. В тот же самый день он был отчислен из Кавалергардского полка и ему «велено состоять по кавалерии в Свите Его Императорского Величества»{203}.

Прощай, Кавалергардия!

Глава десятая. «ПО ЧАСТИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ»

В то время, когда происходили вышеописанные события, император Наполеон находился при армии, за рекой Марной, и лишь 27 марта узнал, что войска союзников подошли к столице Франции.

«Если неприятель дойдёт до Парижа — конец Империи», — ранее говорил Наполеон, но притом уверял: «Никогда Париж не будет занят, пока я жив».

И вот неприятель стоит у самого сердца Франции… На следующее же утро император повёл к Парижу войска, но вскоре, сгорая от нетерпения, оставил не только их, но и свою свиту, и поскакал на почтовых, в сопровождении всего пятерых человек…

«В ночь с 30 на 31 марта Наполеон, пока на станции Кур-де-Франс меняли лошадей, ходил взад и вперёд по дороге, как вдруг появился кавалерийский отряд, начальник которого, Беллиар, отправился приготовить квартиры для армии, очищавшей Париж в силу капитуляции. Он рассказал Наполеону о событиях этого дня. В первую минуту, обезумев от бешенства, император решил, невзирая ни на что, ехать в Париж, созвать туда войска, вооружить народ и разорвать договор о капитуляции; но затем он понял, что это — лишь героическая мечта. Он уехал в Фонтенбло, предварительно послав в Париж герцога Виченцского с полномочиями “выработать и заключить мир”»{204}.

Знал бы император, что автор текста капитуляции не только лично ему известен, но и был у него, что называется, в руках — в Смоленске, и через него он пытался убедить императора Александра признать своё поражение! Да он бы тогда этого дерзкого поручика!.. В общем, не вернулся бы парламентёр — и всё! Кто б тогда узнал, куда исчез офицер, что могло с ним случиться по дороге? Вот ведь как сводит людей судьба!

Однако прошлого не воротить и того, что было, изменить нельзя, — а потому жизнь шла своим чередом.

19 (31) марта союзные войска вошли в Париж. После парада и смотра на Елисейских Полях все коронованные и высокопоставленные особы были приглашены к Талейрану. Здесь император Александр I заявил, как бы советуясь, что на сегодняшний день у Франции есть три пути: либо союзники заключают мир с Наполеоном, либо трон переходит к малолетнему Наполеону II и учреждается регентство императрицы Марии-Луизы, либо власть возвращается

Бурбонам… Князь Беневентский решительно выбрал последний вариант, сказав, что Наполеону доверять нельзя и вместо регентши вновь будет править император, зато Бурбоны «олицетворяют определённый принцип». Тут же у него нашлись союзники, подтвердившие, что «Франция проникнута роялизмом» — но это успешно скрывалось…

Затем Талейран убедил союзных монархов подписать декларацию о том, что они отказываются вести переговоры с Наполеоном или с кем-то из членов его семьи, а потому предлагают сенату низложить императора и наметить временное правительство.

С этой декларацией в руках он провёл переговоры с наиболее надёжными, по его мнению, членами сената, и на следующий день Наполеон оказался низложен. Но это было в Париже, тогда как в Фонтенбло у императора оставалось 60 тысяч штыков, и эти солдаты поклялись лечь костьми под развалинами Парижа… Наполеон был готов вести их в поход на столицу, да не учёл, что между солдатами и их императором стоят ещё маршалы и генералы. А эти маршалы и генералы, в том числе Ней, Бертье, Лефевр, самые стойкие и преданные, воевать уже не хотели. Отважный Мишель Ней так прямо и заявил императору, что армия не пойдёт на Париж, она послушается своих генералов…

Обескураженный император подписал отречение в пользу сына.

С этим документом маршалы Ней, Макдональд и генерал Коленкур прибыли к Александру I в ночь с 4 на 5 апреля и были незамедлительно приняты.

«Ней, Коленкур и Макдональд горячо ходатайствовали об учреждении регентства. Царь колебался. Он отложил ответ на завтра. 5 апреля, когда трое уполномоченных снова вошли в кабинет, царь сказал им: “Господа, прося меня о регентстве, вы ссылаетесь на непоколебимую преданность войск императору; так вот: авангард Наполеона только что перешёл на нашу сторону. В эту минуту — он уже на наших позициях”»{205}.

Между тем изменили не солдаты, но маршал Мармон и его генералы…

В общем, как бы там оно ни было, но 6 апреля произошли два «судьбоносных», как у нас любят говорить, события. В сенате был подписан акт, постановлявший, что «на престол Франции свободно призывается Людовик-Станислав-Ксавье», который станет королём Людовиком XVIII. А в Фонтенбло император Наполеон написал акт собственного отречения: «Ввиду заявления союзных держав, что император Наполеон является единственным препятствием к восстановлению мира в Европе, император

Наполеон, верный своей присяге, заявляет, что он отказывается за себя и своих наследников от престолов Франции и Италии, ибо нет личной жертвы, не исключая даже жертвы собственной жизнью, которую он не был бы готов принести во имя блага Франции»{206}.

Только не нужно думать, что за всеми этими политическими событиями мы совсем потеряли из виду нашего героя. Отнюдь! После подписания Акта о капитуляции Парижа полковник (тогда ещё) Орлов сам стал действующим лицом «большой политики». 1814 год явился «звёздным годом» его жизни.

«30 марта (11 апреля) был составлен так называемый Фонтенблоский трактат. Он определял судьбу Наполеона и его семьи. В тот же день Орлов отправился в Фонтенбло для оформления акта об отречении французского императора. Приехав в Фонтенбло, Орлов согласовал с Коленкуром (вот интересно, бил ли он стёкла в его петербургском дворце или нет? — *А. Б.)* список лиц и состав охраны, которые должны были сопровождать Наполеона на Эльбу, а также вопросы о полном прекращении военных действий и освобождения военнопленных»{207}.

Задача эта была не из лёгких, ибо проигравшая сторона обычно проявляет особенную щепетильность, имеет обыкновение во всём подозревать ущемление своих прав. Вновь, как это было в Париже, начался подсчёт выгод и преимуществ сторон, рассуждения об общем ходе кампании и, разумеется, требование уступок. Орлов даже осунулся, он чувствовал крайнее утомление и со сладкой ностальгической печалью вспоминал свою боевую, а в особенности — партизанскую жизнь, вдали от императоров и высокопоставленных личностей.

Но всё в конце концов утряслось.

В соответствии с заключённым договором Наполеон, так же как и его супруга, императрица Мария-Луиза, сохраняли свои титулы, но лишались реальной власти и ни они, ни их наследники не могли претендовать на французскую корону. Во владение низвергнутому императору в качестве суверенного государства передавался остров Эльба, площадью 223 квадратных километра, отошедший к Франции в «эпоху Наполеона», в 1802 году. И этот клочок суши — тому, «кому весь мир был тесен»! Наполеону разрешено было даже иметь свои «войска» — не более 400 человек личной охраны… То есть всего лишь один батальон для того, кто руководил армиями!

Против такого решения судьбы Наполеона горячо выступали англичане: им не нравилось, что «узурпатор» сохраняет императорский титул, а близость острова Эльбы к берегам

Франции откровенно пугала. Как мы теперь уже знаем, англичане оказались правы. Но это станет ясно несколько позже…

Хотя перед русскими героями распахнулись двери лучших парижских салонов, а жизнь ещё представлялась сплошным победным торжеством, гвардейские офицеры уже почувствовали, что в политике государя происходит некий поворот и даже, кажется, возвращаются старые «павловские» традиции. Служба в Париже пошла тем же порядком, что была в Петербурге: разводы и караулы, парады, смотры, учения. Гвардия вновь стала обучаться тому, что совершенно не нужно на войне… Недавнюю атмосферу демократизма и подлинного боевого товарищества сменяли придирки и излишние строгости.

На одном из парадов Константин Павлович, глядя на не совсем ровный строй, с раздражением воскликнул: «Эти люди только и умеют, что воевать!»

Нижние чины, однако, ещё верили в то, что русской армии и российскому народу сполна воздастся за героизм и терпение. Ждали воли для мужиков, верили, что будет сокращён срок солдатской службы. Офицеры-дворяне были настроены куда более скептически, нежели их подчинённые. Свободное от службы время они проводили в горячих спорах о судьбах Франции и Европы, о политическом устройстве России и реформах, давно обещаемых Александром I. Пребывание в Париже на многое открыло глаза молодым гвардейским офицерам, позволило немало чего узнать и понять.

Михаил Орлов, хотя и был генералом, но человек молодой — ему только исполнилось 26 лет, — увлёкся здесь так называемой «ланкастерской системой обучения». Авторитетный энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона так трактует это понятие: «Метод взаимного обучения, изобретённый англиканским священником Андрю Беллем (1753–1832) и педагогом Иосифом Ланкастером (1778–1838). Состоял в том, что более знающие ученики обучали под руководством учителя своих более слабых товарищей…» (Эта информация нам ещё пригодится.) Орлов даже вступил в члены французского «Общества начального обучения», надеясь применить «ланкастерову», как это говорили тогда русские, систему в своём Отечестве…

* * *

Впрочем, пребывание Михаила в Париже было недолгим — вскоре по возвращении из Фонтенбло он получил новое

дипломатическое поручение: отправиться в Копенгаген «для решения норвежского вопроса».

«В апреле двенадцатого года, в городе Або, я пообещал правителю Швеции Карлу-Иоанну своё содействие в приобретении шведской короной Норвегии, — объяснил Орлову суть вопроса Александр I. — За это Карл-Иоанн гарантировал нам поддержку в борьбе с Наполеоном».

Как известно, благодаря усилиям своего воинственного короля Карла XII[125] — этакого «Наполеона осьмнадцатого столетия», не менее амбициозного, но гораздо менее удачливого, — Швеция из первостепенного государства превратилась в некую европейскую провинцию. Пожалуй, амбиции — это единственное, что смогли унаследовать преемники Карла XII. Не углубляясь во все хитросплетения шведской политики начала XIX столетия, скажем только, что принявший в 1796 году всю полноту королевской власти восемнадцатилетний Густав IV Адольф успел до 1809 года, времени своего свержения, отдать французам Померанию, русским — Финляндию и повоевать одновременно со всеми своими соседями. Потом он был низложен и изгнан из страны, а на престол вступил его дядя — герцог Зюдерманландский, наречённый Карлом XIII. Он сумел частично улучшить положение Шведского государства, и тут во всей остроте встал вопрос престолонаследия: новый король был человек немолодой и бездетный. Опять-таки долго рассказывать обо всех перипетиях, но так получилось, что наследным принцем был избран князь Понте-Корво, он же — маршал Франции Жан Бернадот.

Наполеон вызывал у шведов не только восхищение как полководец, но и определённые надежды на возрождение великой Швеции. Потому выбор и пал на французского маршала… Вот только Бернадот не захотел играть роль одного из вассально-опереточных королей, составлявших блестящую свиту Наполеона — типа неаполитанского короля Мюрата или вице-короля Италии Эжена Богарне. К тому же у него были собственные дерзкие геополитические планы…

Маршал прекрасно понимал, что союз между Россией и Францией обречён, а значит, следовало выбирать чью-либо сторону и запрашивать плату за этот выбор. Если «поставить» на Наполеона, то Швеция — о чём мечтали многие её жители — сможет возвратить себе Финляндию. Но что такое Финляндия? Не более чем историческая шведская земля, на которой в общем-то ничего нет. Если же «поставить» на Александра, то можно прибрать к рукам Норвегию, пока ещё принадлежащую союзной Наполеону Дании, — а чтобы понять, что значит Норвегия, нужно

всего лишь посмотреть на географическую карту. Фактически к Швеции тогда отойдёт весь Скандинавский полуостров, исключая финские задворки…

Так что Карл-Юхан решил делать ставку на Россию, что далеко не всем в Швеции понравилось. Однако это уже было не столь важно — симпатии к Наполеону в шведском обществе слабели, потому как политика императора, упорно поддерживающего свою континентальную блокаду Англии, отрицательно сказывалась на экономике Швеции. Заключительным же аккордом стало то, что в январе 1812 года войска Наполеона пришли в освободившуюся было шведскую Померанию… В итоге наследный принц Карл-Юхан получил поддержку населения и 5 апреля 1812 года между Россией и Швецией было заключено тайное соглашение, а в августе того же года Александр I и бывший французский маршал встретились в городе Або, где 18-го (30-го) числа был подписан одноимённый, то есть Абоский, договор. В договоре было много чего — не всё в итоге оказалось выполнено, но удалось достичь главного: Швеция приняла сторону России.

Александр I умудрился даже предложить Бернадоту возглавить все русские армии, уже сражавшиеся против наполеоновских войск, но тот, как позже и генерал Моро, благоразумно отказался от такой чести…

«Ограничившись во время кампании 1812 года доброжелательным нейтралитетом, Карл-Юхан принял активное участие в кампании 1813 года; он высадился с войском в Германии и действовал в согласии с союзниками…»{208}

Уточним, что шведская армия под командованием генерал-фельдмаршала графа Стединга состояла из трёх пехотных и одной кавалерийской дивизии и включала в себя 35 батальонов, 32 эскадрона и 62 орудия.

«…Но после Лейпцига (16–19 октября 1813 г.) ему уже не было смысла идти дальше; выполняя задуманный им план, он двинулся со шведами, а также с несколькими русскими и прусскими отрадами на север и на свой страх и риск начал кампанию против Дании, напав на Голштинию. Датчане были разбиты.

В конце декабря завязались переговоры, и 14 января 1814 года был подписан Кильский договор, четвёртая статья которого обусловливала уступку Норвегии в обмен на шведскую Померанию.

Получив таким образом желаемое, Карл-Юхан догнал союзников. Но он оставил свои шведские войска в Нидерландах и явился в Париж один; Швеция вместе с другими державами

подписала мир с Францией. К этому времени относится один ещё недостаточно хорошо выясненный эпизод… речь идёт о проекте кандидатуры наследного принца шведского на французский престол. Более чем вероятно, что Карл-Иоанн охотно принял бы такое предложение…»{209}

Однако оно даже не рассматривалось, потому как фактически это была бы смена одного Наполеона на другого — Карл-Юхан, несмотря на свой громкий титул, не имел в своих жилах ни капли монаршей крови. Как и сам Бонапарт… А потому, что вполне возможно, Бернадот, после здравых размышлений, решил не тянуться за французским «журавлём», довольствуясь шведской «синицей», и не привлекать излишнего внимания к своей монаршей особе, на которую кое-кто из «легитимных» европейских государей и без того посматривал довольно косо.

Кажется, вопрос о присоединении Норвегии к Швеции был решён, но тут выяснилось, что норвежцы не только не горят желанием идти «под руку» шведского короля, не признают Кильский договор, но и требуют независимости.

Пока монархи-победители в Париже праздновали свой триумф и решали судьбу французского престола, 10 апреля 1814 года[126] в норвежском Эйдсвольде открылось Учредительное собрание, провозгласившее независимость Норвегии, после чего депутаты начали работу над конституцией новорождённого государства. Эта конституция, превзошедшая по своему демократизму все существовавшие тогда в Европе основные законы, была принята 17 мая того же года. Норвежским королём был провозглашён принц Кристиан-Фредерик, двоюродный брат датского короля (впоследствии — король Дании Кристиан VIII).

«За что боролись?!» — воскликнул бывший маршал Бернадот и самолично повёл войска на территорию мятежной Норвегии. Но это будет несколько позже… При первом известии о происходящем Карл-Юхан обратился к России и Англии, также немало ему обещавшей, чтобы склонить на сторону антинаполеоновской коалиции, за конкретной помощью в решении, так сказать, щекотливого вопроса.

«У меня нет ни малейшего желания воевать с Данией, — сказал Орлову Александр I. — А всё же мы обязались поддержать союзника, да и со Швецией нам лучше дружить. Попробуем решить всё дипломатическим путём. Твои опытность и предприимчивость мне известны. Отправляйся в Копенгаген, изучи обстановку, проводи переговоры, при необходимости действуй от моего имени — и добейся, чтоб справедливость восторжествовала, и Кильский трактат был соблюдён!»

29 апреля, наскоро простившись с друзьями, Михаил

отправился в дорогу как личный представитель российского императора, облечённый высочайшим доверием. Звезда 26-летнего генерала восходила стремительно.

* * *

Дания, Швеция, Норвегия — тихие европейские провинции. Кажется, что здесь, в Копенгагене, Стокгольме и Христиании[127], время остановилось где-то в Средних веках. Старинные дома с высокими крышами из красной черепицы, с глухими ставнями на окнах. Зелёные медные шпили лютеранских церквей. Аккуратные палисадники, засаженные цветами, чисто выметенные мостовые узких улочек. Сдержанные, неторопливые горожане.

Война, прокатившаяся по Европе от Португалии до России, обошла Скандинавию стороной, не оставив здесь своих разрушительных следов. Орлову, отвыкшему от подобных мирных картин, это казалось удивительным. Но времени, чтобы получше вглядеться в чужую жизнь, у него не было. Прибыв в Копенгаген 9 мая, русский уполномоченный не раз спешна переезжал из столицы в столицу, встречался с монархами и министрами, изучал документы и протоколы дипломатических переговоров, совещался с представителями Англии и Пруссии, также прибывшими для разрешения конфликта. Так получилось, что Михаил занял между союзными уполномоченными главенствующую роль, завоевав их уважение и доверие острым умом и воистину дипломатическим тактом.

Скрупулёзно и добросовестно вникая в происходящее, Орлов вскоре понял, что отнюдь не происки Дании, как это утверждал бывший маршал Бернадот, побудили норвежцев категорически выступить против шведских притязаний, но такова была воля народа, по крайней мере — подавляющего его большинства. Даже если бы Копенгаген официально уступил Стокгольму права на владения Норвегией, конфликт всё равно бы не угас. Сообщив об этом государю срочной депешей, генерал поспешил в Христианию, на встречу с норвежским королём.

— Зачем нашему народу новое владычество? — рассуждал Кристиан-Фредерик с печалью в голосе. — Долго находясь в этой стране, я искренне полюбил её и сроднился с её народом. Мне здесь верят, поэтому норвежцы и избрали меня своим королём.

Ранее Кристиан-Фредерик был генерал-губернатором Норвегии.

— В XIII веке Норвегией завладела Исландия, хотя и ненадолго, — продолжал король. — Потом началось датское

господство. Теперь нам угрожает Швеция. Маршал Бернадот столь же ненасытен, как и его бывший хозяин.

— Карл-Юхан уверил моего государя, что норвежский народ мечтает воссоединиться со Швецией.

— И при этом, наверное, он утверждал, что тому есть всего одна помеха — это я? Бернадот говорил именно так?

— Да, ваше величество!

— Что ж, я согласен сложить с себя королевский титул. Но произойдёт это лишь тогда, когда этого потребует мой народ. Пусть созывают стортинг[128] — там я возвращу народу корону… Однако народ этого не требует, хотя вражеские войска уже топчут норвежскую землю.

Действительно, Карл-Юхан, не дожидаясь дипломатического разрешения проблемы, решил занимать норвежскую территорию своими войсками, благо Норвегия не имела большой армии и защитить себя не могла. Шведский наследный принц, разумеется, понимал, что данный ввод войск никоим образом не должен напоминать оккупацию и вызвать возмущение норвежцев… Так, некоторое напоминание — не больше! Однако оно не оказало желаемого результата: норвежцы не желали подчиняться силе своего соседа.

— Знакомы ли вы с нашей конституцией? — продолжал король.

— Да, я читал её очень внимательно, и мне кажется, что такой основной закон составил бы честь любому государству. Уже то, что ваше величество может «принимать и отменять указы касательно торговли, налогов, ремёсел, промышленности и полиции, лишь бы они не противоречили конституции и законам, принятым стортингом», — вызывает зависть к вашим подданным. Хотя, судя по заверениям нашего государя, и в России скоро многое переменится…

— Да, генерал, вы понимаете, чего желает наш народ! Так будет ли это справедливо, если, вопреки его чаяниям, Норвегия обратится в шведскую провинцию?

Разговор был долгим… Король Кристиан-Фредерик сказал Михаилу, что наименьшим злом в создавшейся ситуации может стать уния, при которой Норвегия, объединяясь со Швецией, сохранит свои законы и государственные учреждения. В противном случае норвежцы будут видеть в шведах захватчиков и угнетателей. Король не только высказал эту идею, но и попросил генерал-майора Орлова составить проект этой унии — разумеется, от имени великой России.

— Бернадот не сможет оставить без внимания прожект, представленный победителями Наполеона, — сказал Кристиан-

Фредерик. — Ведь все предлагаемые нами документы он отвергает, не читая!

И снова — дороги, бумаги, переговоры… Но если раньше это были переговоры с поверженным врагом и Михаил, офицер Русской императорской армии, ощущал за своей спиной монолитные ряды могучего российского войска, которые, если разговор не будет получаться, неизбежно придут в движение, то теперь он был один и мог противопоставить своим оппонентам лишь собственные здравый смысл и логику суждений. Ведь он прекрасно понимал, что Александр I хотел от своего представителя несколько иных решений и действий — но очень надеялся, что впоследствии ему удастся склонить на свою сторону и русского царя, весьма либерально настроенного и много по этому поводу обещавшего.

Потому, лично встретившись со шведским наследным принцем, Орлов со всем пылом своего красноречия убеждал Карла-Юхана не восстанавливать против себя и против Швеции народ Норвегии, сохранить её конституцию и вновь возвратить в этот уголок Европы мир и спокойствие.

Однако далеко не всё получалось так гладко, как хотелось, и генералу приходилось сообщать в Петербург, российскому императору:

«Так как наследный принц шведский “возставал” против гарантий, то, следовательно, он желает дать норвежцам лишь призрачные права, без всякого ручательства, чтобы иметь возможность отобрать их по своему произволу»{210}.

Но если император был далеко, то союзные уполномоченные — рядом. В результате долгого общения своей железной логикой Михаил сумел склонить их на свою сторону. Когда в поддержку проекта унии, предложенного представителем России, выступили представители Англии и Пруссии, Бернадот не смог не считаться с мнением союзников, да и точку зрения подавляющего большинства норвежцев всё-таки приходилось учитывать. Шведские войска были выведены с норвежской территории.

«Конфликт закончился 14 августа 1814 года соглашением в Моссе: Кристиан-Фредерик окончательно отказался от норвежской короны, а Швеция обязалась послать комиссаров для выработки условий личной унии между обоими королевствами на основе конституции 17 мая. Это соглашение было принято норвежским стортингом, и 4 ноября 1814 года уния стала совершившимся фактом; Карл XIII, король Швеции, сделался королём Норвегии и в новом своём звании провозгласил ту же конституцию 17 мая, слегка видоизменив её.

Договор об унии устанавливал, что оба королевства,

совершенно равноправные, будут связаны только чисто личной унией, причём у них будут общими только король и министерство иностранных дел… Каждая из обеих стран сохраняет в неприкосновенности свой политический строй, а именно: Швеция — конституцию 1809 года, Норвегия — конституцию 1814 года…»{211}

Нет, совершенно не о таком «присоединении» мечтал наследный принц Карл-Юхан! Понимал он и то, что шведы, сторонники возвращения Финляндии, испытывают крайнее разочарование в его политике, ибо не только не исполнилось их желание, но не получилось и обещанной «компенсации» в виде присоединения Норвегии… Думается, не был в восторге и русский царь, для которого подписание унии явилось неожиданностью. Всё-таки он обещал маршалу Бернадоту совсем иное решение проблемы и никак не думал, что Орлов нарушит его инструкции и выступит за сохранение в Норвегии демократического образа правления.

Очевидно, именно тогда и началось охлаждение государя к Михаилу Орлову, довольно-таки скоро проявившееся…

Зато король Дании Фредерик VI наградил Орлова рыцарским орденом Даннеброг 1-й степени. Ему были вручены украшенный бриллиантами крест гранд-командора и орденская лента, белая с красными полосами по краям. Это был знак признательности датчан и норвежцев — награда за честность, твёрдость, справедливость и политическое мужество молодого русского генерала.

Кстати, ни одной российской орденской ленты — то есть никакого ордена 1-й степени (или — Святого Владимира 2-й степени, к которому так же были положены «кавалерия», как именовалась лента, и орденская звезда) Орлов не получил. Кроме орденов Святого Георгия и Святого Владимира четвёртых степеней, он был награждён ещё орденом Святого Владимира 3-й степени, а также — орденами Святой Анны 4-й степени и украшенным алмазами орденом Святой Анны 2-й степени. Для генерала совсем немного и отнюдь не высоко — к примеру, Аннинскую «кавалерию» имели почти все генерал-майоры…

* * *

«Когда Михаил Орлов, посланный в Копенгаген с дипломатическим поручением, возвратился в Россию с орденом Даненброга[129], кто-то спросил его в Московском Английском клубе: “Что же, ты очень радуешься салфетке своей?” — “Да, —

отвечал Орлов, — она мне может пригодиться, чтобы утереть нос первому, кто осмелится позабыться передо мною”»{212}, — записал князь Пётр Вяземский.

* * *

«Я возвратился из чужих краёв 1814 года, уверенный, что Туген-Бунд[130] было одно из деятельнейших средств, употреблённых для спасения Пруссии и Германии, и вознамерился сделать тайное общество, составленное из самых честных людей, для сопротивления лихоимству и другим беспорядкам, кои слишком часто обличаются во внутреннем управлении России. Я взошёл в переписку с графом Дмитриевым-Мамоновым по сему предмету и, установив несколько мыслей между нами, мы готовили общий план, который хотели предложить на утверждение Его Императорского Величества, надеясь, что Государь, так же, как Его Величество Король Прусский для Туген-Бунда, возьмёт нас под своё покровительство. Сия странная мысль, внушённая, однако же, чистым желанием добра, не долго нас занимала, ибо другие обстоятельства возникли»{213}.

Это Михаил Фёдорович писал уже гораздо позже, когда всё лучшее в его жизни уже оказалось позади…

«Орлов, подобно большинству будущих декабристов, вернулся из французского похода обуянный самым пламенным патриотизмом и жаждой деятельности на пользу родины. Он принадлежал, по-видимому, к числу самых нетерпеливых. Н.И. Тургенев[131], сблизившийся с ним за границей, характеризует его так: “Подобно всем людям с живой и пылкой душою, но без устойчивых идей, основанных на прочных знаниях, он увлекался всем, что поражало его воображение”»{214}.

Итак, возвратившись в Россию в конце 1814 года, Орлов, очевидно, получил отпуск и пребывал в Москве, где жили его дядя-опекун граф Владимир Григорьевич, другие родственники и многие знакомые. Среди последних был и граф Матвей Дмитриев-Мамонов[132], личность исключительная. В его биографии было несколько моментов, сблизивших его с Михаилом. Он был сыном генерал-адъютанта, одного из фаворитов любвеобильной Екатерины П. Фавор закончился в 1789 году с женитьбой на фрейлине Дарье Щербатовой, но осталось огромное состояние — только лишь на свадьбу императрица пожаловала его 2250 крепостными душами. Так как генерал всегда относился к наследнику престола с должным почтением, то воцарение

императора Павла I не принесло ему никаких проблем. Более того, в 1797 году Дмитриев-Мамонов был возведён в графское достоинство, однако ко двору приглашён не был. Скончался граф в 1803 году, оставив сына, дочь и баснословное непромотанное состояние. Поэтому в 1807 году граф Матвей уже был камер-юнкером, а в 1811-м, в возрасте двадцати одного года стал обер-прокурором 6-го департамента Сената. Между прочим, департамент этот, находившийся в Москве, занимался уголовными делами…

В Отечественную войну Дмитриев-Мамонов поступил в Московское ополчение, дрался под Бородином, Тарутином и Малоярославцем, заслужил золотую саблю «За храбрость», а потом из крестьян и добровольцев сформировал на свои средства шестиэскадронный конный полк своего имени. Александр I присвоил 22-летнему графу чин генерал-майора и назначил его шефом этого полка. Но оказалось, что хотя Матвей, выражаясь словами классика, «департаментом командовал»[133] — имел, так сказать, «опыт руководящей работы», управиться с полком он не смог. Его «мамаевцы» — так казаков полка прозвали ещё в Ярославле, в период формирования, и, думается, не только по фамилии их шефа, — умудрились взбунтоваться во время Заграничного похода, в результате чего был сожжён какой-то городок в герцогстве Баденском. В итоге юный генерал закончил службу, состоя при генерале Уварове, шефе кавалергардов, тогда как его полк был расформирован.

В конце 1814 года граф Дмитриев-Мамонов пребывал в Москве.

На одной из встреч с ним Орлов и высказал мысль о том, что в России приспела пора создания тайного общества из самых честных людей, дабы давать отпор лихоимству, всем беспорядкам во внутреннем нашем правлении…

Гораздо позже, после трагических событий декабря 1825 года, Михаил Фёдорович Орлов писал об этом в записке на имя императора Николая I. Записка, весьма объёмная по содержанию, была написана по-французски. Мы представляем фрагмент её русского перевода:

«Мне кажется, я первый задумал создать в России тайное общество. Это было в 1814 году. Я был тогда под большим впечатлением того большого значения, которое Туген-Бунд приобрёл в политике. С другой стороны, я хранил в своей памяти слова императора Александра, сказанные им в Париже: “Внешние враги повержены надолго, будем сражаться с врагами внутренними”. С такими мыслями вернулся я в Россию. Я хотел переменить род занятий, оставить армию и заняться

административной деятельностью, где, Государь, как Вы знаете, “наполеоны” творят внутренний разбой. По этому поводу вёл я переписку с графом Мамоновым. Я уговаривал его принять участие в моих планах. Он мне ответил, что враг внутренний сильнее всякого внешнего врага, и он сомневается в успехе. Тем не менее, мы пришли к согласию относительно некоторых положений»{215}.

Эпоху, о которой сейчас идёт речь, граф Лев Толстой (ну куда же нам без него!) назвал «наивные времена масонских лож, мартинистов, тугенбунда, времена Милорадовичей, Давыдовых, Пушкиных…»{216}. Что же по логике тех времён после всего рассказанного нами должен был сделать Орлов, знакомец Милорадовича, друг Давыдова и, в будущем, Пушкина? Разумеется, организовать тайное общество — нечто типа масонской ложи или того самого Тугенбунда!

Это они с графом Дмитриевым-Мамоновым и сделали, возвышенно-романтично назвав своё тайное общество Орденом русских рыцарей и поставив ему целью ограничение самодержавной власти и упразднение в России рабства. Программа общества была написана почти мгновенно…

Ограничение самодержавия выражалось в том, что император лишался основных своих прав: вводить налоги и объявлять войну, заключать договоры с иностранными государствами, ссылать и наказывать своих подданных, по собственному усмотрению назначать их на высшие посты в государстве, а также награждать граждан орденами. Все эти вопросы должен был решать Сенат, состоявший аж из тысячи человек.

Изрядно поездивший по Европе Орлов предложил такие пункты, как учреждение суда присяжных, «вольное книгопечатание», «уничтожение государственных монополий» и даже — уменьшение числа монастырей, что было пунктом весьма спорным. В конце концов, люди сами должны выбирать, где им по нраву жить — в миру или в святой обители…

В то же время авторы внесли в программу конкретные хозяйственные вопросы, такие как основание торговых компаний для освоения Сибири, зарубежной торговли на Дальнем Востоке и даже строительство Волго-Донского и Волго-Двинского каналов и гавани в устье Амура. Заодно молодые генералы декларировали освобождение всех славянских народов, изгнание из Европы турок и восстановление «греческих республик» под протекторатом России, а также — значительное усиление Балтийского и Черноморского флотов и укрепление пограничной стражи империи.

Строгие историки впоследствии дали этой программе свою

жёсткую оценку:

«В этих требованиях программы звучали не только новые, буржуазные тенденции, но пережитки старой дворянской доктрины. Однако феодальное прошлое заявляет о себе ещё настоятельнее и резче, когда мы прислушиваемся к чисто политическим требованиям Орлова и Дмитриева-Мамонова: самодержавную власть они предположили ограничить всемогущей властью Сената, которая была очерчена в духе верховников XVIII столетия[134]. Сенат был составлен из 200 наследственных пэров, магнатов или вельмож государства, из 400 представителей дворянства и из 400 представителей народа; наследственным вельможам даровались “уделы городами или поместьями”; казённые земли раздавались “по государственным уважениям частным людям”; крупнейшим торговым центрам присваивались “привилегии вольных ганзеатических городов”; наконец, “Ордену русских рыцарей” (или “рыцарей русского креста”) предоставлялись “поместья, земли и фортеции наподобие рыцарей Тамплиеров, Тевтонических и прочих”. Таким образом, дворянство не только сохранялось, не только удерживало львиную долю своей власти — оно экономически укреплялось и ещё более аристократизировалось. Перед нами — возрождение старых аристократических проектов, которые частично вобрали в себя и новые, буржуазные наслоения»{217}.

Конечно, в организационном плане не обошлось без модных по тем временам «масонских» традиций — принесение клятвы о строжайшем сохранении тайны членства в ордене, введение каких-то степеней… Между тем членов этого общества оказалось меньше, нежели в нём было степеней — особенно при его основании, потому как изначально членов его было всего только два: Орлов и граф Дмитриев-Мамонов. А может, их было трое — не исключено, что к ордену тогда присоединился Денис Давыдов, в то время весьма и весьма обиженный императором Александром.

20 января того самого 1814 года он за свои многочисленные боевые подвиги заслуженно был произведён в чин генерал-майора. По окончании кампании Давыдов получил полугодичный отпуск, приехал в Москву, и тут, аккурат под Рождество, выяснилось, что чин присвоен ему по ошибке… Правда, потом оказалось, что об ошибке заявили по ошибке — но это уже не наша тема, да и объяснять будет долго. Так что поверьте на слово — Давыдов был не виноват! Торопливо вступив в Орден русских рыцарей, он на перекладных помчался в свой Ахтырский гусарский полк, в то время стоявший во Франции, однако на год застрял в Варшаве, «в когтях» цесаревича Константина, после чего

ему возвратили чин, дали новую должность — и он до отставки в 1820 году мотался переводами из одной дивизии в другую, изредка навещая столицы…

Тут уж Давыдову было не до тайных обществ, так что когда в 1822 году Александр I потребовал взять со всех офицеров и чиновников подписку о непринадлежности к масонским ложам и тайным обществам, Денис Васильевич почти искренне писал в одном из своих личных писем:

«На днях получил я из инспекторского департамента форму подписки, что я отказываюсь от *братии* масонов. А так как я не был, не есть и не буду ни в масонских, ни в каких других тайных обществах и в том могу подписаться кровью, то эта форма для меня неприлична. Прошу прислать другую, или не написать ли мне просто рапорт?»{218}

* * *

Но вскоре и нашему герою станет не до «рыцарских» дел.

Поздним воскресным вечером 26 (14) февраля 1815 года Наполеон, сопровождаемый солдатами Старой гвардии и Корсиканского батальона (по разным источникам численность их весьма разнится), покинул место своего изгнания остров Эльбу. 1 марта (17 февраля) он высадился на французском берегу, и скоро города Гренобль и Лион преклонили колена перед императором…

«Солдаты! Приходите и становитесь под знамёна вашего вождя! Его существование тесно связано с вашим, его права — права народа и ваши… Победа идёт форсированным маршем. Орёл с национальными цветами полетит с колокольни на колокольню, вплоть до башни собора Парижской Богоматери!» — обратился Наполеон к армии.

Королевские полки, посланные остановить его, срывали белые кокарды Бурбонов. Народ встречал своего императора «Марсельезой». Его несли на руках. Гренобльские рабочие, не имея ключей от городских ворот, положили к ногам Наполеона сами ворота. Народ ненавидел «легитимных» Бурбонов, которые «ничему не научились и ничего не забыли». Армия обожала императора-полководца, связывая с его именем громкие победы и небывалое величие своего отечества. Напрасно думать, что народы легко забывают поражения — жажда мщения горела в сердцах большинства французов.

Утром 20 (8) марта Наполеон, без единого выстрела, вошёл в Париж. Над дворцом Тюильри, накануне спешно покинутым

Людовиком XVIII, вновь поднялся трёхцветный флаг. Так начались знаменитые Сто дней Наполеона Бонапарта, завершившиеся трагедией под Ватерлоо 18 (6) июня 1815 года…

* * *

«8 (20) ноября 1815 г.

Между Францией и союзными державами в Париже заключён мирный договор, по которому Франция остаётся в границах 1790 г., а на её территории в течение 5 лет находится 150-тысячная оккупационная армия союзников под общим командованием генерал-фельдмаршала герцога А. Веллингтона[135]. Кроме того, Франция должна выплатить победителям контрибуцию в размере 700 млн. франков.

Сноска: В составе российского оккупационного корпуса генерал-лейтенанта графа М.С. Воронцова находились: 9-я и 12-я пехотные дивизии, 3-я драгунская дивизия и 2 полка казаков»{219}.

Командиру 30-тысячного русского корпуса графу Воронцову было 33 года. При Бородине он командовал 2-й сводной гренадерской дивизией, защищавшей редуты у села Семёновское — позже эту позицию назовут Багратионовыми флешами. В рукопашном бою генерал был ранен штыком, а от четырёх тысяч гренадер в строю осталось не более трёхсот. «Моя дивизия не отступила, — сказал граф. — Она исчезла на поле боя».

Отчаянная храбрость сочеталась в сердце Михаила Воронцова с истинным великодушием и горячим патриотизмом. Он бросил в Москве всё своё имущество, приказав разгрузить готовый к отправке обоз из сотни возов, заполненных ценнейшими картинами и статуями, серебряными столовыми сервизами и старинной европейской мебелью, и распорядился положить на освободившиеся повозки раненных при Бородине воинов, которые неминуемо погибли бы в огне пожара. В своём имении близ Владимира граф организовал госпиталь, где оказалось на излечении немалое число генералов и офицеров, а также свыше трёхсот нижних чинов. Возвращавшихся к армии солдат, равно как и неимущих офицеров, Воронцов за свой счёт обмундировывал и снабжал деньгами.

Начальником штаба к нему в корпус был назначен генерал-майор Орлов.

Кстати, на французской земле русские категорически отказывались выполнять роль карателей или жандармов. Зато пруссаки, англичане и прочие взялись за это дело с охотой и

удовольствием. Прусские часовые, к примеру, имели приказ стрелять при вызывающем жесте любого француза. Жестокости, притеснения, а то и откровенные грабежи со стороны союзников, жесточайший «белый террор» роялистов подводили Францию к народному возмущению. *Vae victis?*[136] Но притеснителям должно бояться народа, уже познавшего вкус свободы!

О сроках пребывания Михаила Орлова во Франции говорить непросто.

В его формулярном списке в графе «В течение службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произвождениям находился» после известного нам «Отчислен и велено состоять по кавалерии в Свите Его Императорского Величества [814 Апреля 2]» значится, что «[817 Июня 13] назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса»{220}.

В графе же «Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был…» указано: «1815 года находился в походе противу французов в должности начальника штаба 7-го пехотного корпуса, чем и оставался до 3-го сентября того же года»{221}.

Вроде бы всё понятно, однако в показаниях Следственному комитету в декабре 1825 года генерал-майор Орлов написал: «Обстоятельства 1815 года и пребывание моё в Париже бо́льшую часть 1816 года не позволили мне заниматься сими предметами до самого возвращения в Россию»{222}.

«Сии предметы» — имеется в виду Орден русских рыцарей. Почему написано «в Париже» — большой вопрос. Штаб оккупационного корпуса находился во французском Мобеже, и сохранились свидетельства людей, там с Орловым общавшихся. Наверное, под «Парижем» имелась в виду вообще Франция.

Хотя биограф Михаила Орлова Михаил Осипович Гершензон утверждает (без ссылок на документы), что «Зиму и весну 1815–1816 гг. Орлов по болезни провёл в Париже, лето — на водах в Бареже, и в Петербург вернулся в ноябре 1816 г.»{223}. Но вообще-то в таком случае в формуляре есть раздел «В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли в срок», но записи в нём ограничиваются 1808 и 1810 годами… Ничего не понятно!

Что же тогда можно рассказать о жизни нашего героя в этот период? Ведь даже если он пребывал на службе, то начальник штаба — не командир, его работа по преимуществу является «бумажной»; да и вообще военная служба в мирное время — занятие весьма муторное. В общем, рассказывать всё равно нечего.

Хотя известно, что он организовал «ланкастерову школу», где

солдат обучали грамоте, а также то, что являлся членом Русского клуба в Мобеже. Организовал этот клуб Сергей Тургенев[137], брат упомянутого нами Николая Ивановича, чиновник дипломатической миссии при командире корпуса.

Кстати, именно во Франции началось сближение Михаила Орлова с Николаем Тургеневым, которое вскоре переросло в дружбу. Тургенев писал:

«Я познакомился здесь с двумя братьями Орловыми, которые здесь. Они, в особенности Михайло, очень мне нравятся… Я всегда радуюсь, когда нахожу между нашими русскими таких образованных людей, каков Мих. Орлов»{224}.

Вторым из братьев Орловых был Алексей, который в чине полковника числился «по кавалерии» и состоял в отдельном отряде, боровшемся против французских партизан — кстати, тема для нас совершенно неизвестная.

В Русском клубе бывали практически все офицеры оккупационного корпуса, в том числе и граф Воронцов. Разговоры здесь велись весьма смелые, политических тем не избегали, что было неудивительно: именно в это время Венский конгресс решал судьбы Европы, приходившей в себя после Наполеоновских войн и «перекроек», а Россия как ни в чём не бывало возвращалась к своему старому жизненному укладу; государь, увлечённый международными делами и упоённый собственным успехом в верхах европейского общества, вновь откладывал осуществление давно обещанных преобразований… Офицеры это обсуждали и осуждали без всякого стеснения.

Если «в верхах» про то что-то и знали, то, скорее всего, пока что просто не обращали внимания — мол, поговорят, выговорятся и успокоятся. Но вскоре, 5 мая 1816 года, во французском Гренобле произошло восстание, руководимое неким адвокатом Дидье. «Это было незначительное и даже безумное предприятие, варварски подавленное генералом Донадьё и военными судами и стоившее жизни двадцати пяти участникам, в том числе шестнадцатилетнему юноше»{225}.

Орлов и кое-кто из его друзей по Русскому клубу каким-то образом оказался связан с кем-то (всё достаточно туманно!) из руководителей восстания и французских эмигрантов, так сказать, «новой волны» — уже не роялистов, а наоборот. Для связи с ним попытались использовать возможности русского посольства в Париже, но тут, очевидно, в Петербурге возникли какие-то вопросы, и вскоре генерал-майор Орлов был отозван в Россию… Ещё раньше уехал из Франции Николай Тургенев.

Как мы сказали, в формулярном списке нашего героя последующий временной период выпадает, зато известно, что «…

пылкий Орлов, тотчас по возвращении из-за границы, составил адрес императору Александру I об уничтожении крепостного права в России, подписанный многими из высших сановников, между прочим, князем И.В. Васильчиковым[138], графом Воронцовым[139] и Блудовым[140].

Таким образом, М.Ф. Орлову принадлежит первая в XIX столетии попытка уничтожить у нас крепостное право. Как отнёсся император Александр к адресу Орлова, неизвестно; во всяком случае, он по-прежнему благоволил молодому генералу; особенно близко стоял Орлов к государю в 1816 году, в котором ему пришлось сопровождать Его Величество в путешествии по России»{226}.

Действительно, нигде нет никаких упоминаний о реакции императора на полученный им «адрес». Но, кстати, только в этом очерке Биографического словаря и говорится о том, что Михаил сопровождал государя в поездке по России. Между тем Александр I выехал из Петербурга в Москву — а потом и далее, на Украину и в Польшу, — 10 (22) августа, а возвратился из поездки уже 13 (25) октября, то есть в то время, когда Михаил ещё находился за границей…

По приезде в Петербург Орлов продолжал заниматься делами своего тайного общества. Хотя, честно говоря, на бумаге все эти дела кажутся гораздо более масштабными и значимыми, чем были в реальной жизни. Знаток декабристской темы академик Милица Васильевна Нечкина писала:

«“Орден русских рыцарей” — самая многочисленная из известных нам ранних “преддекабристских” организаций — состоял из его основателей М. Орлова, М. Дмитриева-Мамонова и причастных к нему Н. Тургенева, М.Н. Новикова, Дениса Давыдова и, по-видимому, М. Невзорова. Кроме того, по свидетельству Н. Тургенева, М. Орлов сказал ему, что в числе “приверженцев” “Ордена русских рыцарей” также находятся флигель-адъютант М. и Б., причём последний был соучеником Н. Тургенева по пансиону аббата Николя[141]; в этом случае можно подразумевать не кого иного, как А. Х. Бенкендорфа, под первым же инициалом, очевидно, разумеется князь А.С. Меншиков, — о нём как о члене общества Орлова упоминает также в своих “Записках” декабрист С.П. Трубецкой.

Однако весьма сомнительно, чтобы указанная шестёрка или восьмёрка хотя бы один раз заседала вместе за одним столом: против этого — итинерарий[142] постоянно передвигавшихся в разные стороны участников… Во всяком случае трудно счесть случайностью полное отсутствие сведений о каких-либо заседаниях “Ордена русских рыцарей” в документальном

материале»[227].

Далее, наверное, можно и не объяснять…

История Ордена русских рыцарей вскоре закончится. А вот отрывок из написанного 15 ноября 1819 года письма Дениса Давыдова генералу Павлу Киселёву, бывшему кавалергарду, другу Михаила Орлова, который ещё появится на страницах нашего повествования, — своеобразная эпитафия ордену:

«Мне жалок Орлов с его заблуждением, вредным ему и бесполезным обществу; я ему говорил и говорю, что он болтовнёю своею воздвигает только преграды в службе своей, которою он мог быть истинно полезным отечеству. Как он ни дюж, а ни ему, ни бешеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма в России. Этот домовой долго ещё будет давить её тем свободнее, что, расслабясь ночною грёзою, она сама не хочет шевелиться, не только привстать разом. Но мне он не внимает. Опровергая мысли Орлова, я также не совсем и твоего мнения, чтобы ожидать от правительства законы, которые сами собою образуют народ. Вряд ли оно даст нам другие законы, как выгоды оседлости для военного поселения! или рекрутский набор в Донском войске! … Как военный человек, я всё представляю себе в военном виде: я представляю себе свободное правление как крепость у моря, которую нельзя взять блокадою; приступом — много стоит. Смотри Францию; но рано или поздно поведёт осаду и возьмёт её осадою, но без урона рабочих в сапах, особенно у гласиса, где взрывы унесут не малое их число; за то места взрывов будут служить ложементами, и осада всё будет продвигаться, пока, наконец, войдёт в крепость и раздробит монумент Аракчеева. Что всего лучше — это то, что правительство, не знаю почему само заготовляет осаждающим материалы — военным поселением, рекрутским набором на Дону, соединением Польши, свободою крестьян и проч. Но Орлов об осаде и знать не хочет; он идёт к крепости по чистому месту, думая, что за ним вся Россия двигается, — а выходит, что он, да бешеный Мамонов, как Ахилл и Патрокл (которые вдвоём хотели взять Трою), предприняли приступ… Но довольно об этом»[228]. Действительно — довольно!

Глава одиннадцатая. «О ДРУГИ СМЕЛЫХ МУЗ, О ДИВНЫЙ АРЗАМАС!»

Знаменитый мемуарист Филипп Вигель[143] так передал своё впечатление о старших из братьев Орловых:

«Завидна была их участь в юности; завиднее её не находил я. Молоды, здоровы, красивы, храбры, богаты, но не расточительны, любимы и уважаемы в первых гвардейских полках, в которых служили, отлично приняты в лучших обществах, везде встречая нежные улыбки женщин, — не знаю, чего им недоставало. Судьба, к ним столь щедрая, спасла их даже от скуки, которую рождает пресыщение: они всем вполне наслаждались. Им стоило бы только не искушать Фортуну напрасными затеями, а с благодарностью принимать её дары. Старший брат, Алексей, это и делал. А второму, Михаилу, исполненному доброты и благородства, ими дышащему, казалось мало собственного благополучия: он беспрестанно мечтал о счастии сограждан и задумал устроить его, не распознав, на чём преимущественно оно может быть основано…

С первого взгляда в двух братьях-силачах заметно было нечто общее, фамильное; но при малейшем внимании легко можно было рассмотреть во всём великую разницу между ними. С лицом Амура и станом Аполлона Бельведерского у Алексея приметны были мышцы геркулесовы; как лучи постоянного счастья и успехов, играли румянец на щеках и вечная улыбка на устах его. Красота Михаила Орлова была строгого стиля, более мужественная, более величественная. Один был весь душа, другой — весь плоть; где же был ум? Я полагаю, в обоих. Только у Алексея был совершенно русский ум: много догадливости, смышлёности, сметливости; он рождён был для одной России, в другой земле не годился бы он. В Михаиле почти всё заимствовано было у Запада: в конституционном государстве он равно блистал бы на трибуне, как и в боях…»{229}

Тут мы и оборвём эту очень интересную сравнительную характеристику. А почему это вдруг Вигель, в ту пору — дипломатический чиновник невысокого ранга — оказался в числе знакомых братьев Орловых?

Дело в том, что 22 апреля 1817 года Михаил Орлов был принят в «Арзамас», в котором Филипп Вигель уже состоял под именем «Ивиков Журавль».

Официально «Арзамас» считался литературным объединением — «Арзамасским обществом безвестных людей». Однако далеко не все его члены были литераторами, а уж относительно их «безвестности», так это вообще смешно! Почти сплошь — восходящие звёзды российской бюрократии, будущие, а то и действительные статские генералы; к примеру, Александр Иванович Тургенев, старший брат Николая и Сергея, в ту пору уже «департаментом командовал». Так что, помимо всего прочего, о чём нам рассказывали в школе, «Арзамас» давал молодым, но уже высокопоставленным чиновникам возможность хорошего отдыха в дружеском интеллектуальном кругу…

Думается, нет смысла объяснять просвещённому читателю, что такое «Арзамас», рассказывать про традиционных гусей, псевдонимы из баллад Жуковского и обязательные при вступлении новых членов похоронные речи в адрес деятелей «Беседы любителей русского слова».

Неудивительно, что генерал Орлов, имя которого гремело в свете не только благодаря его боевым подвигам, вскоре по своем возвращении в столицу получил приглашение о вступлении в это общество. Согласно традиции в «Арзамасе» он был наименован «Рейном» — в честь главной германской реки.

Вигель уточняет: «Не знаю почему, я думаю, по плавным речам его, как чистые струи Рейна, у нас получил он название сей реки»{230}.

В протоколе соответствующего «арзамасского» заседания — официально члены общества собирались в двадцатый раз — сказано образно, остроумно и красноречиво:

«От Липецкого потопа в лето второе, от Видения в месяц девятый-на-десять, по обыкновенному летосчислению месяца Березозола в 22-й день было двадцатое собрание Нового Арзамаса и усыновление нового члена Рейна…

День вышеозначенный был определён мудрецами и пророками для принятия клятвенных слов члена Рейна, а вместе и для погребения покойника или покойников, коих он рассудит за благо утопить в гремящих водах своих… Шум вод, похожих на стук оружия, возвестил вступление Рейна; Резвый Кот[144] президент с важностью звания и лёгкостью породы, вспрыгнул на пурпуровые кресла, все порядочные арзамасцы сели, Эолова Арфа[145] повалилась, и началось 20-е собрание. Кассандра[146] читала протокол прошедшего заседания, а Рейн доказывал, что старей вод не одного разбора с земными стариками, ибо умеет слушать и не торопиться рассказывать. Он с примерным терпением дождался конца Кассандрина чтения, и тогда только, вызванный обществом, дал волю говорить своим струям,

одушевлённым и гармоническим. Все арзамасцы внимали. “Смотрите, — журчал новый член, — смотрите на чистую влагу мою: я невиннейший из ваших братьев…”…»{231}

Ну и далее — в том же возвышенном духе. Конечно, у нас есть возможность обратиться к оригиналу этого вступительного слова:

«Почтенные друзья! (Так тепло начал свою речь наш герой. — *А. Б.)*

Определив меня членом Арзамасского общества, вы думали, может быть, что в самом деле найдёте во мне сотрудника, достойного разделить ваши занятия. Но рука, обыкшая носить тяжкий булатной меч брани, возможет ли владеть лёгким оружием Аполлона, и прилично ли гласу, огрубелому от произношения громкой и протяжной команды, говорить божественным языком вдохновения или тонким наречием насмешки? Какими заслугами в словесности обратил я на меня внимание ваше? Где книги, мною изданные? Где труды мои? Где плод моих трудов? И как я, неизвестный, осмелюсь заседать в тайном судилище арзамасском, где вижу собрание столь превосходных мужей, ополченных вкусом и правдою против пигмеев Российского Парнаса?»{232}

Да уж, уничижение паче гордости! «Где книги? Какими заслугами?» Словно бы и не автор «Размышлений русского военного о 29-м “Бюллетене”» и текста капитуляции Парижа — пожалуй, двух самых известных (после императорских манифестов) официальных текстов той войны! Уже за одно это Орлова можно было причислить к племени российских литераторов.

К тому же, как мы сказали, арзамасские члены были преуспевающими чиновниками, тонко «чувствовали конъюнктуру», а значит, имели понятие, на кого следует обратить особенное внимание. Вот Филипп Филиппович и пишет: «Однако же и в России тогда уже был он хотя самым молодым, но совсем не рядовым генералом. Император имел о нём высокое мнение и часто употреблял в важных делах. В день Монмартрского сражения его послал он в Париж для заключения условий о сдаче сей столицы. После того отправлен был он к датскому принцу Христиану, объявившему себя норвежским королём, дабы уразумить его и заставить примириться со Швецией и Бернадотом. И такой препрославленный человек пожелал быть с нами! С восторгом приняли мы его»{233}.

Самым молодым российским генералом того времени мы Михаила Фёдоровича назвать не можем — нам уже известен граф Дмитриев-Мамонов; друг Орлова князь Сергей Волконский,

будучи на девять месяцев его моложе, стал генералом в сентябре 1813 года; убитый при Бородине граф Кутайсов получил генеральские эполеты в 22 года… Но Орлов был из самых молодых, несомненно.

Зато всё остальное написано правильно и, что самое важное, — государь ему пока ещё благоволил…

Михаил вполне пришёлся ко двору в этой компании молодых, довольных жизнью остроумцев. Достаточно вновь обратиться к тесту его вступительной речи:

«…Как мне отвечать на справедливые возражения тех писателей, кои, зная моё отвращение к их книгам, не преминут обвинить меня в невежестве? Я уже в мыслях вижу с трепетом их ужасный сонм, предстающий предо мною в образе какого-нибудь нового словесного скопища…

“Как ты смел, — говорит один, — судить мои сочинения, ты, который ни одного из них не дочёл до половины?” “Тебе ли, — рцет другой, — разглагольствовать языком змеиным о ангелоподобных моих жёнах[147], тебе, которого я видел спящего и слышал храпящего при самом начале учинённого мною чтения в усопшей, но искони бессмертной 'Беседе'?” “Видел ли ты, — скажет третий, — где-нибудь подобного мне мудреца, сидящего безмолвным за трапезою учёных и определяющего достоинства сочинений одним вертикальным или горизонтальным движением головы?”»{234}. *Etc.*

Всё было бы хорошо, легко, беззаботно и весело, если б не определённый «пассаж» в заключение этой речи. Да и в середине своего выступления Орлов заявляет:

«Изнемогая пред славою, мне вами ссужденною, решился дать вам полное познание о новом члене вашего Общества. Сим одним могут согласить совесть мою с похвальным честолюбием. Внемлите и судите».

Далее идёт набор весёлых, порой на уровне ахинеи, утверждений — целых девятнадцать; в печатном тексте каждое из них начинается с красной строки, и почти все — с местоимения «Я»:

«Я не член Академии и не давал подписки быть присяжным врагом истинной учёности… Я не признаю за брата “Сына Отечества”… Я предпочитаю ведьму Жуковского всем красавицам Захарова…»

В конце этой изящной околесицы следует такое:

«Я исповедую, что не будет у нас словесности до тех пор, пока цензура не примирится с здравым рассудком и не перестанет вооружаться против географических лексиконов и обёрточной бумаги».

То, что следует после «и», можно отбросить — в первой половине предложения сказано абсолютно всё. Далее, несколько ниже, следует уже совершенно серьёзный вывод из сказанного:

«…Я сам чувствую, что слог шуточный не приличен наклонностям моим, и ежели я решился начертить сие нескладное произведение, это было единственно для того, чтобы не противиться законам, вами учреждённым. Исполняя долг повиновения, я надеюсь, что найду в вас не судей суровых, но снисходительных друзей, которые предпочитают искреннее желание угодить блистательнейшему успеху.

Итак, обращаюсь я с радостию к скромному молчанию, ожидая того счастливого дня, когда общим вашим согласием определите нашему Обществу цель, достойнейшую ваших дарований и тёплой любви к стране Русской. Тогда-то Рейн, прямо обновлённый, потечёт в свободных берегах Арзамаса, гордясь нести из края в край, из рода в род не лёгкие увеселительные лодки, но суда, исполненные обильными плодами мудрости вашей и изделиями нравственной искусственности. Тогда-то просияет между нами луч отечественности и начнётся для Арзамаса тот славный век, где истинное свободомыслие могущественной рукой закинет туманный призм предрассудков за пределы Европы»{235}.

Таким образом, Михаил предложил «арзамасцам» заняться политической и просветительской деятельностью, соответственно превратив литературный кружок в некое политизированное общество. Но это, после некоторого здравого размышления, не вызвало общего восторга его сочленов — недаром Вигель назовёт Орлова «опасной красой нашего “Арзамаса”». Не затем, думается, собирались вместе эти преуспевающие чиновники, чтобы на отдыхе, невзначай, порушить свою карьеру…

Хотя, как часто в подобных случаях бывает, поначалу предложениями Орлова все увлеклись и все горячо их поддержали. Как же могло быть иначе? Молодой генерал, герой войны, фаворит императора — и вообще безумно обаятельная личность, как тут не подпасть под его влияние?! К тому же идеи его были весьма современны, интересны и перспективны. Орлов, во-первых, предложил учредить журнал, «коего статьи новостью и смелостью идей пробудили бы внимание читающей России»; во-вторых, он предлагал, чтобы каждый «арзамасец», живущий не в столице, мог организовать филиал общества по месту своего пребывания — и таким образом «покрыть всю Россию» сетью отделений «Арзамаса»…

Вот как на том же заседании откликнулся на выступление Орлова Александр Тургенев — Эолова Арфа:

«…Вами творец отличил людей от скотов и Арзамас от Беседы. Но сей Арзамас, друзья, в своей остроумной галиматье нередко представлял пустоту, достойную света; оттого я сидел в нём не смыкая глаз: ныне едва ли не первый совет благоразумия раздаётся в нашей храмине, и смотрите: моё тело спит, душа моя бодрствует; она продолжает сказанное Рейном.

О, Арзамас! Не полно ли быть ребёнком? Граждане Арзамаса! Не сердитесь: покойный член наш Франклин[148] называл всякое открытие новорождённым младенцем; нельзя ли по системе его назвать детьми и все новые Общества?»{236}

Впрочем, были и те, кто сразу же осторожно выступил против предлагаемых нововведений. Именно — осторожно! Резвый Кот укрыл свой протест за пышными велеречивыми словесами:

«…Сегодня уши ваши не страдали бы от моего мурлыканья. А вы, гордый, величественный и, если смею сказать, усастый[149] Рейн, превосходительный под знамёнами Марса и Аполлона, вы приняты были бы с великолепием приличным важности осанки, т. е. берегов ваших, и прозрачности состава вашего, отражающего все чудеса природы в нравственных и физических красотах её!.. О дивное влияние арзамасской атмосферы! Ей всё возможно: она соединяет всех и всё; сближает времена и народы; в ней жители древней Трои наяву обнимают спящую Эолову Арфу и с восхищением встречают красу германских рек, отныне ставшую любимой дщерью Арзамаса!

Итак, любезнейшая сестра или собрат наш! Умерьте пространство вашего плавания: постарайтесь в месте сидения вашего не разливаться и не топить нас; но знайте, что есть неизмеримое число обезьян, в людское платье одетых и в прошлые времена собиравшихся в доме жёлтом[150] и возле жёлтого дома. Тех вы должны топить без милосердия…»{237}

Так что совсем неудивительно, что «…этот широкий план, — как пишет биограф Орлова, — не встретил достаточного сочувствия среди членов и остался втуне, но мысль о журнале получила ход и не была осуществлена только потому, что правительство отказало в разрешении. До нас дошла программа этого предполагаемого журнала. Первое место в нём должен был занимать политический отдел, который брали на себя Орлов, Н. Тургенев и Д. Северин; целью его ставилось “распространение идей свободы, приличных России в её теперешнем положении, согласных со степенью её образования, не разрушающих настоящего, но могущих приготовить лучшее будущее”»{238}.

Кажется, что отчаянным кавалерийским наскоком неистовый партизан Орлов перепугал почтенных «арзамасцев», которые, вскоре после того как прошли первые восторги, всерьёз

призадумались… Мол, жили — не тужили, сбирались — отдыхали, развлекаясь тем, что критиковали безобидных, постепенно погружавшихся в Лету старичков-«беседовцев», но тут пришёл поручик Ржевский — нет, *excusez-moi*[151], генерал Орлов! — и началось такое… Как в том анекдоте!

В общем, «карьерные» чиновники сообразили, что на всякий случай с «арзамасскими» шалостями лучше бы закончить — сколь бы ни были вкусны знаменитые гуси… Однако перед кончиной «Арзамаса» его почтенные обитатели успели сделать то, что обессмертило имя этого литературного объединения. Да и не только его одного: ведь именно по причине существования «Арзамаса» мы помним и про «Беседу», его антагониста, гораздо ранее «почившую в Бозе».

В начале осени того же 1817 года в «Арзамас» был принят «Сверчок» — выпускник Царскосельского лицея Александр Пушкин. К сожалению, протокол этого заседания — кстати, единственного, на котором побывал поэт, — не сохранился. От вступительной речи, которую произнёс Пушкин, осталась лишь пара обрывков, один из которых приводим:

> Венец желаниям! Итак, я вижу вас,
> О друга смелых муз, о дивный Арзамас!

А жаль, что не сохранилось — всё, вышедшее из-под пера великого нашего поэта, представляет огромный интерес не только для профессиональных литературоведов, препарировавших его творчество не в одной сотне кандидатских и докторских диссертаций.

Но так уж получилось, что в нашем сознании Пушкин и литературное общество «Арзамас» связаны неразрывно… Во многом этому способствовали и то, что Александр Сергеевич дружил со многими из «арзамасских» «безвестных людей», и главное — «посмертная судьба» «Арзамаса».

Всё той же осенью 1817 года общество фактически прекратило своё существование. Никто не говорил, что «Арзамас» себя уже исчерпал, никто не сетовал на генерала Орлова. Официальной причиной сего прискорбного явления стало то, что большинство молодых чиновников почти одновременно разъехались в разные стороны по делам службы. Асмодей — князь Вяземский отправился в Варшаву; Кассандра — Блудов — в Лондон; Чу — Дмитрий Дашков[152] был послан в Константинополь…

«Арзамас весь рассеялся по лицу земному…»{239} — красиво напишет потом Ахилл — известный поэт Константин Батюшков.

Вот и наш герой тогда в Санкт-Петербурге не остался. 14 августа Николай Тургенев записал в дневнике: «Вчера был Арзамас — последний у Рейна…», а 2 сентября он сообщит своему брату Сергею, в Мобеж: «Орлов уехал отсюда в Киев. Он был одним из ревностнейших членов Арзамаса и в особенности подвигнул его на сериозное дело»{240}.

Действительно, если обратиться к формулярному списку Орлова, то станет известно, что ещё 13 июня 1817 года он был «назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса»{241}. Об этом назначении и ряде иных вопросов, с данной темой связанных, расскажем несколько позже, а пока возвратимся к «Арзамасу», точнее — его «посмертной судьбе». Судьбе воистину уникальной!

Обычно, когда какие-то объединения, кружки или организации распадаются, их бывшие члены перестают общаться между собой, ибо давно успели друг другу надоесть. В «Арзамасе» всё получилось совсем не так: осталась дружба между его сочленами, возникло оживлённое эпистолярное общение между разъехавшимися, встречи стали праздниками, на которых присутствовали дух, вольные и весёлые традиции «Арзамаса», позволяющие именовать солидных военных генералов Рейном и Армянином[153], а не менее солидных и даже более высокопоставленных статских генералов — Светланой[154] и Эоловой Арфой…

Поэтому многих «арзамасцев», этих — как они скромно о себе заявили — «безвестных людей», мы не раз встретим на страницах нашего повествования…

* * *

Михаил Осипович Гершензон пишет: «Орлов, подобно большинству будущих декабристов, вернулся из французского похода, обуянный самым пламенным патриотизмом и жаждой деятельности на пользу родины. Он принадлежал, по-видимому, к числу самых нетерпеливых. Н.И. Тургенев, сблизившийся с ним за границей, характеризует его так: “Подобно всем людям с живой и пылкой душою, но без устойчивых идей, основанных на прочных знаниях, он увлекался всем, что поражало его воображение”»{242}.

Подтверждение сказанному можно найти и в показаниях генерал-майора Орлова, данных в декабре 1825 года:

«Создание Польского государства, тщетность моих возражений против этого плана, высказанных царствовавшему тогда государю, убеждение, что в Польше существовало (и

существует теперь) тайное общество, подготавливающее её воссоединение, место, которое польский вопрос всё больше приобретал, или, по крайней мере, казалось, что приобретал в планах государя, ибо как раз в этот момент был создан Литовский корпус, — всё это, вместе взятое, внушило мне мысль включить противодействие польской системе в мои первоначальные планы. В связи с этим в… 1816 и частично в 1817 годах я был занят вместе с Мамоновым этим делом. Но оно не было завершено, а вскоре было совершенно оставлено нами: им — из-за путешествия и болезни, мною — вследствие одного открытия, которое я тогда сделал…»[{243}]

Прервём цитату. Как видим, пресловутый «польский вопрос» больно задел нашего героя… Дело в том, что у русских властителей, начиная с Петра I, появилась «наследственная болезнь» — оглядка на Запад, и почти все они оказались ей подвержены, невзирая не только на отсутствие кровного родства, но и на свою принадлежность к различным общественно-политическим формациям.

Была прекрасная пора:
Россия в лаврах, под венками,
Неся с победными полками
В душе — покой, в устах — «ура!»,
Пришла домой и отдохнула…[{244}] —

писал о том времени полковник Фёдор Глинка.

Не отдыхал тогда, кажется, один лишь русский царь — он помчался в Вену, на конгресс, «обустраивать Европу». Тем самым Александр I упустил уникальную возможность поднять Россию на невиданную дотоле высоту, чтобы экономические и социально-политические условия жизни её народа соответствовали тому авторитету, который Империя завоевала на полях сражений против Наполеона. Возможно было отменить крепостное право, ставшее экономическим тормозом развития государства, нужно было провести реформы государственного управления, можно было и военную реформу осуществить, чтобы солдатская служба меньше походила на каторжную жизнь… Если бы Александр это сделал — а ранее он говорил, что намеревается сделать! — то тогда бы он действительно остался в истории под именем «Благословенного». Но государя тянуло на Запад… А там, глядя на европейских обывателей, он решил, что управляемый им народ не готов к столь благотворным преобразованиям. Как-то не очень любил этот русский царь свой народ — не случайно же даже славу «сокрушителя Наполеона» он был готов разделить и с

маршалом Бернадотом, и с генералом Моро.

Удивляться особенно нечему: у Александра Павловича не было ни русской крови (бабушка — принцесса Ангальт-Цербстская, дедушка — принц Голштинский, мама — из Вюртемберга), ни, что гораздо страшнее, русского воспитания, ибо всемогущая бабушка доверила формирование личности будущего российского императора швейцарцу Фредерику Лагарпу. Тогдашняя Швейцария с современной сравниться не могла, а потому Александра I воспитывали на мудростях французских энциклопедистов и «местечковых» швейцарских ценностях.

Так что вполне закономерно, что после победы над Наполеоном русский царь решил облагодетельствовать вновь приобретённую Польшу, совершенно не задумываясь над тем, не оскорбит ли это его исконных подданных.

И вот — некоторые заметки достаточно объективных французских историков:

«Польские войска в походе 1814 года упорно шли под знамёнами Наполеона. Во время измены Мармона во всём его корпусе только поляки сохранили верность императору…

Александр I всё чаще и чаще выказывал знаки уважения к польским войскам… Генералу Домбровскому[155], главе и вдохновителю знаменитых “легионов”, просившему разрешения вернуться в Польшу с уцелевшим остатком этих удальцов, он ответил, что они вступят туда одновременно с русскими войсками. Их главнокомандующим он назначил своего брата Константина. Этому последнему русский император приказал представить себе в Сен-Дени депутацию, посланную от 12 польских генералов и 600 польских офицеров. Александр удовлетворил все их ходатайства: создание “армии Варшавского герцогства”; сохранение каждым полком своего мундира и наименования; сохранение за каждым военнослужащим его чина; помощь деньгами, припасами и фуражом…

Уже давали себя чувствовать те препятствия, которые предвидел царь: ревнивое беспокойство держав, противодействие барона Штейна[156] и всей немецкой национальной партии, недовольство русских, которые не могли простить полякам сожжение Смоленска и Москвы и негодование при мысли о возвращении их наследственному врагу Литвы и Западной Украины и о восстановлении Польши на фланге Российской империи, да при том ещё Польши автономной, с конституционным устройством, в то время как победители по-прежнему останутся под властью самодержавия…»{245}

В общем-то тут всё сказано и особенно разъяснять позицию

нашего героя не надо. Единственное, что стоит объяснить, так это упомянутый им Литовский корпус. Берём «Сытинскую», как называют её историки, «Военную энциклопедию»:

«Литовский отдельный корпус, был сформирован 1 июля 1817 г. первоначально из пехотных дивизий — 27-ой (полки: Брестский, Белостокский, Литовский и Виленский пехотные, 47-й и 48-й егерские), 28-ой (бывшей 4-ой, полки: Волынский, Минский, Подольский и Житомирский пехотные, 49-й и 50-й егерские) и 29-ой артиллерийской бригады. В течение того же года в состав корпуса были включены полки лейб-гвардии Литовский, Волынский (пешие. — *А. Б.),* Подольский кирасирский и уланский Цесаревича Константина Павловича, Польский, 1-й и 2-й Литовские гренадерские и Литовский карабинерный…» Далее следует достаточно продолжительный список частей, постепенно включавшихся в состав корпуса. А вот на что следует обратить особое внимание: «Только гвардейские части Литовского корпуса состояли из русских, прочие же комплектовались из поляков и литовцев»{246}. Заметим, что в 1831 году, во время Польского восстания, всё это обернулось большой кровью: польская армия, вымуштрованная цесаревичем Константином, оказалась достаточно серьёзной боевой силой…

«Польский вопрос» здорово подорвал авторитет императора Александра Павловича в русском обществе, государь это знал, и знание это не добавляло ему любви к его подданным. Так что совсем не случайно, что на этом вопросе фактически сломалась блистательная карьера генерала Орлова.

В своих показаниях он сообщал о том довольно уклончиво:

«Государь изволил отправиться в Вену, и вскоре разнеслись слухи о восстановлении Польши. Сия весть горестно меня поразила, ибо я всегда почитал, что сие восстановление будет истинным несчастием для России. Я тогда же написал почтительное, но, по моему мнению, довольно сильное письмо к его императорскому величеству. Но сие письмо, известное генерал-адъютанту Васильчикову, у меня пропало ещё не совсем доконченным, и сведение об оном, дошедши до государя, он долго изволил на меня гневаться»{247}.

В Русском биографическом словаре ситуация представлена так:

«В 1817 году, когда в русском обществе стали распространяться упорные слухи о том, что император, симпатизировавший полякам, думает присоединить к Польше Литву и другие западнорусские области, Орлов составил записку, род протеста, против конституционных польских учреждений, которую намерен был представить Государю. Ему удалось

заполучить для этого адреса подписи нескольких генералов и сановников, также задумавших изменить намерения императора. Но Александр I, заранее извещённый о предприятии Орлова, пригласил его к себе и потребовал у него составленную им записку. Орлов, видя, что его дело приняло дурной оборот, и не желая выдавать соучастников, отказался отдать эту записку, чем вызвал неудовольствие императора; вскоре состоялось Высочайшее повеление об удалении Орлова в Киев, с назначением начальником штаба 4-го пехотного корпуса, которым командовал в то время генерал Н.Н. Раевский»[248].

Так Александр I терял по-настоящему преданных и верных ему людей… Что он на этом выиграл? Непонятно…

* * *

Можно понять, что недовольных политикой государя было предостаточно.

«Я вернулся на родину в конце 1816 года. Толчок, данный умам только что происшедшими событиями, или скорее возбуждение, ими произведённое, были очевидны. Именно с момента возвращения русских армий в свою страну либеральные идеи, как говорили тогда, начали распространяться в России. Кроме регулярных войск, большие массы народного ополчения также видели заграничные страны: эти ополченцы всех рангов, переходя границу, возвращались к своим очагам и рассказывали о том, что они видели в Европе. Сами события говорили громче, чем любой человеческий голос. Это была настоящая пропаганда.

Это новое настроение умов сказывалось преимущественно в тех местах, где были сосредоточены войска, особенно же в С.-Петербурге, деловом центре, включавшем многочисленные гарнизоны из отборных войск… Я слышал, как люди, возвращавшиеся в С.-Петербург после нескольких лет отсутствия, выражали своё изумление при виде перемены, происшедшей во всём укладе жизни, в речах и даже поступках молодёжи этой столицы: она как будто пробудилась к новой жизни, вдохновляясь всем, что было самого благородного и чистого в нравственной и политической атмосфере. Особенно гвардейские офицеры обращали на себя внимание свободой своих суждений и смелостью, с которой они высказывали их, весьма мало заботясь о том, говорили ли они в публичном месте или в частной гостиной, слушали ли их сторонники, или противники их воззрений. Никто не думал о шпионах, которые в ту эпоху были почти неизвестны»[249].

Неудивительно — это было вполне в духе времени, — что в России, и прежде всего в Петербурге, стали возникать разного рода тайные общества. Наибольшей известностью в то время пользовался Союз спасения, как обычно называли Общество истинных и верных сынов Отечества, образованный гвардейскими офицерами 9 февраля 1816 года. Замысел его создания принадлежал Александру Муравьеву, ставшему к тому времени полковником Гвардейского Генерального штаба.

В весьма объёмистой «записке», адресованной из камеры Петропавловской крепости императору Николаю I, Орлов так охарактеризовал это общество:

«Я узнал, что образовалось общество молодых людей, большей частью гвардейских офицеров, которые также были в восторге от успехов Туген-Бунда и работали в том же направлении. Я сблизился с ними, но в общество не вступил. Один лишь Новиков установил со мной связь. Он был одним из организаторов… Их устав, который я, впрочем, прочитал только несколько лет спустя, был скопирован с устава Туген-Бунда. Все филантропические и либеральные взгляды, изложенные в нём, представляли набор неудобоваримых фраз, которые трудно было читать и ещё труднее понять. Это было нечто тяжёлое, скучное, не возбуждающее работу ума… Молодые люди, входившие в общество, называвшееся “Союзом благоденствия”, руководствовались тогда исключительно либеральными идеями, в которых не было ещё ничего революционного. Кроме того, они считали себя большой силой, и это убеждение делало их очень активными…»{250}

Умница был всё-таки Орлов, и человек благородный! Выгораживал своих товарищей, как мог. Если ему поверить, то в деятельности Союза спасения не было ничего не только противозаконного, но и серьёзного. Собирались, либеральничали, говорили заумные речи… И кавалергардский ротмистр Михаил Лунин не предлагал ещё осенью 1816 года встретить Александра I своим «обречённым отрядом» в масках на Царскосельской дороге, и не было никакого «московского заговора», когда егерский капитан Иван Якушкин[157] предлагал принять на себя честь цареубийства… А ещё очень жаль, что единственный, как следует из «записки», «контакт» Орлова в рядах Союза спасения — Михаил Новиков[158], его соратник по Ордену русских рыцарей и племянник знаменитого просветителя, — уже умер, так что подробности спросить не с кого…

Хотя историки рассказывают о взаимоотношениях Михаила Фёдоровича с сочленами Союза спасения несколько по-иному:

«Вскоре… в истории тайного общества произошло

знаменательное событие — встреча с “Орденом русских рыцарей”. В документальном материале нет расхождений по вопросу о времени этой встречи… дело произошло примерно в феврале 1817 г. Переговоры вели между собой только Орлов и Александр Муравьёв. Они “открылись друг другу” и каждый “стал уговаривать другого вступить в своё общество”, — показывает Никита Муравьёв. Хотя конечные цели и были признаны обоими конспираторами в какой-то мере близкими, но слияние обществ не состоялось: “Переговоры сии кончились тем, что они обещались не препятствовать один другому, идя к одной цели, и оказывать себе взаимные пособия”, — показывает Никита Муравьёв… Однако после этой встречи “Орден русских рыцарей” прекратил своё существование, исчерпав себя, а перед Обществом истинных и верных сьшов отечества лежал путь длительного и успешного развития»{251}.

Признаем, что не так чтобы уж очень длительного, но для нас сейчас главное состоит в том, что объединения двух тайных обществ не произошло…

Михаил Фёдорович свидетельствовал:

«Так я и уехал, получив назначение на должность начальника штаба 4-го корпуса, и по прибытии на место я оказался всецело поглощённым своими обязанностями, заставившими меня оставить всякую мысль об обществе. Я перестал следить за деятельностью этих молодых людей, и ваше величество скоро увидит, что, собственно, не за чем было и следить»{252}.

Сделаем вид, что мы поверили, и отправимся вослед за генералом в Киев…

* * *

Хотя есть ещё то последнее, о чём всё-таки можно рассказать, повествуя об очередном недолгом петербургском периоде жизни Михаила Орлова. Именно тогда по рукам столичного общества прошелестела злая эпиграмма юного Пушкина:

Орлов с Истоминой в постеле[159]
В убогой наготе лежал.
Не отличился в жарком деле
Непостоянный генерал…

Прочитав эти строки, так и хочется воскликнуть вслед за полковником Фёдором Глинкой, адъютантом графа Милорадовича и поэтом-декабристом: «О, Пушкин, Пушкин! Кто

тебя учил?..», оборвав цитату перед словом «пленять» и вместо него написать «таким гадостям?». И зачем ему это было писать? С чего? Да и откуда ему могли быть известны столь сомнительные подробности? Явно, что это была сплетня в стихотворной форме…

Понять юного поэта можно: прекрасной балерине Авдотье Истоминой было тогда осьмнадцать лет — как и самому Пушкину. Истомина уже два года как блистала на императорской сцене; возможно (точное время написания стиха неизвестно), только что из-за неё прогремела знаменитая «четверная дуэль», на которой был убит кавалергардский штабс-ротмистр Шереметев… Роковая романтическая красавица! А кто был тогда Пушкин? Выпускник Лицея, юноша, подающий поэтические надежды, известный в узком литературном кругу… Это потом, в середине 1820-х годов, — в общем-то скоро — Авдотья Истомина будет танцевать заглавные партии в балетах по его произведениям «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», но пока ещё для красавицы-балерины он был никем и ничем… Но ведь и ему от неё чего-то хотелось — как и многим зрителям, о чём-то думалось и мечталось, и кому-то, определённо, завидовал ось… К сожалению, порой такая зависть у поэта проявлялась не лучшим образом, ибо для её «реализации» он использовал свой искромётный талант. Так родилась широко известная эпиграмма на блистательного графа Воронцова, человека чести: «Полу-милорд, полу-невежда…», так родилась и гнусненькая (увы, при всём нашем громадном уважении и искренней любви к Пушкину!) эпиграмма на Михаила Орлова. Это потом они с Пушкиным станут друзьями — вот только, перефразируя известное, скажем, что «из биографии факта не выкинешь». Так что эпиграмма эта в полных, научных собраниях пушкинских сочинений осталась…

Что ж, вполне возможно, что-то у блистательного молодого красавца-генерала с юной красавицей-балериной было — и, думаем, совсем не так, как описал Пушкин. В таком случае — порадуемся за них обоих!

Глава двенадцатая. «В ОКОВАХ СЛУЖБЫ ЦАРСКОЙ»

Император Александр I умел «задвигать» неугодных ему людей.

Так, вскоре после окончания Заграничного похода Денис Давыдов, вновь произведённый в генерал-майоры, был назначен «состоять при начальнике 1-й драгунской дивизии» — то есть заместителем командира; всю жизнь прослуживший в лёгкой кавалерии, он не понимает службы в кавалерии тяжёлой и не совсем справедливо называет драгун «пресмыкающимся войском». Затем, стремительно сменив ещё пару должностей, Давыдов становится начальником штаба сначала 7-го, потом 3-го пехотного корпуса и скоро уходит в отставку.

Зато генерал-майор князь Сергей Волконский последовательно получает в командование уланскую, гусарскую, а потом и вообще пехотную бригаду…

И это с их боевым опытом! Словно не мог государь сразу определить для Давыдова гусарскую дивизию или бригаду, а «бонтонному» князю подыскать что-либо по линии гвардейских кирасир. Но нет, обоих (а также и многих других) назначали на такие должности, чтобы подтолкнуть скорее уйти в отставку.

Вот и Орлов оказался начальником штаба пехотного корпуса. Хотя вроде он и побывал уже начальником штаба оккупационного корпуса, но то было во Франции, и, думается, должность у него скорее была военно-дипломатическая, нежели строевая. А тут — назначение на чисто военную должность, без всякой дипломатии… Зато, как писал Денис Давыдов, она была и не самая хлопотная:

«Что касается до меня, то я своим местом очень доволен. Не отвечаю уже, как шорник за ремешки и пряжечки, как берейтор за посадку гусара, как будто благочестивый человек за пьянство его, как будто космополит и филантроп за разбитие им рыла какому-нибудь шляхтичу. Словом, я отвечаю только за свою голову, за которую ручаюсь»{253}.

Разве можно было подобрать для кипучей натуры Орлова что-либо менее подходящее?! Михаил Фёдорович, как помним, писал Николаю I, что он «оказался всецело поглощённым своими обязанностями», но это было не совсем так…

* * *

После строгого, словно бы затянутого в изящный мундир Петербурга, после Москвы, возрождающейся из пожарища, Киев показался Орлову городом необыкновенным. Просторные, по-летнему ещё зелёные улицы, древние храмы на высоченном берегу тишайшего Днепра, вычурность недавно построенных дворцов… Всё это он увидел из окна дорожной своей коляски, спеша в гостиницу, чтобы привести себя в порядок перед представлением командиру корпуса.

Генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский (1771–1829) принял своего начальника штаба по-домашнему — в мундирном сюртуке с высоким красным воротом, без эполет, тогда как Михаил Фёдорович Орлов был облачён в парадный мундир, перетянутый серебряным шарфом. Орлов был известен Раевскому достаточно давно, судьба не раз сводила их в дни Отечественной войны и Заграничного похода, и Николай Николаевич относился к Михаилу с большой симпатией. Дружески обняв гостя за плечи, он провёл его в кабинет, усадил на диван и стал расспрашивать о столичных новостях и общих знакомых…

Раевский был одним из самых известных и популярных генералов Русской императорской армии. Он был внучатым племянником светлейшего князя Потёмкина, что, разумеется, положительным образом сказалось на его карьере — хотя и сам Николай Николаевич весьма старался… Ведь при том, что Потёмкин «ворожил» своим родственникам, он их от службы и опасностей не прятал: отец генерала, полковник Николай Семёнович, умер от ран в молдавских Яссах, на тридцатом году жизни; брат Александр, подполковник, был убит на стенах Измаила…

Николай Раевский вступил в службу в 1786 году пятнадцатилетним прапорщиком, через год уже воевал с турками, в 1792 году получил полковничий чин, а в 1794-м принял прославленный Нижегородский драгунский полк (достаточно сказать, что он, единственный в Русской императорской армии, имел десятитомную историю, выпущенную в 1892–1895 годах) и с ним участвовал в Персидском походе 1796 года.

Император Павел отправил потёмкинского племянника в отставку; император Александр пригласил его на службу вновь, присвоив чин генерал-майора, однако вскоре, по семейным обстоятельствам, Раевский опять вышел в отставку — чтобы возвратиться на службу к Прусскому походу.

Об этом Орлов впоследствии напишет в «Некрологии генерала от кавалерии Н.Н. Раевского»:

«В конце 1806 года Раевский разделил уже в Старой Пруссии

труды и опасности своих товарищей.

Место ему назначено было в авангарде, под начальством князя Багратиона, и тут началась между сими двумя полководцами тесная дружба, основанная на взаимном уважении продолжавшаяся во всё время их жизни. Ломиттен, Гутштат, Гейлсберг видели Раевского, командующего всею пехотою авангарда и удерживающего стремление сильного и искусного врага. В течение семи дней, сражаясь без отдыха, без продовольствия, без подкрепления, сам раненный в ногу и не обращающий внимания на свою рану, он мужеством своим, твёрдостью и решительностью удивил и русскую и неприятельскую армии. В Фридланде он первый вошёл в бой и последний из него вышел. В сие гибельное сражение он несколько раз вёл сам на штыки вверенные ему войска и не прежде отступил, как только тогда, когда не оставалось уже ни малейшей надежды на успех…»{254} Потом были войны со Швецией и с Турцией; в апреле 1812 года генерал-лейтенант Раевский стоял со своим 7-м корпусом у западной границы, а далее имя его красной нитью проходит через всю историю Отечественной войны и Заграничного похода: Салтановка и Смоленск, Тарутино и Малоярославец, Красный и Бауцен, Кульм и Лейпциг, Арсиссюр-Об и Париж. При Бородине его корпус оборонял центр позиции — Курганную высоту, которая вошла в историю как «батарея Раевского». Кстати, второе «именное» название на Бородинском поле — «Багратионовы флеши», и таковых там более нет… За это сражение Раевский был награждён орденом Святого Александра Невского, в октябре 1813-го произведён в чин генерала от кавалерии, а за отличие при взятии Парижа, когда он командовал Гренадерским корпусом, получил орден Святого Георгия 2-го класса…

Известно было, что Александр I хотел возвести генерала в графское достоинство, но тот решительно отказался, тем самым лишний раз подчеркнув древность своего рода, славного и без вновь приобретённых титулов. Ведь дочь одного из первых Раевских была прабабкой царя Ивана Грозного; кровь этого рода текла и в жилах Петра Великого — через мать, бабка которой по материнской линии была Раевской, а в те времена с подобным родством очень считались. Сам же Николай Николаевич за блестящей партией не гнался, наследниц миллионных состояний и тысяч крепостных душ не искал, а в 23 года женился на Софье Алексеевне Константиновой, дочери придворного библиотекаря, грека по национальности, — внучке великого Ломоносова, и был с ней счастлив всю свою жизнь. К слову, их старшая дочь родилась во время Персидского похода, в котором Раевского

сопровождала его супруга; как гласило семейное предание, она «родилась под стенами Дербента»…

«Николай Николаевич Раевский соединял в себе способности государственного мужа, таланты полководца и все добродетели честного человека…»{255} — напишет о нём Орлов.

Можно догадаться, что совсем не случайно уделяем мы такое большое внимание генералу от кавалерии!

Когда подошло время обеда, хозяин радушно пригласил гостя к столу, сказав, что отныне Михаил будет обедать у него постоянно — по крайней мере до своего окончательного обустройства в Киеве.

К обеду вышли дочери генерала, погодки: Елена, тринадцати лет, круглолицая весёлая двенадцатилетняя Мария и самая младшая, Софья, а также их старшая сестра — двадцатилетняя Екатерина, высокая и статная красавица. Тёмные, как и у всех Раевских, глаза её смотрели на молодого генерала спокойно и строго, длинные изогнутые ресницы скрывали их блеск. Михаил несколько раз видел старшую дочь Николая Николаевича в Петербурге, любовался её надменной красотой, но так близко повстречался с ней впервые…

Орлов пожалел, что за столом не было сыновей генерала, которых он знал достаточно хорошо: старшего, Александра, адъютанта графа Воронцова, и Николая, служившего в лейб-гусарах. Имена этих юношей вошли в историю Двенадцатого года. Всей России было известно, как в деле при Салтановке, 11 июля 1812 года, Раевский пошёл впереди дрогнувшего полка, ведя с собой, навстречу атакующим французам, своих сыновей-офицеров, одному из которых не было ещё и семнадцати, а другому недоставало нескольких дней до одиннадцати лет. «Вперёд, ребята! — обратился генерал к солдатам. — Я и мои дети укажем вам путь!» Александр подхватил упавшее знамя, а Николая отец так и продолжал вести за руку. Солдаты мигом обрели утраченное было мужество, и удар их оказался страшен — французы бежали…

Когда в общей беседе за столом, касавшейся, разумеется, минувшей войны — пока она ещё оставалась основной темой для разговоров в военных кругах, — Михаил вспомнил этот эпизод, Раевский скривил губы: «Я никогда не говорю так витиевато. Правда, я был впереди. Солдаты пятились. Я ободрял их. Со мною были мои адъютанты и ординарцы. По левую руку всех перебило и переранило, на мне остановилась картечь. Но детей моих не было в ту минуту. Вот и всё!» — он пожал плечами и перевёл разговор на другую тему.

Выслушав это, Орлов посмотрел на старшую дочь генерала, и

взгляды их случайно встретились. Михаил вдруг почувствовал смущение и невольно опустил глаза. Однако затем их взгляды начали встречаться довольно часто, так что к концу обеда он видел перед собой одну лишь Екатерину, неожиданно разрумянившуюся, но всё такую же молчаливую.

Николай Николаевич ничего не заметил, а вот Софья Алексеевна что-то поняла, но ничего не сказала ни мужу, ни дочери, хотя Орлов сразу ей понравился… Зато после обеда, когда Раевский традиционно отдыхал, она сумела сделать так, что молодые люди будто бы невзначай остались в гостиной вдвоём. Разговор у них получился самый светский — об «Арзамасе», об известных литераторах, — и Михаилу было что вспомнить о своих друзьях Жуковском, князе Вяземском, Денисе Давыдове, Батюшкове и иных, — о британском лорде Байроне, чьё творчество тогда входило в России в моду. Улыбка чуть тронула губы девушки, и она по-английски прочла из «Корсара»:

В моей душе есть тайна — никому
О тайне той не сказано ни слова.
Её лишь сердце сердцу твоему
Откроет вдруг и умолкает снова.

Потом, перебирая общих знакомых, Екатерина вспомнила Петра Чаадаева, который теперь служил с её младшим братом лейб-гвардии в Гусарском полку. «У Петра Яковлевича на всё имеется самая оригинальная точка зрения, — заметила она. — Иногда даже страшно за него становится: мне кажется, в наше время оригиналы и умники не в почёте».

Михаил рассказал о встрече с Чаадаевым в лагере под Тарутином, о клятве семёновцев… Позже он встречался с Петром в Петербурге. А так как Гусарский полк стоял в Царском Селе, неподалёку от императорского Екатерининского дворца и соседствующего с ним Лицея, то Михаил невольно вспомнил и Сверчка, поэта Александра Пушкина. Оказалось, что выпускник Лицея встречался с Раевскими в Петербурге и даже был принят у них в доме. Екатерина говорила о нём с лёгкой иронической улыбкой, из чего Орлов понял, что пылкий юноша не остался равнодушен к чарам красавицы. Это вдруг стало ему неприятно…

Потом они заговорили про другого поэта — дипломатического чиновника Александра Грибоедова, которого хорошо знали и Орлов, и Раевские. Вскоре выяснилось, что у них есть и ещё немало общих знакомых, о которых и судят они достаточно одинаково. Это не могло не прибавить молодым людям взаимного интереса и симпатии…

Возвращаясь пустынными ночными улицами в гостиницу, Михаил думал не о разговоре с корпусным командиром, который, разумеется, определил круг его обязанностей и показал обстановку в полках, и даже не о беседе с его дочерью. Он вспоминал байроновские строки: «В моей душе есть тайна…»

«Что она хотела сказать этими стихами? По какой-то своей тайной прихоти, или же просто случайно она их произнесла?» — думал Орлов и не мог отыскать ответа.

Приглашённый корпусным командиром, Михаил стал ежедневно бывать в доме Раевских. Скоро уже Николай Николаевич перестал удивляться, если его начальник штаба сбивался и терял нить разговора, заслышав лёгкие шаги Екатерины. Да и всем в доме стало ясно, что Михайло, как здесь его называли, попал в плен и не собирается из него выбираться…

* * *

Суть своей новой службы Орлов впоследствии охарактеризовал таким образом: «Это не ремесло, и мне вовсе не хочется на всю жизнь замкнуться в узкий круг забот об изготовлении планов, задуманных другими или мною для других, смотря по характеру моих начальников»{256}.

В письме князю Вяземскому он писал так: «Чем я занимаюсь? Вздорными бумагами, посреди коих письма к друзьям есть полезнейшее и приятнейшее дело»{257}.

Происходившее разочаровывало. Ранее казалось, что главной задачей штабов должно стать обучение войск на опыте минувшей войны, той самой передовой теории, которая рождалась в результате критического осмысления этого опыта. Однако из Петербурга требовали возвращения к старым догмам — вплоть до пресловутой «линейной тактики», бытовавшей ещё в прусской армии Фридриха Великого. Тактика эта, никоим образом не соответствовавшая современному оружию, представлялась навсегда похороненной на полях Йены и Ауэрштедта, вместе с прусскими полками, вдребезги разбитыми Наполеоном. Однако со стороны линейное построение войск выглядело весьма зрелищно и красиво, к тому же каждый солдат тут был на виду, под контролем. В армию форсированным маршем возвращалась пресловутая «фрунтомания», убивавшая мысль и творчество военачальников и командиров, саму душу русского воинства.

Начальник Главного штаба генерал от инфантерии князь Волконский написал командиру Гвардейского корпуса генерал-лейтенанту Васильчикову, что «Давно бы пора перестать говорить

о кампании 1812 года, или, по крайней мере, быть скромнее. Если кто-либо сделал что хорошее, он должен быть доволен тем, что исполнил свой долг, как честный человек и достойный сын своего отечества…»{258}. Хотя далее в этом письме идёт осуждение кого-то неназванного, что расхвастался о своих подвигах за столом вдовствующей императрицы, но всё-таки начало письма коробит…

К чему всё это? По мнению Александра I, армия великого монарха должна быть огромной, всеустрашающей. При этом сам государь боялся своей армии, а потому стремился превратить её в послушный и бездушный механизм. Так как вряд ли кто в Европе дерзнул бы сейчас покуситься на Российскую землю, можно было безбоязненно ослаблять реальную боевую выучку войск, взамен того укрепляя в ней бездумную покорную дисциплину.

Несколько позже, в декабре 1820 года, Орлов напишет по этому поводу бывшему своему сослуживцу — флигель-адъютанту полковнику Дмитрию Бутурлину[160], автору книги «Военная история походов россиян в XVIII столетии»:

«Россия, имея под ружьём 300 000 воинов, которых может без изнурения вооружать, кормить и комплектовать, конечно, имеет более действительного могущества, нежели тогда, когда собственное её военное состояние есть не что иное, как отечественное бремя. Ты смотришь на миллион воинов только поверхностно, а не хочешь вразумить себе, что содержанием оных мы истощаем в мирное время те силы, кои нужны нам для войны»{259}.

В таких вот условиях Михаилу Орлову и приходилось выполнять свои служебные обязанности.

Но всё-таки службу генерала Орлова (мы знаем, как отзывался об этой должности Денис Давыдов) нельзя было назвать излишне напряжённой, и ему хватало времени на разного рода дела, непосредственно не связанные с его должностными обязанностями.

Прежде всего, Раевский, имевший верные сведения от своего старшего сына, что Михаил является членом французского «Общества начального обучения», рассказал ему, что и они тут, в провинциальном Киеве, решили опробовать «ланкастерову систему», создав школу взаимного обучения для кантонистов. Школа, правда, небольшая — в ней занимаются всего 40 солдатских детей, однако успехи они делают заметные. Николай Николаевич сам сводил Орлова в эту школу, а затем предложил взять её под своё попечение.

Михаил приступил к делу с присущими ему рвением и основательностью — два качества, которые нечасто сочетаются в

людских характерах.

Уже 10 октября 1817 года, то есть где-то через месяц после прибытия в Киев, Орлов писал генералу Закревскому[161], дежурному генералу Главного штаба:

«Честь имею донести вашему превосходительству о опыте, сделанном для образования воспитанников по ланкастеровой методе.

Взято было сорок воспитанников, не умевших ни читать, ни писать. Они распределены были на пять отделений, каждое из 8-ми человек, и размещены за пятью столами под надзором одного старшего, более знающего ученика, имеющего по сему случаю звание смотрителя.

Сии столики сделаны были в виде не весьма покатистых пульпетов[162] с возвышенными краями. Во внутренности насыпан песок, по которому ученики пишут пальцем литеры до тех пор, пока совершенно не выучатся. У правого бока каждого столика поставлена линейка с гвоздём наверху. Впереди в малом расстоянии от первого стола поставлена чёрная доска с гвоздём наверху.

Смотритель классов имеет при себе литеры в большом виде, написанные просто на бумаге. Помощники его, стоящие каждый у линейки, числом пять, имеют каждый такие же литеры.

Глубочайшая тишина наблюдаема в классе. Смотритель по известному знаку вывешивает литеры. Помощники повторяют и также вывешивают каждый ту же букву у своей линейки, все воспитанники пишут оную на песке, после чего каждый помощник идёт перед своим столом и поправляет написанную литеру. Тут делается по знаку помощника на каждом столе перемещение с места на место, т. е. те, которые лучше писали, берут и высшее место…

Успех совершенно оправдал принятые труды для сего опыта. По прошествии четырёх недель из числа 40 воспитанников 24 выучили весьма твёрдо читать всю азбуку…»{260}

И так далее. Специально подробно цитируем данный текст, чтобы показать, что вопрос образования солдатских детей — то есть, в перспективе, нижних чинов — весьма заботил высшее военное руководство. Ведь Закревский занимал немалую должность.

В марте 1818 года Орлов даже обратился в своё — точнее, в Парижское — «Общество начального обучения» с отчётом о своей просветительской деятельности и с просьбой о поддержке…

Через год Киевская ланкастерская школа насчитывала до 600 учащихся, а ещё год спустя — более 800. Кантонисты не просто овладевали начатками грамоты, но и изучали грамматику

русского языка, катехизис, священную историю… В 1820 году в школе вообще оказалось свыше 1800 учеников — в неё стали присылать кантонистов из других корпусов, выпускники обучали своих сотоварищей в Москве, Могилёве, Херсоне.

Орлов прекрасно понимал ту перспективу, которую потом блистательно сформулирует поэт-декабрист Александр Одоевский, корнет лейб-гвардии Конного полка: «И просвещённый наш народ / Сберётся под святое знамя…» Да и солдат, в конце концов, должен был, как завещал великий Суворов, «знать свой манёвр». А что там узнаешь, ежели ты человек неграмотный и тёмный? Одни лишь ружейные «артикулы»[163] да маршировки медленным шагом по плацу…

Вот почему Михаил стремился идти как можно далее в деле народного — в данном случае солдатского — образования. Свидетельством тому хранящийся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН, известного как Пушкинский Дом, черновик письма Орлова графу Аракчееву, помеченный апрелем 1824 года. В то время фаворит Александра I, знаменитый «Сила Андреич», был главным начальником Отдельного корпуса военных поселений.

В письме своём опальный уже генерал Орлов писал:

«Граф Алексей Андреевич

Вашему Сиятельству известно, что когда угодно было Его И.В. отозвать меня от места начальника штаба 4. пех. корпуса, определить на другое, я жертвовал на 10 лет моим Генераль Майорскимъ[164] жалованием для учреждения учительской школы, составленной из 30 воспитанников при военно-сиротском отделении с тем, что буду вносить ежегодно сию сумму и тогда, когда обстоятельства вынудят меня оставить службу.

Желание моё состояло в том, чтобы дать средство Киевскому военно-сиротскому отделению, о котором я имел так много попечения, не искать на стороне дурных и ненадёжных учителей, но собственными своими воспитанниками достичь до совершенного устройства. Для сего я просил, чтоб лучшие ученики учительской школы, учреждённой на моём иждивении, были определяемы учителями в Киевское военно-сиротское отделение, предоставляя местному начальству как сей выбор, так и распределение прочих по разным родам службы. Себе же другого права не оставлял, как надсмотр и поверка пожертвованной суммы.

Государь Император благоволил приказать Его Сиятельству кн. Волконскому известить меня о Высочайшем Его благоволении.

Сия учительская школа возымела законное существование с 1-го Сентября 1820 года.

С оного же числа по 1-е Генваря поступило в оную от меня 7644 руб. 65 коп.

Из сей суммы по 4-е число Апреля 1824 года издержано по разным приказаниям местного начальства и по надобностям школы 7365 руб. $31^{3}/_{4}$ коп.

С начала существования оной школы воспитывалось в ней 83 человека…»{261}

На том мы пока и оборвём цитату, чтобы возвратиться к этому документу гораздо позднее. В данном конкретном случае для нас важна просветительская работа Михаила Фёдоровича, для которой он не жалел не только времени, но и личных своих средств. Ну как тут не повторить про присущее его характеру счастливое сочетание горячего рвения и твёрдой основательности?

* * *

С февраля 1818 года вдруг все в России заговорили об истории своего Отечества. Словно очнувшись от долгого сна, россияне узнали, что Родина их началась не с эпохи Великого Петра или времён смутно известного Иоанна Грозного. Даже самые образованные люди не переставали удивляться и находить массу совершенно неизвестной для себя информации, раскрывая «Историю государства Российского» Николая Михайловича Карамзина. В свет вышли сразу восемь томов «Истории» — плод напряжённой и кропотливой работы знаменитого писателя, ставшего «последним русским летописцем». Во всех домах читали Карамзина — многим это было безумно интересно, другие понимали, что не прочитать было бы *неприлично,* — и потому буквально все разговоры велись о делах минувших дней. Русское общество, в большинстве своём приуготовленное небывалым подъёмом патриотизма в Двенадцатом году, не могло теперь не воспылать интересом к собственным истокам…

О подвижническом труде Николая Михайловича прекрасно знали в «Арзамасе», члены которого, в отличие от «шишковистов-беседовцев», принадлежали к лагерю «карамзинистов». Покидая Петербург, Орлов просил друзей переслать ему книги, так что сразу по выходе «Истории» он стал обладателем восьми заветных томов, стоивших необычайно дорого — 50 рублей. Михаил с головой ушёл в чтение, а вечерами, которые обыкновенно проводил у Раевских, обсуждал прочитанное с Екатериной.

В первый день он был в восторге и переполнен впечатлениями: как много интереснейших материалов собрал

Карамзин, рассказывая о первобытном состоянии славянских племён, какие любопытные подробности выискал! Однако уже на второй день Орлов помрачнел.

«Послушайте, — говорил он Раевской, — что пишет достопочтенный Николай Михайлович: “Начало российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай. Славяне добровольно уничтожают своё древнее народное правление и требуют государей от варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили самовластие…” Как можно! — Михаил отложил книгу в сторону. — Ещё свеж в памяти нашей пример, когда народ российский с гневом отвернулся от Наполеона, обещавшего мужику освобождение от крепости! Но этот самый мужик предпочёл идти в отряд к Денису и встречать непрошеных “освободителей” вилами да рогатиной! Нет чтобы народ наш обратился к своим врагам с такой просьбой — подобного и быть не может! Это противоречит русской натуре. Да и мыслимо ли, чтобы древние племена российские вдруг враз объединились под чуждым владычеством, и сразу же Россия вышла в разряд великих держав?»

Генерал перевёл дыхание, отёр платком свой высокий лоб. Екатерина сидела молча, чуть склонив голову в знак согласия.

«Вослед за великим вашим пращуром, — продолжал Михаил, одушевлённый поддержкой правнучки Ломоносова, — не верю я, что Русь обязана своим величием чужестранному государю. Только истинно народное правление могло образовать славное наше Отечество! И оно одно — разумеется, в ином совершенно качестве — вернёт стране нашей выдающееся положение в Европе и в мире!»

Тут Орлов понял, что наговорил лишнего, и, пробормотав: «Здесь вижу я труд мастеровитого литератора, но не вдохновенного историка…», замолчал. Достаточно хорошо зная Михаила, можно догадаться, что он не ограничился разговорами с близкими ему людьми. В июле 1818 года он писал Вяземскому:

«По свойственному мне чистосердечию, я выбрал тебя посредником между мною и Карамзиным. Ты ему друг и знаешь, сколь я истинно почитаю его качества и дарования. Не имея никакой причины оскорблять самолюбие Николая Михайловича, я хочу только показать здесь впечатление, произведённое на меня чтением его сочинения…

Я ждал “Истории” Карамзина, как евреи ждут мессию; едва она вышла из печати, как принялся я за чтение оной с некоторым благоговением, готовый унизить собственный мой рассудок пред пятнадцатилетним трудом умного писателя. Воображение моё,

воспалённое священною любовию к отечеству, искало в истории Российской, начертанной российским гражданином, не торжества словесности, но памятника славы нашей и благородного происхождения, не критического пояснения современных писателей, но родословную книгу нашего, до сих пор для меня ещё не понятного, древнего величия. Я надеялся найти в оной ключ всей новой европейской истории и истолкование тех ужасных набегов варваров, кои уничтожили Римскую империю и преобразили вселенную, а не думал никогда, что история наша основана будет на вымыслах Иорнандеса, уничтоженных Пинкертоном, на польских преданиях, на ложном повествовании о Литве, на сказках исланских[165] и на пристрастных рассказах греческих писателей. Я надеялся, что язык славянский откроет нам глаза на предрассудки всех писателей средних веков, что он истолкует названия тех варварских племён, кои наводнили Европу, докажет единоплеменство оных и соделается, так сказать, началом и основанием истории новейших времён…»{262}

Орлов, как и многие русские патриоты того времени — да и последующих времён тоже, — хотел понять истинную роль России в мировой истории, значение русского народа в огромной семье наций и народностей… Но, к сожалению, ни «История государства Российского» Карамзина, ни последующие «истории» объективного ответа на этот вопрос до сих пор не дали.

* * *

В начале пребывания Орлова в Киеве произошло событие, которое в немалой степени повлияло на его дальнейшую судьбу. В мае 1818 года ушёл в отставку и возвратился в родимый Ганновер главнокомандующий 2-й армией, в состав которой входил 4-й пехотный корпус, генерал от кавалерии, теперь уже граф Беннигсен. Его сменил другой граф и генерал от кавалерии — Витгенштейн.

А ведь на эту должность, которая принесёт «Спасителю Петербурга» титул светлейшего князя и чин генерал-фельдмаршала, претендовал и другой граф…

Весною 1818 года Александр I посетил Крым, и флигель-адъютант полковник Михайловский-Данилевский записал тогда в дневнике:

«Мастерские рассказы и весёлый нрав графа Милорадовича, бывшего душою путешествия в Крыму, заставляли государя и всех нас хохотать. Взирая на его любезность, нельзя было воображать, что он почитал себя в то время жестоко обиженным назначением

графа Витгенштейна, младшего его в чине, главнокомандующим 2-ю армиею, вместо Беннигсена. Он мне в тот же вечер в Феодосии открыл своё сердце и сказал, что он намерен был выйти из службы»{263}.

В том же мае скончался главнокомандующий 1-й армией — генерал-фельдмаршал князь Барклай де Толли. На его место император определил престарелого (на пять лет старше усопшего!) генерала от инфантерии барона Остен-Сакена, который также станет генерал-фельдмаршалом и князем…

Понятно, что граф Милорадович переживал. Если б он принял, как ему того хотелось, 2-ю армию, то не только бы жизнь его пошла совершенно по-иному, но и грядущая «Орловская история», возможно, приняла бы иной оборот, да и восстания декабристов могло бы не быть… Об этом, впрочем, в своё время!

* * *

Начавшийся 1818 год оказался богат на события. Вскоре Орлову сообщили, что Союз спасения распущен. В своих показаниях он пишет достаточно путано:

«Во время моего пребывания в Киеве начальником штаба 4-го корпуса я более, нежели когда-нибудь, был привержен к свободным мыслям, тем более что речь покойного государя на первом сейме польском возбудила во мне рвение и упование. Я тогда в полном смысле следовал правилу его императорского величества, ненавидел преступления и любил правила французской революции. (“Необходимо отделять преступления от принципов революции” — слова его императорского величества, сказанные в тронной речи на открытии первого польского сейма. — *Прим. Орлова.)* Сей дух свободомыслия, управляющий всею моею перепискою и всеми моими речами, поддерживал доверенность Общества, которому я ещё не принадлежал. Тогда я познакомился с некоторыми членами, а именно: с *Михаилом Фон Визеным*[166], с *Охотниковым*[167] и с *Пестелем*[168]… Само собой разумеется, что не будучи членом Общества до самого моего выезда из Киева, я никого в Общество принять не мог.

Проезжающие через Киев члены, о коих я выше упомянул, известили меня о преобразовании первого общества в Союз благоденствия, о существовании нового устава или зелёной книжки и назвали несколько имён»{264}.

В общем, утверждает, что как бы и знал, но ничего не делал. На самом деле всё было совсем не так. Вновь учреждённое общество ставило перед собой цели ограничения самодержавия,

введение конституционной формы правления, освобождение крестьян и проведение демократических реформ в разных областях государственной жизни. Официально предполагалось действовать путём распространения просвещения и формирования «либерального» общественного мнения. И тут безо всякого сомнения можно утверждать, что в своей просветительской работе Орлов руководствовался положениями «Зелёной книги» — устава Союза благоденствия.

В уставе этом говорилось, что «Воспитание юношества входит также в непременную цель Союза Благоденствия. Под его надзором должны находиться все без исключения народные учебные заведения. Он обязан их обозревать, улучшать и учреждать новые…». Мы рассказали, как Михаил коренным образом улучшил работу корпусной ланкастерской школы для кантонистов и создал учительскую школу — что же это, как не чёткое выполнение программы общества?

«В связи с ланкастерской методой (и, соответственно, в связи с задачами Союза благоденствия. — *А. Б.)* стоит и деятельность Орлова в киевском отделении Библейского общества. В августе 1819 года, будучи выбранным вице-президентом отделения, он произнёс в торжественном собрании общества обширную, тщательно составленную речь, которая по содержанию сделала бы честь и любому общественному деятелю нашего времени. Поблагодарив за избрание и с горячим сочувствием очертив просветительные заслуги Библейского общества, он выступил с предложением, которое открывало обществу совершенно новое поле деятельности: он предлагал устроить в Киеве бесплатную приходскую школу всеобщего обучения для сирот и детей бедных родителей, числом до 300 человек, и содействовать возникновению таких же школ в других городах»{265}.

Заметим, что в трактовке знаменитой энциклопедии Брокгауза и Ефрона «Библейские общества имеют целью распространение книг священного писания в разных странах и на всевозможных языках». Самым большим в начале XIX века являлось Британское библейское общество, вторым по значению являлось Американское… В России Библейское общество было открыто в 1813 году, деятельность его горячо поддерживал император Александр I, но к концу его царствования выяснилось, что общество связано с разными мистическими лжеучениями, и работа его приостановилась, а в 1826 году император Николай I вообще его прикрыл.

Орлов же вступил в Библейское общество в самую пору расцвета оного, в то время, когда его деятельность ни у кого не вызывала сомнений. В той самой своей знаменитой речи он, в

частности, говорил:

«Давно уже правление[169] наше старается водворить просвещение в России: то выписывает из чужих земель мудрых учителей, то сооружает повсюду университеты и гимназии, духовные академии и семинарии; здесь приглашают бедных дворян и мещан в уездные школы; там созывают народ в приходские училища; везде видны усилия, но не везде успехи соответствуют усилиям. Мы всё ещё стоим несколько шагов позади от иноплеменных современников. Одно из больших препятствий есть в образе преподавания и в скудности средств. Правление не довольно существенно богато, чтобы вскоре нравственно обогатить народ. Великое множество учителей, потребных для первого образования, понудило поручить оное приходским священникам. Сии, занятые богослужением, отдалённые от прихожан большими расстояниями, едва могут уделить самую малую часть их времени для столь важного предмета. Так самое рвение к добру обуздано невозможностию, и пустынная обширность России, коею гордятся столь много бессмысленных наших сограждан, воспрещает быстрому переходу наук и движению умов.

Но промысел, бдящий над отечеством нашим, ознаменовал начало века сего, ниспослав России два великие орудия для достижения истинного просвещения: Библейское общество и взаимное обучение — одно образует умы и сердца к добродетели через слово Божие, другое распложает число читателей и сим самым довершает дело первого. Что просвещение без веры? Меч во власти злодея. Что Священное писание в руках невежды? Злато, сокровенное в недрах земли.

До сих пор взаимное обучение было принято только гражданским ведомством; я предлагаю Библейскому обществу завладеть сим действительным орудием образования народного…»{266}

И опять то же самое: рвение и основательность в решении как порученной ему задачи, так и в выполнении уставных целей Союза благоденствия. Ну и понимание того, что для организации народного образования следует использовать все имеющиеся возможности.

Позицию Михаила Фёдоровича должным образом оценили и его единомышленники — и вообще, как говорится, широкие слои общества, недаром же она распространилась по России во множестве списков.

Князь Вяземский был в восторге. «Ну, батюшка, оратор! — писал он А.И. Тургеневу. — Он и тебя за пояс заткнул: не прогневайся! Вот пустили козла в огород! Да здравствует

Арзамас! Я в восхищенье от этой речи…»{267}

Далее в том же письме сказано: «Орлов недюжинного покроя. Наше правительство не выбирать, а удалять умеет с мастерскою прозорливостью; оно ещё ни разу не ошибалось и не выбирало вокруг себя людей, от коих ложились бы слишком великие тени. Глаз его верен, нечего сказать: набирает всегда под рост, а если иногда и захватит переросшего клеймёную меру, то в надежде, что он подастся вниз и на почве двора станет расти в землю»{268}.

Вскоре к Орлову приехал его давний друг — другой такой же «с мастерской прозорливостью» удалённый и тоже, скажем так, «выпавший из фавора» бывший флигель-адъютант императора — генерал-майор князь Сергей Волконский. Его, при очередном переформировании войск, нежданно-негаданно и не спрашивая согласия, назначили командиром гусарской бригады. Подобное отношение генерал «почёл себе обидой» — и подал просьбу о «бессрочном отпуске за границу». До заграницы он, однако, не доехал, время провёл в основном в Одессе, после чего приехал в Киев, где и остановился у Орлова — соученика по пансиону аббата Николя, сослуживца по Кавалергардскому полку и, как выразился Волконский, «товарища боевой бивачной жизни»…

Волконский вспоминал это время и своего друга:

«У него собрался кружок образованных людей, как русских, так и поляков, и в довольном числе по случаю съезда на контракты[170], и круг даже дамского знакомства не был просто светский, а дельный. В это время у нас в России ненависть к Франции, врождённая нашими военными поражениями в войнах 1805, 1806 и 1807 годов, вовсе исчезла, кампания 12-го года и последующие 13 и 14 годов подняли наш народный дух, сблизили нас с Европой, с установлениями её, порядком управления, его народными гарантиями. Параллель с нашим государственным бытом, с ничтожеством наших народных прав, скажу, гнёта нашего государственного управления резко выказалась уму и сердцу многих и как всякая новая идея имеет коновода. Михайло Орлов по уму и сердцу был этим коноводом и действовал на просторе в Киеве, где ни предрассудки столичных закоренелых недвигателей, лиц высшего общества, ни неусыпный и рабскоусердный надзор полиции, явной и секретной, не клали помехи в широком действии и где съезд на контракты образованных людей давал случай узнавать людей и сеять семена прогресса политического»{269}.

Из сказанного можно сделать вывод, что Орлов, не будучи официальным членом тайного общества, весьма активно участвовал в общественной или даже политической жизни.

Далее Волконский пишет:

«Я взошёл в кружок людей мыслящих, что жизнь и дела их не ограничиваются шарканьем и пустопорожней жизнью петербургских гостиных и шагистикой военной гарнизонной жизни, и что жизнь и дела их посвящены должны быть пользе родины и гражданским преобразованиям, поставляющим Россию на уровень гражданского быта, введённого в Европе в тех государствах, где начало было не власть деспотов, но права человека и народов…»{270}

Всё это так, да только куда было деться Орлову от той самой «шагистики военной гарнизонной жизни», коли он продолжал служить и рассчитывал на какое-то продвижение по службе? Вернее, не на «какое-то», а на такое, что соответствовало бы его уровню, опыту и заслугам!

«Когда весною 1819 г. открылась вакансия начальника штаба гвардии и друзья Орлова в Петербурге захотели выставить его кандидатуру на эту видную должность, он решительно отверг их предложение. “Что мне делать в Петербурге? — писал он по этому поводу А. Раевскому. — Как я возьму на себя должность, которую оставить можно только вследствие опалы, занимать — только по милости? Вы меня знаете: похож ли я на царедворца и достаточно ли гибка моя спина для раболепных поклонов? Едва я займу это место, у меня будет столько же врагов, сколько начальников… Конечно, лучше быть начальником главного штаба, чем начальником бригады, но ещё лучше командовать дивизией. Поэтому я оставлю своё нынешнее место только для того, чтобы принять командование, а не для того, чтобы повиноваться другому, потому что из всех известных мне начальников я предпочитаю того, кому сейчас подчинён…”»{271}.

Далее Орлов просит сына своего корпусного командира узнать, «как относится ко мне общественное мнение». Ранее, кстати, он просил Александра выяснить, не забывают ли его при дворе — и вообще, как там к нему относятся?

Генерал льстил себя надеждой, что через какое-то время государству понадобятся люди «благомыслящие и умеющие видеть дальше своего носа», «чистые люди»… Однако войн в нынешнее царствование больше не будет, а опыт российской истории неоднократно уже доказал, что потребность в истинных военных профессионалах — мыслящих, инициативных, независимых — у государства возникает лишь после первых неудач очередной войны. До этого же в почёте «паркетные» военачальники, умеющие чётко организовывать и блистательно проводить парады…

* * *

Войны не предвиделось, а потому дивизию под команду Орлову — хотя об этом пять раз просили и высокопоставленные друзья его, и его командиры, то есть Раевский и граф Витгенштейн, — император не давал.

«Золотые дни моей молодости уходят, — писал Орлов Александру Раевскому. — И я с сожалением вижу, как пыл моей души часто истощается в напрасных усилиях. Однако не заключайте отсюда, что мужество покидает меня. Одно событие — и всё изменится вокруг меня. Дунет ветер, и ладья вновь поплывёт. Кому из нас ведомо, что может случиться? На всё готовый, я понесу в уединение или на арену деятельности чистый характер, — преимущество, которым немногие могут гордиться в нынешний век»{272}.

Глава тринадцатая. «В МОЛДАВИИ, В ГЛУШИ СТЕПЕЙ»

«Дунет ветер, и ладья вновь поплывёт…»{273} — писал Михаил Орлов. И ветер действительно дунул, а дальше — как в стихотворении Пушкина:

> …и паруса надулись, ветра полны;
> Громада двинулась и рассекает волны.
> Плывёт. Куда ж нам плыть?{274}

Куда? В Кишинёв! Сбылось то, о чём так долго мечталось — 3 июня 1820 года генерал-майор Орлов был назначен командиром 16-й пехотной дивизии, расквартированной на самой юго-западной окраине империи, в Бессарабии.

«Я, наконец, назначен дивизионным командиром, — сообщил он Александру Раевскому. — Прощаюсь с мирным Киевом, с сим городом, который я почитал сперва за политическую ссылку, и с коим не без труда расстаюсь. Милости твоего батюшки всегда мне будут предстоять, и я едва умею выразить, сколь мне прискорбно переходить под другое начальство. Но должно было решиться. Иду на новое поприще, где сам буду настоящим начальником»{275}.

Закономерен вопрос: почему вдруг Александр I сменил гнев на милость и поддался на уговоры друзей и командиров Орлова? Ответ предельно прост: кажется, на турецких границах опять начинало пахнуть порохом, а значит, пора было вспомнить про опытных боевых командиров…

В то время Оттоманская империя находилась под угрозой гибели. «От реформ Селима[171] не осталось почти никаких следов, а Махмуд[172], сожалевший об этой неудаче, не решался ещё открыто взять на себя продолжение реформаторской политики. Янычары по-прежнему господствовали в Константинополе… Алжир и Тунис находились в чисто номинальной зависимости от Порты, и Европа не признавала вассальных уз, связывавших эти области с Турецкой империей. Багдадский пашалык фактически был почти совершенно независим. В Аравии ваххабиты продолжали оказывать упорное сопротивление войскам Мехмеда-Али. Последний, отделавшись от мамелюков, правил Египтом почти на правах независимого государя. В Малой Азии ускатский паша Чапван-оглу отвоевал

себе нечто вроде королевства, из которого султан никак не мог его выбить; во внутренних областях шли вечные раздоры между деребеями; а на побережье господствовала всесильная олигархия Кара-Осман-оглу…»{276}

Признаем, не всё понятно, но звучит жутко! Для полноты картины можно добавить, что постоянно волновалась Босния, что Сербия сделалась почти совсем независимой, а Черногория не только пользовалась независимостью, но и стремилась расширить свои границы; неспокойно было также в Молдавии и Валахии. А уж что тогда творилось в землях Эллады!

«Наконец, начал пробуждаться греческий народ, и это пробуждение проявлялось как в военных приготовлениях, так и в мирной пропаганде школ и газет. Если образовавшееся в 1814 году в Афинах общество Филомузы ещё скрывало свои политические стремления под оболочкой чисто литературной программы, то иначе обстояло дело с *Дружественной гетерией*[173]. Это было тайное общество, возникшее приблизительно около того же времени и ставившее перед своими членами задачу “военного объединения” не только всех греков, но даже “всех христиан Турецкой империи в целях торжества креста над полумесяцем”»{277}.

Особенную надежду греческие повстанцы возлагали на единоверную Россию и её государя. Поэтому 31 марта того же 1820 года генерал-эфором — блюстителем «Верховной Власти», да ещё и с титулом «Благодетеля» — был признан генерал-майор князь Александр Ипсиланти[174], сын господаря Молдавии и Валахии, а ныне — командир бригады 1-й гусарской дивизии. Он был известен Орлову не только по Кавалергардскому полку, но и как флигель-адъютант императора. Князь участвовал в Отечественной войне и Заграничном походе, лишился в бою под Дрезденом правой руки, но продолжал служить.

Вот только отношения с русским государем складывались не так просто, как бы хотелось…

«Время Венского конгресса было особенно благоприятно для патриотических надежд греков. Их соотечественник граф Каподистрия[175] был доверенным лицом и ближайшим сотрудником Александра I по иностранным делам; благодаря его стараниям, в Венский трактат не была внесена статья, гарантирующая неприкосновенность Порты. Не только славяне, но и греки полагали, что “освободитель Европы” намерен сделаться и освободителем христианского востока: самое имя “Священного союза” вводило многих в заблуждение относительно цели этого учреждения и возбуждало уверенность, что этот союз может быть направлен против врагов Креста…»{278}

К сожалению, это были только догадки и надежды. Министр Иоанн Каподистрия с горечью говорил своим соотечественникам, что Александр I «вовсе не намерен воевать с турками и расстроить свои отношения с Англией», хотя для пользы греков он и будет делать всё возможное. Но — в известных пределах.

Тем временем князь Ипсиланти, испросивши заграничный отпуск для лечения, отправился в Одессу, тогда ещё «заграницей» не являвшуюся, где стал заниматься подготовкой грядущего возмущения… Всем было понятно — по крайней мере очень многие на это весьма надеялись, — что если народ Греции восстанет, то вряд ли Россия сможет оставаться в стороне.

Можно понять, что совсем не случайно Александр I поручил 16-ю пехотную дивизию инициативному и отважному генералу — обстановка была тревожная. Михаил вскоре напишет в одном из своих писем: «У нас большие известия и отовсюду что-то возгорается похожее на предвозвещение общего пожара».

Хотя самому Орлову новое назначение поначалу не очень понравилось. Перед отъездом в Кишинёв он писал князю Петру Вяземскому:

«Я еду, любезный друг, в дальний край, в тридесятое царство, и отдаляюсь от центра России с некоторым печальным духом, которого сам себе пояснить не могу. Хотя моё желание исполнилось, хотя я чувствовал бы себя обиженным, ежели б правительство не дало мне сего знака доверия, однако же я не могу без горести переселиться среди молдаван и греков, коих ни язык, ни образ мыслей, ни намерения, ни желания не могут согласоваться с моими чувствами. Я чувствую себя изгнанником. Я вне круга моего, я брошен без компаса на неизвестное море и отдаляюсь от отечества, не зная, когда в оное возвращусь, ибо моё намерение есть приковать себя к новой моей должности так, как прикован был к старой. Пожалей обо мне, ты, который, в пустыне варшавской, где никакое эхо не отвечает сердцу твоему, можешь чувствовать то, что я чувствую, и, следственно, понимать мои изречения… Жребий мой не слишком завиден, хотя многие может быть и завидуют. Какая бы разница, ежели б я получил дивизию в Нижнем Новгороде или в Ярославле. Я бы был как рыба в воде. Но что делать? Должно решиться, и я возьмусь за гуж от всех сих сердца и рассудка»{279}.

А может, генерал несколько лукавил? Ведь это письмо он, во-первых, адресовал другу своему Асмодею, известному либералу, а во-вторых, в далёкую Варшаву, по пути к которой послание пройдёт не только через много рук, но и, что вполне возможно, через много любопытных глаз… Вот и писал он в том же письме про то, что будет «принуждён жить посреди низкого народа, коего

и предрассудки мне неизвестны и нелюбопытны».

Александру Раевскому он в то же самое время сообщал совершенно иное:

«Посылаю тебе газеты (очевидно — зарубежные издания, поступившие в обход цензуры. — *А. Б.)*. У французов загорается, и так это не кончится. В Турции также беспокойно. Янинский Али-паша[176] на 80-м году своей жизни, говорят, принял веру христианскую и грозит туркам освобождением Греции. Ежели б 16-ю дивизию пустили на освобождение, это было бы не худо. У меня 16 тысяч под ружьём, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить. Полки славные, все сибирские кремни. Турецкий булат о них притупился»{280}.

Стоит обратить особенное внимание на идею «пошутить» — скоро она будет предложена на полном серьёзе… «Сибирские кремни» требуют своего объяснения — но это будет сделано несколько позже.

Покидая Киев, Орлов не имел возможности проститься с Раевскими: ещё в мае все они отправились в длительное путешествие на Кавказские Минеральные Воды и в Крым. Причём Софья Алексеевна и Екатерина поехали туда из Петербурга… Участие в поездке принимали и сыновья генерала, взявшие для этого отпуск. Кстати, в Екатеринославе[177], 26 мая, два Николая Николаевича забрали с собой — по дружбе отпросив его у главного попечителя колонистов Южного края генерал-лейтенанта Инзова[178] — только что прибывшего туда на службу и сразу заболевшего коллежского секретаря Пушкина, который будет сопровождать Раевских, а потом обессмертит эту поездку в своих стихах…

Милейший «Инзушка», как нарёк его Пушкин, напишет в Петербург одному из своих друзей:

«Расстроенное его здоровье в столь молодые лета и неприятное положение, в котором он, по молодости, находится, требовали, с одной стороны, помощи, а с другой — безвредной рассеянности, а потому отпустил я его с генералом Раевским, который в проезд свой через Екатеринослав охотно взял его с собою»{281}.

Вывод прост: надо знать, с кем дружить… А наш герой встречался тогда с совершенно иными людьми. По пути в Кишинёв он должен был прибыть в город Тульчин Подольской губернии, где дислоцировался штаб 2-й армии, и представиться главнокомандующему графу Витгенштейну. Никаких проблем это не создало, так как граф давно знал Орлова, относился к нему по-доброму и сам не раз просил императора о назначении его дивизионным начальником.

Но были в Тульчине иные встречи, которые отразились на судьбе Михаила.

«В 1820 году, будучи назначен командиром 16-й пехотной дивизии, я проезжал через Тульчин, где на меня навалились Фонвизин, Пестель и Юшневский[179]. Все они чувствовали, что находятся в опасности и что подвергают ей себя понапрасну. Они заимствовали для своего общества систему иллюминатов, предусматривающую подчинение одному вышестоящему двух подчинённых с последующим дроблением на двое. Но подобная система требует величайшей продуманности и неуклонного её применения, к чему они были неспособны. Все звенья общества были перепутаны, и каждый его член был известен всем другим. После трёхлетней работы их оказалось примерно 80 человек. Они были рассеяны по всей империи, не имея связи между собой и без определённой цели, шумели по поводу и без повода…»{282}

Так писал Михаил Фёдорович в своих показаниях. Якобы ничего серьёзного — мол, заигрались господа офицеры в модные тайные общества и конспирацию. Прямо совсем по-грибоедовски: «Шумим, братец, шумим!»

Вот только последующие действия Орлова, о которых он также пишет в показаниях, кажутся совершенно нелогичными:

«Таким образом, когда я прибыл в Тульчин, мне стали доказывать, что раз я знаю все их тайны, то и сам не должен оставаться вне опасности. Я уступил перед этими доводами. Происходило это в 1820 году в июле или августе месяце.

Во все последующие месяцы я ничего не слышал…»{283}

Да, благородно — разделил опасность с товарищами. Прекрасно! А ведь между Орловым и этими товарищами — обратимся к тому же «Горю от ума» — «дистанция огромного размера»! В армии, даже в личных взаимоотношениях, служебное положение, как правило, учитывается.

Михаил Фёдорович был генерал-майор и дивизионный командир. Юшневский в то время пребывал в чине коллежского советника, чиновника 6-го класса; Фонвизин стал генерал-майором лишь в феврале 1820 года и тогда же принял бригаду в 12-й пехотной дивизии — то есть во всех отношениях (кроме возраста) был моложе Орлова; Пестель, состоявший при штабе 2-й армии, вообще был гусарским подполковником. Верится с трудом, что эти заговорщики стали убеждать Михаила Фёдоровича, что если он «знает все их тайны», то должен и делить с ними опасность… Нет, господа, людям такого уровня обычно предлагают не «разделить», но «возглавить»!

Как бы то ни было, в тайное общество Орлов вступил, и вступил не просто так, «делить опасность», ибо в «Алфавите

декабристов» Михаил значится как «член Коренного совета» Союза благоденствия — то есть находится в руководстве.

К тому же, несмотря на все уверения Орлова, рассчитанные на мнимую доверчивость молодого царя, так называемая Тульчинская управа, принявшая его в ряды Союза благоденствия, была весьма серьёзной и деятельной организацией.

«Тульчинская управа насчитывала не менее 30 человек, т. е. была самой многочисленной из известных нам управ Союза Благоденствия. По количеству членов она одна равнялась всему Союзу Спасения»{284}.

Получив указания начальства и официально связав свою судьбу с тайным обществом, Орлов прямиком отправился к месту назначения — в Кишинёв.

* * *

Бессарабия, лежавшая между Прутом и Днестром, со знаменитыми по боевым делам прошлого крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил, отошла к России по Бухарестскому мирному договору, завершившему турецкую войну 1806–1812 годов. На вновь приобретённой территории стояла дивизия генерала Орлова, готовая в любой момент скрестить штыки с извечным противником, который вряд ли смирился с потерей этих земель.

В состав 16-й дивизии входили четыре пехотных и два егерских полка — три бригады. В известном письме Михаил нарёк свои полки «сибирскими кремнями». Почему? По названиям. Во времена Петра I вновь образуемым пехотным и драгунским полкам обычно давали имена тех городов, где они формировались. При Павле I полки назывались по фамилиям шефов и со сменой шефа их наименования периодически менялись. Потом, при Александре I, имена вновь стали давать по городам — но уже без разницы, имели ли они какое-то отношение к данным населённым пунктам или нет. Егерские полки были «номерными».

«Биографии» большинства полков дивизии были схожи друг с другом: Камчатский, Охотский и Якутский пехотные, а также 32-й егерский полки были сформированы в 1806 году — тогда-то о них, по словам Орлова, и «притупился турецкий булат». Потом они воевали с Наполеоном: одни в составе Дунайской, другие — 3-й Резервной армии; затем ходили в Заграничный поход. Камчатский и Якутский полки брали Париж; якутцы ещё и остались во Франции в составе корпуса графа Воронцова. За

боевые отличия камчатцы и охотцы были награждены георгиевскими знамёнами. 31-й егерский полк был также сформирован в 1806 году, но участвовал в Шведской войне, в 1812 году воевал на территории Курляндии и Лифляндии, а в 1813-м осаждал Данциг.

Самым старшим был Селенгинский полк, сформированный в 1796 году, в начале царствования Павла I, да ещё и в сибирском Селенгинске. Боевое крещение полк получил в Отечественную войну, в составе 1-й Западной армии. Селенгинцы сражались при Островно, Смоленске, Валутиной горе и Бородине, так что в сентябре от полка остался один лишь батальон. Получив пополнение, полк участвовал в основных боях 1812–1813 годов, а в феврале 1814-го почти полностью погиб у французского города Мормана, где дрался в окружении…

Действительно, это были боевые, испытанные, надёжные воинские части.

А ведь после Заграничного похода прошло уже шесть лет — и время это не лучшим образом отразилось на победоносном русском воинстве. Недавний демократизм уступил место строгой субординации. Отважных отцов-командиров, водивших солдат в бой, сменяли жестокие «мастера фрунтовой эквилибристики».

В конце 1817 года дивизию принял генерал-лейтенант Кирилл Фёдорович Казачковский (1760–1829), отважный и опытный боевой генерал, делавший свою карьеру довольно медленно. Чином капитана он был награждён ещё за штурм Очакова, уже 28 лет от роду; только в 1807 году, за отличие в Прусскую кампанию, он получил чин генерал-майора и орден Святого Владимира 3-й степени; при Люцене, командуя 5-й пехотной дивизией, Казачковский самолично возглавил контратаку, был ранен и выбыл из строя до конца войны — наградой за мужество был ему чин генерал-лейтенанта. Это был человек старых правил; очевидно, сказывался и почтенный по понятиям того времени возраст: генерал, что называется, «дослуживал». Это не могло не отразиться на обстановке, сложившейся в соединении…

Ознакомившись с положением дел, Орлов был поражён отношением офицерского корпуса к личному составу, именуемому в ту пору «нижними чинами», и воистину роковыми последствиями этого отношения. В результате уже 3 августа, то есть буквально сразу, генерал подписал беспрецедентный приказ по дивизии — под нумером три. В нём говорилось:

«Г. Кишинёв Августа 3-го дня 1820 года.

Вступив в командование 16-ю пехотною дивизиею, я обратил первое моё внимание на пограничное расположение оной и на

состояние нижних чинов. Рассматривая прежний ход дел, я удивился великому числу беглых и дезертиров, и устрашился, увидев, что начальство для прекращения побегов принуждено было приступить к введению смертной казни в сей дивизии, тогда как оная казнь в мирное время целой России неизвестна. Сие должно доказать каждому и всем, сколь велико то зло, для искоренения которого принята правительством столь строгая мера, противная столь общему обычаю отечества нашего»[285].

Михаил Фёдорович называет три причины, побуждающие солдат к побегам: «недостаток в пище и пропитании», «послабление военной дисциплины» и «слишком строгое обращение с солдатами и дисциплина, основанная на побоях».

Каждый из этих пунктов он подробно разбирает в своём приказе и даёт конкретные указания офицерам.

Так, выразив недоверие по поводу того, что могут найтись чиновники, обкрадывающие солдат, Орлов предупреждает: «Но ежели, сверх чаяния моего, таковые злоупотребления существуют где-либо в полках вверенной мне дивизии, то виновные недолго от меня скроются, и я обязуюсь перед всеми честным моим словом, что предам их военному суду, какого бы звания и чина они ни были»[286]. Говоря про дисциплину, он также обращается к офицерам, рекомендуя им подавать нижним чинам пример ревностного отношения к службе, больше времени проводить с солдатами, занимаясь тем, что ныне именуется «воспитательной деятельностью». Далее следует вывод, не потерявший актуальности и в наши дни: «Когда солдат будет чувствовать всё достоинство своего звания, тогда одним разом прекратятся многие злоупотребления, и от сего первого шага будет зависеть всё устройство дивизии. Большая часть солдат легко поймут таковые наставления. Они увидят попечения начальства и сами почувствуют свои обязанности. Я сам почитаю себе честного солдата и другом, и братом»[287]. Зато в следующем пункте командир идёт от обратного: «Я почитаю великим злодеем того офицера, который, следуя внушению слепой ярости, без осмотрительности, без предварительного обличения, часто без нужды и даже без причины употребляет вверенную ему власть на истязание солдат… Начальник, который жестокостью или несправедливостью побудит солдата к побегу, делается настоящим его убийцею»[288]. Такие офицеры, предупреждал Орлов, будут навсегда отставляться от командования.

Официально в Русской императорской армии офицерам предписывалось, чтобы во время обучения солдат наказаниями не злоупотребляли. В «Воинском уставе о линейном учении», утверждённом в 1820 году, говорилось: «Строгость при учении

употреблять только для нерадивых, но и тут поступать с умеренностью и осторожностью». Вот только понятие «нерадивый» каждый начальник мог трактовать по-своему… Тем более что высшее командование волновал конечный результат, а не средства и способы его достижения.

Приказ Орлова вполне можно назвать «революционным». Пройдёт немного времени, и 16 октября в Петербурге возмутится лейб-гвардии Семёновский полк — любимый полк Александра I. «Возмущение» это было вполне мирным, не пролилось ни единой капли крови: просто солдаты вышли на плац, отказавшись подчиняться командирам. Они требовали защиты высшего начальства. Причиной «Семёновской истории» станет воистину патологический садизм нового полкового командира. Вот как рассказывал об этом Матвей Муравьёв-Апостол:

«Шварц принялся за наш полк по своему соображению. Узнав, что в нём уничтожены телесные наказания, сначала он к ним не прибегал, как было впоследствии; но, недовольный учением, обращал одну шеренгу лицом к другой и заставлял солдат плевать в лицо друг другу; утроил учение; сверх того, из всех 12 рот поочерёдно ежедневно требовал к себе по 10 человек и учил их для своего развлечения у себя в зале, разнообразя истязания: их заставляли неподвижно стоять по целым часам, ноги связывали в лубки, кололи вилками и пр. Кроме физических страданий и изнурения он разорял их, не отпуская на работы. Между тем беспрестанная чистка стоила солдату денег, это отзывалось на их пище, и всё в совокупности породило болезни и смертность»[{289}].

Военный суд справедливо приговорил полковника Шварца к лишению чинов, орденов и дворянства — и смертной казни. Однако Александр I учёл былые заслуги этого сгубившего лучший полк Российской императорской гвардии офицера и распорядился «отставить его от службы, чтобы впредь никуда не определять» — не лишив ни чина, ни дворянского достоинства… Не зря ж нарекли государя Благословенным! Он умел миловать — и уже в его царствование Шварц возвратился на службу и даже был награждён орденом Святого Владимира 3-й степени… При Николае I Шварц не только дослужился до генерал-лейтенанта, получил несколько орденов, но и «Высочайшим приказом 14-го октября 1850 г., по сентенции военного суда, за злоупотребление властью, обнаруженное жестоким наказанием и истязанием нижних чинов, исключён из службы с тем, чтобы и впредь в оную не определять и с воспрещением въезда в обе столицы»[{290}]. Александр II Освободитель оказался освободителем и лично для Шварца: в 1857 году ему было дозволено приезжать в Петербург,

а через десять лет назначена пенсия. Как видим, целых три императора искренне заботились о человеке, «сделавшемся настоящим убийцею своих солдат»…

Зато девять нижних чинов — рядовых и унтер-офицеров, участников военных кампаний 1812–1814 годов, в том числе и георгиевских кавалеров (но теперь уже бывших), вся вина которых заключалась в том, что они выступили против бесчеловечного обращения, — были осуждены на то, чтобы быть шесть раз пропущенными через строй батальона, после чего сосланы на вечные каторжные работы в Сибирь. Лейб-гвардии Семёновский полк был раскассирован, его нижних чинов и обер-офицеров разогнали по отдалённым армейским частям.

Благословенный государь Александр Павлович — вряд ли с лёгкой душой — утвердил этот приговор и никого из нижних чинов, несмотря на их боевые заслуги и свою «ангельскую доброту», не помиловал.

А теперь сравните суть изложенного выше с приказом № 3 по 16-й пехотной дивизии. Как тут не воскликнуть «бабушкиными» словами[180], что генерал Орлов — «бунтовщик, хуже Пугачёва!»?! Так ведь наш герой не ограничился одним лишь написанием приказа. Документ заканчивался следующим указанием:

«Предписываю в заключение прочитать приказ сей войскам в каждой роте самому ротному командиру, для чего, буде рота рассеяна по разным квартирам, то сделать общий объезд оным. Ежели при объезде полков солдаты по спросе моём скажут, что им сей приказ не известен, то я за сие строго взыщу с ротных командиров»{291}.

Ну, это вообще можно воспринимать как подстрекательство! Недаром же два года спустя, когда Орлову были предъявлены пункты обвинений за подписью главнокомандующего 2-й армией, в них значилось:

«…Таковое поведение дивизионного командира с нижними чинами и чтение перед ротами приказов, отданных по дивизии 1820 года за № 3 и 27 и 1822 года за № 3 не только уничтожили законную власть частных начальников, но и произвели неуважение к ним нижних чинов»{292}.

То есть, считал граф, если бы с приказом дивизионного командира были ознакомлены только офицеры, это было бы ещё нормально… Орлов, однако, не думал, что издевательства над нижними чинами являются проявлением «законной власти» и что можно уважать начальника, который относится к тебе, как к скотине. (Кстати, это общее заблуждение руководителей, уверенных, что люди относятся к ним гораздо лучше, чем они сами — к этим людям.)

Разобравшись в обстановке, Михаил понял, что необходимы решительные преобразования. Солдаты жили плохо. Командиры не брезговали ни «безгрешными», ни «грешными» доходами, так что и без того скудный солдатский котёл в полках был беднее обычного. Офицеры часто посылали подчинённых работать в хозяйствах окрестных помещиков, а заработанные деньги по большей части присваивали. Уровень дисциплины был крайне низок. О том, что рядом лежали оккупированные турками земли, что сама эта территория недавно отбита у османов, не вспоминали. Караульную службу несли из рук вон плохо, боевая подготовка сводилась к «шагистике» и отработке ружейных приёмов… Зато солдат жестоко наказывали за любую мелочь, малейшее упущение, а то и просто по причине дурного настроения командиров. Офицеры нередко мордовали солдат собственноручно; весьма часто провинившихся пускали «по зелёной улице» — то есть наказывали розгами, по несколько раз проводя сквозь строй батальона…

Дурное содержание, бессмысленная жестокость, отсутствие реальной воинской дисциплины и привели дивизию к такому состоянию, что в ней, вопреки законам империи, была введена в мирное время смертная казнь. Но и это не помогало: несмотря на большую вероятность быть пойманными, нижние чины всё равно бежали за рубеж — затем, чтобы хоть как-то изменить эту постылую жизнь.

В одном из документов того времени, относящемся не к дивизии Орлова, а к соседней с ней 17-й пехотной, приведён такой факт: рядовой гренадерской роты, «служащий 12 лет, бывший уже в двух войнах и имеющий три раны, прибавил, что он хотел застрелиться, но как христианин предпочёл умереть от руки басурманов и потому бежал, зная, что они режут головы; но, имея несчастье быть пойманным, просит, чтоб его расстреляли»{293}.

Общаясь с офицерами, Орлов видел, что далеко не все они одобряют укоренившиеся порядки. Солдаты — в особенности старослужащие, с георгиевскими крестами и знаками отличия ордена Святой Анны, с медалями за 1812 год — рассуждали, что служить бы и рады, только бы чуточку полегче было…

Понимая, что в преддверии тех событий, которые вскоре могли бы развернуться в оккупированных Османской империей странах, времени у него совсем немного, генерал и решил обращаться непосредственно к солдатам, как Суворов — перед решительным сражением. Так появился этот ставший знаменитым приказ. Он нашёл отклик во многих сердцах, ибо списки его разлетелись по всей России — в противном случае всё так и

потонуло бы в ротных канцеляриях… В то время, когда жили по принципу «девятерых забей — десятого выучи», этот приказ показался глотком свежего воздуха.

Радикальные меры, предпринятые Орловым, вскоре принесли ожидаемый им результат, о чём свидетельствует приказ по дивизии № 27, подписанный генералом ровно через два с половиной месяца после 3-го приказа — 18 октября:

«С несказанным удовольствием видел я из собранных сведений по прошедшему месяцу, что число побегов чрезвычайно уменьшилось. Со всей дивизии бежало в сентябре только 16 человек, когда в августе бежало 37, а в июле — 49. Столь важный успех приписываю я попечительности гг. полковых командиров, которых я от всего сердца благодарю…

Теперь мы можем судить из опыта, к чему ведёт доброе обхождение с подчинёнными. Едва начали управлять частьми[181], нам вверенными, с отеческой попечительностью, и большая часть побегов уже прекратилась. Ещё шаг, и наша дивизия, порицаемая сперва пред всеми прочими, послужит вскоре для них примером верности и устройства. Я прошу господ полковых командиров и всех частных начальников вспомнить, что солдаты такие же люди, как и мы, что они могут чувствовать и думать, имеют добродетели, им свойственные, и что можно их подвигнуть ко всему великому и славному без палок и побоев. Пускай виновные будут преданы справедливому взысканию законов, но те, кои воздерживаются от пороков, заслуживают всё наше уважение. Им честь и слава, они достойные сыны России, на них опирается вся надежда отечества, и с ними нет врага, которого не можно было бы истребить…»{294}

Орлов рекомендует офицерам чаще общаться с нижними чинами, входить в их нужды, воспитывать их в уважении к деяниям великих русских полководцев — Суворова, Румянцева, Кутузова… Заканчивался приказ словами: «Чтоб каждый солдат надевал с гордостью почтенный русский мундир, чтоб он с уверением[182] владел своим ружьём, и чтоб на каждом шагу его видна бы была гордая поступь русского солдата — первого по мужеству из всех солдат вселенной»{295}.

И опять — указание прочитать приказ во всех ротах…

Можно подумать, что всё было очень хорошо, а далее будет ещё лучше. Но, к сожалению, нововведения далеко не всем пришлись по сердцу. Понятно, что молодые — и не очень — «прогрессивные», так сказать, офицеры восхищались орловскими приказами; а что «фрунтовики-бурбоны», «закоснелые в невежестве», этими приказами возмущались. Но гораздо больше, чем тех и других, вместе взятых, было таких офицеров, которые

этих приказов просто не поняли. Как так?! Проснуться утром — и начать жить совершенно по-другому, совсем не так, как привыкли, и ждать какого-нибудь нового каприза нового начальника?

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится письмо командира батальона 32-го егерского полка подполковника А.Г. Неймана, написанное им генералу Орлову в то время, когда над командиром 16-й дивизии уже сгустились тучи… Оно исполнено весьма неразборчивым почерком, в некоторых местах чернила проходят через страницу насквозь, искажая на ней написанное. Однако вполне возможно понять то, что нам нужно:

«…Вспомните приказ, который [неразборчиво] мне при вступлении вашем на дивизию, и просили моего совета, вспомните, что я вам отвечал. Скольких бы неудовольствий избавили вы меня и себя, если бы послушались? Советовал я когда-нибудь тиранить солдата? Защищал ли жестокости? [неразборчиво]; но правила моего управления не произвели буйства неповиновения, пренебрежения начальников и пр. Позвольте сказать вашему превосходительству. Вы худо знаете солдата. Эпоха управления вашего ещё не настала. Вы имели похвальное намерение [неразборчиво] доверенность и любовь нижних чинов…»{296}

Нейман, как и многие иные, считал, что Орлов «заигрывает» с солдатами и подрывает авторитет офицеров. (В принципе та же мысль звучит и в приказе графа Витгенштейна.) Офицеры также могли думать, что «его превосходительство чудит», чему не особенно удивлялись: Орлов был гвардеец, а в гвардии к нижним чинам отношение традиционно было барственно-снисходительное — так ведь и солдаты там были специально отобранные, не только по внешним данным, но и по личным своим качествам.

Не будем идеализировать тот «человеческий материал», из которого делались «чудо-богатыри» Русской императорской армии. При рекрутской системе помещики старались сдавать в солдаты худших — если не по внешнему виду, для которого при приёме рекрутов существовали определённые критерии, то по нравственным качествам — уж точно. «Солдатчина» считалась суровым наказанием, срок службы достигал 25 лет, вот и старались господа сбагривать бездельников, пьяниц, смутьянов, нечистых на руку людей. Но далее рекрута воспитывал «здоровый воинский коллектив», помогая ему поскорее «изжить» все отмеченные недостатки: нет, наверное, смысла объяснять, как в этом суровом коллективе молодых солдат приучали трудиться наравне со всеми и не зариться на чужое…

К сожалению, отбор и подготовка офицерского состава, особенно в армейской пехоте, также оставляли желать лучшего.

Мы имеем весьма романтичное представление об армии эпохи 1812 года. Блистательные «молодые генералы своих судеб», благородные офицеры-помещики, *etc.* Но если обратиться к очень интересной книге Дмитрия Целорунго «Офицеры русской армии — участники Бородинского сражения», оттуда можно почерпнуть много неожиданных статистических данных. (При Бородине сражалась только часть русских вооружённых сил — но, думается, и по всей армии картина будет почти такая же.) Так, «…основная масса офицеров (77 процентов) не была владельцами или наследниками крепостных и недвижимости, а на долю офицеров-помещиков приходилось всего 3,8 процента от общего числа офицеров… По нашим данным, 20,8 процента офицеров-помещиков лично владели не более 20 крепостными мужского пола и 36,1 процента владели от 21 до 100 крепостными»{297}. Да ведь нищета всё это была, милостивые государи! Отсюда и уровень развития соответствующий, и желание хоть как-то денежку прикопить…

Из той же книги можно узнать, что 66,8 процента офицеров армейской пехоты умели только читать и писать, на чём и заканчивалось их образование; подавляющее большинство офицеров начинало службу в своих же полках юнкерами, а то и солдатами. Нравы армейского офицерства были достаточно простые и грубые, а потому не удивительно, что дисциплина поддерживалась за счёт палки и кулака. Признаем, что в то время, да при том контингенте совсем обойтись без этого было нельзя — вот только всё должно было быть в меру… Но кто эту меру сразу определит?!

Наверное, всё-таки Михаилу Фёдоровичу прежде всего нужно было как следует поработать с офицерами, разъяснить им свою позицию, предупредив, что это не минутный каприз нового начальника, а постоянная его политика, проконтролировать выполнение приказов… Это ж только в сказках все приказы выполняются неукоснительно и немедленно!

Насколько помнится, в Западной Европе Средних веков бытовало такое правило: «вассал моего вассала — не мой вассал». То есть командиру следует руководить своими непосредственными подчинёнными. В данном случае командиру дивизии — командирами бригад и полков, своим штабом, требуя от них, чтобы они должным образом воздействовали на собственных своих подчинённых.

А тут вышло так, что солдаты вдруг получили право жаловаться на своих командиров, толком ещё и не понявших, что

к чему и что им следует делать — и этим правом, разумеется, сразу же стали пользоваться (солдаты — народ ушлый, недаром «суп из топора» варят!). Это здорово нарушило субординацию, существенно ударив по авторитету целого ряда командиров, и тем самым вызвало негативное отношение многих офицеров к дивизионному начальнику.

Беда Михаила была в том, что он, не имея опыта не только полкового, но даже и эскадронного командира (командование «летучим» отрядом, разумеется, не в счёт), сразу же взвалил себе на плечи дивизию… Слова подполковника Неймана: «Вы худо знаете солдата» содержат в себе горькую правду.

Орлов со своими приказами явно поторопился — однако обстановка на турецкой границе была предгрозовая и следовало срочно наводить порядок.

Только не нужно представлять себе, что командир дивизии лишь тем и занимался, что придумывал «революционные» приказы, не выходя из собственного кабинета. Вот строки из его письма князю Вяземскому, написанного 15 октября:

«Мы здесь смирно живём, то есть не я, а все другие. Что же касается до меня, то я проехал уже 600 вёрст верхом и сажусь ещё на коня, чтоб проехать снова 800. Объезжаю всю границу, мне поверенную, и только после моего возвращения отдохну немного. Моя жизнь, друг мой, мне нравится, хотя она и не весьма приятна с первого взгляда. Много занятий, много трудов, много движения. А это мне и нужно. Дни молодости улетели безвозвратно. Я об них не жалею. Дни старости только бы не так скоро явились…»{298}

Поездки эти не только помогали генералу ознакомиться с положением дел в полках, но и заставили его пересмотреть кое-какие собственные свои установки, свидетельством чему «Секретная инструкция для полковых командиров № 791», датированная 13 ноября 1820 года. Вот некоторые из неё фрагменты:

«1-е. Всякий полковой командир должен иметь в полку и власть и силу, ибо на его единственной ответственности лежит порядок и устройство. Но из сего не следует, что он может быть тираном своих подчинённых, ибо подчинённые такие же люди, как и он, и служат не ему, а отечеству…

4-е. С одной стороны, сказать: учите солдат во что бы то ни стало и поставьте их в самое скорейшее время на ту точку совершенства, которое требуется, — это значит позволить забить половину армии, чтоб плохо выучить другую. Но с другой — сказать солдатам в нынешнем их положении: вы освобождаетесь от всех телесных наказаний — это значит разрезать одним махом

узел дисциплины и дать вольное стремление всем их страстям. То и другое опасно, но то и другое можно согласить…

7-е. Обращение в пороках, то есть в пьянстве, в воровстве такого рода, которое называют обыкновенно шалостью, в лености и проч. — всё сие может быть предупреждено строгим надзором и исправлено взысканием, зависящим от полкового командира, которому позволено наказывать до 100 палок; все случаи, требующие большего наказания, предаются на рассмотрение бригадных командиров…

9-е. Все наказания шомполами, тесаками и проч. уничтожаются. Римляне позволяли себя бить, но только виноградною или лаврового палкою. Вот пример великого народа для другого, не менее его славного победами и деяниями…»{299}

Ну что ж, «виноградных палок» для сохранения римских традиций в Бессарабии было предостаточно…

Между тем если бы Орлов, как следует осмотревшись на новом месте, начал бы свою деятельность именно с этой «Секретной инструкции…», то всё у него могло получиться гораздо успешнее. Но это — общая болезнь неопытных начальников: приходить «со своим видением» и сразу же пытаться всё сделать так, как он считает правильным и полезным. А надо бы — просто осмотреться, не принимая никаких решений до окончательного понимания происходящего.

* * *

Как мы помним, Михаил Орлов по дороге в Кишинёв заезжал в Тульчин, где официально вступил в Союз благоденствия. В своих показаниях он пишет:

«У меня под началом было два офицера, которые входили в общество: Раевский[183], майор, содержащийся под арестом в Тирасполе, и Охотников. Последний умер. Это был превосходный и храбрый молодой человек (ибо, государь, можно быть благородным человеком и принадлежать к тайному обществу). Раевский очень умный и душевный человек. К несчастью, от одного стакана пунша он теряет контроль над собой и способен наделать много глупостей. Все глупости, которые он говорил или совершал, всё это происходило под влиянием вина. Я пользовался этими двумя офицерами главным образом для того, чтобы знать, как обстоят дела в частях дивизии, и они очень помогли мне уменьшить число злоупотреблений. Кроме того, они ревностно заботились о солдатах. Оба вызвали ненависть многих лиц»{300}.

Ну что тут можно сказать? Из всего тайного общества и было-

то в 16-й пехотной дивизии лишь два человека: один умер, другой, и без того заключённый в крепость, плохо реагировал на алкоголь (заметьте, пьяницей он не назван!), а потому мог чего лишнего и сморозить… Впрочем, всё, чем занимались члены тайного общества, — это помогали командиру дивизии и «ревностно заботились о солдатах». Ну а близость их к командиру не могла не вызывать чей-то зависти, отсюда — ненависти и оговоров… Всё предельно просто, и обвинять некого.

Вышесказанному можно было бы даже поверить, если бы не стало известно, что в Союз благоденствия входила так называемая «Кишинёвская управа».

«Мало исследованная Кишинёвская управа Союза Благоденствия, которой руководил генерал-майор М.Ф. Орлов, представляет большой интерес для историка декабристского движения. Это — одна из самых активных, живущих напряжённой жизнью организаций тайного общества, деятельно готовившаяся к выступлению. Она раньше других повела пропаганду среди солдат. Тут вместе с Михаилом Орловым работали такие выдающиеся члены тайного общества, как Владимир Федосеевич Раевский, генерал Павел Сергеевич Пущин[184], адъютант Орлова ротмистр К.А. Охотников, полковник А.Г. Непенин[185] и ряд других. В тесном общении и дружбе с ними был находившийся в 1820–1823 гг. в Кишинёве в политической ссылке А.С. Пушкин, член масонской ложи “Овидий”, возглавленной генералом П.С. Пущиным; масонская ложа была связана с Кишинёвской управой…

По-видимому, Кишинёвская управа членов Союза Благоденствия организовалась через полковника Ф.А. Бистрома[186], который в главной квартире в Тульчине дал “Зелёную книгу” полковнику А.Г. Непенину, позже ставшему командиром 32-го егерского полка… Непенин подписал “Зелёную книгу” и принял в Союз Благоденствия майора И.М. Юмина[187]»{301}.

Как видим, далеко не всё так просто… Вообще, движение декабристов до сих пор оставляет немало загадок, хотя, казалось бы, проведено следствие, состоялся суд, да и многие из членов тайного общества после своего поражения «развязали языки», рассказывая обо всём, что было… и о том, чего не было. На самом деле истины не искал никто, ни подсудимые, ни судьи, ни даже император Николай I. Государю совсем не нужно было, чтобы в стране — и в особенности за рубежом — знали о наличии в России разветвлённого антиправительственного заговора с причастностью многих известных имён. По этой причине целый ряд представителей известных фамилий, а также обладателей

генеральских эполет оказался как бы и непричастен… В планах своих и требованиях декабристы обнажали многие язвы современного общества — нужно ли было императору, чтобы об этом говорили вслух? Пожалуй, наиболее выразительным примером можно назвать тот факт, что декабристы планировали отмену крепостного права, как явления экономической отсталости, но это их требование трактуется как некий «человеколюбивый жест», не больше, что даёт право современным разоблачителям обвинять декабристов в том, что никто из них своих крепостных не «эмансипировал». Невольно вспоминаются рассуждения одного из героев «Белой гвардии» М.А. Булгакова: «Дай, думает, освобожу мужиков, чертей полосатых! Сделаю им приятное…»

Но всё, что делалось, совершалось отнюдь не с целью «сделать приятное» кому-то, а в интересах России. Политика Александра I не вызывала сочувствия в широких кругах русского офицерства, да и образованного общества…

Как пишет историк, первой задачей Орлова «…по принятии начальства над 16-й дивизией было категорически запретить употребление на учениях палок, шомполов и тесаков, его вторым делом — призвать В.Ф. Раевского[188] к управлению уже раньше учреждённой при дивизии ланкастерской школой. И затем в продолжение всего двухлетнего времени своего командования дивизией он широко и энергично действовал в этих двух направлениях… Дивизионная ланкастерская школа под руководством В.Ф. Раевского развилась блестяще, и то, что делалось в ней и что вскоре погубило Раевского, делалось, конечно, с ведома и одобрения Орлова. Не ограничиваясь Кишинёвом, Орлов основал ряд таких же училищ в тех городах и местечках дикой тогда Бессарабии, где были расположены отдельные части его дивизии, и тратил на них немало собственных денег»{302}.

* * *

15 июня 1820 года генерал Инзов, главный попечитель колонистов Южного края, был назначен исправляющим должность наместника Бессарабской области. Местом его пребывания стал Кишинёв, куда Иван Никитич вскоре и переехал из благодатной Одессы. А 21 сентября, после продолжительной своей поездки с семейством генерала Раевского по Северному Кавказу и Крыму, сюда приехал Александр Пушкин. Наверное, первый визит, который он сделал — после, разумеется, визита к

своему начальнику, в доме у которого он поселился, — был визит к Орлову. Очевидно, гость и хозяин достаточно быстро нашли общий язык, потому как уже через несколько дней они отправили в Петербург совместно написанное послание, адресованное всем «арзамасцам»:

«В лето 5 от Липецкого потопа — мы, превосходительный Рейн и жалобный Сверчок, на лужице города Кишинёва, именуемой Быком[189], сидели и плакали, вспоминая тебя, о Арзамас, ибо благородные гуси величественно барахтались пред нашими глазами в мутных водах упомянутой. Живо представились им ваши отсутствующие превосходительства, и в полноте сердца своего положили они уведомить о себе членов православного братства, украшающих берега Мойки и Фонтанки…»{303}

Совсем скоро Пушкин стал в доме Орлова своим человеком, о чём свидетельствует майор Раевский:

«Орлов по привычке говорил очень свободно. За обедом у него редко было менее 15 или 20 человек: два брата Липранди, Охотников, майор Геевский, я, несколько свитских офицеров, А.С. Пушкин были всегдашними посетителями. Бригадный генерал Пущин и Волховский часто обедали и проводили вечера у него»{304}.

Особое внимание обратим на фамилию Липранди — представителей давно уже переселившегося в Россию старинного испанского рода.

Старший из братьев, Иван Петрович[190], будучи офицером квартирмейстерской части, участвовал в Шведской кампании, Отечественной войне и Заграничном походе, потом, служил в оккупационном корпусе, помогая префекту парижской полиции Видоку в поисках заговорщиков-бонапартистов. В январе 1820 года он, в чине подполковника, был определён в Камчатский пехотный полк — кажется, причиной тому была какая-то парижская дуэль, — хотя здесь, как о нём говорили, он «занимался изучением восточного вопроса».

Младший его брат, Павел Петрович[191], офицер лейб-гвардии Гренадерского полка, очевидно, пребывал в это время здесь в отпуске.

Иван Петрович очаровал Пушкина своей образованностью: он знал многие европейские, восточные и классические языки, занимался различными областями науки, собрал и привёз обширную библиотеку, которой поэт свободно пользовался. К тому же он был прекрасным рассказчиком и много чего рассказал Александру о войне, о своих парижских приключениях и многочисленных дуэлях… Скорее всего, именно он явился

прообразом Сильвио в пушкинском «Выстреле».

«По свидетельству Липранди, Пушкин особенно близок был с Охотниковым и с В. Раевским. Дружба с будущими декабристами, ежедневное общение с ними вдохновили поэта на такие вольнолюбивые стихотворения, как “Кинжал”, “Послание В.Л. Давыдову”, “Послание П.С. Пущину”. В это время у поэта возник замысел поэмы о новгородце Вадиме, возглавившем восстание против Рюрика»{305}.

Нередко наведывался Пушкин и к самому генералу Орлову, которого он уважал чрезвычайно, даже робел перед ним, хотя тщательно скрывал это за нарочитой развязностью. Обычно он приходил к Михаилу Фёдоровичу в вычурных бархатных шароварах, усаживался, развалясь, на диван и вёл с хозяином долгие беседы на политические темы…

…Можно сказать, что провинциальный Кишинёв в то время просто изобиловал романтическими героями — кроме вышеназванных, осенью того же года сюда приехал князь Александр Ипсиланти, готовящийся поднять знамя восстания на землях Эллады. Он стал весьма частым и очень желанным гостем в доме своего былого однополчанина…

Глава четырнадцатая. «И ПАМЯТЬ КАМЕНКИ ЛЮБЯ…»

«Весь 1821 год стоял я вооружённый на границе турецкой и не имел ни времени, ни охоты входить ни в какие сношения; впрочем, и сих сношений нигде не существовало. Члены разрушенного Общества, находящиеся в 16-й дивизии, Непенин, Охотников и майор Раевский, все извещены были о разрушении союза и никакого действия не предпринимали»{306}, — писал Орлов в своих показаниях.

Звучит красиво, но не слишком соответствует истине. «Вооружённой на границе» стояла дивизия, а командир её колесил по разным городам России.

Поездки начались ещё в конце 1820 года: в ноябре он отправился в продолжительный отпуск, ещё не предполагая, куда заведут его эти дороги… Поездку Михаил начал с Каменки Киевской губернии — имения Екатерины Николаевны Давыдовой, по первому браку — Раевской, матери генерала Раевского, отставного генерал-майора Александра Львовича Давыдова, кавалергарда, и Василия Львовича Давыдова, подполковника александрийских гусар и активного члена Союза благоденствия. Сколь тесен, однако, этот мир!

24 ноября отмечался день великомученицы Екатерины — небесной покровительницы хозяйки имения. На празднование именин Екатерины Николаевны собиралось огромное количество гостей, и вот уже несколько лет, как члены тайного общества избрали этот день для своей встречи: приезд молодых офицеров на роскошный бал не вызывал ни малейшего подозрения.

Пушкин, буквально сроднившийся с Раевскими за время своего южного путешествия, отправился из Кишинёва в Каменку ещё раньше…

Тем временем в Кишинёв следовал отставной капитан Иван Якушкин, развозивший членам Союза благоденствия, Тульчинской и Кишинёвской управ, приглашения приехать на совещание в Москву в январе будущего года. И так оно случилось, что на какой-то промежуточной станции, где перепрягали лошадей — Якушкин умудрился через единомышленников выправить себе подорожную «по казённой надобности», так что особенно в пути не задерживался, — он встретил Михаила Фёдоровича. Вот что вспоминал Иван Дмитриевич:

«Я никогда не видал Орлова[192], но многие из моих знакомых превозносили его как человека высшего разряда по

своим умственным способностям и другим превосходным качествам…

Я с любопытством ожидал свидания с Орловым и встретился с ним, не доехав до Кишинёва. С ним был адъютант его Охотников, славный малый и совершенно преданный тайному обществу; я давно был знаком с ним. Прочитавши письмо Ф-визина, Орлов обошёлся со мной, как со старым знакомым, и тут же предложил сесть к себе в дормез, а Охотников сел на мою перекладную тележку; потом мы с ним через станцию менялись местами в дормезе. Орлов с первого раза весь высказался передо мной. Наружности он был прекрасной и вместе с тем человек образованный, отменно добрый и кроткий; обхождение его было истинно увлекательное, и потому, познакомившись с ним, не было возможности не полюбить его…»{307}

Якушкин совершенно не хотел ехать в Каменку, к незнакомым людям; у Орлова не было желания приезжать в Москву, других забот хватало, — но в конце концов оба они позволили себя уговорить.

Приехав на праздник 24-го, Орлов с Охотниковым и Якушкин остались на неделю — уж больно хорошо тут было. В письме своём, отправленном 4 декабря в Петербург поэту и издателю Николаю Ивановичу Гнедичу, Пушкин так описывал «каменскую» жизнь:

«Вот уже восемь месяцев, как я веду странническую жизнь теперь нахожусь в Киевской губернии, в деревне Давыдовых, милых и умных отшельников, братьев генерала Раевского. Время моё протекает между аристократическими обедами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь рассеянное, было недавно разнообразная и весёлая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя. — Женщин мало, много шампанского, много острых слов, много книг, немного стихов…»{308}

Обращает на себя внимание формулировка «демагогические споры» — за ней стоит один из известнейших эпизодов биографии поэта, когда на встрече участников тайного общества Орлова, Василия Давыдова, Якушкина, Охотникова и их друзей, трёх Александров, — Давыдова, Пушкина и Раевского (может, и ещё кто-то был), «посвященные» заговорили о необходимости создания «организации революционеров». Поэт воскликнул, что готов к такому обществу присоединиться, но ему объяснили, что это всего лишь шутка… «Я никогда не был так несчастлив, как теперь!..» — воскликнул Пушкин со слезами на глазах. Естественно, что всё сказанное поэт расценил как демагогию — хотя это было совершенно не так.

Известно, что разговор этот был заведён затем, чтобы «прощупать» настроения Раевского. В XX веке историки и литературоведы с милой наивностью утверждали, что будущие декабристы скрывали свою тайну от Пушкина, чтобы сберечь его талант для России — хотя на самом деле они просто не доверяли его экспрессивному характеру, опасаясь, что Александр сразу возжелает действовать и погубит доверившихся ему товарищей. Того, что история тайного общества получит столь трагический финал, никто и предположить не мог… Думалось, что времена Кикина[193] и Волынского[194] в России прошли навсегда.

Пушкин пребывал в гостеприимной Каменке чуть ли не до конца февраля, съездив, правда, отсюда с Раевскими в Киев и Тульчин. А потом, уже в одиночестве, выезжал и в Одессу, так что в Кишинёв возвратился только в марте…

Очевидно, что и Орлов уехал из Каменки одновременно с Раевскими и Пушкиным, заехал в Тульчин и отправился в Киев.

Очень важно обратить внимание на утверждение М.В. Нечкиной о том, что в Каменке «Орлов успел написать письменные предложения о реорганизации тайного общества, которые он и предложил Московскому съезду»{309}. Ещё раз повторим, что меморандум этот был подготовлен генералом до приезда в Киев.

В Тульчине Михаил повстречал князя Сергея Волконского, не только составившего ему компанию в путешествии до Киева и дальше, но и оставившего письменное свидетельство об этом путешествии:

«Проездом через Киев он решил сделать попытку о давно затеянной им женитьбе с дочерью Николая Николаевича Раевского — Екатериной Николаевной. Переговоры эти шли через брата её Александра Николаевича, который ему поставил первым условием выход его из деятельных членов тайного общества. Александр Николаевич, как человек умный, не был в числе отсталых, но как человек хитрый и осторожный, видел, что тайное общество не минует преследования правительства, и предложил первым условием Орлову выход из общества, и Орлов, выехав из Киева, был в шатком убеждении, что ему делать»{310}.

Далее следует самый, пожалуй, загадочный эпизод из всей весьма непростой биографии Михаила Орлова… Итак, наш герой приехал в Москву.

Историк пишет: «Съезд Союза Благоденствия состоялся в начале января 1821 г. на московской квартире Фонвизиных и продолжался около трёх недель или даже более. Съехались Николай Тургенев, Ф. Глинка, Михаил Орлов, оба Фонвизины, Якушкин, Граббе, Комаров, Бурцов, Охотников»{311}.

Лица, ранее нам незнакомые, и далее не представят для нас никакого интереса, поэтому не будем уточнять, кто есть кто и какие страсти разгорелись на съезде по поводу некоторых из присутствующих. К тому же на сей раз уважаемый автор не совсем точен, упустив ряд участников съезда. Волконский вспоминал:

«Прибыв в Москву, нашли московских и петербургских депутатов уже собранных, но как было положено, что правом голоса пользоваться только могут члены — основатели общества, а не члены, впоследствии поступившие в тайное общество, то я и Комаров были устранены от участия в прениях, а это право было предоставлено одному из Южной думы — Бурцову. В числе моек, членов были Фонвизин, Якушкин, Колошины, Граббе; в числе петерб. не упомню, кто был, а председателем был выбран Мих. Орлов. С самого начала съезда было получено из Петербурга] от тамошней думы сообщение, что правительство следит за действиями тайного общества и что будет осторожнее прекратить гласное существование общества и положить закрытие оного, а членам поодиночке действовать по цели оного. Главное основание этого побудительного обстоятельства было сообщение Фёдора Глинки, который, быв адъютантом у Милорадовича, имел случай о надзоре правительством положительные сведения, и было решено коренными членами Моск. конгресса закрыть два совокупных общества, и к этому пристал и Орлов»{312}.

Здесь всё верно: Союз благоденствия оказался «под колпаком» тайной военной полиции, созданной после возмущения лейб-гвардии Семёновского полка. Её руководитель, библиотекарь Гвардейского Генерального штаба Грибовский[195], являлся членом Коренного совета Союза благоденствия… Таким образом правительство имело полную картину деятельности тайного общества.

В докладе Грибовского о Московском съезде особое внимание было уделено Орлову — тому его выступлению, о котором Волконский в своих записках почему-то (на то можно предположить различные причины) предпочёл умолчать.

Зато Якушкин, менее близкий к Орлову, не только пересказал его речь, но и высказал своё предположение:

«Орлов привёз писаные условия, на которых он соглашался присоединиться к тайному обществу; в этом сочинении, после многих фраз, он старался доказать, что тайное общество должно решиться на самые крутые меры и для достижения своей цели должно прибегнуть к средствам, которые даже могут казаться преступными. Во-первых, он предлагал завести типографию или литографию, посредством которой можно было бы печатать

разные статьи против правительства и потом в большом количестве рассылать по всей России. Второе его предложение состояло в том, чтобы завести фабрику фальшивых ассигнаций, через что, по его мнению, тайное общество с первого раза приобрело бы огромные средства, и вместе с тем подрывался бы кредит правительства.

Когда он кончил чтение, все смотрели друг на друга с изумлением. Я, наконец, сказал ему, что он, вероятно, шутит, предлагая такие неистовые меры…»{313}

«Это предложение могло показаться Якушкину диким лишь потому, что он оторвался от движения декабристов более чем на два года, — поясняет академик Нечкина. — Вышел из организации после “Московского заговора 1817 года” и вернулся туда лишь в начале 1820 г. Если бы он был активным членом Союза Благоденствия именно в эти три года, он, вероятно, знал бы, что замысел такой тайной типографии “в одной из отдалённых деревень” какого-либо члена Союза принадлежал Николаю Тургеневу и Фёдору Глинке и разрабатывался ими… ещё в 1818–1819 гг.»{314}.

И вообще, насчёт «неистовых мер» рассуждать уж точно не Якушкину, который ещё в 1817 году вызвался убить Александра I, а затем — покончить с собой, чтобы не навлечь беду на тайное общество…

Понятно, что «типография или литография» — тема знакомая Орлову с 1812 года, а «фабрику фальшивых ассигнаций» завёл на русской территории ещё Наполеон, и функционировала она достаточно успешно… В общем, ничего такого поразительного в предложениях Михаила Фёдоровича на самом деле не было.

К тому же в рассказе Якушкина отсутствует главное из предложений Орлова, являющееся революционным в самом полном смысле этого слова.

«Орлов, ручаясь за свою дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению; настаивал об учреждении “Невидимых братьев”, которые бы составляли центр и управляли всем…»{315} — сообщал Грибовский.

«Как доносит Грибовский, новая организация, которую надлежало создать на месте устаревшего Союза Благоденствия, должна была называться “Невидимыми братьями”, которые составляли бы центр и управляли бы всем. “Прочих, — иронически излагает Грибовский, — разделить на языки (по народам: греческий, еврейский и пр.), которые как бы лучи сходились к центру и приносили дани, не ведая кому”. Эти две иронические фразы доносчика — единственное, чем мы располагаем в документальном материале для суждения о

структуре тайной организации, которую предлагал на съезде 1821 г. Михаил Орлов»{316}.

Заметим, что начальник тайной военной полиции отнёсся к предложениям генерала Орлова с гораздо бо́льшими вниманием и уважением, нежели его официальные единомышленники. Хотя, как известно, Грибовский на съезде не присутствовал и составлял свою записку «на основании доносов и сплетен».

Сам же Михаил Фёдорович несколько невнятно писал в своих показаниях:

«…отъезжая из Кишинёва, я ещё не имел твёрдого намерения оставить Общество. Оно родилось во мне после и было непоколебимо.

Собранные в Москве члены должны были заняться преобразованием Общества, ибо все чувствовали, что в нём нет никакой связи. Они пригласили и меня быть их сотрудником. Мы имели только два заседания. В первом ничего определённого не положили, а во втором я совершенно от всего отказался и объявил, что более членом быть не хочу. На другой день они съехались ко мне меня уговаривать, но всё было тщетно, и мы расстались очень сухо. С тех пор я не видел многих из них и с ними не встречался…»{317}

«Общепринятую», так сказать, точку зрения на выступление и позицию Орлова выразил в своих мемуарах Якушкин. После слов, что Михаил Фёдорович «шутит, предлагая такие неистовые меры», он утверждает, что, «…помолвленный на Раевской, в угодность её родным он решился прекратить все сношения с членами тайного общества. На возражения наши он сказал, что если мы не принимаем его предложений, то он никак не может принадлежать к нашему тайному обществу. После чего он уехал…»{318}.

Между тем речь, с которой выступал на съезде Орлов, была написана ещё в Каменке — до разговора с Александром Раевским…

Смысл предложения генерала состоял в том, чтобы самовольно, силами вверенной ему 16-й пехотной дивизии, поддержать начинающееся греческое восстание. Он же ещё до приезда в Кишинёв мечтал, чтобы «дивизию пустили на освобождение», писал Александру Раевскому — мол, «16 тысяч под ружьём», «с этим можно пошутить». Так что идея совсем не была скоропалительной и фантастичной. К тому же Михаил Фёдорович прекрасно знал обстановку.

«В это время… настроение царя и политические его симпатии были уже не совсем такие, как в 1815 году. Александр теперь испытывал меньше любви к свободе, но зато гораздо больше

боялся революции. На Ахенском конгрессе (в ноябре 1818 года) царь снова частично подпал под влияние Меттерниха и реакционной политики. Несколько позднее либеральная агитация в Германии (1819) и восстания в Испании, Португалии и Италии (1820) произвели на его колеблющуюся натуру такое сильное впечатление, что, не переставая желать освобождения христиан из-под турецкого ига, он уже не смел подстрекать их к освободительной борьбе. Теперь царь рекомендовал грекам терпение. Ясно было, что он боится показаться изменником монархическому делу. Но, с другой стороны, все понимали, что, несмотря ни на что, он остался непримиримым врагом турок…»{319}

Михаил знал, что совсем скоро князь Ипсиланти перейдёт реку Прут — границу Молдавии. Как бы ни были слабы турки, отряду под водительством мятежного князя их будет не осилить, а потому Ипсиланти обратится за помощью к русскому царю. Однако вряд ли Александр I решится двинуть войска: если бы он хотел, то сделал бы это гораздо раньше. И тогда на помощь восставшим придёт 16-я дивизия! Мощное это соединение, безусловно преданное своему командиру, к тому же — неизбежно поддержанное тысячами российских и греческих добровольцев, поднимет над Элладой знамя свободы…

Как отнесётся к тому Александр I — сказать трудно. Вряд ли поддержит, но и особенно возмущаться не станет, ибо общественное мнение однозначно будет на стороне освободителей Греции и государю неизбежно придётся с ним считаться.

А затем 16-я пехотная дивизия должна будет возвратиться в Россию, и возвращение это может стать триумфом тайного общества. Кто не помнил, как вырвавшийся с острова Эльба император Наполеон высадился на французский берег с двумя батальонами, а вскоре привёл к Парижу целую армию? Вот так и дивизия, прославившаяся освобождением единоверцев-греков, неся на своих штыках лозунги освобождения теперь уже русского народа и учреждения демократической республики, может привести с собой к Петербургу войска 1-й и 2-й армий, да ещё и весь Корпус военных поселений… Такой поход мог оказаться гораздо эффективнее грядущего стояния войск на Сенатской площади, иметь гораздо большие шансы на успех! Да и Александр I — это не Наполеон и даже не Николай I — вряд ли бы он встретил мятежников картечью. Хотя…

По мнению биографа, «Орлов знал свою силу и значимость, верил в свою популярность и успех. Поэтому он предложил план быстрых и решительных действий, рассчитывая, что

подготовленная для выступления против самодержавия солдатская масса России поднимется на призыв общества»{320}.

А ведь если бы в Москву приехали не «умеренные» члены союза, но сторонники решительных действий — неприглашённые Пестель, князь Трубецкой или недавние семёновцы братья Сергей и Матвей Муравьёвы-Апостолы, то дерзкие идеи Орлова вполне могли найти горячий отклик в их сердцах. И тогда были бы приняты совершенно иные решения…

М.О. Гершензон справедливо не считал позицию Орлова лицемерием:

«Показание Якушкина настолько противоречит духовному облику Орлова и всем фактам его дальнейшей жизни (между прочим, и позднейшим отношениям к нему таких непреклонных революционеров, как Охотников или В.Ф. Раевский), что его приходится совершенно отвергнуть. На такое низкое лицемерие Орлов был неспособен, да ему и не простили бы его»{321}.

Свою оценку выступлению Михаила Фёдоровича даёт и академик Нечкина:

«Между тем очень просто, на наш взгляд, ответить на вопрос, искренне ли делал Орлов свои революционные предложения на Московском съезде или же хотел под их предлогом прекратить свою революционную деятельность в связи с женитьбой. Как известно, Орлов женился в 1821 г., а наиболее смелые и революционные по духу его приказы по дивизии относятся к 1822 г. К этому же и последующему времени относятся и разгар революционной работы майора Владимира Раевского, правительственные подозрения, деятельность ложи “Овидий”, тесно связанной с Кишинёвской управой, запрещение этой ложи, “за которую” закрыты все ложи в России, восстание в Камчатском пехотном полку, следствие Сабанеева, арест Владимира Раевского, разгром Кишинёвской управы, лишение Орлова командования дивизией и его вынужденная отставка из армии. Все эти события приходятся на более поздние даты, нежели женитьба Орлова. Следовательно, женитьба не повлекла за собой ни прекращения революционной деятельности Орлова, ни закрытия ланкастерских школ Владимира Раевского, ни всего прочего. Воспоминания Вигеля, свидетельства Липранди… дневник Долгорукова — все эти источники говорят о доме Орлова после женитьбы как о революционном центре, очаге свободолюбивой пропаганды. Отсюда следует одно: Якушкин ошибается — Орлов был искренен»{322}.

…Но что удивительно: целое созвездие уважаемых, серьёзных учёных считает, что генерал Орлов был искренен в своём революционном порыве, и если бы участники съезда поддержали

его решение, то он действительно поднял бы свою дивизию; всё же в современном взгляде на нашего героя почему-то утвердилась точка зрения Якушкина. Мол, собирался генерал жениться и «сыграл роль», выдвинул «завиральную идею», которая позволила ему с гордо поднятой головой покинуть тайное общество… Весьма странно!

Впрочем, Союз благоденствия уже доживал свои последние дни. Московский съезд принял решение о его роспуске — это было сделано для того, чтобы избавиться от ненадёжных сочленов, и вскоре на «руинах» союза возникли Северное и Южное тайные общества.

И последнее маленькое уточнение. Со слов Михаила Гершензона:

«Перед нами письмо Орлова к сестре от 12-го февраля (1821 г.) из Киева; извещая сестру о своей помолвке с Раевской, он извиняется, что из Москвы не заехал к ней в Ярославль: “нетерпение узнать исход моего предложения заставило меня спешить обратно”. Очевидно, по пути в Москву он сделал предложение через А. Раевского, который обещал приготовить ему ответ к обратному проезду; значит, дело было за согласием Екат. Ник. и её родителей»[323].

* * *

Возвратившись в Кишинёв, Орлов собрал всех членов управы, рассказал о своём выступлении и о том, как оно было воспринято. Потом Охотников, остававшийся на съезде после ухода Михаила Фёдоровича, сообщил о роспуске Союза благоденствия, умолчав о создании нового общества — в Москве было решено пока что хранить эту информацию втайне. Решение съезда вызвало общее недовольство. Выслушав своих товарищей, Орлов сказал:

«Они там по-своему решили, да нам не в указ. Кишинёвская управа будет существовать и дальше, план наш остаётся неизменным. Если же загорится тут, на юге, то и на севере найдётся кому поддержать!»

* * *

А ведь действительно — загоралось. 13 января скончался валашский господарь Александр Сутцо; в княжестве тут же вспыхнуло восстание, которое возглавил отнюдь не генерал, но отставной поручик Тудор Владимиреску[196], собравший войско в

4 тысячи человек — «пандуров[197] и всякого хищного сброда». Этеристы обрадовались нечаянным союзникам, но вскоре оказалось, что «Владимиреску не намерен был действовать в интересах фанариотов[198] вообще и Ипсиланти в частности. Он заявлял, что борется исключительно во имя румынской нации и что взялся за оружие не столько для того, чтобы способствовать греческому влиянию, сколько для того, чтобы бороться с ним»{324}.

А князь Ипсиланти пока ещё формировал отряды и составлял планы боевых действий, вёл переговоры с потенциальными союзниками. Многие российские греки торопились продать своё имущество и вооружиться, между тем как состоятельные одесские греки-негоцианты скупились даже на материальную помощь «Этерии». К сожалению, планы генерал-эфора постепенно разрастались до фантастических масштабов — вплоть до того, чтобы поднять восстание в самом Константинополе, овладеть османской столицей и пленить султана… Они почему-то получали широкую огласку и оттого становились менее осуществимыми, тем более что действовать князь не спешил.

Всё это весьма тревожило Орлова. Он пытался откровенно поговорить с однополчанином, но князь начинал горячо его убеждать, что дела идут именно так, как надо, и час решительного выступления не далёк… Тогда Михаил прекращал бесплодный разговор. Своими сомнениями он делился с генералом Пущиным, старым своим знакомым. Однако не мог же он сам возглавить греческих повстанцев или, не дожидаясь восстания, ввести свои полки в Дунайские княжества, начав очередную Русско-турецкую войну! Тем более что население Молдавии выступать против турок не собиралось. Хотя, если бы на Московском съезде поддержали его предложения и на освобождение единоверцев отправилась не одна 16-я дивизия, но многотысячное ополчение, организованное единомышленниками Орлова, — тогда, вполне возможно, и войну можно было начать, потому как эту силу поддержали бы порабощенные османами народы…

В конце концов князь Ипсиланти решился. Вечером 22 февраля он, облачённый в русский генеральский мундир, вместе со своим братом Георгием и двумя сопровождавшими их людьми перешёл по льду реку Прут… В Яссах его восторженно встретили местные этеристы. «Я пришёл умереть с вами!» — торжественно заявил князь, хотя ему следовало бы сказать: «Я пришёл победить!»

«24 февраля Ипсиланти обнародовал прокламацию к грекам, наполненную высокопарными фразами о необходимости

единения, о слабости врага и о всеобщем сочувствии делу греческой свободы. В ней греки призывались, между прочим, к подражанию европейским народам, старавшимся приумножить “свою свободу”, что как бы указывало на связь греческого восстания с революционными движениями в Испании, Америке и Неаполе, столь ненавистными Священному союзу; сверх того, упоминание об ожидаемой помощи со стороны какой-то “державной силы” компрометировало русское правительство, так как прокламация Ипсиланти как бы обещала немедленное вступление в Молдавию русских войск»{325}.

Трудно было выбрать более неблагоприятное время, чтобы обращаться за помощью к русскому царю. Александр I пребывал на конгрессе в австрийском Лайбахе[199], где его ближайшее окружение составляли австрийские император Франц и министр иностранных дел князь Меттерних. Тут как раз вспыхнул вооружённый мятеж в Пьемонте — и Александр, торжественно заявив о своём «принципиальном отвращении» к революции, как таковой, предложил в помощь Францу 95 тысяч войска. При всей нелюбви к туркам, царь видел в султане Махмуде II легитимного правителя подвластных османам земель — в том числе и Греции — и не желал поддерживать «вождя революционеров» князя Ипсиланти…

В начале апреля в Кишинёве — проездом в Скуляны, для встречи с представителем князя Ипсиланти, — приехал подполковник Пестель, офицер штаба 2-й армии и руководитель Тульчинской управы.

— Наша управа считает решения Московского съезда неправомочными, — заявил Павел Иванович. — Почему они, даже не члены Коренной управы, решили за весь Союз благоденствия? Съезд превысил свои полномочия!

Пестель рассказал, что, более не привлекая людей, к общему делу охладевших, тульчинцы организовали новое общество, не имеющее пока названия. Вошли в него самые испытанные и верные люди: подполковник Аврамов, штабс-ротмистр Ивашев, прапорщик Басаргин, поручик князь Барятинский, два брата Крюковы, поручики — кавалергард и квартирмейстер…

Принципиальное отличие новой организации от прежней состоит в том, что избранные в ней начальники располагают неограниченными полномочиями и диктаторской властью, — чеканил слова Пестель. — Должна быть строгая субординация. Руководство общества, его председатель — это я, блюститель — генерал-интендант Юшневский. Третьим членом директории мы заочно избрали Муравьёва[200], руководителя петербуржских наших товарищей. Полагаю, что восстание начнётся в столице, а

мы его поддержим…

— Думаю, тогда обе наши управы выступят в тесном союзе, — отвечал Орлов. — Мы и сейчас можем немало поспособствовать друг другу. Формально объединять их не имеет смысла — пусть каждый следует своим путём к единой цели!

— Следуем в тесном союзе! — согласился Пестель. На следующий день, к вечеру, к Михаилу Фёдоровичу пришёл Пушкин:

— Всё утро я провёл с Пестелем! Умный человек во всём смысле этого слова. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и прочее. Право, это один из самых оригинальных умов, которых я знаю!

Восторженные эти рассуждения Орлов слушал не без некоторого неудовольствия. Он привык главенствовать, быть в авангарде. Может, по этой причине он и не пожелал объединять свою малочисленную, хотя и весьма деятельную управу с обширным тайным обществом Пестеля…

…Возвращаясь в Тульчин, Павел Иванович с оказией сообщил Орлову, что в сложившейся ситуации мятежный генерал Ипсиланти имел две возможности: либо прорываться к грекам, призывая их к оружию, и поднять восстание в землях Эллады, либо вообще прекратить авантюру и, объявив о том, срочно возвращаться в Россию. Князь не сделал ни того ни другого: он отступил к австрийской границе и стал ждать, что же получится дальше… Под его знамёнами было порядка 6–8 тысяч человек, а он уверял всех, что 20. Неудивительно, что, переоценив грозящую им опасность, виддинский, силистрийский и браиловский паши стали приводить свои силы в боевую готовность.

Тем временем поручик Владимиреску, затеяв какие-то передвижения своего отряда в непосредственной близости от стоянок князя Ипсиланти, прошёл по его тылам, что генералу показалось подозрительным. Он приказал схватить и казнить Владимиреску, что и произошло 4 июня 1821 года. Зачем так сделал — непонятно. Нелепым этим поступком князь восстановил против себя румын; к тому же его соратники всё настойчивее спрашивали: где же обещанная помощь?

Но царь отнюдь не желал помогать «мятежникам», а Орлов, мечтавший поддержать героев освободительной войны греков против их вековечных угнетателей, не видел ни героев, ни войны… Ряды восставших начали таять.

Наконец, 19 июня, у местечка Драгошани (Драгачане), произошёл бой повстанцев с армией виддинского паши. Точнее, передовой турецкий отряд обратил в бегство всю армию этеристов, вдвое превосходившую его по численности — сами

турки были удивлены своей победой. Оставив своё полуразбежавшееся войско, Ипсиланти перешёл трансильванскую границу, сдался властям и был помещён в австрийскую тюрьму. Александр I не стал просить «своего брата» Франца, чтобы русский генерал был возвращён в Россию…

…Впрочем, Михаил Фёдорович давно уже понял, что прийти в Петербург во главе победоносной армии ему не суждено…

Кажется, Орлов должен был бы весьма негативно отнестись к неудачливому вождю этеристов, обрушившему его планы. Но сколь благороден и честен был наш герой, писавший своей тогда ещё невесте Екатерине Николаевне Раевской:

«Не смейтесь над Ипсилантием. Тот, кто кладёт голову за отечество, всегда достоин почтения, каков бы ни был успех его предприятия. Впрочем, он не один, и его покушения не презрительно ни по намерению, ни по средствам. Из моих писем вы всё знаете, но прошу вас их не разглашать…»{326}

Это он уже о своих проблемах…

* * *

15 мая в Киеве Михаил Фёдорович обвенчался со старшей дочерью генерала Раевского. Ожидая возвращения Орлова, его кишинёвские единомышленники несколько приуныли: как-то подействует на генерала женитьба? Не скуют ли цепи Гименея и его любовь к свободе?

В томительном ожидании, к коему примешивалась ещё и ревность, ибо он сам был поочерёдно влюблён в каждую из сестёр Раевских, Пушкин сочинял стихотворное послание Василию Львовичу Давыдову, в котором, со всем блеском своего таланта, умудрился сказать сразу обо всём происходящем:

Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименея —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов;
Меж тем как ты, проказник умный,
Проводишь ночь в беседе шумной,
И за бутылками аи
Сидят Раевские мои,
Когда везде весна младая
С улыбкой распустила грязь,
И с горя на брегах Дуная
Бунтует наш безрукий князь…

Тебя, Раевских и Орлова,
И память Каменки любя, —
Хочу сказать тебе два слова
Про Кишинёв и про себя…{327}

Приехав в Кишинёв, чета Орловых заняла два смежных дома. Михаил Фёдорович вновь зажил на широкую ногу, с открытым столом для друзей, подчинённых и единомышленников…

Злоязыкий Вигель описывал эту жизнь — правда, с чужих слов:

«Сей благодушный мечтатель более чем когда бредил въявь конституциями. Его жена, Катерина Николаевна, старшая дочь Николая Николаевича Раевского, была тогда очень молода и даже, говорят, исполнена доброты… Он нанял три или четыре дома рядом и начал жить не как русский генерал, а как русский боярин. Прискорбно казалось не быть принятым в его доме, а чтобы являться в нём, надо было более или менее разделять мнения хозяина. Домашний приятель, бригадный генерал Павел Сергеевич Пущин не имел никакого мнения, а всегда приставал к господствующему. Два демагога, два изувера, адъютант К.А. Охотников и майор В.Ф. Раевский (совсем не родня г-же Орловой) с жаром витийствовали. Тут был и Липранди… На беду, попался тут и Пушкин, которого сама судьба всегда совала в среду недовольных. Семь или восемь молодых офицеров генерального штаба известных фамилий, воспитанников муравьёвской школы[201], которые находились тут для снятия планов по всей области, с чадолюбием были восприняты. К их пылкому патриотизму, как полынь к розе, стал прививаться тут западный либерализм. Перед своим великим и неудачным предприятием нередко посещал сей дом с другими соумышленниками русский генерал князь Александр Ипсиланти, шурин губернатора[202], когда “на брега Дуная великодушный грек свободу вызывал”…

Всё это говорилось, всё это делалось при свете солнечном, в виду целой Бессарабии. Корпусный начальник, Иван Васильевич Сабанеев[203], офицер суворовских времён, который стоял на коленях перед памятью сей великой подпоры престола и России, не мог смотреть на это равнодушно. Мимо начальника штаба Киселёва, даже вопреки ему, представил он о том в Петербург…»{328}

Остановимся, обратим внимание на фамилию Киселёв[204]. Даже странно, что она не прозвучала раньше, потому как Павел Дмитриевич — один из ближайших друзей и давних сослуживцев нашего героя — как и князь Волконский.

Кстати, они все трое были одногодками, но если Орлов поступил в Кавалергардский полк юнкером в 1805 году и дрался при Аустерлице, заработав там офицерские эполеты (ну да, эполет в то время в Русской императорской армии ещё не было, зато звучит красиво!), то Киселёв, как и князь, пришёл в полк в 1806 году и тоже офицером — но корнетом. Все трое участвовали в Прусском походе, прошли Отечественную войну. «Во время Бородинского сражения он, за убылью старших офицеров, некоторое время командовал эскадроном и получил орден Св. Анны 4 ст. В сентябре Киселёв был назначен адъютантом к графу Милорадовичу[205], командовавшему арьергардом…»{329} В этой должности Павел оставался до конца кампании, которую завершил в чине ротмистра, а в 1815 году был произведён в полковники. Милорадович, как известно, «тяготился письменной отчётностью», да и вообще докладывать не любил, а у Киселёва это получалось прекрасно, так что вскоре он стал не только известен императору, которому докладывал от имени своего начальника как письменно, так и лично, но и получил флигель-адъютантские аксельбанты… Как ранее и его друзья, давно уже пребывавшие в генеральских чинах — но, как мы говорили, на должностях не самых завидных.

Киселёв успешно выполнил несколько поручений Александра I. В 1816 году он подал государю записку о постепенном уничтожении рабства в России, но, в отличие от Орлова, упорствовать в своём либерализме не стал, а потому, будучи произведён в 1817 году в генерал-майоры, получил назначение «состоять при Особе Его Императорского Величества», что было гораздо перспективнее, нежели командовать бригадой или быть начальником корпусного штаба во 2-й армии. Впрочем, служить во 2-ю армию он поехал, но сразу на должность начальника штаба — то есть вторым лицом после главнокомандующего. Произошло это в феврале 1819 года. Кстати, граф Витгенштейн был очень недоволен этим назначением молодого генерала… Таким образом, Павел Дмитриевич обогнал в должности своих друзей — однако они для него так и остались друзьями.

Иван Якушкин свидетельствовал:

«Нет никакого сомнения, что Киселёв знал о существовании тайного общества и смотрел на это сквозь пальцы. Впоследствии, когда попал под суд майор Раевский… и генерал Сабанеев отправил при донесении найденный у Раевского список всем тульчинским членам, они ожидали очень дурных для себя последствий по этому делу. Киселёв призвал к себе Бурцова, который был у него старшим адъютантом, подал ему бумагу и приказал тотчас же по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцов

очень был удивлён, нашедши между листами данной ему бумаги список тульчинских членов, написанный Раевским и присланный Сабанеевым отдельно; Бурцов сжёг список, и тем кончилось дело»{330}.

В официальной биографии графа Киселёва о его отношении к тайному обществу и планам заговора говорится осторожнее:

«С одной стороны известно, что он был в хороших отношениях со многими из членов тайного общества. При нём служили Басаргин, Бурцев; но Пестель, имевший большое влияние на Витгенштейна и Рудзевича, с назначением на место последнего Киселёва, перестал играть первенствующую роль в штабе армии, хотя Киселёв, несмотря на предостережения своих друзей, ценил его как умного и полезного человека. По свидетельству Басаргина, Киселёв участвовал в беседах офицеров и соглашался с ними, что многое надо бы изменить в России, хотя императору Александру I он был очень предан; Якушкин же прямо утверждает, что Киселёв знал о существовании в армии тайного общества (далее идёт рассказ о записке, найденной у Раевского. — *А. Б.)*. Но если все вышеперечисленные факты могут дать повод к мнению о сочувствии тайному обществу, то с другой стороны известно, что Киселёв старался об удалении из армии офицеров, навлёкших на себя подозрение в вольнодумстве. Для наблюдения за ними он учредил даже свою секретную полицию и надеялся с её помощью пресечь их преступную деятельность. “Мнения их (лиц неблагомыслящих) и действия, — писал он Закревскому в январе 1822 года, — мне известны, и потому, следя за ними, я не страшусь какой-либо внезапности, и довершу издавна начатое”. Можно, кажется, с достаточным основанием утверждать, что Киселёв, отличавшийся либеральным образом мыслей, противник крепостного права, мог вести с лицами, оказавшимися членами тайного общества, беседы в духе идей их общества, но о существовании самого общества и его преступных замыслах он не знал»{331}.

Может, и не знал… Зато другие знали точно!

Глава пятнадцатая. «И ГДЕ ЖЕ ВЫ, ЗИЖДИТЕЛИ СВОБОДЫ?»

На исходе мая в Кишинёве стало известно, что на далёком острове Святой Елены скончался император Наполеон. В доме Орлова Пушкин, заметно волнуясь, читал своё только что написанное стихотворение:

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?..{332}

Гости Орлова слушали поэта с жадным вниманием, а затем каждый долго оставался погружённым в свои думы и воспоминания. Михаилу представлялся горящий Смоленск, вспоминался разговор с Бонапартом, уже совсем не таким уверенным и величественным, каковым он увидел его первый раз, в Тильзите, не желающим выказывать свою нарастающую тревогу, равно как и не имеющим сил её скрыть. Орлову казалось, что он помнит почти каждое слово из того разговора. А ведь минуло уже девять лет…

* * *

Насколько мы помним, сразу же после съезда в Москве библиотекарь Гвардейского Генерального штаба — и, по совместительству, руководитель тайной военной полиции — Грибовский составил весьма подробную «Записку о Союзе благоденствия», в которой поименовал 40 его членов, выделив среди них 12 важнейших, наиболее последовательных, и настоятельно рекомендовал учредить за ними нечувствительный надзор. Он писал, что «наиболее должно быть обращено внимание» на Николая Тургенева, Фёдора Глинку, «всех Муравьёвых, недовольных неудачею по службе и жадных возвыситься» — очевидно, имелись в виду Муравьёвы-Апостолы из раскассированного Семёновского полка… Про Орлова в «Записке» было сказано так: «…кажется, после женитьбы своей, начал отставать от того образа мыслить, которым восхищались

приверженцы его речи Библейского общества, переписке с Бутурлиным и пр.»{333}.

Через своего непосредственного руководителя — Александра Христофоровича Бенкендорфа, начальника штаба Отдельного гвардейского корпуса, тогда ещё генерал-майора и не графа, — ретивый библиотекарь передал донос императору.

Александр I, как известно, прислушивался к мнению своих подданных (а особливо — верноподданных!), и потому вскоре последовало указание взять 16-ю дивизию под наблюдение тайной военной полиции. Новоявленные агенты тут же стали сообщать, что обстановка в соединении весьма неблагополучная. Посыпался ворох донесений — пускай и не очень грамотных и внятных, зато информационно весьма насыщенных:

«В Ланкастеровой школе, говорят, что кроме грамоты учат их и толкуют о каком-то просвещении.

Нижние чины говорят: дивизионный командир наш отец, он нас просвещает. 16-ю дивизию называют орловщиной.

Майор Патараки познакомился с агентом начальника главного штаба, Арнштейном. Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство.

Охотников поехал в Киев, просить дивизионного командира, чтобы он приехал скорее.

Липранди (Ив. Петрович) говорит часовым, у него стоящим: “не утаивайте от меня кто вас обидел, я тотчас доведу до дивизионного командира. Я ваш защитник. Молите Бога за него и за меня. Мы вас в обиду не дадим, и как часовые, так и вестовые наставление сие передайте один другому”…»{334}.

В донесениях нередко встречались фамилии полковника Непенина, майора Раевского, капитана Охотникова. Из полков дивизии чаще всего упоминался 32-й егерский, 1-й и 3-й батальоны которого квартировали в Измаиле, а потому именно туда, не поставив в известность дивизионного начальника, прибыл 25 июля 1821 года с инспекцией начальник корпусного штаба генерал-майор Вахтен[206].

Отто Иванович был отважным боевым офицером — в чине капитана сражался при Бородине в рядах лейб-гвардии Измайловского полка, понёсшего тяжелейшие потери; в сражении при Кульме, уже полковником, заслужил орден Святого Георгия 4-го класса; после войны командовал Тобольским пехотным полком, а в 1819 году был назначен начальником корпусного штаба. Однако Измайловский полк, в котором он начинал службу, был известен своей страстью к «шагистике» и строгостью нравов, — недаром же его шефом был великий князь Николай Павлович.

Так что «коренные» измайловцы — это вам не офицеры-либералы «старого» Семёновского полка[207]!

Признаем, что строевая выучка 32-го полка действительно прихрамывала. Но зачем егерям, метким и отважным стрелкам, в Двенадцатом году не раз превращавшим в неприступные крепости опушки лесов и овраги, был нужен так называемый «учебный шаг» — три шага в минуту?

В приказе по дивизии генерал-майор Орлов наказывал командирам:

«Прошу неотступно гг. штаб- и обер-офицеров не спешить ставить рекрут на ногу совершенно фрунтовую и более стараться на первым порах образовать их нравственность, чем телодвижение и стойку. Мы будем иметь целую зиму для доведения их по фрунту должного вида…

По истечении Святой недели при начатии снова фрунтовых упражнений, господа начальники, обратить особое внимание на стреляние в цель…»{335}

Вахтен не скрывал возмущения и даже потребовал от командира роты немедленно наказать какого-то солдата-неумеху. Ротный твёрдо ответил, что делать этого не будет: есть приказ, запрещающий наказывать солдат во время учений; наказывать можно только за преступления и намеренные проступки. Генерал заявил, что он отменяет такой приказ…

Подводя итоги своей инспекции, Вахтен скрупулёзно отметил все замеченные им недостатки; чуть ли не целая «глава» в этом акте была посвящена майору Раевскому. Генерал с негодованием писал, что он «много говорит за столом и при старших, и тогда, когда его не спрашивают»; что он «на свой счёт сшил для роты двухшовные сапоги»; что он «часто стреляет из пистолета в цель».

Вот уж действительно — всякое лыко в строку! Хотя думается, что если бы майор пропил солдатское имущество, проводил всё своё свободное время за ломберным столом или с друзьями у полуштофа, то у Отто Ивановича не было бы повода за него беспокоиться. Атак… Помнится, императрица Екатерина II обвинила в вольнодумстве одного полковника, который несколько лет командовал кавалерийским полком, но не сделал себе на этом состояния… Может, чиновники в России только потому и воруют, что боятся прослыть вольтерьянцами?

В тот же вечер Раевский, который с конца минувшего 1820 года командовал 2-м батальоном 32-го полка, писал Охотникову:

«Неожиданный поход, смотр Вахтена, неизвестность ничего, или для чего всё это — мне вскружили голову; и так до совершенной известности я остался здесь как командир двух рот, для содержания караула оставленных.

Приказы Орлова, кажется, написаны были на песке! Вахтен при смотре разрешил не только унтер-офицерам], но и ефрейторам бить солдат палками до 20 ударов!!! И благородный порядок обратили в порядок палочный…»{336}

Полковник Непенин самолично прискакал к командиру дивизии с докладом о внезапном смотре. Орлов был возмущён. Почему Вахтен не поставил его в известность о приезде? Какое право имел он отменять приказы дивизионного? Ещё более его взволновало то, что начальник корпусного штаба явился «первой ласточкой» — а может, и первым вороном, из тех, что слетаются на падаль?

Нет, всё-таки «ласточкой», ибо вослед за ним в 16-ю дивизию пожаловал генерал от кавалерии граф Витгенштейн, которого в войсках любили за демократизм, честность, прямоту характера и неприязнь к интригам.

Приняв рапорт, он дружески обнял Орлова, сказав ему негромко:

— Приехал разбираться, чего ты тут накуролесил. Доносы на тебя идут…

Михаил облегчённо вздохнул, понимая, главнокомандующий не желает давать его в обиду. Действительно, инспекционная поездка графа прошла успешно, корпусное командование перестало беспардонно вмешиваться в дела дивизии и тучи, кажется, рассеялись…

Вот только во время учения произошёл один досадный случай — причём всё в том же 32-м полку, в 3-м батальоне, которым командовал подполковник Нейман.

Егеря стреляли в цель. Не так, как в бою, быстро заряжая ружья и тем обеспечивая плотность меткого огня, но шаржировали — то есть заряжали «по разделениям», с отдельной командой на каждый приём, а затем палили залпом.

— Пальба будет! Заряжай ружьё! — выкрикивал команды подполковник.

Задние шеренги, скашивая строй, должны были подойти к передней и встать в промежутках. Однако что-то вышло не так, егеря сбились в кучу. Орлов поспешил к батальону и увидел, что подполковник безучастно наблюдает за неразберихой. Генерал возмутился:

— Вы разве не видите, что здесь присутствует его сиятельство?! Почему вы столь небрежно командуете батальоном?

— Не могу командовать, ваше превосходительство! — с чувством ответствовал Нейман. — Люди утратили прежнее похвальное рвение! А всему виною — майор Раевский! Он им

внушает, что командиры требуют от них по службе слишком многого! Он и приказы начальников истолковывает в противоположную сторону! Он выхваляет нижним чинам поступок бывшего Семёновского полка, а сие ведёт к недоброхотству к службе и к исполнению своей обязанности… Раевский подчинил своему влиянию полкового командира — полковник Непенин всё делает так, как ему Раевский укажет…

— Хватит, господин подполковник! — оборвал Орлов. — Поговорим об этом позже!

Михаил Фёдорович знал, что Нейман очень хочет занять место полкового командира, и сегодняшняя «демонстрация» была проведена в надежде привлечь внимание главнокомандующего, для которого и была приготовлена гневная речь. Однако Витгенштейн, не любивший «искателей» и выскочек, не стал подменять дивизионное начальство и выяснять, почему произошёл сбой. Ему было достаточно доклада Орлова: мол, люди молодые, необученные, скоро освоятся…

Когда граф уехал, то Орлов, переведя дыхание, вызвал майора Раевского. «Негоже тебе, Владимир Федосеевич, в полку оставаться! — сказал генерал. — Многие тут на тебя косо смотрят, разговоры разные идут. Того и гляди, с твоей горячностью, и до открытого столкновения дело дойти может… Охотников отпуск испрашивает, совсем его, бедного, чахотка замучила, кашляет беспрерывно. Так что ты пока на его месте побудешь — для пользы дела и своей выгоды».

Охотников заведовал в дивизии юнкерской и ланкастерской школами. Можно понять, что если почти 70 процентов пехотных армейских офицеров только и умели, что писать и читать, то с юнкерами, будущими офицерами, следовало проводить общеобразовательные занятия. Руководя этими школами, Константин с увлечением составлял новые программы, беспокоился о наборе возможно большего числа учащихся. Он понимал, что обучение превращало нижних чинов в надёжную, сознательную опору тайного общества, а юнкера, став офицерами, смогут пополнить его ряды. К тому же народное образование было одной из важнейших задач для тех, кто мечтал о преобразовании России. Конечно, до поры до времени тёмными и неразвитыми массами управлять легче, вот только думать о величии государства при таком народонаселении не приходилось… К тому же даже народ, пребывающий в косности и невежестве, в конце концов перестанет терпеть своё униженное положение — вот тогда-то и может грянуть очередной «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». (Хотя эта чеканная пушкинская формулировка появится несколько позднее.)

Охотников передал Раевскому большую и благодарную аудиторию.

Фёдор Парфениевич Радченко[208] вспоминал:

«В начале 1821 года произведён Раевский в майоры на 25 году от рождения; и вместе с производством генерал Орлов поручил ему привести в действие ланкастерскую солдатскую и юнкерскую школы, основанные с большими издержками при дивизионной квартире. Доверенность столь отличного генерала, как Орлов, ещё более как бы наэлектризовала деятельность и живые способности Раевского: скоро заслужил он полную доверенность и дружеское расположение генерала…»{337}

Майор Раевский привнёс, как говорится, в процесс обучения «новое содержание», «политизировав» его весьма существенным образом.

«При штабе дивизии была учреждена особенная школа для юнкеров, заведующим которой был назначен майор Раевский. В школе преподавались история, география, математика и русская словесность. При обучении грамотности в прописи были включены и объяснены Раевским такие слова, как свобода, равенство, конституция и перечислены революционеры разных стран: Мирабо, Риего, Квирога, Вашингтон»{338}.

На уроках истории Раевский рассказывал про вечевую республику Великого Новгорода и восхищался «тираноубийцей» Брутом, а на уроках географии, преимущественно политической, подробно и в сравнении рассказывал о государственном устройстве различных стран… Занятия в ланкастерской школе также не ограничивались одним лишь начертанием литер на песке…

* * *

Члены Кишинёвской управы понимали, что впереди у них — длительная просветительская работа. Надежды на греческих повстанцев рухнули.

Петербург и Москва о каких-либо решительных действиях не помышляли.

Между тем обстановка в России становилась всё хуже и хуже. «Эпоха Двенадцатого года» — это блистательное «время славы и восторга» — прошла безвозвратно. Вот как оценивал происходящее сам майор Владимир Раевский:

«В 1816 г. войска возвратились в Россию. Избалованные победами, славою и почестями, они встретили в отечестве недоверие правительства, неуважение к храбрым начальникам и

палочную систему командования.

…Военные поселения, это злодейское учреждение, погубило тысячи народа — история выскажет, что такое эти поселения! Вместо военных, храбрых генералов всю власть, всё доверие отдавали таким начальникам, как Рот[209], Шварц[210], Желтухины[211]. Знаменитым генералам Отечественной войны оказывали только наружное уважение.

Шпионство развилось.

Восстановление Царства Польского и намерение Александра присоединить отвоёванные наши русские древние владения к Польше произвели всеобщий ропот.

Жестокое обращение великих князей Николая и Михаила с солдатами. Бесчеловечное управление Сакена и Дибича в 1-й армии, где жалобы считались за бунт. Приказы по армии наполнены были приговорами за грубости и дерзости против начальников. Поездки государя за границу, где, как говорили, он отзывался с презрением о народе русском. Огромные расходы на эти поездки. Ограничение и падение учебных заведений; строгая цензура и, главное, недоверие к русским и подозрение в революционных тенденциях войска… производили из конца в конец России толки и ропот.

С начала царствования кроткий, либеральный Александр под влиянием Австрии и Аракчеева потерял и любовь, и доверие, и прежнее уважение народа. Россия управлялась страхом. Крепостное право (как он обещал) не было уничтожено. Об обещанной конституции и думать [нельзя]…»{339}

Историки подтвердят, что именно так оно тогда и было…

* * *

Не очень просвещённый современный читатель (встречаются, к сожалению, и такие) с уверенностью заявит, что все декабристы являлись масонами и заговор их был масонским. Но это не совсем так.

Хотя Орлов интересовался масонством, но пребывал лишь рядом с организациями и не вступил ни в какую ложу — несмотря ни на приглашения близких к нему людей, ни на очевидную выгоду такого шага. Известно ведь, что масоном был цесаревич Константин, и даже — о чём ходили упорные слухи — сам Александр I. Так что неудивительно, что в 1813 году при действующей армии была создана военная ложа «Железный крест» для русских и прусских офицеров. В Мобеже, где располагался штаб оккупационного корпуса, действовала ложа

«Георгий Победоносец», в Киеве — «Соединённые славяне». Видными масонами были князь Сергей Волконский, Пестель, генерал Фонвизин, кавалергарды ротмистр Лунин и светлейший князь генерал-майор Лопухин — люди, с которыми Михаил дружил или общался, служил, делил трудности похода и опасности боя…

По преимуществу русские масонские ложи состояли из молодых, только ещё вступающих в свет людей — упрочив свои жизненные позиции, они, как правило, к масонству охладевали; масоны возрастом постарше были в основном людьми среднего достатка. Знатные и солидные люди среди них встречались редко. Молодых офицеров приводили в масонские общества повсеместное брожение умов (вспомним слова Пестеля: «Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать»), жажда радикальных перемен и ещё — чувство патриотизма, ибо целью многих масонских лож объявлены были объединение славянских народов и первенствование России во всём остальном мире.

Например, в одном из параграфов «Уложения Великой ложи “Астреи”» значилось: «Масон должен быть покорным и верным подданным своему государю и отечеству; должен повиноваться гражданским законам и в точности исполнять их; он не должен принимать участия ни в каких тайных или явных предприятиях, которые могли быть вредны отечеству или государю. Каждый масон, узнавши о подобном предприятии, обязан тотчас извещать о том правительство, как законы повелевают». Именно эти требования и обратили поначалу к масонству благосклонный взгляд императорской фамилии…

С тем, чтобы ничего не делать во вред Отечеству, Орлов был согласен всей душой, а вот почитать государя (как бы своего племянника, о чём мы говорили!) «священной особой» — этого он не мог… Да и слишком хорошо ему, недавнему флигель-адъютанту, была известна личность государя Александра Павловича!

Именно в это время, где-то в конце весны 1821 года, в Кишинёве была создана масонская ложа, наречённая «Овидий» — по имени римского поэта[212]. Название ложи было самое «молдаванское», соответствующее местным условиям — помните, как у Пушкина, в «Евгении Онегине»:

Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный

В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей[340].

Пушкин, Орлов и многие другие герои нашего повествования точно так же оказались здесь, в Кишинёве, «в глуши степей», совсем не по своей воле…

Основал и возглавил ложу генерал-майор Пущин. Буквально самыми первыми в неё вступили Пушкин и майор Раевский… Но в основном в это общество вошли партикулярные чиновники — русские, французы, молдаване, греки… Орлов в масоны записываться не стал, но помогал «Овидию», чем мог.

7 июля кишинёвцы обратились к петербургской Великой ложе «Астрея» с просьбой «даровать их ложе конституцию» — и просьба эта вскоре была выполнена. «Овидий» получил номер 25, и члены его стали с нетерпением ожидать приезда из столицы представителя «Астреи» для совершения инсталляции — официального открытия кишинёвской ложи.

К сожалению, рассказать что-либо конкретное о деятельности «Овидия» не представляется возможным. Хотя известный дореволюционный историк Василий Иванович Семевский рассудил так: «Уже одного имени В.Ф. Раевского достаточно, чтобы быть уверенным, что в ложе “Овидия” разговаривали не об одной благотворительности»[341].

«В ноябре 1821 г. по особому царскому приказу закрываются все масонские ложи Бессарабии. Ложа “Овидий” просуществовала, таким образом, менее четырёх месяцев, и всё же своим политическим характером сразу обратила на себя внимание правительства. Ссыльный А.С. Пушкин, состоявший членом этой ложи, имел какие-то основания писать, что из-за Кишинёвской ложи и были закрыты все масонские ложи в России»[342].

Действительно, 20 января 1826 года встревоженный Пушкин будет писать из села Михайловского в Петербург, Василию Андреевичу Жуковскому:

«Я не писал к тебе, во-первых, потому, что мне было не до себя, во-вторых, за неимением верного случая… Вероятно, правительство удостоверилось, что я к заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел…

В Кишинёве я был дружен с майором Раевским, с генералом Пущиным и Орловым.

Я был масон в Кишинёвской ложе, то есть в той, за которую уничтожены в России все ложи.

Я наконец был в связи с большей частью нынешних

заговорщиков.

Покойный император, сослав меня, мог только упрекнуть меня в безверии…»{343}

Испуг Пушкина понятен: в это время в казематы Петропавловской крепости привозили генералов и полковников, и судьбы их были очень неясны, что уж говорить о нём, чиновнике 10-го класса, то есть по Табели о рангах — подпоручике гвардии?! Ни в чём реально не виновный, но всем известный, со многими знакомый и ко многому причастный, да ещё и высланный из Петербурга предыдущим государем…

Вот так и родилась та фраза, которую любят повторять исследователи — про кишинёвскую ложу, «за которую уничтожены в России все ложи».

Но вспомним: «Перед отъездом на конгресс [в Верону], император Александр повелел в рескрипте на имя управляющего министерством внутренних дел графа Кочубея, от 1-го (13-го) августа 1822 года, все тайные общества, под какими бы наименованиями они ни существовали, как-то: масонских лож или другими, закрыть и учреждения их впредь не дозволять; всех членов этих обществ обязать, что они впредь никаких масонских и других тайных обществ составлять не будут, и, потребовав от воинских и гражданских чинов объявления, не принадлежат ли они к таким обществам, взять с них подписки, что они впредь принадлежать к ним не будут; “если же кто такового обязательства дать не пожелает, тот не должен остаться на службе”»{344}.

Ещё раз обратимся к труду академика Нечкиной: «В ноябре 1821 г. по особому царскому приказу закрываются все масонские ложи Бессарабии». От ноября 1821-го до августа 1822 года — «дистанция огромного размера». Думается, что дальнейшие объяснения не требуются…

Хотя, как мы можем понять, было в деятельности «Овидия» нечто такое, из-за чего были закрыты все масонские ложи в Бессарабии…

Семевский объясняет это тем, что донесения полицейских агентов из 16-й дивизии «встретились» с информацией о деятельности кишинёвской ложи: «Это донесение окрасило особым светом другие, дошедшие до сведения Александра I, донесения о том, что будто бы в Измаиле учреждается масонская ложа под управлением генерал-майора Тучкова[213], а в Кишинёве прибывшего из Молдавии князя Суццо. В феврале этого года Ипсиланти провозгласил греческое восстание… В том же 1821 г. была представлена Александру I записка Грибовского о тайном обществе, закрыты масонские ложи в Царстве Польском и проч.

Решено было действовать в Бессарабии весьма энергично. 19 ноября 1821 г. князь Волконский сообщил генералу Инзову, который сам был масоном (он состоял членом ложи Золотой Шар в Гамбурге), повеление государя немедленно закрыть все существующие в Бессарабии масонские ложи “и впредь иметь неослабное наблюдение”, чтобы их не было в этом краю под страхом строгой ответственности»{345}.

* * *

Дела в дивизии шли своим чередом. Презрев «фрунтовую акробатику», генерал Орлов требовал прежде всего улучшать боевую выучку. Сам же он, человек широких взглядов и смелых идей, решился проверить на практике некоторые свои экономические выкладки и основал в Кишинёве сургучную фабрику. Этим Михаил смутил многих: генерал, дивизионный начальник, и вдруг — владелец фабрики.

Почти ежедневно у Орлова собирались генералы и офицеры — его единомышленники, спорили, вели нескончаемые разговоры. Казалось, впереди у них ещё немало времени для работы, подготовки к грядущим преобразованиям, а сейчас можно и нужно всё основательно обсудить, обдумать и определиться.

Раевский успешно руководил дивизионными школами, а по вечерам, запершись в своём кабинете вдвоём с Охотниковым — капитан оставался в Кишинёве, где у него были домик и виноградник, — трудились над запиской «Рассуждения о солдате». Писал Раевский вполне в духе приказов Орлова:

«Наши офицеры, большей частью взросшие в невежестве и не получа хороших начал, презрели все уставы и порядок, на которых основана истинная дисциплина, — приступили к доведению солдат не терпением и трудами, но простым и легчайшим средством — *палками.* Отсюда начались все неустройства, частные беспорядки и бесправие солдат.

Солдат не ропщет на законное и справедливое наказание, но он ненавидит корыстолюбивого и пристрастного начальника»{346}.

По мнению Раевского основной причиной многих бед являлись косность, невежество и необразованность.

Вот только кто бы мог знать, что двое из юнкеров, столь внимательно слушавших уроки майора, затем старательно и грамотно составляли доносы на своего наставника. 16-я пехотная дивизия была буквально наводнена агентами тайной полиции, и «нечувствительное» наблюдение было установлено даже за её

командиром. Давний друг и однополчанин Орлова, генерал Киселёв, всячески стремился расширить это агентурное присутствие — по собственному его выражению, «дух времени заставляет усилить часть сию».

Но кто может осуждать Павла Дмитриевича, ревностно выполнявшего свой долг? Дружба дружбой, а служба службой. Каждый сам выбирает себе дорогу…

…Кишинёвская управа доживала последние свои недели, и очень скоро дивизия, которую нижние чины с гордостью именовали «Орловщиной», будет называться так лишь в документах следствия.

* * *

На инспекторском смотре в Камчатском пехотном полку фельдфебель 1-й мушкетёрской роты[214] Артамон Дубровский доложил генералу Орлову — при этом другие нижние чины роты поддерживали его одобрительными возгласами, — что 5 декабря здесь произошло возмущение.

По словам фельдфебеля, ротный командир капитан Брюхатов пытался присвоить принадлежавшие нижним чинам «экономические» деньги[215], заявив, что он сам разберётся, что с ними делать. Так как подобным образом капитан «разбирался» уже не в первый раз, то каптенармус отказался выдать ему находящуюся в артельной кассе сумму, ссылаясь на соответствующий приказ дивизионного начальника. За это артельщик был дважды наказан палками — конечно, под разными предлогами. Во второй раз, например, по причине «медленного сушения сухарей»…

Впрочем, предоставим слово историку:

«Во время экзекуции к месту наказания подошла возвращавшаяся с занятий рота. Несколько глубоко возмущённых солдат выбежали вперёд со словами: “За что наказывается каптенармус в другой раз на одной неделе: он не виноват, и в первый раз был наказан за то, что не отдал капитану ассигновки на провиант по нашему на то запрещению, которое сделано нами по полковому приказу?” Подобное поведение солдат было неслыханно.

Между тем наказание не было прекращено. Тогда фельдфебель роты Артамон Дубровский, старый солдат, находившийся в службе 21 год, принимавший участие в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах, начал подговаривать солдат прекратить экзекуцию насильно…

Возглавляемые фельдфебелем рядовые Ребчинский и Куценко выбежали из строя, отняли у унтер-офицеров палки и, бросив на землю, кричали: “Не дадим каптенармуса в обиду и не находим его виновным”, и увели артельщика. Это был настоящий бунт. Всё делалось с одобрения всей роты, на глазах у растерявшегося командира»[347].

Выслушав заявление фельдфебеля, Михаил Фёдорович приказал капитану выйти перед строем, и заявил ему так, чтобы слышала вся рота: «На тебе эполеты блестящие, но ты не стоишь этих солдат!»

Бригадный командир генерал Пущин провёл следствие и выяснил, что за время командования ротой Брюхатов присвоил из солдатской казны 3351 рубль, что по тем временам было очень большой суммой. Капитан был отдан под суд.

…Более чем десять лет спустя Александр Сергеевич Пушкин напишет роман по сюжету, «подаренному» одним из его друзей: некий небогатый дворянин, по фамилии Островский, ограбленный своим соседом, превратился в романтического разбойника. Поначалу Пушкин назвал своё произведение «Островский», но после фамилия главного героя была изменена на «Дубровский». Как знать, не вспомнились ли ему трагические кишинёвские события и несчастный унтер-офицер с красивой поэтической фамилией?..

Вслед за камчатцами возмутились охотцы. Старые заслуженные воины георгиевские кавалеры унтер-офицеры Кочнев и Матвеев пришли прямо на квартиру дивизионного начальника, представив жалобу на батальонного командира майора Вержейского, безжалостного истязателя солдат. Для него будто не существовало не только приказов командира дивизии, но и высочайшего повеления об освобождении от телесных наказаний георгиевских и аннинских кавалеров. К тому же майор распоряжался обливать холодной водой или посыпать солью спины проведённых сквозь строй — чтобы раны саднили, мог привязывать руки штрафованного солдата к поднятым тележным оглоблям и так оставлять его мучиться на всю ночь…

Позвав с собой подполковника Липранди, генерал Орлов тут же поскакал в Охотский полк, где нижние чины высказали ему многочисленные претензии в адрес не только Вержейского, но и капитана Гимбута, прапорщика Понаревского…

Оставив Ивана Петровича разбираться в произошедшем, Михаил Фёдорович поскакал в 32-й егерский полк, где нижние чины выступили против ротного командира штабс-капитана Цыха…

И почему Орлов не почувствовал, что недаром зашевелились

все эти солдатские истязатели и нечистые на руку люди, словно ощутив у себя за спиной какую-то серьёзную поддержку?! Почему он не заметил грозовых туч, сгущающихся над его головой?

* * *

1 января 1822 года генерал Орлов устроил торжественный завтрак в честь освящения нового манежа. В качестве гостей приглашены были старослужащие чины пехотных полков. За спиной Михаила Фёдоровича, сидевшего в самом центре длинного, стоящего «покоем»[216] стола, были установлены георгиевские знамёна Камчатского и Охотского полков. В карауле при них стояли унтер-офицеры Кочнев и Матвеев. Это было откровенным, даже вызывающим поощрением поступка отважных воинов.

Праздник прошёл замечательно, хотя на душе у Михаила было неспокойно: жена его, ожидавшая первенца, чувствовала себя не совсем благополучно и пребывала в Киеве, у родителей. Генерал испросил отпуск. Он понимал, что не следовало бы оставлять дивизию в такое время, но, как всегда, надеялся на лучшее и досадовал, что происшествия в полках оттягивают его отъезд.

Через неделю Орлов наконец-то отправился в Киев, успев перед тем, 8 января, написать приказ относительно событий в Охотском полку:

«Думал я до сих пор, что ежели нужно нижним чинам делать строгие приказы, то достаточно для офицеров просто объяснить их обязанности, и что они почтут за счастье исполнять все желания и мысли своих начальников; но к удивлению моему вышло совсем противное…

В Охотском пехотном полку гг. майор Вержейский, капитан Гимбут и прапорщик Понаревский жестокостями своими вывели из терпения солдат. Общая жалоба нижних чинов побудила меня сделать подробное исследование, по которому открылись такие неистовства, что всех сих трёх офицеров принуждён представить я к военному суду. Да испытают они в солдатских крестах[217], какова солдатская должность. Для них и для им подобных не будет во мне ни помилования, ни сострадания.

И что ж? Лучше ли был батальон от их жестокости? Ни частной выправки, ни точности в манёврах, ни даже опрятности в одеянии — я ничего не нашёл; дисциплина упала, а нет солдата в батальоне, который бы не чувствовал своими плечами, что есть у него начальник…

Кроме сего, по делу оказались менее виноватыми следующие офицеры, как-то: поручику Васильеву, в уважение того, что он молодых лет и бил тесаками нижних чинов прежде приказов г. главнокомандующего, г. корпусного командира и моего, майорам Карчевскому и Данилевичу, капитану Парчевскому, штабс-капитанам Станкевичу и Гнилосирову, поручикам Калковскому и Тимченке и подпоручику Китицину за самоправное наказание, за битьё из собственных своих рук делаю строгий выговор…»{348}

Это был последний приказ Орлова в качестве командира соединения. С его отъездом в «Орловщине» начались совершенно иные события…

Насколько нам известно, в соединении к тому времени оказалось полным-полно агентов тайной полиции, добровольных доносчиков и несправедливо, как им самим думалось, обиженных, а потому всё, здесь происходившее, немедленно становилось известно в штабе 2-й армии. Знали там и про то, чему и как учили нижних чинов в ланкастерских школах, и как поддерживал Орлов солдат-«бунтовщиков», и про явное его попустительство вольнодумствующим офицерам, которые были известны поимённо. Знали про существование Кишинёвской управы и, возможно, догадывались о радикальных планах её руководителей…

При всём при том раскрывать явное злоумышление не спешили. Ведь если бы только Александр I узнал, что под носом у Киселёва свили гнездо заговорщики, так прости-прощай заветное генерал-адъютантство! Да и командиру 6-го корпуса не поздоровилось бы. К счастью, разного рода нейманам, которые могли бы отличиться открытием заговора, напрямую обращаться к императору не полагалось… Обсудив ситуацию, Киселёв и Сабанеев решили покончить с «Орловщиной» сами, воспользовавшись отсутствием дивизионного начальника.

Но тут следует сказать несколько слов о генерале Сабанееве, только тем для нас и известного, что он явился «гонителем», чуть ли не «погубителем» Орлова, а в войсках, за цвет лица, прозванного «Лимоном»…

Он окончил Московский университет, так что своей образованностью отличался от подавляющего большинства генералов. Придя капитаном в армию, воевал с турками и поляками, а затем, в чине майора, участвовал в Итальянском и Швейцарском походах Суворова; при Урзерне был ранен пулей в грудь, при Муттентале — в левую руку; пробыв некоторое время в отставке, он в 1807 году возвратился на службу полковником, воевал в Пруссии, при Фридланде был ранен штыком в лицо, а при Алаво, в Шведскую кампанию, — пулей в правую ногу; в 1809

году Сабанеев был произведён в генерал-майоры, назначен шефом егерского полка и воевал с турками; в 1812 году был начальником Главного штаба 3-й Западной армии, потом — Главного штаба генерала Барклая де Толли, прошёл все основные сражения Заграничного похода, до Парижа. В 1815 году командовал 27-й пехотной дивизией: блокировал Мец, сражался с партизанами в Вогезских горах. До 1818 года он служил в оккупационном корпусе, потом принял 6-й корпус.

Прекрасная биография боевого генерала! Вот как писал о нём Михайловский-Данилевский:

«Сабанеев был одарён от природы светлым умом и нравом пылким, раздражительным. Воспитанный в недрах семейства совершенно Русского, он с молоком всосал пламенную любовь к Отечеству и научился видеть в обязанностях службы долг, священный каждому Русскому дворянину. В Университете природный ум его укрепился и получил блеск литературной образованности, твёрдость мысли, упражнявшейся в занятиях учёных, которые были редки между военными людьми тогдашнего времени. Пламенная, бескорыстная любовь к России, непоколебимая честность, образованность, любовь к службе составляли отличительные черты его характера, которым не изменял он никогда, до самого фоба. Сабанеев был благотворителен, всегда готовый помогать, особенно своим старинным подчинённым. Так одному из них отдавал он свой пенсион по ордену Св. Георгия 3-го класса. Касательно наружности, вообразите себе человека малого роста, тщедушного по виду, бледно-жёлтого лица, близорукого, в зелёных очках, подозрительного, вспыльчивого, и перед вами изображение Сабанеева. В молодых летах обративший на себя внимание Суворова, он пользовался особенным благоволением Императора Александра…»{349} Далее следует список лучших наших военачальников, очень ценивших Сабанеева.

А вот с Орловым они просто не сошлись во взглядах и оценках…

«Генерал Орлов подал прошение в отпуск в Киев на 28 дней. Ему дали бессрочное увольнение. По отъезде его корпусной командир Сабанеев приехал в Кишинёв.

Орлов имел неосторожность, отдавая приказ по дивизии о предании суду майора Вержейского Охотского полка и капитанов Брюхатова и Ширмана за жестокие поступки их с солдатами, между прочим, выразиться так: “Разверните листы истории, и вы увидите, что все тираны погибли или должны погибнуть”. Этот приказ предписано было прочитать при ротах. Слово тиран всегда относилось к деспотической власти. Сабанеев приказ этот

остановил. Меня не было в Кишинёве, когда был написан и разослан этот приказ. Возвратясь в Кишинёв, я заметил генералу Орлову о неловкости такого приказа. После отъезда Орлова в Киев к тестю его, генералу Н.Н. Раевскому, началось следствие. Сабанеев приехал в Кишинёв. Император писал к Киселёву: “Скажите Сабанееву, что, доживши до седых волос, он не видит, что у него делается в 16-й дивизии”.

После многих глупостей и беззаконий, насилий и пыток кончилось на том, что Вержейского и Брюхатова и Ширмана освободили, и в Камчатском полку, в роте Брюхатова, фельдфебеля Дубровского и 5 рядовых лишили воинского звания, наказали кнутом и сослали в Сибирь в каторжную работу. Совершенно безвинно!»{350}

Генерал Сабанеев заранее знал, кого ему следует допросить в Кишинёве, — более всего его интересовал Владимир Раевский, с которым он встретился не один раз. К тому же к приехавшему корпусному командиру сразу потянулись доносчики, среди которых оказался и член Союза благоденствия майор Юмин. Он доверительно рассказал, что два года тому назад в дивизию привозили некую «Зелёную книгу», в которой расписались командиры егерских полков полковники Непенин и Кальм, но ничего более существенного сказать о деятельности тайного общества не смог… Иван Васильевич пригласил к себе обоих полковых командиров и в присутствии доносчика поинтересовался «Зелёной книгой». Те в один голос заявили, что это была какая-то акция благотворительного характера, подробностей которой они, по прошествии времени, уже и не помнят.

Других свидетелей тому не нашлось. Сабанеев отстранил Юмина от должности командира батальона, на которую его, вместо майора Вержейского, незадолго перед тем назначил генерал Орлов.

Более серьёзным оказался донос обучавшегося в дивизионной школе юнкера Сущова. К тому же против Раевского и без того было предостаточно материалов, по каковой причине майор представлялся главным зачинщиком всех беспорядков. Об этом Сабанеев и сообщил Киселёву, ответ от которого пришёл немедленно — начальник штаба 2-й армии полностью соглашался с выводами корпусного командира. Он понимал: свалив все грехи на одного офицера, можно обвинить его начальников в попустительстве — и аккуратно покончить с «гнездом заговорщиков» в 16-й дивизии, так что никто не скажет, что в войсках 2-й армии существовали какие-то злонамеренные тайные общества!

Хотя обо всём произошедшем Сабанеев подробно и без утайки рассказал генералу Инзову. Не только потому, что управляющего краем в таком случае миновать было нельзя — главное, что оба генерала дружили ещё с Альпийского похода, прошли не одну кампанию. Боевая дружба позволяла быть откровенными.

…Двадцать лет спустя Владимир Раевский записывал свои воспоминания:

«1822 года февраля 5-го в 9 часов пополудни кто-то постучался у моих дверей. Арнаут[218], который стоял в безмолвии передо мною, вышел встретить или узнать, кто пришёл. Я курил трубку, лёжа на диване.

— Здравствуй, душа моя! — сказал мне, войдя весьма торопливо и изменившимся голосом Алекс. Серг. Пушкин.

— Здравствуй, что нового?

— Новости есть, но дурные. Вот почему я прибежал к тебе.

— Доброго я ничего ожидать не могу после бесчеловечных пыток Сабанеева… но что такое?

— Вот что: Сабанеев сейчас уехал от генерала. Дело шло о тебе. Я не охотник подслушивать, но, слыша твоё имя, часто повторяемое, признаюсь, согрешил — приложил ухо. Сабанеев утверждал, что тебя непременно надо арестовать; наш Инзушко, ты знаешь, как он тебя любит, отстаивал тебя горою. Долго ещё продолжался разговор, я многого недослышал, но из последних слов Сабанеева ясно уразумел, что ему приказано, что ничего открыть нельзя, пока ты не арестован.

— Спасибо, — сказал я Пушкину, — я этого *почти* ожидал! Но арестовать штаб-офицера по одним подозрениям отзывается какой[-то] турецкой расправой. Впрочем, что будет, то будет. Пойдём к Липранди, только ни слова о моём деле.

Пушкин смотрел на меня во все глаза.

— Ах, Раевский! Позволь мне обнять тебя!

— Ты не гречанка[219], — сказал я»{351}.

Утром следующего дня Раевский до того, как был вызван к Сабанееву, преспокойно сжёг все компрометирующие бумаги — а вызван он был только в полдень. Майор равнодушно выслушал приказ об аресте, не торопясь отстегнул и отдал шпагу. На допросах и в Кишинёве, и в Тульчине он настаивал на полном своём неведении, с безразличным видом открещивался от самых очевидных улик.

Впрочем, проводивший следствие генерал-майор Киселёв особо и не упорствовал в своём стремлении познать истину. Недаром же он «случайно» передал адъютанту Бурцову список известных членов тайного общества…

Не получивший официального обвинения, но находящийся под следствием, Раевский 16 февраля 1822 года был заключён в Тираспольскую крепость, где содержался до января 1827 года, когда его вытребовали в Петербург и заточили в Петропавловскую крепость с указанием «содержать строго, но хорошо». Потом его почему-то отправили в царство Польское, в крепость Замостье, и только на исходе того же года он был осуждён «как член открывшегося тайного общества» к лишению чинов и дворянства и ссылке на поселение… В 1858 году Владимир Федосеевич на краткое время приехал в Россию, а затем вновь возвратился в Иркутскую губернию, где и скончался в 1872 году.

Разбиравшийся с генералом Орловым его друг Киселёв вёл следствие весьма деликатно. «Он не приписывал Орлову преступных замыслов, — он только обвинял его в слабости и чрезмерной доброте, которою-де пользовались люди, как Раевский, для достижения своих целей; и ещё более он осуждал “фальшивую филантропию” Орлова, утверждающего, “что нравственные способы приличнее и полезнее тех, которые невеждами употребляются”. Всё хорошо в меру, говорил Киселёв: не надо калечить людей, но и палки у унтер-офицеров незачем отнимать, да и вообще “мечтания Орлова хороши в теории, но на практике никуда не годятся”. Сабанеев и слышать не хотел об оставлении Орлова дивизионным командиром, и сам Киселёв соглашался, что Орлову 16-й дивизией более командовать нельзя»{352}.

Граф Витгенштейн также был весьма предупредителен. 20 марта он писал Орлову:

«Предписываю Вашему Превосходительству по прилагаемой при сём выписке из донесения ко мне командира 6-го пехотного корпуса Генерал-Лейтенанта Сабанеева представить мне ваши объяснения сколь можно в непродолжительном времени. А до тех пор пока происходить будет по сему предмету исследование, приказал я щитать[220] вас в отпуску и в управление 16-ю пехотного дивизиею вступить. Командиру 1-й бригады 17-й дивизии генерал-майору Козлянинову…»{353}

Далее следовали обвинения:

«По жалобе 31-го егерского полка рядового Суярченко на удар данный ему шпагой от ротного командира, дивизионный командир спрашивал роту, желает ли она сохранить своего начальника, а сему последнему сказал, что участь его зависит от роты…»

«Принял жалобу от бежавших к нему унтер-офицеров Охотского полка 3-й Гренадерской роты Кочнева и Матвеева, из

которых первый бежал из-под караула, а другой с квартиры…»

«Терпел или не знал поведение майора Раевского, коего взяв из полку, определил в Дивизионную лицею. Внушения Раевского переходили из Лицея в Ланкастерскую школу, составленную из нижних чинов учебной команды, а оттоль в полки…»

В общем, как говорится, «ничего смертельного» ему не инкриминировалось. Однако по повелению государя, которому, разумеется, аккуратно доложили о происходящем, было заведено «Дело о генерал-майоре Орлове 1-м».

«Киселёв предлагал Орлову почётный выход — проситься в отпуск, “на воды”, а там ему дадут другую дивизию; но Орлов упрямился и требовал формального суда. Дело тянулось почти полтора года…»{354}

Да кому он, этот суд, был нужен?! Уж если «дело декабристов», с вооружённым выступлением и пушечной пальбой посреди столицы, во многом «спустили на тормозах», то кому надо было громогласно рассказывать о чуть было не возмутившейся 16-й пехотной дивизии?!

«Весь 1822 год дело сие тянулось. Я жил в Киеве и ездил в Крым на несколько месяцев»{355}, — свидетельствовал потом генерал Орлов.

Наконец, императорским приказом от 18 апреля 1823 года Михаилу Фёдоровичу было отказано от командования дивизией, и он был назначен «состоять по армии». Реально Орлов был отправлен в запас, ибо вполне могла быть формулировка: «отставить от службы, чтобы впредь никуда не определять». Но всё-таки такой военачальник мог ещё пригодиться в случае войны…

Кишинёвская управа была разгромлена без всякого излишнего шума.

Генерал-майор Пущин уволен от службы «за болезнью» в феврале 1822 года. Генерал-майор Фонвизин вышел в отставку в конце того же года. Чуть раньше, майором, ушёл «по домашним обстоятельствам» Охотников; тогда же вышел в отставку — и также с повышением в чине — Иван Липранди. Полковник Непенин был отстранён от полка, но оставался «состоять по армии»…

Судьба майора Владимира Федосеевича Раевского нам уже известна.

Кстати, мы не сказали — просто повода не было, — что Раевский писал стихи. Большое стихотворное послание было передано им из Тираспольской крепости — оно так и называлось: «К друзьям в Кишинёве». Там были такие слова:

Скажите от меня О…. у,
Что я судьбу мою сурову
С терпеньем мраморным сносил,
Нигде себе не изменил
И в дни убийственный жизни
Немрачен был, как день весной,
И даже мыслью и душой
Отторгнул право укоризны»{356}.

* * *

Кажется, что так называемое «движение декабристов» оставило в сердцах Романовской династии испуг на генетическом уровне. Вот ведь великий князь Николай Михайлович[221] — серьёзный историк, председатель императорских Русского исторического и Русского географического обществ, — а так описал один из эпизодов поездки Александра I в 1823 году на юг:

«27 сентября Его Величество отбыл в Бессарабию и переправился через Днестр в Могилёв, где остановился в доме местного богача-еврея, а оттуда поехал в Тульчин. Здесь Государь пробыл несколько дней для подробного обзора 2-й армии, которой в общем остался доволен, кроме 15-й дивизии Михаила Орлова, пробывшей долгое время во Франции, в составе оккупационного корпуса. Император нашёл дух чинов этой дивизии неподходящим, отсутствие фронтовой выправки, упадок дисциплины и не скрыл своего неудовольствия. Причины тому были доносы, говорившие о революционном направлении офицерства, что и подтвердилось позже, когда многие из чинов этой дивизии были замешаны в заговоре 14 декабря 1825 года, и во главе их — сам М.Ф. Орлов. Но в общем Александр Павлович остался доволен состоянием 2-й армии, что и выразилось в назначении Киселёва, начальника штаба этой армии, генерал-адъютантом»{357}.

Читателя поразит пышный букет ошибок, допущенных этим, повторим, хорошим и серьёзным историком. Ведь Орлова и его сотоварищей в дивизии давно уже не было, номер её искажён, а в состав оккупационного корпуса входил только Якутский полк; «заговор 14 декабря 1825 года» — вообще какое-то фантастическое понятие, а почти все офицеры 16-й дивизии после разгрома «Орловщины» от тайного общества отошли… Но, как мы понимаем, тут сказался тот самый наследственный ужас, что проник в плоть и кровь Романовых.

Глава шестнадцатая. «ИНЫХ УЖ НЕТ, А ТЕ ДАЛЕЧЕ»

На том в принципе для Михаила Фёдоровича Орлова всё и закончилось. Разве что если почти до самого завершения 1825 года он ещё жил какими-то надеждами, то после известных трагических событий вообще перешёл в ту категорию, которые российские чиновники со свойственным им остроумием нарекли «доживающими». Он именно доживал… Но обо всём — по порядку.

«Его военная карьера, так блестяще начавшаяся, была кончена. Нового назначения ему не дали, и ближайшие три года, до ареста в конце 25-го года, он занимался приведением в порядок своего имения и стеклянно-фарфорового завода в Масальском уезде, жил то в деревне, то в Москве, ездил в Крым и т. д. Он был, по-видимому, на самом дурном счету в смысле политической благонадёжности, и с него не спускали глаз. В собственноручной записке Александра I, найденной после его смерти в его кабинете, среди шести видных генералов, наиболее заражённых пагубным духом вольномыслия и являющихся как бы главными очагами заразы в армии, назван и Орлов…»{358}

Вожди Северного и Южного тайных обществ предлагали Михаилу Фёдоровичу стать руководителем-координатором обеих организаций, но он отказался, зная, что за ним наблюдают. Потому и все его общения с заговорщиками носили как бы личный характер — по старой памяти, дружбе и родственным связям… Зато в письмах он не отказывал себе в удовольствии высмеивать «героев» и события, очередные благоглупости правительства. Адресаты этих писем копировали их для своих друзей, те — для своих, и крамольные послания Орлова разлетались по всей России…

Правда, генерал ещё искал применения своим силам и опыту на службе государству или обществу.

Мы помним, что в 1820 году Орлов на собственные средства основал в Киеве «учительскую школу при военно-сиротском отделении», о чём было подробно рассказано в его письме графу Аракчееву. Это был апрель 1824 года, граф Алексей Андреевич тогда был не только главным начальником Отдельного корпуса военных поселений, но и руководил его «военно-сиротской частью». В том фрагменте письма, который мы представили, говорилось об «истории вопроса»: как, когда и зачем была организована школа. Затем следовало совсем нерадостное

подведение, говоря канцелярским языком, «итогов деятельности»:

«…С начала существования оной школы воспитывалось в ней 83 человека, из коих выпущено в поселённые войска 3-й и Бугской уланских дивизий 10 человек, в Новгород 29, в корпус топографов 1, и в учители Киевского отделения 7, всего 47 человек.

Остальные 36 продолжают и теперь своё воспитание в сей школе…

Из сего краткого обозрения Вше Сво[222] изволите усмотреть, что то самое заведение, для коего я учредил сию школу, именно Киевское военносиротское отделение менее всех других пользовалось моим пожертвованием и хотя оно нуждалось и нуждается в образованных учителях, но из числа 47 выпущенных человек получило только 7…»{359}

Выражая надежду, «что сия школа получит законное существование… и что выходящие воспитанники не будут иначе определяться, как учителями в Киевское военно-сиротское отделение», и радость, «что теперь военно-сиротские отделения поступили в ведение начальника справедливого», Михаил Фёдорович подтверждал свою готовность «платить означенную сумму до истечения 10-ти лет» и спрашивал, «кому и в какие сроки приказано мне будет вносить сумму?».

Ответ от Аракчеева пришёл сразу — в числе его положительных качеств была привычка незамедлительно отвечать на письма, просьбы и жалобы.

Письмо — сама вежливость и любезность:

«Милостивый Государь мой

Михаила Фёдорович!

Я получил письмо Вашего Превосходительства от 26-го Апреля, и приношу вам благодарность за сообщённые мне сведения на щет[223] учительской школы, учреждённой при Киевском военно-сиротском отделении. По материалам, какие ныне согласно Высочайшей Его Императорского Величества воли, принимаются, содержание и обучение военных кантонистов в отделениях доведено будет до лучшего против прежнего положения, и впоследствии отделения будут иметь более способов. Посему Государю Императору угодно, дабы взнос жертвуемой вами суммы для учреждения в Киеве учительской школы вы прекратили с 1-го мая сего года в том внимании, что казна может обойтись без сего постороннего пособия…

Ответствуя сим на письмо ко мне ваше, Милостивый Государь мой, с истинным почтением имею быть

Вашего Превосходительства покорный слуга

Граф Аракчеев»{360}.

В общем, обойдёмся без твоих денег! И это при том, что граф Аракчеев не был казнокрадом и соблюдал казённый интерес. Наверное, от кого-то другого подобное пожертвование принял бы с удовольствием и благодарностью…

* * *

День 11 января 1825 года был последней праздничной датой на долгие годы: в Киеве обвенчались князь Сергей Волконский и Мария Раевская.

«Я вышла замуж в 1825 году за князя Сергея Григорьевича Волконского… достойнейшего и благороднейшего из людей; мои родители думали, что обеспечили мне блестящую, по светским воззрениям, будущность. Мне было грустно с ними расставаться: словно сквозь подвенечный вуаль, мне смутно виднелась ожидавшая нас судьба»{361}, — писала Мария в сибирской ссылке.

Таким образом, Орлов и Волконский породнились — по-русски они назывались свояками. По-французски, что им было более привычно — *beaufrere*.

Сватовство осуществлялось через Орлова. Князь Волконский вспоминал:

«Давно влюблённый в неё, я, наконец, в 1824 году решился просить её руки. Это дело начал я вести через Мих. Орлова, но для очищения всякого упрёка, что я виною тех испытаний, которым подверглась она впоследствии от последовавшего впоследствии опального моего гражданского быта… я положительно высказал Орлову, что если известные ему мои сношения и участие в тайном обществе помеха к получению руки той, у которой я просил согласия на это, то, хоть скрепясь сердцем, я лучше откажусь от этого счастья, нежели изменю политическим моим убеждениям и долгу моему к пользе отечества. И ввиду неполучения согласия и чтоб вывести себя и их из затруднительного положения, взял по причине вымышленной о расстройстве моего здоровья [отпуск] и поехал на Кавказские воды с намерением, буде получу отказ, искать поступления на службу в Кавказскую армию и в боевой жизни развлечь горе от неудач в частной жизни»{362}.

Орлов преуспел в своей миссии. Что он говорил Раевским — неизвестно, однако служить на Кавказе князь не остался. О том, что он возглавлял Каменскую управу Южного общества (вместе с Василием Давыдовым), невеста не знала. По крайней мере так утверждала она: «…я не имела понятия о существовании Тайного общества, которого он был членом. Он был старше меня лет на

двадцать, и потому не мог иметь ко мне доверия в столь важном деле»{363}.

* * *

27 ноября 1825 года в столице стало известно, что в Таганроге внезапно скончался император Александр I. Наследовать бездетному государю должен был следующий по старшинству брат — Константин. Однако ещё летом 1819 года Александр подписал завещание, передавая трон Николаю. Цесаревич Константин от престола отказывался.

Осторожный и мнительный Александр, явно опасаясь, чтобы никто не попытался ускорить «естественный ход событий», утаил завещание не только от русского народа, но и от своего ближайшего окружения и даже от самого наследника. И всё сложилось наихудшим образом: внезапная кончина царя смутила Россию. Сокрытие завещания вызвало сомнения в его подлинности, в отречение цесаревича не верили. В придворных кругах сложилась серьёзная оппозиция происходившему, что привело к междуцарствию: одного брата от трона не отпускали, другого — не пускали на трон. Ситуацией решили воспользоваться руководители Северного общества.

Вечером 12 декабря в доме Российско-Американской компании на Фонтанке, в квартире отставного поручика Рылеева, собралось большое общество — в основном офицеры гвардейских полков; ещё среди них были отставной гвардии поручик Иван Пущин, егерский полковник Булатов и кавказский герой драгунский капитан Якубович. Обсуждался план выступления…

«Постановлено было в день, назначенный для новой присяги, собраться на Сенатской площади, вести туда сколько возможно будет войска под предлогом поддержания прав Константина, вверить начальство над войском князю Трубецкому, если к тому времени не прибудет из Москвы М.Ф. Орлов. Если главная сила будет на нашей стороне, то объявить престол упразднённым»{364}, — вспоминал поручик лейб-гвардии Финляндского полка Андрей Розен.

Когда почти все разошлись, Кондратий Рылеев, руководитель Северного общества и известный поэт, пригласил нескольких человек — в их числе были штабс-капитан гвардейского Драгунского полка Александр Бестужев, поручик Финляндского полка Оболенский, отставной артиллерист Пущин — пройти в свой кабинет. О чём они там говорили, осталось неизвестным, но в конце совещания полковник Преображенского полка князь

Трубецкой передал кавалергардскому корнету Петру Свистунову два конверта, запечатанных сургучными печатями:

— Отвезёте это в Москву, генералу Орлову, — он протянул один конверт. — Мы приглашаем его в Петербург, принять начальствование над войсками. А это, — князь подал второй конверт, — в гражданскую канцелярию московского военного генерал-губернатора, титулярному советнику Семёнову.

— Но как же так, господа? — удивился корнет. — Сейчас, в канун выступления, — и уезжать?

Трубецкой обнял молодого офицера за плечи:

— Поверьте, поездкой этой вы принесёте куда больше пользы, нежели могли бы принести, оставаясь здесь. Слово чести! Берегите эти бумаги — в них судьбы общества и будущее России!

Впрочем, Трубецкой на допросе рассказывал всё совершенно по-иному:

«…Я к г. Орлову писать не решался до 13-го числа, когда, увидев, в каком я нахожусь в положении перед обществом, я в нём видел спасение и решился написать известное письмо от 13-го числа поутру, когда я не предвидел ещё, что бедствие последует так скоро… Притом я полагал, что если б переворот и исполнился во всём так, как я предполагал, то лицо г.-м. Орлова вселило бы более доверенности»{365}.

Князь совсем не был так прост или даже труслив, как принято считать. Да, он не вышел к восставшим полкам, но во всё время возмущения не уходил от Сенатской и Дворцовой площадей, ожидая той решительной минуты, когда ему, совершенно незнакомому для мятежных солдат полковнику, следует подойти к каре, властно и уверенно подать команду «Вперёд!», которую они должны выполнить. Если бы он несколько часов кряду, пока собирались возмутившиеся части, стоял на площади вместе со всеми, то у нижних чинов невольно бы возник вопрос: мол, чего это он тут вдруг начал командовать? — и общего внезапного порыва не получилось бы. Вот только заветный час так и не наступил…

Итак, утром 13-го, задолго до того, как занялся поздний зимний рассвет, тройка покатила по Московскому тракту поставленный на полозья свистуновский возок. Нашёлся у Петра и попутчик — прапорщик квартирмейстерской части Ипполит Муравьёв-Апостол[224], получивший назначение в штаб 2-й армии.

Ехали без ночлега и отдыха, торопили смотрителей и щедро рассыпали серебро на станциях, чтоб быстрее получить лошадей… Тем временем в Петербурге выходили на Сенатскую площадь гвардейские полки — восставшие и верные новому императору. Мятежниками были герои Бородина московцы,

отличившиеся при Валутиной горе лейб-гренадеры, матросы Гвардейского экипажа, наводившие переправы через Москву-реку и через Сену. Генерал-майор Алексей Орлов несколько раз атаковал их каре во главе своего лейб-гвардии Конного полка, отличившегося при Фер-Шампенуазе… Гремели ружейные и пистолетные выстрелы… В казармах Конной гвардии умирал раненный пулей и штыком генерал-губернатор Петербурга прославленный военачальник граф Милорадович. Он сделал всё возможное, чтобы престол был передан в соответствии с законом, а в день восстания пытался предотвратить кровопролитие, но стал первой жертвой… Наконец по восставшим ударили картечью орудия гвардейской артиллерии — возможно, те самые, что вели огонь с Шомонских высот по Парижу…

…Быстро летел по столбовой Московской дороге возок, везущий двух юных офицеров, а всё же на подъезде к древней столице его обогнали открытые санки, в них, кутаясь в медвежью полость, сидел генерал. Свистунов узнал графа Комаровского, командира Отдельного корпуса внутренней стражи.

Подъехав к станции, офицеры увидели, что ямщики уже заканчивают перепрягать лошадей, а генерал прохаживается у саней. Свистунов подошёл ближе. Признав в нём гвардейца, граф в двух словах рассказал, что в Петербурге был бунт, но мятежников разогнали, главари возмущения арестованы.

— Простите, спешу! — Комаровский уже садился в сани. — Надо приводить к присяге Москву!

Новость оглушила корнета. Свистунов вернулся к своему возку, сказал:

— Всё кончено!

Ни на кого не обращая внимания, он зашёл в помещение станции, достал из-за обшлага мундира конверты и бросил в ярко пылавший огонь. Бумага почернела и вспыхнула, расплавленный сургуч потёк кровавыми струйками…

Вскоре подали лошадей. Офицеры молча уселись бок о бок. Один был мыслями в Петербурге, другой — на юге. Ипполиту Муравьёву-Апостолу оставалось жизни две с половиной недели — он застрелится после поражения восстания Черниговского пехотного полка. Пётр Свистунов умрёт в Москве, после возвращения из сибирской ссылки — в 1889 году.

* * *

Тем временем ещё ничего не знающие московские «декабристы» (они не знали и того, что очень скоро их назовут

именно так) пытались понять, что им делать. Было известно, что Северное общество в Петербурге, как и Южное в Тульчине, готово к выступлению и что лучшим для этого времени является междуцарствие — а значит, возмущение следует ждать именно сейчас.

Встреча заговорщиков происходила 15 декабря. Якушкин вспоминал:

«Я предложил Фонвизину ехать тотчас же домой, надеть свой генеральский мундир, потом отправиться в Хамовнические казармы и поднять войска, в них квартирующие, под каким бы то ни было предлогом. Я Митькову[225] предложил ехать вместе со мной к полк[овнику] Гурко[226], начальнику штаба 5-го корпуса. Я с ним был довольно хорошо знаком ещё в Семён[овском] полку и знал, что он принадлежал к Союзу благод[енствия]. Можно было надеяться уговорить Гурко действовать вместе с нами. Тогда при отряде войск, выведенных Фонвизиным, в эту же ночь мы бы арестовали корпусного командира гр. Толстого и градоначальника московского кн. Голицына, а потом и другие лица, которые могли бы противодействовать восстанию.

Алексей Шереметев[227], как адъютант Толстого, должен был ехать к полкам, квартирующим в окрестностях Москвы, и приказать им именем корпусного командира идти в Москву. На походе Шереметев, полк[овник] Нарышкин[228] и несколько офицеров, служивших в старом Семён [овском] полку, должны были приготовить войска к восстанию, и можно было надеяться, что, пришедши в Москву, они присоединились бы к войскам, уже восставшим»{366}.

Сам по себе план, наверное, был замечателен. Не хватало только победы заговорщиков в Петербурге. А если бы таковой не случилось, то, заключает экзальтированный Якушкин, «…мы нашей попыткой в Москве заключили бы наше поприще, исполнив свои обязанности до конца и к тайному обществу, и к своим товарищам». Не знал Иван Дмитриевич, что новый император «заключал» военные мятежи картечью — так было 14 декабря на Сенатской площади, так будет у села Устимовки 3 января 1826 года. Ну, погибли бы сами, положили невинных солдат — какой был бы смысл в подобном «заключении»?

Пока же, закончив совещание в 4 часа утра, заговорщики решили вновь встретиться тем же вечером, пригласив генерала Орлова…

Но утро поломало все планы. Сначала по Москве молнией промчалось известие, что сюда прискакал неудавшийся император Николай и укрылся у генерал-губернатора… Вослед за первой молнией Москву поразила вторая: это приехал граф

Комаровский; в столице было восстание, оно подавлено, погибло много народу — и теперь в России новый царь.

Нужно было что-то делать. Фонвизин предложил Якушкину ехать к Орлову.

Михаил Фёдорович встретил их в парадной форме, при ленте и орденах — очевидно, уже ездил к присяге. Выглядел он безмерно усталым: приходилось во второй раз переживать крушение своих надежд. Но если в 1822 году удар был нанесён одной лишь Кишинёвской управе, то теперь, в чём не было сомнения, будут уничтожены все тайные общества и, судя по недавним событиям, самым радикальным образом. Это было по-настоящему страшно.

— Ну вот, генерал, всё кончено! — театрально произнёс заранее приготовленную французскую фразу Якушкин.

— Как это кончено? — возразил Орлов. — Это только начало конца.

Тут появился гвардии штабс-капитан Пётр Муханов[229], бывший адъютант генерала Раевского, находящийся в Москве в отпуску. О встрече этой Муханову пришлось потом рассказывать в своих показаниях, записанных в третьем лице:

«…прибыв к Орлову и едва войдя в комнату, как он спросил его: “Слышал ли ты что-нибудь о происшествии 14 декабря?” Муханов, видя незнакомого человека, отвечал, что о происшествии сём говорить неблагоразумно по слухам, до получения верных сведений. Орлов, заметя, что он опасается свидетеля, спросил, знает ли он Якушкина, и на слова его, что никогда не видывал, отвечал: “Вот он! При нём можно говорить!” Тогда Муханов рассказал всё, что слышал в доме одной родственницы своей. Орлов осуждал неблагоразумие сего дела и вместе с Якушкиным соболезновал о заточении в крепость, и между разговором, с обеих сторон весьма горячем и выразительном “Они погибли! — сказал Муханов, их ничто не спасёт, кроме смерти государя, и многие наши знакомые погибнут вследствие сего происшествия” (намекая на Давыдова, Волконского). “Надобно ждать подробностей, — сказал один из них, — может быть, иные спаслись, увидим, что будет”. “Видел ли ты кого-нибудь из членов находящихся здесь, что они говорят?” — спросил Орлов, и на ответ его, что нет, спросил: “Неужели ты не знаешь Фон-Визина, Митькова?” Тогда Якушкин сказал, что он едет к Митькову и пригласил и его с собою»{367}.

Приехав к Митькову, Муханов вскоре оказался здесь в центре внимания.

«Он был знаком с Рылеевым, Пущиным, Оболенским, Ал. Бестужевым[-Марлинским] и многими другими

петерб[уржскими] членами, принявшими участие в восстании. Все слушали его со вниманием; всё это он опять заключил предложением ехать в Петербург и, чтобы выручить из крепости товарищей, убить царя. Для этого он находил удобным сделать в эфесе шпаги очень маленький пистолет и на выходе, нагнув шпагу, выстрелить в императора. Предложение самого предприятия и способ привести его в исполнение были так безумны, что присутствующие слушали Муханова молча и без малейшего возражения. В этот вечер у Митькова собрались в последний раз на совещание некоторые из членов тайного общества, существовавшего почти 10 лет. В это время в Петерб[урге] всё уже было кончено, и в Тульчине начались аресты. В Москве первый был арестован и отвезён в Петропавлов[скую] крепость М. Орлов…»{368}

* * *

Москва ещё жила своей жизнью, а в Петербурге утром 16 декабря военный министр генерал от инфантерии Татищев представлял Николаю I проект указа об учреждении Следственного комитета. В состав комитета Татищев предлагал включить великого князя Михаила, бывшего командира Кавалергардского полка генерал-лейтенанта Голенищева-Кутузова, начальника 1-й кирасирской дивизии генерал-лейтенанта Бенкендорфа и командира Конной гвардии Орлова, вчера возведённого в графское достоинство. Но государь вычеркнул эту «восходящую звезду», сказав: «Его брат участвовал в сём злоумышленном обществе!» Вместо Орлова были записаны командир лейб-гвардии Гусарского полка генерал-майор Левашов, из бывших кавалергардов, и действительный статский советник Голицын.

* * *

Михаил Орлов был арестован 21 декабря, в 19 часов. А далее — путешествие из Москвы в Петербург. Впрочем, первые «объяснительные» ему пришлось писать ещё до отправки (отъезды были раньше) в столицу:

«Должен согласиться, что в нынешних неожиданных обстоятельствах, где осторожность должна быть первым правилом правительства, сия мера (его, Орлова, арест и опечатывание его бумаг! — *А. Б.),* сколь ни жестока для моего сердца, есть мера

столь же мудрая, сколь необходимая. Я знаю, государь, что давно нахожусь в сомнительном состоянии, но знаю также, что все подозрения, павшие на меня, суть последствия обстоятельств, а не моей виновности…

Наконец, в Петербурге готовятся ужасные происшествия, бунт, кровопролитие, начало общего переворота. А я живу здесь в Москве, ничего не знаю, ни с кем переписки не веду, редко езжу в собрания, малость к себе принимаю, занимаюсь собственными делами и воспитанием сына. Государь! Можно во многом мне упрекать, но не в трусости, ниже в подлости. Ежели б я был заговорщиком, я был бы там, где заговор исполняется…

Может быть, кто-нибудь в сём горестном происшествии употребил во зло имя моё, но те, кои считали на возмущение гвардии твоей, могли также считать и на моё содействие. Гвардия осталась тебе верною, и я также не могу отвечать за дерзновенное посягательство на честь мою и верность моей присяги…»{369}

Какая снисходительная ирония! Какое небрежное поучение! В абзаце про гвардию — этакий «солдатско-патриотический» переход «на “ты”»: мол, «не сумлевайся, царь-батюшка», в своих гвардейцах! «Литературщина».

Стиль весьма и весьма похож на «Размышления русского военного о 29-м “Бюллетене”» — тонкую издёвку над французским императором. Теперь Орлов насмехался над русским царём, и читатели этих писем — с ними знакомился не только Николай — быстро это поняли…

28 декабря Михаил был доставлен в Зимний дворец, превратившийся в большую съезжую — полицейский участок. К императору его проводил флигель-адъютант полковник Дурново (квартирмейстерский прапорщик из 1812 года).

Николай, облачённый в мундир лейб-гвардии Сапёрного батальона, стоял посреди кабинета, понаполеоновски скрестив руки на груди. У стены за небольшим столиком сидел генерал-адъютант Левашов — в роли секретаря.

— Очень жаль, что вижу здесь вас, моего старого товарища! — проникновенным голосом сказал царь. Орлов подумал, что эту фразу он говорит всем представителям «старшего поколения», то есть тем, кто воевал. Сам Николай впервые услышал боевые выстрелы на Сенатской площади.

— Присядем! — император по-простецки потянул Орлова за рукав мундира.

Сели на диван, бочком, так, чтобы видеть друг друга.

— Больно видеть… Без шпаги! — продолжал актёрствовать Николай. — Участие ваше в заговоре вполне известно, это и вынудило меня призвать вас к допросу. Но не хочу слепо верить

уликам. Не хочу, чтобы подтверждали вы вину вашу. Я больше надеюсь, что вы сможете оправдаться. Разумеется, не изощрённостью ума, а сказав одну лишь правду. Доказав искреннее раскаяние! Таково моё душевное желание. Других я допрашивал — вас прошу откровенно рассказать всё, что знаете. Считайте, что говорит с вами не император, но друг ваш — Николай Павлович. Обращаюсь к вам так потому, что знаю вас как благородного человека, флигельадъютанта прежнего императора, — он невзначай провёл пальцами по глазам и заговорил ещё проникновеннее: — Ты любил моего покойного брата. Ты знаешь, он тебя любил также… Ты обещал ему оставить это сообщество. Но что сделал ты?! Вот письмо, написанное тобою после обещания. Что ты ответишь? Честный человек держит слово!

Тут, как-то неприметно, в руке Николая появилась копия одного из тех орловских писем, что в списках ходили по России. Резкий переход от задушевного разговора к заурядному полицейскому приёму расставил всё по своим местам. Михаил Фёдорович пожал плечами:

— Не понимаю, ваше величество, о чём вы изволите вести речь. Про заговор я ничего не слыхал, а потому и принадлежать к таковому не могу. Поверьте, если бы я и узнал что, то посмеялся бы над такой идеей, как над глупостью.

Участливое выражение сошло с лица императора:

— Кажется, вы странно ошибаетесь насчёт нашего обоюдного положения. Поверьте, не вы снисходите отвечать мне, а я снисхожу до того, чтобы общаться с вами не как с преступником, но как со старым моим товарищем. Прошу вас, не заставляйте меня изменять моего к вам обращения, отвечайте моему доверию искренностью…

— Разве что про общество «Арзамас» вы хотите узнать? — спросил Орлов с усмешкой. — Я уже сказал, что ничего не знаю и мне не о чем рассказывать.

Выведенный из себя император перешёл на крик, приказал отправить его в Петропавловскую крепость.

Несколько лет спустя Николай I решил зафиксировать на бумаге свои впечатления о восстании 14 декабря 1825 года и его последствиях. Так получилось, что последние страницы этих записок посвящены нашему герою:

«Орлов жил в отставке в Москве. С большим умом, благородной наружностию — он имел привлекательный дар слова. Быв флигель-адъютантом при покойном императоре, он им назначен был при сдаче Парижа для переговоров. Пользуясь долго особым благорасположением покойного царя, он

принадлежал к числу тех людей, которых счастие избаловало, у которых глупая надменность затмевала ум, щитав[230], что они рождены для преобразования России. Орлову менее всех должно было забыть, чем он был обязан своему государю, но самолюбие заглушило в нём и тень благодарности и благородства чувств. Завлечённый самолюбием, он с непостижимым легкомыслием согласился быть и сделался главой заговора, хотя вначале не столь преступного, как впоследствии. Когда же первоначальная цель общества начала исчезать и обратилась уже в совершённый замысел на всё священное и цареубийство, Орлов объявил, что перестаёт быть членом общества, и, видимо, им более не был, хотя не прекращал связей знакомства с бывшими соумышленниками и постоянно следил и знал, что делалось у них. В Москве, женатый на дочери генерала Раевского, которого одно время был начальником штаба, Орлов жил в обществе как человек, привлекательный своим умом, нахальный и большой говорун…»{370}

Такой психологический портрет составил Николай Павлович одному из главных «бунтовщиков»… Описав известный уже нам ход допроса, император закончил его тем, что сказал «…обратясь к Орлову: — а между нами всё кончено.

С сим я ушёл и более никогда его не видел»{371}.

На том и завершаются «Записки Николая I о вступлении его на престол».

Ох, и закатал бы государь Орлова по первому разряду — в прямом и переносном смысле, если бы не брат его, граф Алексей Фёдорович, чуть ли не самым первым доказавший Николаю свою преданность в трагический день 14 декабря! Он, под ружейным огнём, самолично водил эскадроны на мятежные каре, потерял нескольких человек — значит, и сам рисковал жизнью. Отказать Орлову в милости по отношению к его брату император не мог…

В журнале Следственного комитета сохранилась запись от 30 декабря:

«Комитет по выслушивании показаний генерал-майора Орлова, находя, что в оных не видно чистосердечия и что объяснения его неудовлетворительны и запутаны собственными противоречиями, его обвиняющими, положил испросить соизволения его императорского величества, дабы запрещены были всяческие сношения с ген.-майором Орловым.

На докладной о сём записке 30 декабря государь император изволил собственноручно написать следующее: “Кроме как с братом его Алексеем”»{372}.

Но первое свидание произошло ещё 29-го, в 15 часов. Алексей постарался разъяснить брату серьёзность его положения и

рекомендовал быть чистосердечно откровенным… Но, как можно понять из вышеприведённой записи, «совет лишь попусту пропал»: в показаниях Михаила члены Следственного комитета не увидели желанного «чистосердечия».

Между тем уже шёл 1826 год, боевые генералы, блестящие гвардейцы, скромные армейцы и немногие статские (почти все — отставные офицеры), занимавшие камеры Петропавловской крепости, давали свои показания: откровенные, лживые, ошибочные… Кому-то казалось, что если император проникнется благородством их высоких помыслов, то сможет разделить эти идеи и управлять по-новому; кому-то думалось, что Николай I, узнав про масштабы заговора, не посмеет прибегать к репрессивным мерам, которые могут затронуть такое количество людей; кто-то, сломавшись, старался переложить свои грехи на других… Получая разного рода информацию, следователи пытались смутить своим всезнанием особенно неуступчивых и несговорчивых, заставляя их почувствовать одновременную нелепость и пагубность их молчания. И людям приходилось признавать очевидное, что-то говорить, кого-то вспоминать…

Не входя в Следственный комитет, граф Орлов был в курсе всех его дел, а потому сообщал брату о поведении и рассказах других подсудимых и, соответственно, руководил его показаниями. Постепенно из ответов Орлова исчез былой снисходительно-ироничный тон, в них появились немногие фамилии — но только тех людей, принадлежность которых к организации никаких сомнений уже не вызывала. Но Михаил Фёдорович не упускал случая подчеркнуть, с 1822 года он официально был вне всякого общества:

«В таковом положении мне тайн Общества знать было невозможно. Существование оного было известно, ибо без того нельзя было и приглашать меня в оное. Одно из положений, то есть разделение на две части, или отрасли, также мне было доверено; но других тайн я никаких не знал…»{373}

Неудивительно, что следователи теряли к нему интерес; последний допрос был проведён 2 марта, а затем жизнь Орлова в камере стала напоминать пребывание в дешёвом пансионе. Мария Волконская, которая в апреле приехала в Петербург и добилась возможности посетить мужа в крепости, вспоминала:

«Граф Алексей Орлов (неудивительно, теперь он был и её родственник! — *А. Б.)* сам повёз меня в крепость. Когда мы приближались к этой грозной тюрьме, я подняла глаза и, пока открывали ворота, увидела помещение над въездом с настежь открытыми окнами и Михаила Орлова в халате, с трубкой в руках, наблюдающего с улыбкой за въезжающими»{374}.

Можно не сомневаться, что и обед ему привозили из ресторана. Конечно, кое-кто считал, что ему весьма повезло… Да, повезло! Но вот что на ум приходит: а если б члены общества на Московском съезде поддержали предложения Орлова — может, им и не пришлось бы теперь томиться в тюремных камерах?

Понятно, что подробно рассказывать о пребывании Михаила в крепости не имеет смысла, и завершим рассказ об этом периоде официальным документом:

«Аудиториатский департамент находит виновным генерал-майора Орлова 1-го в том, что он, не удостоверясь в поведении майора Раевского, поручил ему в управление юнкерскую школу, потом, заметив в нём пылкие выражения и услышав о поступках Раевского во время командования им в полку ротою, не удалил его от юнкеров и, не приступя к секретному о том исследованию, оставил его по-прежнему начальником школы, при коей находясь, он до самого ареста внушал юнкерам вредные правила; сверх того он, Орлов, приказами по дивизии объявляя покровительство своё нижним чинам противу частных начальников их, велел читать сии приказы в ротах, чем ослаблена не только власть тех начальников, но и самая воинская дисциплина. А как по сему же поводу произошли все неустройства в 16-й дивизии и даже сделан нижними чинами Камчатского пехотного полка весьма нетерпимый буйственный поступок, коим Орлов при инспекторском смотре осмелился объявить прощение, не имея на сие права, то Аудиториатский департамент полагает: отставя его, Орлова, от службы, впредь никуда не определять и не позвалять ему выезжать из того места, где изберёт жительство»{375}.

По сравнению с другими Михаил Фёдорович отделался лёгким испугом.

«Великий князь Константин Павлович при чтении приговора суда заметил: Тут главнейших заговорщиков недостаёт; следовало бы первого судить или повесить Михаила Орлова»{376}.

Разумеется, не он один оказался таким «счастливым». «Много лиц, сильно скомпрометированных, не были даже допрошены. Генерал Шипов[231], бывший интимным другом Пестеля, Александр Шипов[232], князь Лопухин[233], князь Илья Долгорукий[234], который был директором Северного общества, граф Витгенштейн[235], флигель-адъютант М. Орлов, который был арестован, заключён в С.-Петербургскую крепость и освобождён»{377}, — вспоминал корнет Кавалергардского полка Александр Муравьёв[236].

Незнакомые с Орловым заговорщики так объясняли произошедшее:

«Алексей Фёдорович Орлов употребил всю свою силу, всё

своё влияние на государя, чтоб спасти своего брата Орлова, который был одно время членом Северного общества, принял 40 членов и сделал из них вернейших прозелитов. По ходу дела в Следственной комиссии Орлова нельзя было выпутать, и Алексей Фёдорович ожидал спасения брату единственно от монаршей милости, и для этого он выбрал минуту, когда государь шёл приобщаться Святых Тайн. Сначала государь ему отказал, сказав: “Алексей Фёдорович, ты знаешь, как я тебя люблю, но просишь у меня невозможного… Подумай, ежели я прощу твоего брата, то должен буду простить много других, и этому не будет конца”. Но Орлов настаивал, просил, умолял и за прощение брата обещал посвятить всю жизнь свою государю, и государь простил. Ночью приехал за М. Орловым возок, и так как он недалеко от меня сидел в каземате, то я видел, как Подушкин[237] сильно суетился, как одели генерала в шубу, как его с низкими поклонами усаживали и отвезли, говорили, сначала на конногвардейскую гауптвахту, а в ту же ночь на жительство в дальнюю деревню его, без выезда. Черта благородная со стороны Алексея Фёдоровича, которой он показал, что имел довольно братской любви…»{378}

Очень красиво, но не очень достоверно. И «сорок прозелитов», и то, как новоиспечённый граф «обещал посвятить всю жизнь свою государю», и даже подробности отъезда Михаила Фёдоровича из крепости…

Все «красоты» решительно перечёркивает резолюция барона Дибича на докладной записке Следственного комитета: «Продержав ещё месяц под арестом, и в первом приказе отставить от службы с тем, чтобы впредь никуда не определять. По окончании же срока ареста отправить в деревню, где и жить безвыездно; местному начальству иметь за ним бдительный тайный надзор»{379}.

При чём здесь барон Дибич, начальник Главного штаба? Да при том, что государю очень хотелось хотя бы ущипнуть младшего Орлова, не напрягая отношений с Орловым-старшим. Вот и сделали по старой русской пословице: «жалует царь, да не жалует псарь»… Мол, государь хотел освободить Михаила побыстрее… но отменять приказ начальника Главного штаба было неудобно.

Знакомые декабристы — в том числе и сослуживцы — его осуждали. Старинный друг и *beau-frere* Волконский писал так: «Лицо замечательное по уму, образованности и сердцу, преисполненному чувством полезного, бывшему впоследствии светилом среди молодёжи, но не оказавшему впоследствии того, что ожидали от него при грозных обстоятельствах 1826 года»{380}.

Непримиримый Михаил Лунин[238] прозрачно намекал

(смысл намёка мы объясним чуть ниже) на Орлова: «Обозначим людей другого рода: помилованных по нашему делу. Их лыком шитая тактика небезопасна для неопытных. Одни прикидываются угнетёнными патриотами и успевают покорять удивление простаков своего квартала, издавая сочинения, которых никто не читает, и покровительствуя школы живописи…»{381}

Из крепости Михаил был освобождён 17 июня 1826 года. 19-го он уже был в Москве, и у дверей его квартиры стояли часовые. Для того чтобы увидеть зятя, Николаю Николаевичу Раевскому пришлось обращаться к московскому генерал-губернатору… В конце месяца фельдъегерь сопроводил Орлова в его село Милятино Калужской губернии; тамошний генерал-губернатор получил указание учредить за ним секретный надзор и ежемесячно докладывать о его поведении.

* * *

А дальше действительно начинается «дожитие», с постоянными и упорными оправданиями… Например, в 1827 году в обществе прошелестел слух, что Михаил Фёдорович вознамерился самовольно поехать в Одессу — явно для того, чтобы, связавшись с греческими контрабандистами, покинуть российские пределы. Какой получился скандал, мы не знаем, но опальному генералу пришлось писать императору — вот его сохранившийся черновик письма:

«Всемилостивейший Государь!

Я никогда не имел намерения уехать в Одессу, и никому о том не писал, не говорил.

Воля Вашего Императорского Величества по сему предмету как всегда и во всяком случае была и будет для меня Святейшим законом.

Те, кто донесли о таком моём предприятии или обмануты неизвестным мне стечением обстоятельств или хотели оклеветать меня.

Предпринять то, в чём меня обвиняют, есть дело сумасшедшего.

Государь! я в таком положении, что …[239] малых огорчений.

Без службы, без почестей, без всякой будущности я искал убежища в семейных наслаждениях дружбы и законной (вставлено сверху. — *А. Б.)* любви…

Государь, я льщу себя надеждою, что Ваше Императорское Величество не лишит милостивого внимания просьбы моей и позволит возвратиться мне к тестю моему. Не вы ли, Государь,

позволили мне присутствовать в Москве при родах жены моей, из Вашего великодушия и вопреки собственного Вашего приговора?..»{382}

А вот пример иного толка. Гораздо позже, уже в 1836 году, пошли слухи о том, что Орлов явился переводчиком скандально знаменитого «Философического письма», написанного его старинным другом Чаадаевым. И Михаилу Фёдоровичу приходится писать оправдательное письмо на адрес шефа Корпуса жандармов:

«Милостивый Государь

Граф Александр Христофорович!

Дошли до меня слухи, что в Петербурге некоторые лица или по незнанию, или по личному неблагоприятному ко мне расположению, приписывают мне перевод философического Письма помещённого в Телескопе. Сие побуждает меня торжественно объявить перед Вашим Сиятельством:

1-е) Что я никогда не брал ни малейшего участия в переводе вышесказанного письма.

2-е) Что в сём письме нет ни одного основания, ни одного вывода, ни в Религиозном, ни в Философическом, ни в Историческом смысле, с коим я был бы согласен.

3-е) Что не только не разделяю образа мыслей Сочинителя, но был и есть противником оного всегда и везде и во всяком случае…»{383}

Сравните эти строки с тем, что писал Орлов раньше! Словно бы совершенно разные люди…

Можно сказать, что царская милость сгубила «без вины прощённого» генерала. Принуждённый безвылазно жить в своём имении, то есть в ссылке, он был рад каждой монаршей подачке, каждая встреча становилась счастливым событием — но, к сожалению, таким редким, потому как дозволить её мог всего лишь один человек во всей империи — император Николай I!

Александр Христофорович Бенкендорф писал:

«Милостивый Государь, Михаил Фёдорович!

Государь Император Высочайше соизволяет на свидание Вашего Превосходительства с братцем Вашим и на отправление Ваше по сему предмету в то место, которое Графом Алексеем Фёдоровичем для сего свидания назначено будет.

Извещая о сём Вас, Милостивый Государь, честь имею быть с совершенным почтением Вашего Превосходительства покорнейший слуга

А. Бенкендорф.

9 Генваря 1828»{384}.

Как всё любезно! И кажется, что этот хрупкий от времени

лист бумаги до сих пор сохранил тончайший аромат дорогих парижских духов…

Но всё же «режим содержания» постепенно смягчается. Орлову разрешают съездить в Москву, к генералу Раевскому; потом — пожить в Полтаве у его сына…

16 сентября 1829 года семью Раевских постигла очередная утрата… Первой стала отправка в вечную ссылку в Сибирь Сергея Волконского в июле 1826 года; второй — отъезд Марии Николаевны вслед за мужем в декабре того же 26-го; через год ушёл в вечность оставленный на попечение деда маленький Николенька Волконский… И вот теперь скончался сам Николай Николаевич.

«Верный друг, нежный отец, истинный сын отечества и православной нашей церкви, он сохранил до последнего своего дыхания отличительную черту своего сердца, способность любить, и умирающею рукою успел ещё благословить неутешное своё семейство. Он скончался на 59-м году своей жизни, не оставив на сём свете ни одного человека, который бы имел право восстать против его памяти. Похвала великая для каждого, но ещё большая для людей, облечённых силою и властью…»{385} — писал Орлов в «Некрологии генерала от кавалерии Н.Н. Раевского», которая была издана отдельной брошюрой и разослана подписчикам «Русского инвалида», а также перепечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях». И в том, и в другом случае — без указания автора…

Наконец, после пяти лет ссылки, ему разрешили вернуться в родной город.

«Милостивый Государь,

Михаила Фёдорович!

Его Величество Государь Император изволил Высочайше изъявить соизволение на переезд Вашего Превосходительства в Москву, по докладу Графа Алексея Фёдоровича, который, уведомив Вас о сём, сообщил Вам также относящуюся лично к Вам Высочайшую волю, которую я с своей стороны зная Вас, Милостивый Государь, с столь давнего времени, считаю излишним повторять.

Объявив Высочайшую волю о дозволении Вашему Превосходительству жить в Москве Г-ну Московскому Военному Генераль Губернатору[240], равно как и Калужскому Гражданскому Губернатору, мне остаётся только покорнейше просить Вас, Милостивый Государь, по прибытии Вашем в Москву возобновить Ваше знакомство с Генерал-Майором Корпуса Жандармов, Графом Апраксиным и в случае когда Вам надобно будет сообщать правительству какие-либо сведения, доставлять

оные ему, графу Петру Ивановичу Апраксину, для предоставления мне.

С совершенным почтением и искреннею преданностью честь имею быть

Вашего Превосходительства покорнейший слуга

А. Бенкендорф.

12 мая 1831»{386}.

Иезуитский стиль Бенкендорфа восхищает! И ведь не придерёшься: граф Апраксин[241] действительно был давним знакомым Орлова, в полку вместе служили… По сути же Михаил Фёдорович передавался графу под надзор его ведомства. Любая его просьба должна была проходить через жандармов, то есть через политическую полицию.

Орлов воспользовался этой «оказией» и буквально сразу передал письмо государю с просьбой отправить его рядовым на Кавказ. То ли решил таким образом получить прощение, но, скорее, вспомнил, как в молодости кавалергарды дразнили Александра I, — и захотел подшутить над его младшим братцем. Генеральских эполет он лишён не был, так с какой стати — солдатом?! Естественно, был получен отказ…

Итак, в 1831 году Орлов возвратился в Москву. Жизнь его была неспокойной. Михаил Фёдорович буквально метался по городу, беспрестанно менял квартиры, нигде не находя успокоения. У него собирались известные «московские мудрецы», первым из которых был Пётр Яковлевич Чаадаев, которого Николай I объявит сумасшедшим за публикацию того самого «Философического письма»; встречался он с Денисом Давыдовым, дослужившимся до чина генерал-лейтенанта и в свои наезды в Москву жившим в особняке на Пречистенке — с ним было чего и кого вспомнить… В круг общения Орлова вошли юные вольнодумцы Александр Герцен и поэт Николай Огарёв, и ещё один начинающий поэт — Яков Полонский, и будущий великий писатель Иван Тургенев… Когда в Москву приезжал Александр Сергеевич Пушкин, то, посещая Орлова, он знакомился в его доме с «литературной молодёжью».

Стремясь найти выход своей энергии, Михаил Фёдорович деятельно участвовал в различных благотворительных обществах, много писал — в том числе занялся мемуарами…

Но чувство вины перед теми, кто был сослан в Сибирь или на Кавказ, кого уже нет, давило на его плечи тяжким бременем, отравляло его существование, привносило ужасную двойственность в его бытие. Он возмущался, но чаще ему приходилось каяться и оправдываться, — а потом по-стариковски брюзжать…

2 декабря 1835 года в Большом Петровском театре была сыграна комедия «Недовольные» популярного писателя Загоскина. По рекомендации государя автор пьесы взял в качестве прообразов своих героев людей устаревших, отживших, а потому всем недовольных — известных в прошлом вольнодумцев Орлова и Чаадаева. Пьеса получилась слабая, все её разругали… Зато про её героев пошла эпиграмма:

Чета московских краснобаев
Михаил Фёдорович Орлов
И Пётр Яковлевич Чаадаев
Витийствуют средь пошляков…

Всё в прошлом! К тому же всё чаще приходили известия о невосполнимых потерях: ровесник граф Павел Сухтелен… Пушкин… Денис… Это — имена; а сколько было полковых и боевых товарищей, просто старых друзей?

«Бедный Орлов был похож на льва в клетке. Везде стукался он в решётку, нигде не было ему ни простора, ни дела, а жажда деятельности его снедала…

Он был очень хорош собой; высокая фигура его, благородная осанка, красивые мужественные черты, совершенно обнажённый череп, и всё это вместе, стройно соединённое, сообщало его наружности неотразимую привлекательность.

…От скуки Орлов не знал, что начать. Пробовал он и хрустальную фабрику заводить, на которой делались средневековые стёкла с картинами, обходившиеся ему дороже, чем он их продавал, и книгу он принимался писать “о кредите”[242], — нет, не туда рвалось сердце, но другого выхода не было. Лев был осуждён праздно бродить между Арбатом и Басманной, не смея даже давать волю своему языку.

Смертельно жаль было видеть Орлова, усиливавшегося сделаться учёным, теоретиком…»{387} — вспоминал Александр Герцен.

Между прочим, книга Орлова «О государственном кредите» считается выдающимся памятником российской социологической мысли. Так что Лунин был не совсем прав, когда с насмешкой писал об этом сочинении (ему в Сибирь присылали все литературные новинки); необъективной была и его оценка «покровительства школе живописи». Ведь в биографии генерала сказано:

«Будучи одним из полезнейших членов Московского Художественного Общества, он был избран (в ноябре 1833 года) директором Художественного класса (Московское Общество

Живописи и Ваяния). Орлов много содействовал развитию этого учреждения…»{388}

А что ещё ему было делать, ежели так сложилось? Жить — чтобы жить, и не более; удовольствия в таком существовании он не находил. Человек огромных потенциальных возможностей, блистательно начавший свой путь, на первых же шагах сделавший удивительную служебную карьеру, он вполне мог бы достичь тех же высот, что и его старший брат, или один из ближайших друзей — граф Павел Киселёв, или другие его однополчане и былые сослуживцы. Но он выбрал иную судьбу — да только задуманное не сбылось, не получилось…

Жизнь Михаила превратилась в узел из множества противоречий, который разрубила только смерть, наступившая в результате долгой и тяжёлой болезни.

Генерал Орлов умер 19 марта 1842 года — ровно через 28 лет после того, когда он подписал капитуляцию Парижа…

Он умер, и в его доме на улице Пречистенке появились офицеры в голубых с серебром жандармских мундирах. Они опечатали и увезли в Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии бумаги покойного. Как объяснили — чтобы отобрать материалы, касавшиеся службы и не представлявшие интереса для семьи… Действительно, вскоре личные документы Орлова вернули — в том числе и его воспоминания. Да только историкам не даёт покоя то, как начинаются его записки, впоследствии озаглавленные «Капитуляция Парижа»:

«Не трудно было заключить из положения военных действий, что Наполеон, отражённый попеременно при Лаоне и Арсисе, был решительно слабее каждой из двух союзных армий, идущих концентрически на Париж…»{389}

Впечатление такое, будто вошёл в комнату, где сидят два собеседника, давным-давно разговаривающих… Очевидно, то, что до нас дошло — лишь фрагмент из больших воспоминаний… Но где они сами — не знает никто…

Орлов погребён на кладбище Новодевичьего монастыря, где покоятся его боевые друзья и единомышленники — Денис Давыдов, Александр Николаевич Муравьёв, князь Трубецкой… Кроме дат жизни, на могильной плите Михаила Фёдоровича обозначен день капитуляции Парижа.

В 1885 году рядом с мужем будет похоронена Екатерина Николаевна Орлова, пережившая всех своих братьев и сестёр.

* * *

…В 1856 году из Сибири в Центральную Россию возвратился Сергей Григорьевич Волконский. Вот каким увидел его в Москве году в 1861-м или 1862-м доктор Николай Андреевич Белоголовый, его иркутский знакомый:

«Я нашёл его хотя белым, как лунь, но бодрым, оживлённым и притом таким нарядным и франтоватым, каким я его никогда не видывал в Иркутске; его длинные серебристые волосы были тщательно причёсаны, его такая же серебристая борода подстрижена и заметно выхолена, и всё его лицо с тонкими чертами и изрезанное морщинами делали из него такого изящного, картинно красивого старика, что нельзя было пройти мимо него, не залюбовавшись этой библейской красотой. Возвращение же после амнистии в Россию, поездка и житьё за границей, встречи с оставшимися в живых родными и с друзьями молодости и тот благоговейный почёт, с каким всюду его встречали за вынесенные испытания — всё это его как-то преобразило и сделало и духовный закат этой тревожной жизни необыкновенно ясным и привлекательным»{390}.

Возможно, так же сложилась бы и судьба Михаила Фёдоровича, если бы граф Орлов не уберёг его в своё время от Сибири. А может, и нет… Кто знает?

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ МИХАИЛА ФЁДОРОВИЧА ОРЛОВА

1788, 25 марта — родился в Москве; родители — граф Фёдор Григорьевич Орлов и Татьяна Фёдоровна Ярославова.

1796, 27 апреля — указом императрицы Екатерины II за всеми «воспитанниками» Ф.Г. Орлова были признаны дворянские права, фамилия и герб Орловых, но без графского титула.

17 мая — скончался Ф.Г. Орлов.

1801, 27 августа — Михаил и его братья Алексей и Григорий зачислены юнкерами в Коллегию иностранных дел; предположительно в сентябре определены в пансион аббата Николя.

1805, 15 июля — поступил эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк.

10 августа — полк, вместе с другими частями гвардии, выступил в Австрийский поход.

20 ноября (2 декабря) — Орлов получил боевое крещение в сражении при Аустерлице.

1806, 9 января — за отличие произведён в чин корнета гвардии.

1807, 13 февраля — кавалергарды выступили в Прусский поход; в ходе открывшейся кампании М. Орлов участвовал в сражениях при Гутштадте (24 мая) и на реке Посарже (25 мая), под Гейльсбергом (29–30 мая) и при Фридланде (2 июня); награждён золотой шпагой «За храбрость».

Июнь — июль — присутствовал на переговорах в Тильзите, выполняя особые поручения.

1808, 27 апреля — произведён в чин поручика гвардии.

1810, 1 июля — назначен адъютантом к генерал-лейтенанту князю П.М. Волконскому.

1812, 10 апреля — прибыл в Вильно, в штаб 1-й Западной армии.

14–22 июня — сопровождал русского парламентёра министра полиции генерал-лейтенанта А.Д. Балашова в его поездке к императору Наполеону. *2 июля* — Михаил Орлов был назначен флигель-адъютантом к его императорскому величеству.

Середина августа — встреча с императором Наполеоном.

26 августа — участие в сражении при Бородине.

29 сентября — взятие города Вереи; за отличие в этом деле Орлов, начальник штаба в отраде генерала И.С. Дорохова, награждён орденом Святого Георгия 4-го класса (6 ноября 1812

г.).

Ноябрь — скрытно пройдя через расположение неприятеля, прибывает к войскам Молдавской армии.

2 декабря — произведён из поручиков в ротмистры (минуя чин штабс-ротмистра).

1813, начало января — выход в свет памфлета «Размышления русского военного о 29-м “Бюллетене”».

28 января — Орлов направлен в Главную квартиру французской армии. Цель поездки осталась неизвестной.

Февраль — Орлову поручен отдельный «летучий» отряд, с которым он действовал в тылу противника.

25 марта — произведён в чин полковника гвардии.

17(29) марта — отряд Орлова разбил в местечке Кольдиц баварский арьергард.

23 мая (4 июня) — 16(28) июля — Плейсвицкое перемирие, в ходе которого Орлов был наблюдателем с русской стороны.

14–15 (26–27) августа — штурм Дрездена; Орлов состоял при прибывшем к русской армии французском генерале Моро.

19 (31) октября — в бою при Гельнхаузене отряд полковника Орлова взял две пушки и 800 человек пленных.

1814, 19 (31) марта — М.Ф. Орлов составил и подписал капитуляцию Парижа.

2 апреля — Орлов произведён в чин генерал-майора; ему велено состоять по кавалерии в Свите Его Величества.

Апрель — участвует в подготовке Фонтенблоского трактата — отречения императора Наполеона.

Май — август — Орлов выступает в качестве представителя русского императора на переговорах между Швецией, Данией и Норвегией; награждён рыцарским орденом Даннеброг 1-й степени.

Декабрь — М.Ф. Орлов и М.А. Дмитриев-Мамонов основали в Москве тайное общество «Орден русских рыцарей».

1815, лето — назначен начальником штаба 7-го пехотного (оккупационного) корпуса, дислоцированного во Франции.

1816, ноябрь — возвращение в Петербург.

1817, февраль — переговоры руководителей Союза русских рыцарей и Союза благоденствия.

22 апреля — Орлов принят в литературное общество «Арзамас» под именем «Рейн».

13 июня — назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса (Киев).

Сентябрь — прибыл к новому месту службы; знакомство с Екатериной Раевской.

1819, 11 августа — выступление в торжественном собрании

Киевского отделения Библейского общества.

1820, 3 июня — назначен командиром 16-й пехотной дивизии (Кишинёв).

Июль — встреча в Тульчине с П.И. Пестелем и другими руководителями тайного общества; вступление в Союз благоденствия.

3 августа — генерал Орлов подписал приказ № 3 по 16-й пехотной дивизии.

24 ноября — приезд Орлова в Каменку.

1821, января — съезд Союза благоденствия в Москве.

22 февраля — начало Греческого восстания князя Ипсиланти.

15 мая — Михаил Орлов обвенчался с Екатериной Раевской.

Май — создание в Кишинёве масонской ложи «Овидий».

5 декабря — возмущение в Камчатском пехотном полку.

1822, 9 января — Орлов уезжает в отпуск в Киев.

6 февраля — арест майора В.Ф. Раевского.

1823, 18 апреля — М.Ф. Орлову запрещено командовать дивизией и велено состоять по армии.

1825, 21 декабря — Орлов арестован в Москве.

28 декабря — доставлен в Петербург, заключён в Петропавловскую крепость.

1826, 2 марта — последний допрос в Петропавловской крепости.

17 июня — освобождён из крепости; определён жить под надзором в селе Милятине Калужской губернии.

1829, 16 сентября — скончался Николай Николаевич Раевский. Орлов анонимно публикует «Некрологию генерала от кавалерии Н.Н. Раевского».

1831,12 мая — получено разрешение возвратиться в Москву.

1833 — анонимно издана книга «О государственном кредите».

1842, 19 марта — М.Ф. Орлов скончался в Москве. Погребён на кладбище Новодевичьего монастыря.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Арзамас. М., 1994. Кн. 1.

Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2001.

Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. Кн. 1–2.

Военная энциклопедия. СПб.; Пг., 1911–1914. Т. I–XVIII.

Волконская М.Н. Записки княгини М.Н. Волконской. Чита, 1960.

Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991.

Воспоминания сержанта Бургоня. М., 2005.

Восстание декабристов. Документы. М., 2001. Т. XX.

Гвардейские артиллеристы. История. Биографии. Мемуары. М., 2008.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов // *Гершензон М.О.* Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989.

Герцен А.И. Былое и думы. Л., 1946.

Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1940.

Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.

Дрейлинг И.Р. Воспоминания участника войны 1812 года. 1820 г. // 1812 год. Воспоминания воинов Русской армии. М., 1991.

Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселёва. М.;Л., 1946. Т. 1.

Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985.

Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год… Военные дневники. М., 1990.

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991.

Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. М., 1987. Т. 1–2.

Жиркевич И.С. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. М., 2009.

Записка о тайных обществах в России, составленная в 1821 году// Русский архив. 1875. № 12.

Звегинцов В.Н. Кавалергарды-декабристы. Дополнение к Сборнику биографий кавалергардов 1801–1826. Париж, 1977.

Императоры Александр I и Николай I. Исторические материалы, к ним и к их эпохам относящиеся // Русская старина. 1883. Т. 40. № 12.

История кавалергардов. СПб., 1903. Т. 3.

История лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка. СПб., 1876.

История родов российского дворянства. СПб., 1886. Т. 2.

Клаузевиц К. 1806 год. М., 1937.

Керсновский А.А. История Русской армии. М., 1992. Т. 1–2.

Коленкур А., де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. М., 1938. Т. 1–2.

Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 2005.

Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984.

Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988.

М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954–1956. Т. IV–V.

Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. Сухуми, 1989.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926.

Мемуары декабристов. Южное общество. М, 1982.

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 1848–1849. Т. 1–6.

Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Франции в 1814 году. СПб., 1836.

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года. Воспоминания современников. М., 2004.

Московцы. История. Биографии. Мемуары. М., 2013.

Муравьёв А.М. Мой журнал // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981.

Муравьёв А.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986.

Муравьёв А.Н. Что видел, чувствовал и слышал // России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года её участников и очевидцев. М., 1988.

Муравьёв Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьёва // Русский архив. 1885. Кн. 3.

Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963.

Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004.

Павлова Л.Я. Декабрист М.Ф. Орлов. М., 1964.

Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трёх родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов Русской армии. М., 1991.

Письма поэта-партизана Д.В. Давыдова к князю П.А. Вяземскому. Пг., 1917.

Подмазо А.А. Большая Европейская война 1812–1815. Хроника событий. М., 2003.

Пушкин А.С. Собрание сочинений. В Ют. М., 1974.

Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1980–1983. Т. 1–2.

Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984.

Русские мемуары. Избранные страницы. 1826–1856. М., 1990.

Русский биографический словарь. СПб., 1896–1913.

Санглен Я. И., де. Записки: 1776–1831 //Русская старина. 1883. №3.

Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1904. Т. 2.

Сегюр Ф.-П., де. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. М., [1916].

Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909.

Тартаковский А.Г. Бюллетень М.Ф. Орлова о поездке во французскую армию во время войны 1812 г. // Археографический ежегодник. 1961 г. М., 1962.

Тартаковский А.Г. Листовка эпохи Отечественной войны 1812 года // Записки отдела рукописей Библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1958. Вып. 20.

Толстой Л.Н. Война и мир//Собрание сочинений. В 12 т. М., 1987. Т. 3–6.

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1.

Тургенев Н.И. Россия и русские // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825 гг. М., 1989.

Тучков П.А. Мои воспоминания о 1812 годе // России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года её участников и очевидцев. М., 1988.

Целорунго Д.Г. Офицеры Русской армии — участники Бородинского сражения. М., 2002.

Чичерин А.В. Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. М., 1966.

Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Письма. Иркутск, 1993.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Михаил Орлов

Шеф Кавалергардского полка генерал от кавалерии Ф.П. Уваров

Командир Кавалергардского полка генерал от кавалерии Н.И. Депрерадович

Кавалергард. 1805 г.

Фрагменты картины «Битва французов с русскими. Аустерлицкое сражение». (На верхнем фрагменте — атака Кавалергардского полка.) Художник — генерал-лейтенант Э.Ф. де Сен-При. Ставропольский краевой музей изобразительного искусства

Алексей Фёдорович Орлов

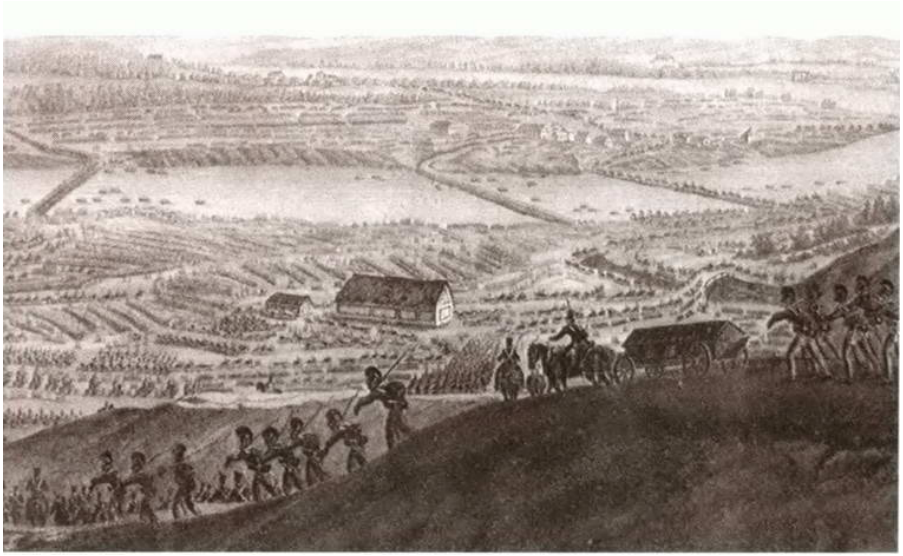
Князь Сергей Григорьевич Волконский

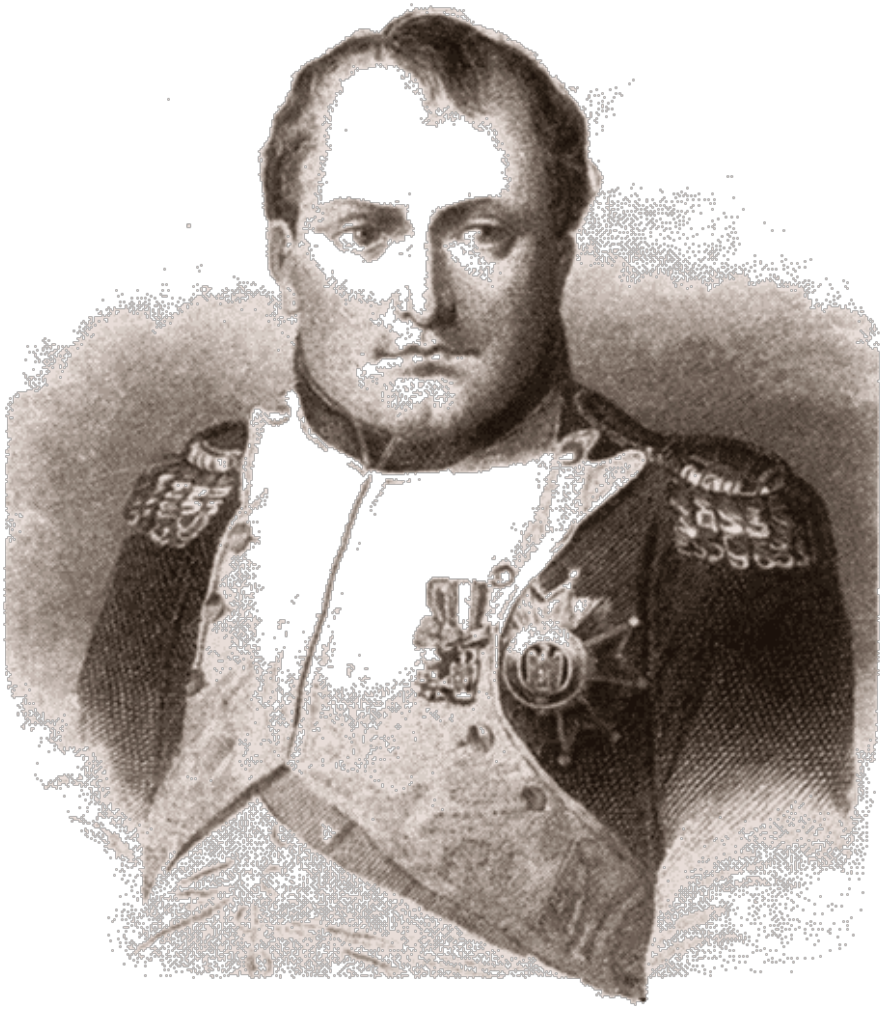
Министр полиции А.Д. Балашов

Император Александр I

Переход армии Наполеона через Неман

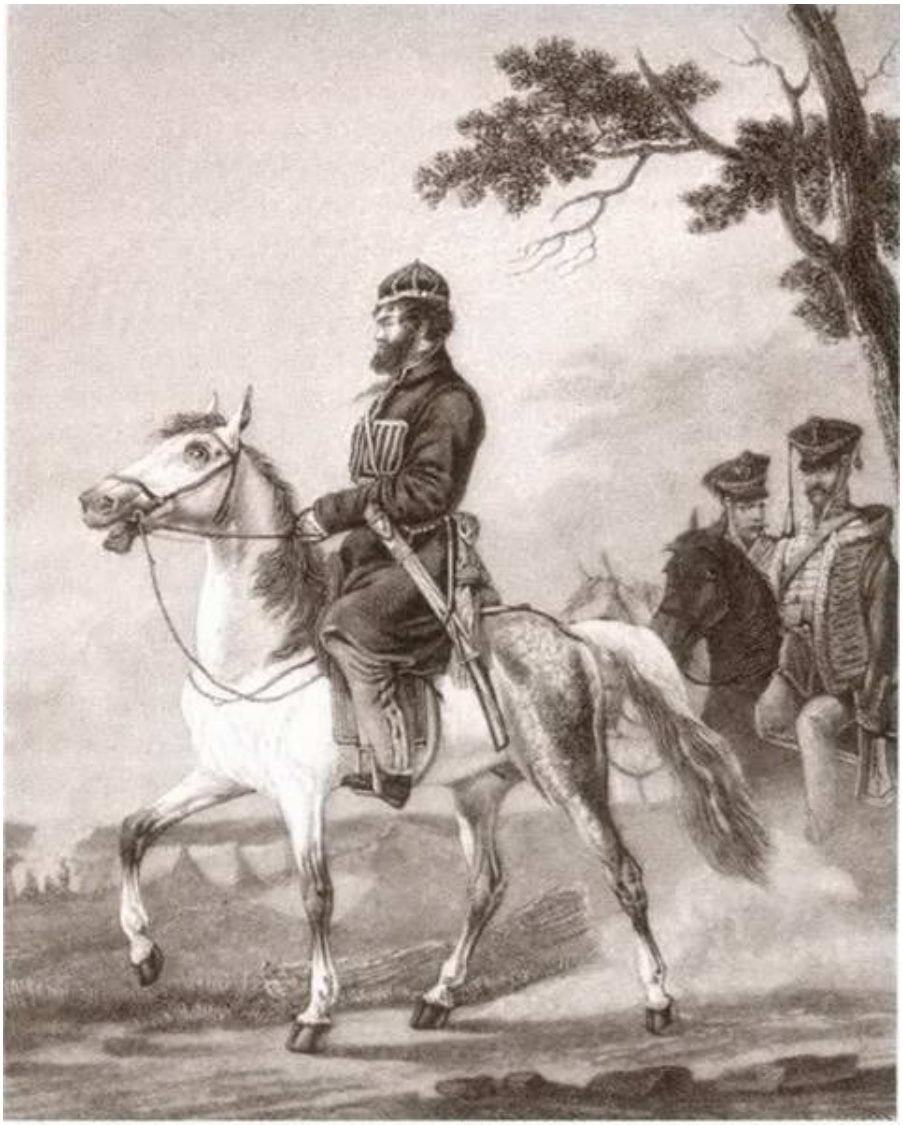
Император Наполеон

Маршал Даву

Памятник кавалергардам и Конной гвардии на Бородинском поле

Партизан Денис Давыдов

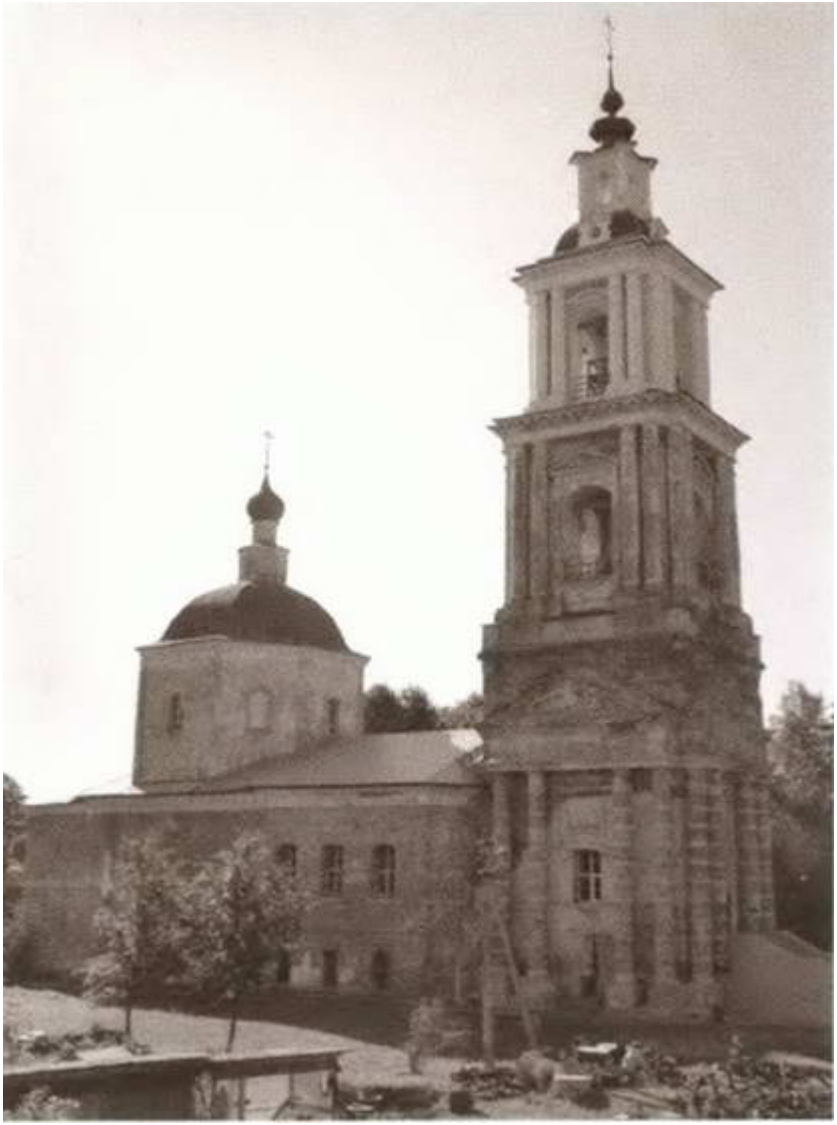
Генерал-майор Павел Алексеевич Тучков 3-й

Место сражения при Валутиной горе

Памятник генерал-лейтенанту И.С. Дорохову

Собор Рождества Христова в городе Верее

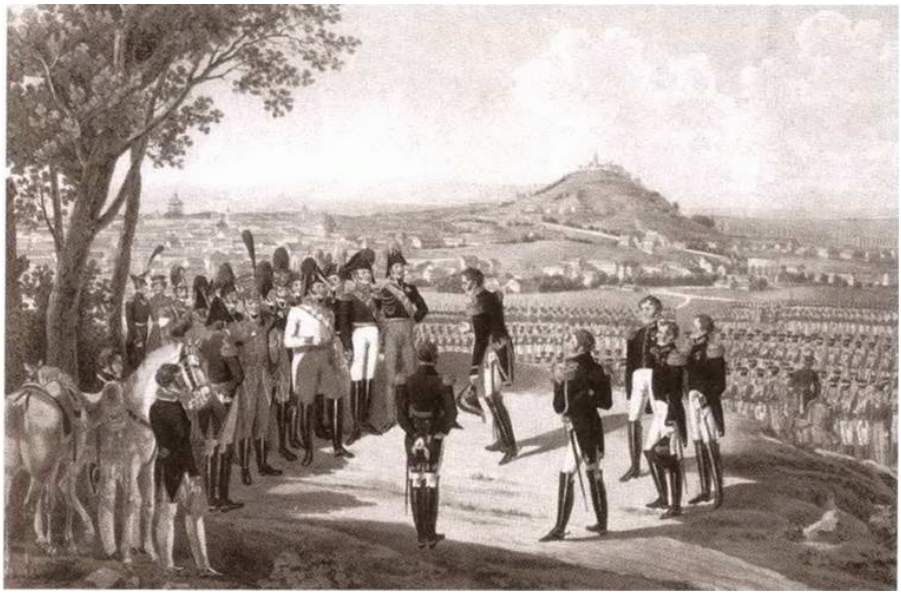

Княгиня Евдокия Голицына — «Princesse Nocturne»

Однополчане Орлова — П.Д. Киселев и М.С. Лунин

Капитуляция Парижа

Въезд в Париж императора Александра I

Михаил Орлов с супругой Екатериной Николаевной. Рисунок А.С. Пушкина. Фрагмент

Памятник генералу от инфантерии Н.Н. Раевскому — тестю М.Ф. Орлова. Смоленск

Генерал от инфантерии начальник Главного штаба князь (впоследствии — светлейший князь и фельдмаршал) П.М. Волконский

Генерал от инфантерии И.В. Сабанеев, командир 6-го пехотного корпуса

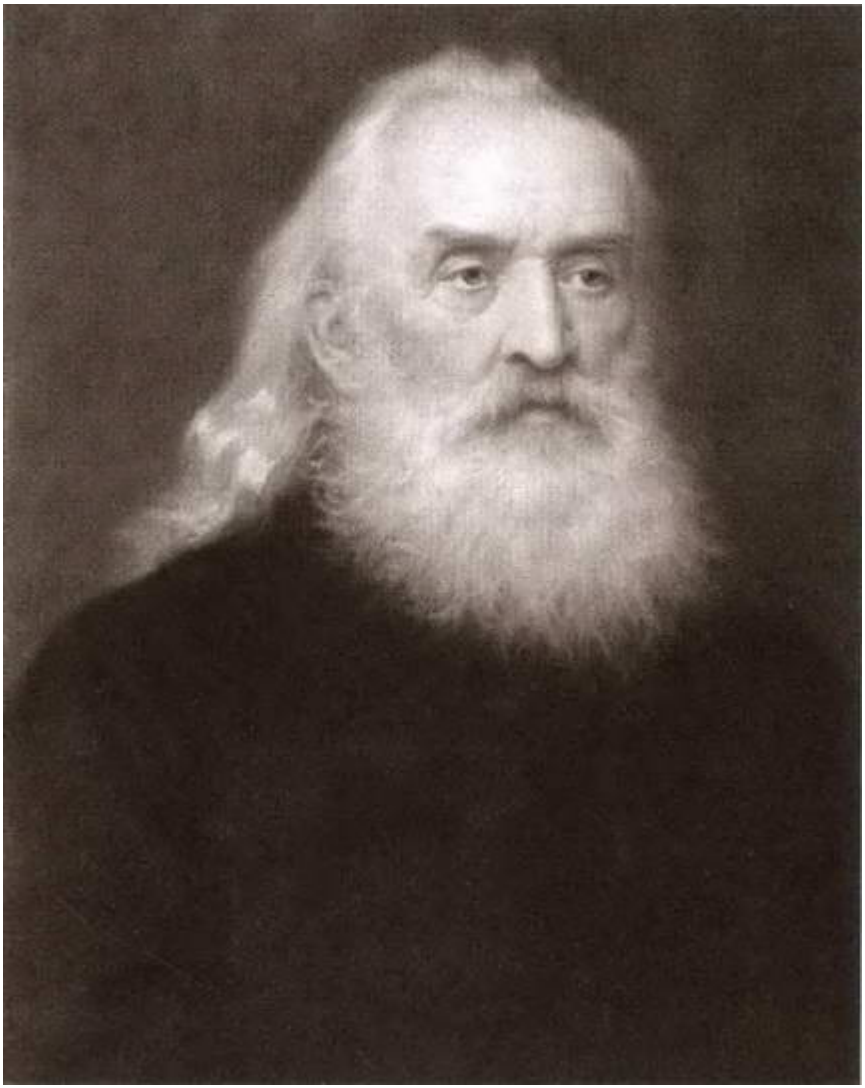
Наказание солдата палками

Пушкин среди декабристов. (Совещание в Каменке в 1820 году.) Рисунок Д.Н. Кардовского

Собор Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге

С.Г. Волконский по возвращении из Сибири

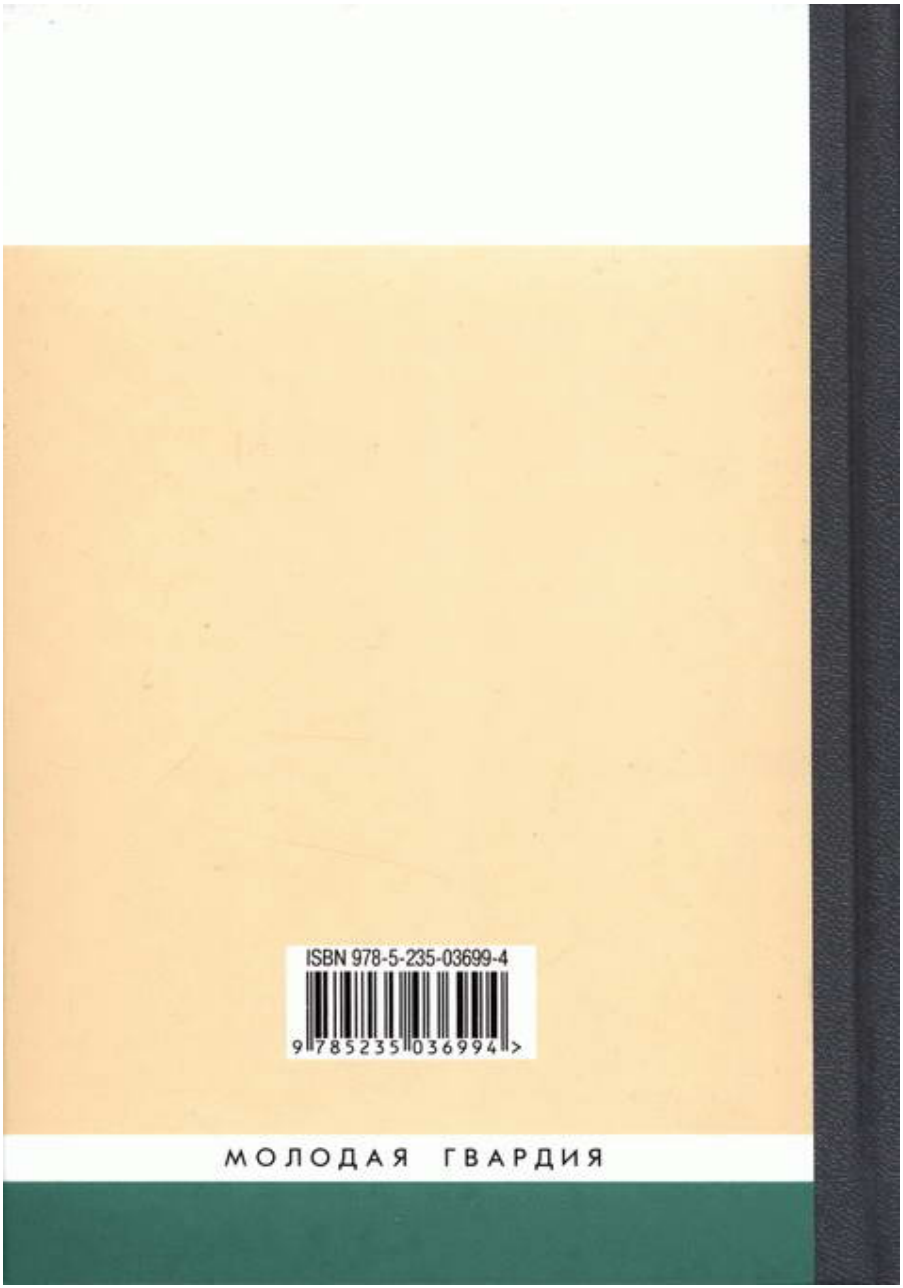

Надгробная плита Михаила Орлова

М.Ф. Орлов в последние годы жизни. Художник П.Ф. Соколов

* * *

notes

Примечания

1

Пётр Богданович Пассек (1736–1804) — поручик лейбгвардии Преображенского полка, участник заговора; впоследствии — белорусский генерал-губернатор, генерал-аншеф, сенатор; при Павле I — в опале.

2

Бурхард Кристоф Миних (1683–1767) — граф, русский генерал-фельдмаршал.

3

Лев Александрович Пушкин (1723–1790) — отставной подполковник артиллерии (с 1763 года).

4

Подьячий (подьячий) — помощник дьяка, высокопоставленного чиновника в допетровской Руси.

5

Табель о рангах — петровский закон от 24 января 1722 года, определявший порядок государственной службы.

6

Старинный дворцовый чин, носящий его мог управлять волостью.

Скончался в 1693 году.

Скончался в 1696 году.

9

Александр Данилович Меншиков (1673–1729) — светлейший князь, фаворит Петра I, президент Военной коллегии; генералиссимус (1727).

10

Унтер-офицерский чин.

11

По некоторым источникам. По другим — без титула светлости.

12

Так указано на титульных листах каждого тома.

13

Это не имеет никакого отношения к нашему повествованию, но не можем не сказать, что Константина Ивановича Величко (1856–1927) почему-то возлюбил писатель А.И. Солженицын, который нарёк его «жертвой Сталинских репрессий» и несколько раз оплакал на страницах «Архипелага ГУЛАГ», повторяя, что нам очень не хватало его в Великую Отечественную войну. Между тем профессор фортификации Военно-инженерной академии РККА К.И. Величко умер своей смертью и погребён на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге.

14

В данном случае имеется в виду артиллерийская команда при гренадерском полку, где все роты считались гренадерскими; в начале же XIX века гренадерские полки состояли из гренадерских (по одной в батальоне) и фузилёрных рот.

15

Алексей Григорьевич Бобринский (1762–1813) — граф, в годы правления Екатерины II числился по Конной гвардии, пребывал за границей, а затем, по повелению императрицы, проживал в Ревеле (Таллин); в 1790 году уволен в чине бригадира; в 1796 году был вызван в Петербург Павлом I, служил до 1798 года, после чего вышел в отставку. Родоначальник графского рода Бобринских.

16

Екатерина Романовна Дашкова (урожд. Воронцова) (1744–1810) — княгиня, подруга цесаревны; ее роль в событиях 28 июня 1762 года представляется весьма преувеличенной; в 1783–1794 годах — директор Петербургской академии наук и президент Российской академии.

17

Фёдор Сергеевич Барятинский (1742–1814) — князь, участник переворота; гофмаршал императорского двора.

18

Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1785–1848) — камер-фрейлина, являлась одной из крупнейших душевладелиц империи; осталась незамужней, вела жизнь отшельническую, занималась благотворительностью.

19

Григорий Андреевич Спиридов (1713–1790) — адмирал; командующий эскадрой в Средиземном море в 1768–1771 годах, фактически руководил действиями русского флота, одержавшего победу в Чесменском сражении, за что был награждён орденом Святого Андрея Первозванного — вышей наградой империи. В 1771–1773 годах — командующий русским флотом, действовавшим в районе Греческого архипелага.

20

Так в тексте.

21

Ошибка в тексте.

22

Григорий Владимирович Орлов, граф (1777–1826).

23

Кузен, двоюродный брат *(фр.)*.

24

Распространённая ошибка: Кавалергардский полк никогда не именовался «лейб-гвардии Кавалергардским».

25

Слова из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума», характеризующие службу «архивных юношей».

26

Аркадий Васильевич Кочубей (1790–1878) — воспитывался в пансионе аббата Николя в 1802–1807 годах; участник Отечественной войны и Заграничного похода; действительный тайный советник, сенатор.

27

Александр Васильевич Кочубей (1788–1866) — действительный тайный советник, член Государственного совета.

28

Шарль Доминик Николь (1758–1835) — проживал в России с 1794 по 1820 год.

29

Заметим, что годовое жалованье полковника лейбгвардии Гусарского полка составляло в ту пору 1200 рублей.

30

Старинная формулировка: «служил лейб-гвардии в таком-то полку».

31

Юлий Помпеевич Литта (1763–1839) — граф, капитан-командор Мальтийского флота, принят на русскую службу в 1789 году; участвовал в войне со Швецией, награждён орденом Святого Георгия 3-го класса, затем командовал резервной эскадрой Балтийского моря; в 1797 году произведён в вице-адмиралы и принял российское подданство. Одновременно исполнял обязанности представителя Мальтийского ордена при русском дворе. С 1799 года — в отставке.

32

Аршин — 71,12 сантиметра; вершок — 4,45 сантиметра. Соответственно, 2 аршина 10 вершков — почти 187 сантиметров, а самый минимум — 1 метр 75 сантиметров.

Русский фунт — 409 граммов.

34

Дед князя С.Г. Волконского по материнской линии — генерал-фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин (1734–1801). Фамилия угасающего прославленного рода была передана его старшему внуку Николаю Григорьевичу Волконскому.

35

Обоз.

Слово «видимо» означает в данном случае то, что видно при поверхностном рассмотрении, и запятыми не выделяется.

37

«В России XVIII века генерал, имевший общее наблюдение за полком» *(Брокгауз и Ефрон)*.

38

Ф.П. Уваров родился в 1769 году; в ряде изданий ошибочно указывается 1773 год.

39

Доходами «грешными» именовались взятки и откровенное воровство; «безгрешные» доходы осуществлялись за счет «разумной» экономии.

40

Старинное наименование австрийцев.

41

Фридрих II (1712–1786) — прусский король (1740), полководец.

42

Цитата из «Войны и мира» Л.Н. Толстого.

43

Чепрак — суконная подстилка под седло кавалерийской лошади.

44

Царицын луг, позднее — Марсово поле в Петербурге, место проведения военных парадов.

45

Николай Григорьевич Репнин-Волконский (1778–1845) — князь, полковник, командир 4-го эскадрона Кавалергардского полка; генерал от кавалерии, генерал-губернатор Малороссии.

«Чёрные всадники» *(фр., старинное правописание)*.

47

Евгений Иванович Оленин (1766–1828) — полковник, командир эскадрона лейб-гвардии Конного полка; генерал-майор, участвовал в Отечественной войне и Заграничном походе.

48

Василий Григорьевич Костенецкий (1769–1831) — полковник гвардейской артиллерии; генерал-лейтенант.

Кстати *(фр.)*.

50

Николай Ильич Толстой (1795–1837) — граф, участник Заграничного похода Русской императорской армии 1813–1814 годов, являясь адъютантом генерал-лейтенанта князя А.И. Горчакова, в 1814–1817 годах числился штабс-ротмистром Кавалергардского полка.

51

Аппёль (appel — фр.) — кавалерийский сигнал сбора.

52

Жан Батист Жюль Бернадот (Бернадотт) (1763—1844) — маршал Франции, позднее — князь Понте-Корво; с 1810 года — наследный принц Карл-Юхан, с 1818 года — король Швеции Карл XIV Юхан.

53

Пётр Корнишевич Сухтелен (1751–1836) — инженер-генерал, руководитель квартирмейстерской службы Русской императорской армии; граф (1822).

54

Павел Петрович Сухтелен (1788–1833) — граф, генерал-лейтенант, оренбургский военный губернатор и командир отдельного Оренбургского корпуса.

55

Дочь графа Алексея Кирилловича Разумовского, министра народного просвещения в 1810–1816 годах.

56

Брюнн (Брюн) — немецкое и старое русское название города Брно, Чехия.

57

Немецкая колония, располагавшаяся в конце нынешнего Московского проспекта.

58

Слова российского канцлера светлейшего князя А.А. Безбородко.

59

«Богаты мы, едва из колыбели, ошибками отцов и поздним их умом…» (М. Ю. *Лермонтов. Дума).*

60

По Табели о рангах чин армейского ротмистра, как и поручика гвардии, относится к IX классу.

61

Так в тексте. Термин «поень-де-вю» обозначает движение на заданный ориентир, в заданном направлении.

Следует понимать: «вместо того, чтобы быть в замке» (то есть замыкающим, последним).

63

Саква — небольшой мешок у кавалеристов и артиллеристов для сухарей, овса, крупы, соли и т. п. *(Брокгауз и Ефрон)*.

64

Орлы — символы чести полков французской армии. В 1804–1808 годах по одному орлу имел каждый батальон пехоты и каждый эскадрон кавалерии. С 1812 году орлы полагались только пехотным частям численностью не менее 1200 штыков и кавалерийским — не менее 600 сабель.

65

Строки из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина.

66

Нижние чины, назначенные для ухода за офицерскими лошадьми.

67

Ольстреди, ольстряди, ольстры — кобуры, крепившиеся к седлу у передней луки, с обеих сторон.

Вопрос чести *(фр.)*.

69

Николай Николаевич Шеншин (1783–1811) — ротмистр, в полку с 1803 года; сын обер-прокурора Сената.

70

Михаил Николаевич Авдулин (1780 — после 1830) — штабс-ротмистр, переведен в полк поручиком из Екатеринославского кирасирского полка в 1807 году; в 1812 году командовал эскадроном; с 1818 года — командир Псковского кирасирского полка; генерал-майор (1824).

71

Фёдор Семёнович Уваров 3-й (1786–1845) — поручик, штабс-ротмистр (1808); брат министра просвещения С.С. Уварова; генерал-майор (1817).

Высший свет *(фр.)*.

73

Если офицер был облачён в мундир при каске, то отдание воинского приветствия осуществлялось правой рукой, при шляпе — левой.

74

Александр Николаевич Муравьёв (1792–1863) — в 1818 году вышел в отставку полковником Гвардейского генерального штаба; основатель Союза спасения, член Союза благоденствия; в 1826 году сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства; находился в гражданской службе, затем — в военной; генерал-лейтенант, сенатор.

75

Николай Дмитриевич Дурново (1792–1828) — генерал-майор; убит в бою под Варной.

76

Иван Георгиевич (Егорович) Шевич (1754–1813) — происходил из сербского дворянства; в службе с 1770 года, участвовал и отличился во многих войнах; с 1808 года — командир лейб-гвардии Гусарского полка, с 1812 года — гвардейской кирасирской бригады; 30 августа 1812 года произведён в генерал-лейтенанты; убит в сражении под Лейпцигом 4 октября 1813 года.

77

Александр Петрович Тормасов (1752–1819) — генерал от кавалерии, граф (1816); в сентябре 1812 года принял 2-ю Западную армию, командовал Главной армией; с 30 августа 1814 года — главнокомандующий в Москве.

78

Генерал от кавалерии.

79

Исправляющий должность.

80

Карл Фёдорович Толь (1777–1842) — генерал от инфантерии (1826), граф (1829); член Государственного совета, главноуправляющий Ведомством путей сообщения и публичных зданий.

81

Александр Дмитриевич Балашов (1770–1837) — генерал-губернатор Санкт-Петербурга (с 1809), одновременно, с 1810 года, — министр полиции. В действующей армии состоял при Александре I. Генерал от инфантерии (1823).

82

Александр Семёнович Шишков (1754–1841) — адмирал (1823), министр народного просвещения (1824–1828), член Государственного совета, президент Российской академии.

83

Виленский полицмейстер.

84

Жак Александр Бернар Ло де Лористон (1768–1828) — дивизионный генерал, посол в Петербурге в 1811–1812 годах. Маркиз (1817), маршал Франции (1823), министр королевского двора (1820–1824), с 1824 года — государственный министр и обер-егермейстер.

Великая армия *(фр.)*.

«Фи, господин офицер, что вы там говорите?» *(фр.)*.

«Фи, господин маршал, я беседую с этими господами!» *(фр)*.

88

Так в тексте.

89

Старинное правописание.

90

Николай Иванович Селявин (1774–1833) — находился при начальнике Свиты по квартирмейстерской части князя; с декабря 1812 года — дежурный генерал Главного штаба его величества; генерал-майор (1813), генерал-лейтенант (1826).

91

Павел Алексеевич Тучков (1775–1858) — один из пятерых братьев-генералов (в войне 1812 года участвовали четверо из них); генерал-майор, командир пехотной бригады, находился во французском плену до весны 1814 года; сенатор (1828), действительный тайный советник (1840), кавалер всех высших российских орденов.

92

Шарль Этьен Гюден дела Саблоньер (1768–1812) — граф, дивизионный генерал, командир 3-й пехотной дивизии.

«Пустите меня, я его прикончу» *(фр.)*.

«Эх, я его прикончу» *(фр.)*.

95

Французская негативная оценка.

96

Звезда ордена Святой Анны 1-й степени. Как и все высшие степени орденов — «генеральская» награда.

97

Обращение к королю *(фр.)*. Мюрат был неаполитанским королем.

Старинное правописание.

99

Иван Семёнович Дорохов (1761–1815) — шеф Изюмского гусарского полка; в 1812 году командовал арьергардом 4-го корпуса, затем — крупным партизанским отрядом; генерал-лейтенант (1812).

100

Субалтерн-офицер — офицер эскадрона или роты, не занимающий должность командира подразделения.

101

Эммануэль Груши (1766–1847) — маркиз, граф, дивизионный генерал, командир 3-го корпуса кавалерийского резерва; маршал Франции (1815).

102

Александр Иванович Кутайсов (1784–1812) — граф, генерал-майор; убит при Бородине, где был начальником всей артиллерии русских войск.

103

Атакуйте.

104

Карл Карлович Лёвенвольде (1779–1812) — барон, полковник; при Бородине исполнял обязанности командира Кавалергардского полка.

105

В шахматном порядке *(фр.)*.

106

Мари Виктор Николя Латур-Мобур де Фэ (1768–1850) — граф, маркиз, дивизионный генерал. Командир 4-го корпуса кавалерийского резерва.

107

Саксонский гвардейский кирасирский полк.

108

Евдоким Васильевич Давыдов (1786–1843) — генерал-майор (1820); младший брат Д.В. Давыдова.

109

Вперед!

110

Стой!

111

По четыре прямо…

Соседних.

113

Сажень — три аршина — 2,13 метра.

114

Аксельбант и императорские вензеля на эполетах — отличительные особенности флигель-адъютантского мундира.

115

Ночная княгиня *(фр.)*.

116

Евдокия (Авдотья) Ивановна Голицына, урождённая Измайлова (1780–1850).

117

Воинское звание.

118

Дерпт — изначально Юрьев; сейчас — Тарту (Эстония).

119

Александр Христофорович Бенкендорф (1783–1844) — генерал-майор, командир «летучего» отряда. Впоследствии — граф, генерал от кавалерии, шеф Корпуса жандармов и начальник Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

120

Александр Фёдорович (Александр Луи Андро) де Ланжерон, граф, маркиз де ла Косе, барон де Конни (1763–1831) — в 1790 году из подполковников французской армии принят на русскую службу тем же чином; сражался под Аустерлицем, отличился в турецкую войну 1806–1812 годов, генерал от инфантерии (1811); в 1812–1814 годах командовал корпусом. Затем — на военных и административных должностях. Награждён орденом Святого Георгия 2-го класса и всеми высшими орденами Российской империи. Мемуарист.

121

Александр Яковлевич Рудзевич (1776–1829) — генерал-лейтенант, командир егерской бригады; начальник штаба 2-й армии (1816–1819); генерал от инфантерии (1826), командир корпуса.

122

Особняк *(фр.)*. В записках М.Ф. Орлова, написанных по-французски, употреблено именно это слово.

123

Фабиан Вильгельмович фон дер Остен-Сакен (1752–1837) — барон, генерал от инфантерии, командир корпуса в Силезской армии, затем — генерал-губернатор Парижа; граф (1821), генерал-фельдмаршал (1826), князь (1832) — при этом из его фамилии убрали приставку «фон дер Остен-».

124

Так в тексте.

125

Карл XII (1682–1718) — король Швеции с 1697 года; полководец, потративший бо́льшую часть своего правления на продолжительные войны в Европе.

Здесь и далее — все даты по европейскому календарю.

127

Город Осло, столица Норвегии.

Парламент Норвегии.

129

Так в тексте. Существует довольно большое количество русских написаний названия этой награды, которая по-датски именуется *«Dannebrogordenen»*.

130

Тугенбунд — «Союз добродетели» *(нем.),* общество, основанное в 1808 году в Кенигсберге, с целью воспитания юношества в духе германского национального патриотизма; в 1809 году по требованию Наполеона I закрыто; позднее преследовалось под предлогом неблагонадёжности.

131

Николай Иванович Тургенев (1789–1871) — действительный статский советник; видный деятель декабристского движения. С 1824 года находился в заграничном отпуске, был осужден по 1-му разряду и отказался возвратиться в Россию.

132

Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов (1790–1863) — граф, генерал-майор.

133

Слова из пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор».

134

Верховники — члены Верховного тайного совета, пытавшиеся ограничить самодержавную власть при вступлении на престол императрицы Анны Иоанновны в 1730 году.

135

Артур Коллей Уэлсли Веллингтон (1769–1852) — британский фельдмаршал, главнокомандующий британской армией с 1827 года.

Горе побеждённым? *(лат.)*.

137

Сергей Иванович Тургенев (1792–1827) — статский советник.

138

Илларион Васильевич Васильчиков (1776–1847) — командир гвардейской лёгкой кавалерийской дивизии; председатель Государственного совета и Комитета министров (1838), князь (1839).

139

Граф Михаил Семёнович Воронцов.

140

Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) — граф, советник и поверенный в делах русского посольства в Лондоне; действительный тайный советник, министр внутренних дел (1832–1838), председатель Государственного совета (1862) и Комитета министров (1861).

141

Как видим, ошибаются даже великие знатоки: мы помним, что в пансионе аббата Николя учился М.Ф. Орлов, а не Н.И. Тургенев.

В данном случае: расписание передвижений.

143

Филипп Филиппович Вигель (1786–1856) — бессарабский вице-губернатор, директор Департамента иностранных вероисповеданий; тайный советник.

144

Дмитрий Петрович Северин (1792–1865) — дипломатический чиновник; действительный тайный советник.

145

Александр Иванович Тургенев (1784–1845) — директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий; камергер, тайный советник.

Д.Н. Блудов.

147

Намёк на «Похвалу жёнам» Ивана Семёновича Захарова (1754–1816) — сенатора, тайного советника.

148

Бенджамин Франклин (1706–1790) — американский политический деятель и учёный; первый американец, ставший иностранным членом Российской академии наук. Членом «Арзамаса» или «Беседы» не был.

149

Это — образ. Усы в то время носили только офицеры лёгкой кавалерии, к которым Орлов не принадлежал.

150

Имеется в виду особняк Г.Р. Державина на Фонтанке, где проходили заседания «Беседы». «Жёлтыми домами» в России традиционно называли дома для умалишённых.

«Извините меня» *(фр.)*.

152

Дмитрий Васильевич Дашков (1784–1839) — дипломат, юрист, литератор; с 1832 года — министр юстиции, действительный тайный советник, член Государственного совета.

153

Денис Васильевич Давыдов.

154

Василий Андреевич Жуковский.

155

Ян Хенрик Домбровский (1755–1816) — дивизионный генерал; в 1806 году получил задание формировать польские войска «Великой армии»; после образования Царства Польского в 1815 году — генерал от кавалерии.

156

Генрих Фридрих Карл фон Штейн (1757–1831) — барон, прусский государственный деятель, в 1812 году был политическим советником Александра I.

157

Иван Дмитриевич Якушкин (1793–1857) — служил лейб-гвардии в Семёновском полку, участник Отечественной войны и Заграничного похода; в 1816 году переведён в 37-й егерский полк, в 1818 году уволен в отставку капитаном; один из основателей Союза спасения, член тайных обществ; осуждён по 1-му разряду.

158

Михаил Николаевич Новиков (1777–1824) — отставной надворный советник.

159

Старинное правописание.

160

Дмитрий Петрович Бутурлин (1790–1849) — офицер Кавалергардского полка, адъютант начальника Главного штаба князя П.М. Волконского, военный историк; действительный тайный советник, сенатор, член Государственного совета.

161

Арсений Андреевич Закревский (1783–1865) — генерал-майор; генерал от инфантерии (1829), граф (1830), московский военный генерал-губернатор (1848–1859), член Государственного совета.

162

Очевидно — пюпитров.

То есть упражнения с оружием.

Так в тексте.

165

Так в тексте.

166

Михаил Александрович Фонвизин (1787–1854) — генерал-майор, командир бригады, член Союза спасения и Союза благоденствия; с 1820 года — состоял по армии, с 1822 года — в отставке. Осужден по 4-му разряду.

167

Константин Алексеевич Охотников (1789–1824) — заведовал юнкерской и ланкастерской школами в 16-й дивизии; в 1822 году уволен в отставку майором.

168

Павел Иванович Пестель (1793–1826) — полковник, командир Вятского пехотного полка, руководитель Южного общества.

169

То есть правительство.

170

Знаменитая Киевская контрактовая ярмарка.

171

Селим III (1761–1808) — султан Османской империи в 1789–1807 годах.

172

Махмуд II (1785–1839) — султан Османской империи в 1808–1839 годах.

173

Тайное общество «Филики Этерия».

174

Александр Константинович Ипсиланти (1792–1828) — князь, корнет Кавалергардского полка (1808); генерал-майор (1817).

175

Иоанн Антонович Каподистрия (1776–1831) — граф, грек по происхождению, министр иностранных дел России (1816–1822), первый правитель независимой Греции в 1827–1831 годах.

176

Али-паша Янинский (1741–1822) — фактический правитель Албании и части Греции; реформатор; в православную веру не переходил, но немало сделал для возрождения Греции.

177

Город Днепропетровск.

178

Иван Никитич Инзов (1768–1845) — управляющий новороссийскими губерниями (1822), новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабии; генерал от инфантерии (1828).

179

Алексей Петрович Юшневский (1786–1844) — генерал-интендант 2-й армии; действительный статский советник (1823); осужден по 1-му разряду.

180

Слова Екатерины II в отношении А.Н. Радищева, автора книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

181

Так в тексте. Имеется в виду — воинскими частями, полками.

182

С уверенностью.

183

Владимир Федосеевич Раевский (1795–1872) — майор 32-го егерского полка. Участник Отечественной войны и Заграничного похода. Арестован в 1822 году, отправлен в Сибирь на поселение в 1828 году; после амнистии остался в Сибири. Поэт и мемуарист. Официально называется «первым декабристом».

184

Павел Сергеевич Пущин (1785–1865) — офицер лейбгвардии Семёновского полка, участник войн 1805–1807 годов, Отечественной войны и Заграничного похода. Командир Охотского пехотного полка — с 1816 года; генерал-майор, командир бригады в 16-й пехотной дивизии. В 1822 году уволен от службы за болезнью, но в 1831 году поступил вновь, командовал бригадой при усмирении Польского мятежа, произведён в генерал -лейтенанты.

185

Андрей Григорьевич Непенин (1782–1845) — участник войны 1807 года, Русско-турецкой и Отечественной войн, Заграничного похода. Полковник, командир 32-го егерского полка в 1816–1822 годах. Отставлен от службы.

186

Фёдор Антонович Бистром (1781–1820) — полковник, генерал-гевальдигер (заведующий полицейской частью) 2-й армии.

187

Иван Матвеевич Юмин — майор 32-го егерского полка.

188

Биограф не совсем точен: изначально ланкастерскими школами руководил Охотников, однако летом 1821 года он, уйдя в отпуск по состоянию здоровья, передал руководство ими Раевскому.

189

Река Бык — правый приток Днестра.

190

Иван Петрович Липранди (1790–1880) — генерал-майор (1832), историк и писатель.

191

Павел Петрович Липранди (1796–1864) — командир лейб-гвардии Семёновского полка (1842); генерал-лейтенант, начальник штаба Гренадерского корпуса (1848).

Вполне мог видеть его на стоянке под Тарутином, однако всех ли случайно встреченных упомнишь?

193

Александр Васильевич Кикин (1670–1718) — чиновник Адмиралтейства, сторонник царевича Алексея; казнён.

194

Артемий Петрович Волынский (1689–1740) — кабинет-министр императрицы Анны Иоанновны. Участник заговора; казнён.

195

Михаил Кириллович Грибовский (1786 — после 1833) — симбирский вице-губернатор (1823), статский советник (1826), слободско-украинский (харьковский) губернатор (1827–1828).

196

Тудор Владимиреску (1780–1821) — из крестьян, получил неплохое образование, занимался коммерцией, с 1806 года — чиновник; в войну 1806–1812 годов командовал отрядом добровольцев, поручик Русской императорской армии.

197

Пандуры — солдаты иррегулярных пеших наёмных войск.

198

Фанариоты — собирательное название этнической греческой элиты в Османской империи.

Ныне — Любляна, столица Словении.

200

Никита Михайлович Муравьёв (1795–1843) — капитан Гвардейского Генерального штаба; участник Заграничного похода; один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия, член Верховной думы Северного общества, автор проекта конституции. Осужден по 1-му разряду.

201

Московское училище колонновожатых (юнкеров, готовившихся к службе в Свите по квартирмейстерской части), основанное Н.Н. Муравьёвым.

202

Константин Антонович Катакази (1775 —?) — бессарабский гражданский губернатор в 1817–1827 годах; действительный тайный советник, сенатор.

203

Иван Васильевич Сабанеев (1770–1829) — участник многих войн, в том числе Итальянского и Швейцарского походов; в 1812 году — начальник Главного штаба 3-й Западной армии; с 1818 года — командир 6-го пехотного корпуса 2-й армии, генерал от инфантерии (1823).

204

Павел Дмитриевич Киселёв (1788–1872) — генерал от инфантерии (1834), граф (1839); министр государственных имуществ (1837), посол в Париже (1837–1856).

205

Михаил Андреевич ещё не был графом!

206

Отто Иванович Вахтен (? — 1874) — начальник штаба 6-го пехотного корпуса, генерал-лейтенант (1829), отличился во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, награждён орденом Святого Георгия 3-го класса. Начальник штаба 2-й армии в 1829–1835 годах.

207

В конце 1820 года лейб-гвардии Семёновский полк был вновь сформирован из личного состава армейских гренадерских полков. Этот полк очень долго именовали «новым» Семёновским.

Очевидно, сослуживец В.Ф. Раевского. В конце 1823 года он написал статью «Дело Раевского», которую в 1885 году его сын передал в журнал «Русская старина»; полностью этот текст был опубликован только в 1983 году. Об авторе известно лишь то, что он скончался в 1858 году отставным подполковником.

209

Логгин Осипович Рот (1780–1851) — из французских эмигрантов; командир 3-го пехотного корпуса, генерал от инфантерии (1828).

210

Г.Е. Шварц, бывший командир лейб-гвардии Семёновского полка.

211

Сергей Фёдорович Желтухин 1-й (1776–1833) — командир 13-й пехотной дивизии; генерал-лейтенант (1824); *Пётр Фёдорович Желтухин 2-й* (1777–1829) — с 1817 года — командир лейб-гвардии Гренадерского полка, 1-й бригады 2-й гвардейской пехотной дивизии, начальник штаба Гвардейского корпуса; генерал-лейтенант (1828).

212

Овидий (Публий Овидий Назон) (43 г. до н.э. — ок. 18 г. н.э.).

213

Сергей Алексеевич Тучков (1767–1839) — генерал-лейтенант (1829).

214

Батальон пехотного полка состоял из гренадерской и трех мушкетёрских рот.

То есть заработанные или сэкономленные нижними чинами на провианте, каких-то иных расходах.

216

В виде буквы «П».

217

Имеются в виду ремни перевязей от тесака и лядунки (патронной сумки), скрещивающиеся на груди солдата.

Арнаут — албанец; в данном случае — слуга-албанец.

219

Намёк на безумно популярную тогда пушкинскую «Чёрную шаль»: «младую гречанку я страстно любил».

220

Так в тексте.

221

Николай Михайлович (1859–1919) — генерал от инфантерии. По указанию В.И. Ленина расстрелян, как член императорской фамилии — несмотря на ходатайства Академии наук и А.М. Горького.

Ваше сиятельство.

223

Так в тексте.

Ипполит Иванович Муравьёв-Апостол (1806–1826) — младший брат С.И. и М.И. Муравьёвых-Апостолов; принимал участие в восстании Черниговского полка.

225

Михаил Фотиевич Митьков (1791–1849) — полковник лейб-гвардии Финляндского полка, участвовал в Отечественной войне и Заграничном походе; находился в отпуску по болезни; осужден по 2-му разряду.

226

Владимир Иосифович Гурко (1795–1852) — участник Отечественной войны и Заграничного похода; член ранних преддекабристских организаций — поведено «оставить без внимания»; генерал от инфантерии.

227

Алексей Васильевич Шереметев (1800–1857) — поручик лейб-гвардии Драгунского полка; член Союза благоденствия — поведено «оставить без внимания»; вышел в отставку штабс-капитаном в 1827 году.

228

Михаил Михайлович Нарышкин (1798–1863) — полковник Тарутинского пехотного полка, член Союза благоденствия и Северного общества; осужден по 4-му разряду. С 1837 года — рядовой в Кавказском корпусе; за отличие произведён в прапорщики (1843), уволен от службы в 1844 году.

229

Пётр Александрович Муханов (1799–1854) — штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка; член Союза благоденствия. Осужден по 4-му разряду, скончался в Иркутске.

230

Так в тексте.

231

Сергей Павлович Шипов (1789–1876) — генерал-майор, командир лейб-гвардии Семёновского полка с 1821 года; член Союза спасения и Коренного совета Союза благоденствия; генерал от инфантерии (1843).

232

Ошибка мемуариста! *Иван Павлович Шипов* (1793–1845) — полковник лейб-гвардии Преображенского полка, член Союза спасения и Коренного совета Союза благоденствия; командир лейб-гвардии Сводного полка, лейб-гвардии Гренадерского полка, генерал-майор (1828).

233

Павел Петрович Лопухин (1790–1873) — светлейший князь, генерал-майор, командир бригады; член Союза спасения, Коренного совета Союза благоденствия и Северного общества; генерал-лейтенант (1829).

234

Илья Андреевич Долгоруков (Долгорукий) (1797–1848) — князь, полковник гвардии, адъютант великого князя Михаила; член Союза спасения, блюститель Коренного совета Союза благоденствия; генерал-лейтенант (1844).

235

Лев Петрович Витгенштейн (1799–1866) — граф, ротмистр Кавалергардского полка, флигель-адъютант, сын фельдмаршала; член Союза благоденствия и Южного общества; уволен от службы с чином полковника (1828), светлейший князь (1834).

236

Александр Михайлович Муравьёв (1802–1853) — брат Никиты Муравьёва; осужден по 4-му разряду.

237

Егор Михайлович Подушкин — плац-майор Петропавловской крепости.

238

Михаил Сергеевич Лунин (1787–1845) — кавалергард в 1805–1815 годах, подполковник Гродненского гусарского полка; член Союза спасения, Союза благоденствия и Северного общества; осужден по 1-му разряду, скончался в Акатуйском тюремном замке при загадочных обстоятельствах.

239

Пропуск в тексте.

240

Правописание оригинала.

241

Пётр Иванович Апраксин (1778–1852) — граф, в 1802–1811 годах служил в Кавалергардском полку, был адъютантом генерала Депрерадовича; с декабря 1811 года — петербургский полицмейстер, затем — владимирский и тверской губернатор; в 1831–1833 годах неоднократно управлял Московским жандармским округом, потом — начальник Казанского жандармского округа; тайный советник.

242

Книга «О государственном кредите» была анонимно издана в 1833 году.

comments

Ссылки

1

Пушкин А.С. Моя родословная // *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 260.

2

Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. 12. С. 319.

3

История родов российского дворянства. СПб., 1886. Т. 2. С. 36.

4

Там же.

5

Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1904. Т. 2. С. 17.

Русский биографический словарь. Т. 12. С. 349.

7

Сборник биографий кавалергардов. Т. 2. С. 17.

Военная энциклопедия. Пг., 1914. Т. XVII. С. 162.

9

Сборник биографий кавалергардов. Т. 2. С. 17.

10

Русский биографический словарь. Т. 12. С. 349.

11

Военная энциклопедия. Т. XVII. С. 162.

12

Сборник биографий кавалергардов. Т. 2. С. 50–51.

13

Русский биографический словарь. Т. 12. С. 322–323.

Переворот 1762 года. М., 1997. С. 182.

15

Военная энциклопедия. Т. XVII. С. 159.

Русский биографический словарь. Т. 12. С. 322–323.

17

Сборник биографий кавалергардов. Т. 2. С. 50–51.

18

Военная энциклопедия. Т. XVII. С. 165.

19

Русский биографический словарь. Т. 12. С. 364.

20

Там же.

21

Там же. С. 330.

22

Сборник биографий кавалергардов. Т. 2. С. 65.

23

Русский биографический словарь. Т. 12. С. 346–347.

24

Там же. С. 347.

25

Русский биографический словарь. Т. 12. С. 356.

Восстание декабристов. Документы. М., 2001. Т. XX. С. 146.

Павлова Л.Я. Декабрист М.Ф. Орлов. М., 1964. С. 7.

28

Там же.

29

Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 13.

Там же. С. 61.

31

Ключевский В.О. Императрица Екатерина II (1729–1796) // Екатерина II в воспоминаниях современников, оценках историков. М., 1998. С. 319.

32

Кочубей А.В. Семейная хроника. Записки Аркадия Васильевича Кочубея. СПб., 1890. С. 22–23.

Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2003. Кн. 1. С. 131.

Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 95. “ *Кочубей А.В.* Семейная хроника. С. 20.

Батюшков К.Н. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 513–514.

Там же. С. 508.

Волконский С.Г. Записки. С. 362.

Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2001. С. 175.

39

Цит. по: *Манфред А. З.* Наполеон Бонапарт. Сухуми, 1989. С. 389.

Там же.

Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений. В 4 т. М., 1976. Т. 4. С. 75.

Лависс Э., Рамбо А. История ХГХ века. М., 1938. Т. 1. С. 117.

43

История кавалергардов. СПб., 1903. Т. 3. С. 27.

Там же.

45

Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 3.

Там же. С. 107.

Волконский С.Г. Записки. С. 97.

48

История лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка. СПб., 1876. С. 71.

49

История кавалергардов. Т. 3. С. 29.

Там же. С. 29–30.

51

Волконский С.Г. Записки. С. 135–136.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 1. С. 123.

Русский биографический словарь // *Шильдер Н.И.* Александр I. Т. 1. СПб., 1896. С. 198.

История кавалергардов. Т. 3. С. 33.

Жиркевич И.С. Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848. М., 2009. С. 22.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 1. С. 126.

История кавалергардов. Т. 3. С. 33.

Лависс Э., Рамбо А. История ХГХ века. Т. 1. С. 126.

Чарторижский А. Мемуары. М., 1998. С. 283.

Репнин Н.В. Письмо к А.И. Михайловскому-Данилевскому// Русская старина. 1890. № 10. С. 210.

61

История кавалергардов. Т. 3. С. 67–68.

Гвардейские артиллеристы. История. Биографии. Мемуары. М., 2008. С. 234.

63

История лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка. С. 79.

Толстой Л.Н. Война и мир // *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений. В 12 т. М., 1987. Т. 3. С. 505–506.

Муравьев Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьева// Русский архив. 1885. Кн. 3. С. 54.

История кавалергардов. Т. 3. С. 67–68.

Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 252.

Кавалергарды. История. Биографии. Мемуары. М., 1997. С. 63.

69

Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 51.

Волконский С.Г. Записки. С. 362.

71

История кавалергардов. Т. 3. С. 82.

Волконский С.Г. Записки. С. 95.

Там же. С. 96–97.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 1. С. 129.

Керсновский А.А. История Русской армии. М., 1992. Т. 1.С. 221.

Клаузевиц К. 1806 год. М., 1937. С. 65.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 222.

История кавалергардов. Т. 3. С. 113.

Там же. С. 113–114.

80

Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 15.

81

Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991. С. 93.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 228.

83

Волконский С.Г. Записки. С. 362.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 147.

История кавалергардов. Т. 3. С. 137.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 1. С. 141.

87

История кавалергардов. Т. 3. С. 142.

Жиркевич И.С. Указ. соч. С. 40–41.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 1. С. 141–142.

История кавалергардов. Т. 3. С. 149–150.

91

Там же. С. 159.

Волконский С.Г. Записки. С. 128–129.

93

Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 110.

Эйдельман Н.Я. Лунин. М., 1970. С. 27–28.

Волконский С.Г. Записки. С. 129.

Павлова Л.Я. Декабрист М.Ф. Орлов. С. 27.

Волконский С.Г. Записки. С. 362.

Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1. С. 257–258.

Волконский С.Г. Записки. С. 131.

100

Давыдов Д.В. Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау. 1807 года января 26-го и 27-го *11 Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1940. С. 107.

101

Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 106.

Муравьев А.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 1986. С. 80.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 245.

История кавалергардов. Т. 3. С. 157–158.

Московцы. История. Биографии. Мемуары. М., 2013. С. 13–14.

106

Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год… Военные дневники. М., 1990. С. 54.

107

Дневник А.Я. Булгакова // Русский архив. 1867. Стб. 1362–1363.

Ермолов А.П. Указ. соч. С. 120.

109

История кавалергардов. Т. 3. С. 164.

110

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 годах. Военная галерея Зимнего дворца. СПб., 1849. Т. 5. С. 29.

111

Алексеев М. Военная разведка России. От Рюрика до Николая II. М., 1998. Т. I. С. 34–35.

Муравьев А.Н. Сочинения и письма. С. 87.

113

Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год… Военные дневники. С. 66–73.

114

История лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка. С. 163–164.

115

Русский биографический словарь // *Шильдер Н.И.* Александр I. Т. 1. С. 248.

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники… Т. 6.

117

Санглен де Я.И. Записки: 1776–1831 // Русская старина. 1883. № 3. С. 544.

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года. М.,2004. С. 20.

119

Русский биографический словарь // *Шильдер Н.И.* Александр I. Т. 1. С. 248.

120

Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год… Военные дневники. С. 77.

121

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники… Т. 6.

122

Там же.

123

Там же.

Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 5. С. 33.

125

Муравьев А.И. Что видел, чувствовал и слышал // России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года её участников и очевидцев. М., 1988. С. 272.

126

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники… Т. 6.

127

Тартаковский А.Г. Бюллетень М.Ф. Орлова о поездке во французскую армию во время войны 1812 г. // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 434–436.

128

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 222.

129

Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год… Военные дневники. С. 80.

130

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 146.

131

Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 5. С. 18.

132

Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год… Военные дневники. С. 83.

133

См.: *Подмазо А.А.* Большая Европейская война 1812–1815. Хроника событий. М., 2003.

134

Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год… Военные дневники. С. 84.

135

Коленкур А. де. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 99.

Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 662.

137

История лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка. С. 188–189.

Там же. С. 193–194.

139

Левенштерн В.И. Записки генерала В.И. Левенштерна // Русская старина. 1900. Т. 104. № 12. С. 559.

140

Тучков П.А. Мои воспоминания о 1812 годе // России двинулись сыны. Записки об Отечественной войне 1812 года её участников и очевидцев. М., 1988. С. 324–325.

141

Там же.

Коленкур А. де. Указ. соч. С. 99.

143

М.И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. IV. Ч. 1. С. 98–99.

Михайловский-Данилевский А.И. Полное собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1850. С. 65.

145

Муравьев Н.Н. Записки Николая Николаевича Муравьева // Русский архив. 1885. Кн. 3. С. 238–239.

Муравьев Н.Н. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825 гг. М., 1989. С. 118.

147

Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 162.

148

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 147.

149

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники… Т. 1.

Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 1. С. 256.

151

История кавалергардов. Т. 3. С. 211–213.

152

М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. С. 154.

153

Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трёх родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 год. Воспоминания воинов Русской армии. М., 1991. С. 193.

Дрейлинг И.Р. Воспоминания участника войны 1812 года. 1820 г. // 1812 год. Воспоминания воинов Русской армии. М., 1991. С. 377.

Воспоминания сержанта Бургоня. М., 2005. С. 15.

156

Ложье Д. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 2005. С. 75.

Коленкур А. де. Указ. соч. С. 170.

Там же. С. 171.

159

Дурново Н.Д. Дневник 1812 г. // 1812 год… Военные дневники. С. 95.

Коленкур А. де. Указ. соч. С. 171.

161

Вестник Европы. 1812. № 21–22. С. 155–159.

162

М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 1. С. 367–368.

163

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года. С. 158.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 147.

165

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники… Т. 1.

Михайловский-Данилевский А.И. Отечественная война 1812 года. С. 160.

167

М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. С. 416.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 147.

169

Пушкин А.С. Кн. Голицыной, посылая ей оду «Вольность» // *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. В Ют. М., 1974. Т. 1.С. 55.

Коленкур А. де. Указ. соч. С. 271.

171

Сегюр Ф.-П. де. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. М. [1916] С. 376.

Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. С. 103.

173

См.: *Тартаковский А.Г.* Листовка эпохи Отечественной войны 1812 года // Записки отдела рукописей Библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1958. Вып. 20. С. 205–278.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 256–261.

175

Давыдов Д.В. Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году? *Ц Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1940. С. 310.

176

М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. М., 1956. С. 284.

177

Давыдов Д.В. Занятие Дрездена 1813 года 10 марта // *Давыдов Д.В.* Военные записки. М., 1940. С. 330.

Подмазо А.А. Большая Европейская война. С. 88.

179

М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. V. С. 460.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 2. С. 286.

181

Чичерин А.В. Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. М., 1966. С. 188.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 2. С. 284.

183

Военная энциклопедия. Т. XVI. С. 414.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 147.

185

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 2. С. 342.

186

История лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка. С. 308–309.

187

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 6–7.

Там же. С. 7.

189

Михайловский-Данилевский А.И. Описание похода во Франции в 1814 году. СПб., 1836. С. 274–275.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 9.

191

Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 249.

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники… Т. 2.

193

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. СП.

Там же. С. 13–16.

195

Там же. С 17.

Там же. С. 19.

197

Там же. С. 25.

Там же. С. 26.

Там же. С. 25–26.

Там же. С. 27.

201

История лейб-гвардии Его Величества Казачьего полка. С. 309–310.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 148.

203

Там же.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 2. С. 342.

205

Там же. С. 349.

Там же. С. 350.

Павлова Л.Я. Декабрист М.Ф. Орлов. С. 7.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 2. С. 230.

Там же. С. 230–231.

Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 662.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 2. С. 231.

212

Старая записная книжка // *Вяземский П.А.* Полное собрание сочинений. СПб., 1883. Т. VIII. С. 239.

213

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 79.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов// Грибоедовская Москва. П.Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989. С. 232.

215

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 160–161.

Толстой Л.Н. Два гусара // *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений. В 12 т. М., 1987. Т. 2. С. 123–124.

Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985. С. 69.

218

Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73. С. 535.

Подмазо А.А. Большая Европейская война. С. 210.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 148.

221

Там же.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 79.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 233.

Тургенев Н.И. Дневники. СПб., 1913. Т. 2. С. 463.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 3. С. 102.

Русский биографический словарь. Т. 12. С. 356–357.

Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 134.

228

Русская старина. 1887. № 7. С. 228–229.

229

Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 2. С. 822–823.

Там же. С. 823.

Арзамас. М., 1994. Кн. 1. С. 403.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 42.

Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 2. С. 823.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 42.

Там же. С. 44.

Арзамас. Кн. 1. С. 417.

Там же. С. 408–409.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 233.

Батюшков К.И. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 520.

Арзамас. Кн. 1. С.417.

241

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 148.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 232.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 161.

Глинка Ф.Н. Стихи о бывшем Семёновском полку // Поэты-декабристы. М., 1949. С. 332.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 3. С. 282–283.

Военная энциклопедия. Т. XV. С. 15–16.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 79.

Русский биографический словарь. Т. 12. С. 357.

249

Тургенев И.И. Россия и русские // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825 гг. М., 1989. С. 271–272, 273.

250

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 161.

Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. С. 166.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 161.

253

Письма поэта-партизана Д.В. Давыдова к князю П.А. Вяземскому. Пг., 1917. С. 10.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 35.

Там же. С. 40.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 238.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 218.

258

Бумаги князя И.В. Васильчикова // Русский архив. 1875. Кн. 2. С. 90.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 63.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 238.

261

ИРЛИ. Ф. 255 (Орлов). Ед. хр. 3.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 58–59.

263

Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1817 год // Русская старина. 1897. № 7. С. 95–96.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 169.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 242.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 63.

267

Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819. СПб., 1899. С. 299–300.

Там же. С. 299–300.

269

Волконский С.Г. Записки. С. 358.

Там же. С. 363.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 237–238.

Там же. С. 245.

Там же. С. 245.

Пушкин А.С. Осень // *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. В 10 т. М., 1974. Т. 2. С. 312.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 223.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 3. С. 166.

Там же. С. 167.

Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 195.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 224.

Там же. С. 225.

281

Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. М., 1987. Т. 1. С. 334.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 161.

283

Там же. С. 162.

Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. С. 219.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 68.

Там же.

Там же. С. 69.

Там же.

Муравьёв-Апостол М.И. // Мемуары декабристов. Южное общество. М., 1982. С. 182.

Русский биографический словарь. Т. 22. С. 621.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 69.

292

ИРЛИ.Ф. 255 (Орлов). Ед. хр. 19.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 255.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 69–70.

295

Там же. С. 70.

ИРЛИ. Ф. 255 (Орлов). Ед. хр. 21.

Целорунго Д.Г. Офицеры Русской армии — участники Бородинского сражения. М., 2002. С. 101.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 230.

Там же. С. 71–72.

300

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 162.

Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. С. 219.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 254.

303

Арзамас. Кн.1. С. 443.

Раевский В.Ф. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 2. С. 352.

Павлова Л.Я. Декабрист М.Ф. Орлов. С. 73.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 170.

Якушкин И.Д. Мемуары. Статьи. Письма. Иркутск. 1993. С. 107, 109–110.

Пушкин А.С. Н.И. Гнедичу // *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. В Ют. М., 1977. Т. 9. С. 21.

Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. С. 322.

Волконский С.Г. Записки. С. 366.

Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. С. 324.

Волконский С.Г. Записки. С. 366.

313

Якушкин И.Д. Мемуары. С. 107, 109–110.

Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. С. 327.

315

Записка о тайных обществах в России, составленная в 1821 году// Русский архив. 1875. № 12. С. 428.

Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. С. 326.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 82.

Якушкин И.Д. Мемуары. С. 107, 109–110.

319

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 3. С. 172.

Павлова Л.Я. Декабрист М.Ф. Орлов. С. 87.

321

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 251.

Нечкина М.В. Движение декабристов. Т. 1. С. 328.

323

*Гершензон М.О.*М. Ф. Орлов. С. 251.

Лависс Э., Рамбо А. История XIX века. Т. 3. С. 175.

325

Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 197.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 232.

327

Пушкин А.С. В.Л. Давыдову // *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 146.

Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 2. С. 1068–1069.

329

Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 145.

Якушкин И.Д. Мемуары. С. 106.

331

Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 147–148.

Пушкин А.С. Наполеон // *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 164.

Записка о тайных обществах в России… С. 428.

334

Императоры Александр I и Николай I. Исторические материалы, к ним и к их эпохам относящиеся // Русская старина. 1883. Т. 40. № 12. С. 657–658.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 75.

Раевский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 129.

Раевский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 95.

Звегинцов В.Н. Кавалергарды-декабристы. Дополнение к Сборнику биографий кавалергардов 1801–1826. Париж, 1977. С. 112.

Раевский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 348–349.

Пушкин А.С. Евгений Онегин // *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. В 10 т. М., 1975. Т. 4. С. 11.

Семевский В.И. Указ. соч. С. 315.

*Нечкина М.*А. Движение декабристов. Т. 1. С. 356–357.

343

Пушкин А.С. В.А. Жуковскому // *Пушкин А.С.* Собрание сочинений. В 10 т. М., 1977. Т. 9. С. 210.

Русский биографический словарь // *Шильдер Н.И.* Александр I. СПб., 1896. Т. 1. С. 370–371.

Семевский В.И. Указ. соч. С. 316.

Раевский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 91.

Павлова Л.Я. Декабрист М.Ф. Орлов. С. 99–100.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 76–77.

349

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр 1 и его сподвижники… Т. 2.

Раевский В.Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 352.

Там же. С. 308–309.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 260.

353

ИРЛИ. Ф. 255 (Орлов). Ед. хр. 19.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 260.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 83.

Раевский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 195.

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Пг., 1914. С. 313.

Гершензон М.О. М.Ф. Орлов. С. 261–262.

359

ИРЛИ. Ф. 255 (Орлов). Ед. хр. 3.

Там же. Ед. хр. 27.

Волконская М.Н. Записки княгини М.Н. Волконской. Чита, 1960. С. 36.

Волконский С.Г. Записки. С. 368.

Волконская М.Н. Записки… С. 36.

Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 122–123.

Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1983. Т. 1. С. 34.

Якушкин И.Д. Мемуары. С. 127–129.

367

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 186.

Якушкин И.Д. Мемуары. С. 131–132.

369

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 150–151.

Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписках и мемуарах членов царской семьи. М.; Л., 1926. С. 34.

Там же. С. 35.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 165.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 85.

Волконская М.Н. Записки… С. 40–41.

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 188.

Розен А.Е. Записки декабриста. С. 184.

Муравьёв А.М. Мой журнал // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 134.

Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 103.

379

Восстание декабристов. Документы. Т. XX. С. 186.

Волконский С.Г. Записки. С. 96–97.

381

Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 90.

382

ИРЛИ. Ф. 255 (Орлов). Ед. хр. 7.

383

Там же. Ед. хр. 9.

Там же. Ед. хр. 35.

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 40.

386

ИРЛИ. Ф. 255 (Орлов). Ед. хр. 35.

Герцен А.И. Былое и думы. Л., 1946. С. 94.

Русский биографический словарь. Т. 12. С. 359.

389

Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. С. 5.

390

Белоголовый Н.А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах // Русские мемуары. Избранные страницы. 1826–1856. М., 1990. С. 50.